

КОЛЬДОНГА СОДНОМ

«ЖИТЬ СВОБОДНО ПО СВОИМ ОБЫЧАЯМ...»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

КОЛЬДОНГА СОДНОМ

«ЖИТЬ СВОБОДНО ПО СВОИМ ОБЫЧАЯМ...»

Духовное наследие калмыцкой эмиграции

Элиста
2018

ББК 823(2)+82.3 (2Рос=Калм)

УДК 398+821.512.37

К 621

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Ответственный редактор

Б. А. Бичеев

Кольдонга Содном

К 621 «Жить свободно по своим обычаям...»: духовное наследие калмыцкой эмиграции / сост., вступ. ст., коммент. Б. А. Бичеева. — Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. — 440 с.

ISBN 978-5-906881-47-2

В настоящем издании впервые публикуются материалы из личного архива Кольдонга Соднома, который долгие годы по крупицам собирал образцы устного и письменного наследия в среде калмыцкой эмиграции в США. В книгу также вошли некоторые его статьи и исторический очерк «Судьба донских калмыков, их веры и духовенства». Все материалы публикуются в авторской редакции. Издание адресовано специалистам, преподавателям, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами истории и культуры калмыцкой эмиграции.

ISBN 978-5-906881-47-2

© Кольдонга Содном, 2018

© Б. А. Бичеев, Составление, вступительная статья, комментарии, 2018.

© ФГБУН «Калмыцкий научный центр РАН», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

«ЖИТЬ СВОБОДНО ПО СВОИМ ОБЫЧАЯМ»	5
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ (СҮЛ ГЕРЭС ҮГ)	15
ТҮРҮН ДЕГТР. ХАЛЬМГ ТУУЛЬС	21
Хальмгин кишг	23
Сэн седклин килң	25
Сохочин эмгн	27
Асхар гүүдг көк чон	32
Богшадан түүдкр	36
Богшада	40
ХОЙРДГЧ ДЕГТР. ХАЛЬМГ ҮЛГҮРМҮД БОЛН ТУУЛЬС	42
Хальмг үлгүрмүд	42
Цецн күүкнә тууж	78
ЛИТЕРАТУРА БУДДИЗМА	91
Ном	91
Баазрдари	92
Йотун шовуна онл өглн	95
Мөңк бишин учрт	98
Хальмг Таңһчин лам Жһинзң ламин зэрлг оршв	107
СТАТЬИ	112
«Джангар». Народный эпос монголов	112
Происхождение имени «калмык» у ойратов	123
Возникновение имени «монгол»	134
Калмыцко-русский словарь. Рецензия Соднома Кульдинова	146
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	
Судьба донских калмыков, их веры и духовенства	161
ФОТОАРХИВ	359
ПРИМЕЧАНИЯ	367
ФАКСИМИЛЕ	381

Семья Кульдиновых (1924 г.)

«Жить свободно по своим обычаям...»

Кульдинов Содном¹ Санжинович (Кольдонга Содном, 1911–1994) – один из тех, кому во время гражданской войны подростком вместе со своими родителями пришлось пройти с волной калмыцких беженцев трагический путь: бегство с Дона в Крым, затем в Турцию, а оттуда в Европу. В своем историческом очерке «Контуры ойратской истории» о себе он сообщает следующие сведения:

«Родился на хуторе Эльмота станицы Денисовской (Бог-шоргахна ээмг).

Ясн – махачин керэд;

Эцк – Санжа Кульдинов; эк – Лиджи Китанова (Беелэвин ээмг);

Өвк эцк – Манджи, элнцг эцк – Кольдонг;

Будут эцк – Юклчинг».

В эмиграции Содном учился в Донском Кадетском корпусе в Югославии. В 1924 г. перевелся в Русскую реальную гимназию. В 1936 г. поступил на ветеринарный факультет Белградского университета. Он был одним из семерых россиян, кому удалось достичь выпускного курса и получить диплом. После переезда в США работал по специальности ветеринарным врачом, а затем рабочим на фабрике.

С юношеского возраста Содном много времени посвящал самостоятельному изучению истории и культуры монголов. Свободное владение английским, немецким и русским языками, глубокое знание родного языка и зая-пандитской письменности способствовали поискам наиболее важных,

¹ В разных публикациях имя дано в трех разных написаниях – Содном (Sodnom), Содмон, Содман. Мы остановились на первом варианте.

по его мнению, книг, имевших сведения о языке, истории и культуре монголов и ойратов. В США, несмотря на занятость, он посещал библиотеки Рутгерского, Принстонского университетов и городскую библиотеку Нью-Йорка, отличавшиеся богатой коллекцией книг на русском языке.

Впоследствии все свои наработки он изложил в двух книгах исторического содержания – «Судьба донских калмыков, их веры и духовенства» (1984 г.), «Контурсы ойратской истории» (1992 г.). Продолжая традицию старшего поколения эмигрантской интеллигенции, он по крупицам собирал образцы устного творчества среди своих соотечественников. Записывал сказки, пословицы и поговорки.

В США С. Кульдинов на свои средства начинает издавать ротапринтным способом «Kalmuk Bulletin», в котором публикует статьи исторического содержания, из которых впоследствии сложится книга «Контурсы ойратской истории». В одном из выпусков бюллетеня (август 1967 г.) он опубликовал статью «О происхождении имени “калмык” у ойратов».

В 1977 г. тем же ротапринтным способом он выпускает свой первый сборник «Хальмак туулис. Түрүн дектер. Кольдонга Содман оршива». Издание представляет собой сшитую тетрадь, состоящую из 22 листов. Машинописный текст расположен на лицевой стороне листа. Место издания и тираж не указаны. Во вступительной статье «Хальмак улус бүгдээрэн нэримдекү ухаана айилга» издатель обращается к соотечественникам, находящимся в эмиграции, с призывом не забывать родной язык, а молодому поколению – учить язык посредством разучивания сказок, благопожеланий, пословиц и песен.

В 1978 г. выходит второй выпуск сборника «Halimak ülgermüd ba tuulis. Kolldonga Sodmon oršiba». Издание представляет собой сшитую тетрадь, состоящую из 34 листов. Машинописный текст, напечатанный на латинице, расположен на лицевой стороне листа. Издатель пишет, что молодое поколение калмыцкой эмиграции не знает русского

№5 KALMUK BULLETIN

Август 1967 г.

Международное положение не проясняется.

Война в Юж.Вьетнаме продолжает свирепствовать и конца ей не видать. Вьеткомы переменили свою тактику. Они больше не вступают в открытый бой с американцами, а ставят ловушки или нападают на отдельные посты малой численности или подставляют мины по дорогам и городам или просто совершают аттентаты. Таким способом они нанесли американцам довольно чувствительные уронны. Но если американцам удастся нащупать скопление вьеткомов, тогда они бросают все: дальнобойные орудия, воздушные силы и наземные войска и воздают им должное. Беда только в том, что американцам не часто удается нащупать скопление вьеткомов и в этом виной считается плохое сотрудничество южно-вьетнамцев. Они очень плохо помогают американцам, плохо собирают сведения о движении вьеткомов и борются с ними спустя рукава. Создается впечатление, что в Вьетнаме происходит не междоусобная война антикоммунистов с коммунистами, а вьетнамцев против американцев.

Вьеткомы в борьбе проявляют невероятную жертвенность, настойчивость и упорство. Они проникают во все углы Южного Вьетнама. Этого они не смогли бы делать, если бы местное население не было благорасположено к ним и закрывали бы глаза на их действия. Американцы не в состоянии наблюдать за каждой пядью южно-вьетнамской земли или различать прокоммуниста от антикома. По внешнему виду они все одинаковы, а в душу им не залезешь и узнаешь, что скрывается за его азиатской улыбкой. Бывало человек подходил с самыми дружескими чувствами, а он, паршивец, оставлял велосипед, начиненный подрывным материалом мощной силы.

Американцы в Юж.Вьетнаме выставили программу умиротворения, полного обеспечения безопасности тому населению Южного Вьетнама, которое станет на сторону местного правительства. Этим они хотят поставить население в более выгодное положение и предоставить им возможность развить стандарт своей жизни до более высокого уровня, но успехов в этой области еще не сказываются.

Недавно произошла короткая, но очень горячая война на Ближнем Востоке. Евреи напали на соседей, на арабские государства и разбили их в шесть дней. Эта война была молниеносной по теории немецкого генерального штаба.

Победа Израиля считается сильным ударом по советскому престижу. Советские вооружали арабов, обучали их военной технике и подстрекали их к войне с Израилем, но в открытой войне советские ученики не выдержали экзамена, они провалились с большим треском. Собственно говоря, советские не желали открытой войны, а желали только блефовать, играть на нервах военной угрозой, но Израиль разрушил их планы.

«Kalmuk Bulletin» 1967 г.

алфавита, а потому текст, напечатанный на латинице, будет для них более доступным и приводит знаки, введенные им для обозначения некоторых букв современного калмыцкого алфавита.

В содержание двух сборников вошли калмыцкие сказки, пословицы, образцы литературы буддизма, а также статьи, посвященные вопросам истории, языка и эпоса «Джангар», написанные на русском языке. Здесь следует оговориться, что С. Кульдинов достаточно хорошо осознавал уровень своего знания русского языка и в предисловии к своей первой книге «Судьба донских калмыков, их веры и духовенства» обращаясь к читателям пишет: «Автор просит русских читателей судить его очерк не по русской речи, а по мыслям, вложенным в очерк. Иностранцы всегда хромали в русской речи. Боюсь, что мое писание не без каких грехов. Прошу прощения. Я не старался блистать «русскостью» своего слога, а приложил все усилия, чтобы свои мысли выразить в грамматическом отношении корректно, а в смысловом – четко и ясно». Учитывая это признание С. Кульдинова, материалы, опубликованные в данной книге, даны в авторской редакции, за исключением явных технических опечаток.

Среди опубликованных в двух сборниках текстов, прежде всего, следует выделить те произведения, которые не нашли своего отражения в известных изданиях образцов калмыцкого фольклора. В первом выпуске «Хальмак туульис» опубликован текст сказочного содержания под названием «Сохочин эмгн». К сожалению, не указано имя информатора, а лишь отмечено, что текст записан у старой калмычки. «Сохочин эмгн» представляет собой редкий образец определенного вида произведений устного творчества. С одной стороны, это образец сказочного жанра, но в тоже время это не сказка, а текст, близкий к небылицам.

В первую книгу также вошла известная кумулятивная сказка «Богшадан түүдкр», которая неоднократно публиковалась в различных сборниках калмыцких сказок, а также в

виде отдельной книги для детей. Еще один текст, который С. Кульдинов опубликовал без названия (вместо названия написано – «Ниге сән хальимак туулы ене»), параллельно на «ясном письме» и современной графикой известен по публикации в школьном учебнике «Книга для внеклассного чтения» (1994 г.).

Среди других опубликованных материалов в первой книге следует выделить еще один текст, которого также нет ни в одном из изданий образцов калмыцкого фольклора. Текст «Асхар гүүдг көк чон» достаточно хорошо известен в фольклоре других монгольских народов. По сообщению самого Кольдонга Соднома, он услышал и запомнил этот сюжет в детстве и переложил его на бумагу по памяти. Произведение «Асхар гүүдг көк чон» может быть отнесено к сказкам о животных, но в определенной мере оно перекликается с текстами старописьменной монгольской литературы жанра «үг».

Во втором выпуске «Halimak үлгөрмүд ба туулис. Kolldonga Sodmon orşıba» опубликовано более четырехсот калмыцких пословиц и поговорок, сказка «Цецн күүкнэ тууж». Следует обратить внимание на одну особенность по отношению к текстам, опубликованным Кольдонга Содномом в двух вышеуказанных сборниках. Все они в той или иной мере были подвергнуты им определенной авторской обработке. Примером может послужить текст сказки «Цецн күүкнэ тууж», которую он публикует как образец для необходимого редактирования фольклорных текстов. Тем не менее, мы должны отметить, что Кольдонга Содном сохранил редкие образцы устного народного творчества донских калмыков (бузава), которые вошли в данное издание, подготовленное Калмыцким научным центром РАН.

С. Кульдинов является автором более десятка статей. В мае 1991 г. он опубликовал «Бюллетень» под названием «Кольдонга Содномин сүл герес үге оршиба», в котором помещены шесть статей различного содержания:

1. «История монгольского письма».

2. «Комментарии к “Краткому грамматическому очерку калмыцкого языка”, составленному Илишкиным и Муниевым иму в Москве в 1977 году».

3. «Возникновение имени “Монгол”».

4. «Наследственный план Чингис-хана».

5. «Ойраты упомянуты в ТИМ¹».

6. «Джангар. Народный эпос ойратов».

В наше издание вошло лишь несколько статей С. Кульдинова. Все они свидетельствуют о его трепетном отношении к истории и культуре своего народа.

Отдельно следует сказать о публикации буддийских текстов и рукописей на «ясном письме», хранящихся в личном архиве С. Кульдинова.

В сборнике «Хальмак туульс. Түрүн дектер. Кольдонга Содман оршива» опубликован текст под названием «Ном», который представляет собой краткую молитву принятия обета Прибежища в буддизме. Текст опубликован параллельно на «ясном письме» и в современной графике.

В этом же сборнике опубликована «Джатака о куропатке» («Yoton Sobuna onol ögölgen»). Это известное произведение буддийской литературы, в котором повествуется об одном из прошлых рождений Будды. Она неоднократно переводилась на монгольский язык в составе различных сборников джатак и широко бытовала в виде самостоятельного произведения.

Благодаря С. Кульдинову наша калмыцкая литература пополнилась еще одним очень интересным произведением на сюжет «видения ада». Текст поэмы «Мёнгко бусо-ин учирто» также опубликован в первом выпуске сборника «Хальмак туульс. Түрүн дектер. Кольдонга Содман оршива». Он пишет, что автором этого сочинения является буддийский монах-астролог Черик Унков, живший в эмиграции. Однако сведения об авторе этого текста противоречивы. В 1988 г. С. Кульдинов, находясь в Китае на научной конференции,

¹ «Тайная история монголов» («Сокровенное сказание монголов»).

посвященной проблемам исследования эпоса «Джангар», передал текст этой поэмы народному поэту Калмыкии Д. Н. Кугультинову (1922–2006). В 1993 году текст поэмы с некоторыми изменениями и значительным пропуском был опубликован на страницах республиканской газеты «Хальмгунн». В предисловии к публикации Д. Н. Кугультинов пишет, что о бытовании этого текста в 1930-е гг. упоминал патриарх калмыцкой литературы С. К. Каляев (1905–1985). По его предположению, рукопись поэмы, которая в те годы тайно ходила по рукам, могла принадлежать репрессированному в 1930-е гг. талантливому поэту и прозаику Николаю Норманову (1904–193?).

В сборнике «*Нойордакчи дектер. Halimak ülgürmüd ba tuulis. Kolidonga Sodnom oršiva*» опубликован текст «Баазр-дари», который представляет собой молитву-призывание поля Прибежища. Первым в этом ряду назван Ваджрадхара (санскр. Vajradhara; тиб. rdo rje 'chang; калм. Баазрдари), поэтому текст получил название по его имени. На самом деле этот текст не имеет непосредственной связи с культом Ваджрадхары.

В личном архиве С. Кудьдинова хранятся несколько рукописей на «ясном письме»:

1. *Burxan baqšin arban хойор зокал орошоба*. Сшитая тетрадь, 9 л.

2. *Om Bazār dare inu*. Сшитая тетрадь, 4 л.

3. *Zorodayin yōröl*. Сшитая тетрадь, 9 л.

4. *Buzabiyin blamnariyin daran bolon: Donskiyin xalimagiyin baqši blama Mōngkō Bormanjīnobiyyin zokal yabudal*. Автор сочинения – 3. Буркульдинов. Сшитая тетрадь, 42 л.

5. *Halimaq tangyačiyin blama Ĵinĵiying blamayin zarliq orošobo*. Калмыцкая рукопись, 7 л.

6. Астрологический календарь. Текст на тибетском и «ясном письме». Сшитая тетрадь, 6 л.

Текст «*Halimaq tangyačiyin blama Ĵinĵiying blamayin zarliq orošobo*» – сочинение гелонга Ики хурула Бага-Цохуровско-

го аймака Джинзан-ламы (ум. 1852 г.). В колофоне рукописи указан год создания произведения – «tömör noxai jiliyin tuula sariyin namiyin-du bičēd» (1850 г.)

Джинзан-лама является автором еще одного интересного сочинения «Ухани толь» («Uxāni zula buyu oyouni eba boloxu ebater»), написанного в 1840 г. Рукопись состоит из двух тетрадей и хранится в Научной библиотеке СПбГУ (Шифр: Calm C 12. Xyl F 76). Текст этого сочинения на современном калмыцком языке опубликовал известный монголовед А. В. Бадмаев («Ухани толь девтрин» эк бичгин тускар // Теегин герл. 1997. № 8. С. 16–22).

В ЦГИА хранится прошение Джинзан-ламы об оставлении калмыков-шабинеров в ведении Ики хурула и дозволении поселить их на берегу реки Ахтубы. Документ датирован 1851 г. (Die ethnohistorischen Archivdokumente zu den Kalmücken, Burjaten und Mongolen des Zentralstaatlichen Geschichtsarchives (CGIA) und des Institutsarchives für Ethnographie (AIE) in Leningrad. Zusammengestellt und bearbeitet von Dittmar Schorkowitz. Berlin, 1988. № 857).

В связи с тем, что сочинение Джинзан-ламы представляет собой значимое произведение для старописьменной калмыцкой литературы середины XIX в., было принято решение опубликовать текст сочинения в данном издании в переложении на современный калмыцкий язык.

С. Кульдинов является автором двух крупных работ. Первая книга «Судьба донских калмыков, их веры и духовенства» (1984) написана на основе рукописи бакши Граббевской станицы Зодьбы Бурульдинова «Buzabiḡin blamanariḡin daran bolon Donskiḡin xalimagiḡin baqḡi blamai Möngkö Bormanjḡinobiḡin zokal yabudal». Исторический очерк С. Кульдинова, насыщенный историческими фактами, событиями и именами, состоит из пяти глав:

1. Когда и как появились калмыки в Донской области.
2. Перечень главных иерархов донских калмыков.
3. Житие благочестивого ламы Монко (Борманжинова).

4. Калмыцкое духовенство в распылении.

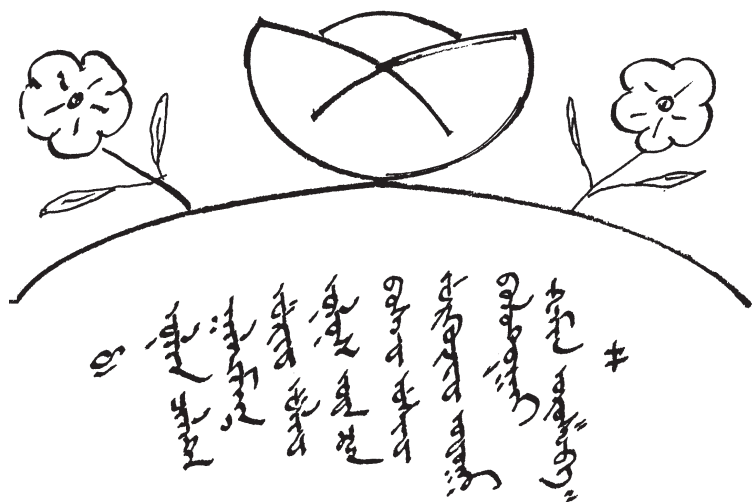
5. Образ идеального человека по этическим положениям буддийской веры на уровне рядового церковного прихожанина.

Последний раздел не вошел в данное издание.

Вторая его большая работа посвящена истории ойратов и известна под названием «Контурь ойратской истории» (1992). Как отмечает сам автор, из статей на различные темы был составлен очерк, «чтобы получить общую картину по истории ойратов». Все исторические события изложены с точки зрения самого автора, у которого было свое видение истории ойратов. Эта работа не вошла в наше издание.

Таким образом, можно констатировать, что С. Кульдинов прожил достойную жизнь и все его усилия в деле собирания, публикации фольклорных материалов, произведений народного буддизма, написании статей и книг свидетельствуют о его безразличном отношении к истории и культуре своего народа. В США проживают его дети: дочери Сэнджирма и Ирма, сыновья Эрдне, Санж Алтан и Мукаль. Доктор Санж (Стэнли) Алтан известен как исследователь в области лекарственных препаратов. В последнее время он возглавляет «Монгольско-американскую культурную ассоциацию» (МАСА) и является издателем журнала «Mongol Tokbo».

В одной из своих статей С. Кульдинов высказал мысль о том, что каждый народ должен «жить свободно по своим обычаям». Мы вынесли его слова в название нашей книги.

Кольдонга Содномин
Сүл герес үге оршиба.

Бюллетень Май
1991

Төмөр цаган эмехонин жшл
USA.

Обложка бюллетеня «Сүл герес үге оршиба» 1991 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

(СҮЛ ГЕРЭС ҮГ)

На склоне моих лет, мне перевалил восьмой десяток лет, стала часто приходит мне мысль, что надо подвести итог о том, чем я питался в моей жизни и какие идеи занимали меня больше всего, чтобы подрастающие поколения калмыцко-монгольских ученых могли ознакомиться и принять во внимание в своей деятельности. В предисловии к «Шара Тугуджи» автор привел слова Далай-ламы, который утверждал, что люди, если не будут знать мысли и деяния своих предков, они будут походить на обезьян из дремучего леса или на деревянных драконов, которые начинают двигаться, когда их кто-нибудь не начнет шевелить.¹

Один случай в моей жизни повлиял на меня так сильно, что начал изучать историю, язык и веру монголов и ойратов. Это случилось еще на школьной скамье. Мой одноклассник, чех по происхождению, имел именины. Его отец занимал высокую должность в правительстве страны. Он воспользовался именинами своего сына, чтобы угостить своих коллег и сослуживцев. Он позвал их к себе. Мой одноклассник позвал меня. Празднество было богатым. Его отец не пожалел средств. Угощение было обильным. Столы были наполнены питьем и яствами.

¹ Начало летописи представляет собой выписку из сочинения «Пир молодежи» Далай-ламы V (Агван Лубсан Джамцо, 1610–1682), известно в истории Тибета как «Великий пятый».

Dalai blam-a-yin nomla ʏsan jala ʏus-un qurim kemekü teükendür: yerü kümün öber-ün uʏ ijayur-ıyan ese medebesü oi-dur tögüreksen sarba čintur adali: öber-ün obuy-ıyan ese medebesü o ʏyun-bar keyigsen luu-dur adali: ečige ebüges-ün eyimü teyimü kemekü bi čig-üd-i ese üjebesü mön keüken-i jabqaju kigsen-dür adali kemegsen buyu::

Обложка книги «Контурь ойратской истории» 1992 г.

Мы с другом забрались в угол и занялись сладостями. К нам подсел один человек и начал расспрашивать, кто я такой, из какого рода и племени. Когда я сказал, что я калмык из монгольского народа, он сел еще ближе и стал расспрашивать меня о моих предках-монголах. Я был тогда бельмесом, не имел никакого понятия, но чтобы не показать себя несведущим, я стал лгать. Я лгал храбро, фантазируя то и се. Человек слушал терпеливо. В конце сказал, что нехорошо лгать об истории монголов. Это был великий народ. Они заслуживают уважения. И посоветовал мне изучить историю своих предков. Этого они заслуживают! Мне стало стыдно от его слов. Я тут же дал зарок, что приложу все усилия, чтобы изучить историю своих предков. И с этого времени я набрасывался на все книги, которые имели сведения о монголах.

На русском языке оказалось больше книг о монголах и ойратах. Когда попал в Германию, тогда нашел еще больше книг о монголах на немецком языке. Я стал отмечать важные даты в истории монголов. Потом стал делать выписки из них о тех или иных происшествиях, которые казались мне важными. Сведения немецких авторов стал сличать со сведениями русских авторов. Это помогло углубить сведения о монголах.

После приезда в Америку мне пришлось работать, чтобы обеспечить жизнь семьи. Это не помешало мне продолжать изучение истории монголов и ойратов. На мое счастье поблизости оказались богатые библиотеки Рутгерского, Принстонского университетов и библиотека города Нью-Йорка, где оказалась хорошая коллекция русских книг. Я свое свободное время отдавал визитам в эти библиотеки. Многие воскресные и праздничные дни я проводил в читальнях этих библиотек.

Из своих выписок стал составлять статьи по тем или иным проблемам монголо-ойратской истории. Мне хотелось выяснить, почему и когда ойраты отделились от монголов, и почему ойраты разделились между собой и две части

откочевали из Джунгарии в двух различных направлениях. То, что мне показались важными фактами, не должно означать окончательными сведениями. Они должны служить подспорьем для следующей генерации, чтобы проверить их, сверить со своими сведениями и выяснить, что правильно. Вот в этих целях я составил этот сборник моих статей, чтобы калмыцкие ученые могли видеть, каким путем я шел, и на что я обращал внимание.

В этот сборник вошли следующие статьи: «История монгольского письма»; «Неправильно выписанные слова в письме Саджи Монгол письме»; «Комментарии к «Краткому грамматическому очерку калмыцкого языка», написанному Илишкиным и Муниевым и приложенному к «Калмыцко-русскому словарю»»; «Возникновение имени «Монгол»»; «Наследственный план Чингис-хана и почему он не был применен»; «Ойраты, упомянутые в МНТ».

Добавляю еще биографические сведения о себе: родился в год Така (но числюсь 1911) в хуторе Эльмота, Денисовской (Бокшоргакна) станице Сальского округа Донской области. В 1920 г. родители мои эмигрировали в Крым, потом за границу и там осели.

Я начал учебу в Донском Кадетском корпусе, но в 1924 году был переведен в Русскую Реальную Гимназию, где был директором Сушков, кубанский казак и бывший директор Московского Реального училища. Он преподавал русский язык в моем классе. В 1931 г. окончил гимназию в Праге. Вернулся в Югославию к своим родителям. Начал было работать, но черная работа была не по душе мне.

В 1936 году поступил на только что открывшийся ветеринарный факультет при Белградском университете. Записалось 160 с лишним человек, между ними 25 русских и я один из калмыков. Через пять лет перед последними выпускными экзаменами оказалось всего семь человек из двадцати пяти русских и я между ними. Несмотря на войну дали сдать последние экзамены и получить диплом ветери-

нарного врача. До 1945 г. я работал ветеринарным врачом. По приезде в Америку начал работать у местного ветеринара. Я разошелся с ним, поступил на фабрику простым рабочим и занялся историей монголов.

ХАЛЬИМАК ТУУЛЬС.

КОЛЬДОНГА СОЯМАН
ОРШИВА.

1977
МОҢА ДЖИЛ

Обложка первой книги «Хальмг туульс» 1977 г.

ТҮРҮН ДЕГТР. ХАЛЬМГ ТУУЛЬС

Хальмг улс бүгдэрн нээрмдх ухана айль

Мана чирэтэ улс делкэд дала! Япон, китд, солңһс (корей) гиһэд олн зүсн улс бээнэ. Тедн хальмг биш.

Бидн хальмг, бидн. Мана чирэтэ улсас онцлж йилһэж бээх юмн — һахцхн хальмг келн. Эн хальмг келн уга болхла, бидн тер улсас онцрж хооран һарч чадшговидн. Тегэд бидн эврәннь хальмг келэн мартхмн биш, геехм чигн биш. Тер келэн сээнэр бэрх кергтэвидн.

Хальмг келэн мартад, геерж оркхла, бидн эврәннь уңгасн тасрад, холжад, эндурэд йовж одхдан маһд угавидн. Тер му керг. Тиим юмнд нөкд болхм биш, дөң чигн өгхм биш. Келэн мартад ирсн болхла, сергәһэд сурж авад, батлад оркх кергтә!

Хальмг келн хама бээдмб гихлэ?

Хальмг келн бээдг, мөн хальмг келэр келэд болн бичэд орксн туульс, туужс, түүкс болн ном, йөрэл, евэл, мантр хамгта дун, магтал, шаштр тергүтнд, тээлвртә туульс болн үлгүрмүдт хальмг келэн орксн бээдг болжана. Хальмг келэн сурх саната күн кесг туульс, туужс, дуд, магтал, йөрәлиг чеежәр дасад авад оркхла, земгә сән хальмг кел медэд авч оркх мөн.

Хальмг келн альк келнэс дуту чигн, дор чигн биш. Нег сән келэн, болв бидн эврән тер келэн күндлл уга, деегшән заллго, дор бэрэд йовсн деерэс тер келн муурч одсн мөн. Эврәннь келэр келэд, бичэд, бичсн хамгиг дуудад, соңсад йовхла, тер дөкэд чигн чикрэд одх мөн. Ода мана келн деегшән һарх эс гихлэ дорагшан орхиг дорас өсч йовх баахн

күүкд, көвүд деер бээнэ. Тадн тер келиг деегшэн өргэд авад чигн оркх мөн таанр, эс гихлэ дорагшан унһаһад, шорад даргдулад чигн оркх мөн таанр. Терүг таанр медх кергтэ. Цааран ода тана керг. Бидн кир чидлэрн эврәннь хүвэн кеж орквидн.

Сурхдан ичхмн биш. Юм сурхан хээсн күн тер ухаһан күргэж бээх мөн. Тер — ухаһа темдг. Сән меддг күүнэс сурх дутман үлм сән. Тер йозуртнь күрч сурхар седж бээх керг тер. Эврәннь келән медлго, бичг хамган сурж авлго йовхла, оньдинд таанр ард бийэр, сүл бэрэд йовх тадн.

Тер му керг! Хол йовтн!

ХАЛЬМГИН КИШГ

Өрөсөн хальмг күн бичж «Хөд» гидг нег даршлһ. Мини түүрвгсн эн.

Торһн нооста хөөдиг
Тоолж сээнэр асрх кергтә.
Таалж хэлэхин дутман
Тааста сән ноос тедн өгх мөн.

Хавр, үвл гиж йилһлго
Хөөчнр тедниг асрх йоста.
Хавр күртл үвлин түршарт
Харж, хотынь өгх мөн.

Хаврин цаг ирхлә,
Хөд тустан хурһлдг мөн.
Хун цаһан хурһудыг
Хэлэж, ханж болдго мөн.

Мана хөд олн болад өсхлә,
Манд сән болдг мөн.
Махн элвг — хот сән,
Мөңгн дала, ноосинь хулдхла.

Олн дала хөд өскхлә,
Олз кишг хальмг улст.
Өргн көк теегәр дүүрэд,
Өсэд, өргжэд одх мана мал.

Ке ноһата теегәр тарад,
Кесг олн *отар* хөд
Күңкнж, мээлж йовх,
Кишг-буйн болх хальмгт.

У өргн теегтэн
Урдк цагин авъясар
Уул хальмг үлс амр тавар
Ур деежэн өргж жирхх
Цаг ирх евэл болтха!

СЭН СЕДКЛИН КИЛҢ

Бадмаев гидг күн «Сэн байрта харһий» гиһэд бичсиг үзэд, авад бичсн иим болж харв.

Моңһл нутгт күрх
Мөңк күсл нанд бээнэ,
Мөрән тохж орксн,
Мордад һарад йовад одх белн.

Хальмгин өргн теегэс
Харада мет нисэд,
Хол бээх моңһлын һазрт
Хурдар мөрн күрэд одх.

Цаста уулын белд,
Цаһан нуурин көвэд,
Цах моңһл гер дотр
Цаг үрглжд суухар.

Һал һүлмтын өөр
Һанз тэмкән татад,
Һаң халун ах-дүүтәһән
Һаргсн уңган келлцэд,

Санан седклән медлцэд,
Самбр хамдан авад,
Сав хүвән оллцад,
Сэн иньг-амрг боллдад,

Олн моңһл өөрд хойр
Өр ухаһан ниилүлэд,
Өмнк цагин аюһар
Ода чигн ханьцад,

Дөрвн өөрд,
Дөчн моңһл
Дэкэд чигн таарад,
Даң бээрэн авад,

Нег цагин эргцд
Нег ик моңһл нерэн дуудулад,
Нег-негнәннь ээм-дала түшэд,
Нег-негндән дем-тус болад,

Сән сана санхла,
Сәксн бурхн чигн евэдг,
Салад, тарад одсн моңһл уңг
Сарсалдад, цуглрад ирэд,

Өр нег уха ухалад,
Оларн нег нутг босхаһад,
Оларн нег түг өргэд,
Олн ик моңһл орн болад одх
Евэл болтха!

СОХОЧИН ЭМГН

Эн хальмг тууль нег эмгн келсиг темдглж авлав. Ода терүг даршлад
келж бичв би.

Сохочин эмгн
Сохр саарл ямата бээж.
Сур олсар хазар кеһэд,
Сәрсн некәһәр эмәл кеһэд,

Хулсн жидән бәрәд,
Хумха модн үлдән авад,
Харһсн хамгларн
Хорлго һар бәрлдхәр
Ямаһан мордад һардг бээж.

Һуярнь цокад
Һувчһлзулад,
Гесәрнь цокад
Һәрәдүләд,
Һарад йовдг сәнж.

Жиднь шовахларн,
Жирн алд һозадг сәнж,
Жиргсн ут хормань
Жирһлң мет сарсадг сәнж.

Ардаран, өмәрән довтлад,
Аралжн нүһүд тууж авад,
Өмтәхн үсинь сааһад,
Арвн гүзә тос авдг сәнж.

Хооран, өмәрән довтлад,
Хорха нүһүд тууж авад,
Хөөрмг үсинь сааһад,
Хөрн гүзә тос авдг сәнж.

Үвл ирхлә,
Ова-шова цасн ордг сәнж.
Үр жөөлн әмдтн ичәндән орад,
Үвлин туршарт унтдг сәнж.

Эмгн болхла эврәннь гертән орад,
Өрмтә цәәһән чанад,
Элвг будаһан ууһад,
Эзн богд хан мет жирһдг сәнж.

Хавр ирхлә,
Хамг әмдтн серәд босдг сәнж.
Хар һазр чигн көкрәд,
Хамг тәрә-темсн чигн экләд урһдг сәнж.

Хаана алвт улс болхла,
Хаврин зудт харһад,
Хату цаг ирәд,
Түрдг сәнж.

Хаана бийнь чигн
Хамг юмн хатяр болад,
Хар цәәһәр дамжг авад,
Хутужлж зудас һардг сәнж.

Соньн жигтә зәңг
Сөөни өрәл алднд ирнә,
Сохочин эмгн тосн элвг,
Сән цәәһәр жирһж бәәнә гинә.

Тер кевтән
Түргн элчән хан илгәнә:
— Тер эмгнәс цәәдм
Тос сурад авад ир! — гинә.

Элчнь болхла,
Эмгнэ герт одад,
Элкнь хаана жөөлдүлх
Эрмдг тос сурна.

Эмгн өгч:
Элчин бийднь — нег гүзэ тос,
Эзн хаанднь гиһэд — нег гүзэ тос,
Элчд хойр гүзэ тос өгэд тэвж.

Тер элчнь
Теегт һарад,
Тосан амсч үзэд, таасад,
Таастанднь идж оркж.

Арднь арвн хурһдан
Авад долаһад бээж,
Арвн хурһдыннь яснь
Ярзалһад үлдэж.

Элч арднь эзн хаандан одад:
— Эрлг болсн эмгн
Эзн хаана цээд
Эрмдг тос өгсн уга! — гиһэд, ик худл келж.

Илчтэ ик хан
Итклтэ элчэн дуудулж авад:
— Өр хату эмгнэс
Одж тос сур! — гиһэд йовулж.

Эн элчнь чигн
Эмгнэ герт одад:
— Эзн хана цээд
Амт орулх тос өг, — гиһэд сурж.

Дэкад эмгн
Дарук элчднь чигн
Дала тос өгэд:
— Дарунь күрг! — гиһэд йовулж.

Нег гүзэ тос:
— Хаалһдан ид! — гиһэд,
Наадк гүзэ тосиг:
— Хаандан күрг! — гиһэд,
Хойр гүзэ тос өгсн бээж.

Эжго теег
Элч нарад,
Эврәннь хув тосан идэд,
Энл сээтүр амрсн бээж.

Тер тоснь
Тиим амтэхн болад,
Тесч торж чадлго, хаана хув
Тосиг чигн идж оркж.

Хойрдгч элчнь чигн
Хаандан одад,
Худл келж:
— Хармч эмгн хаана цээд тос бэрсн уга! — гиж.

Хан ик гидгэр цухлдад,
Хамг цергэн дуудад:
— Хармч эмгнэ тосиг
Хамад авад иртн! — гиһэд зачна.

Дала гидг церг
Делгрэд, теегүр һарна,
Домбр болсн эмгнэс
Дээлэд, тосинь авхар.

Сохочин эмгн сохр саарл ямаһан унад,
Солом жидән бәрэд,
Модн үлдән авада,
Мөртә цергин өмнәс мордад һарна.

Жидән сажад оркхла,
Жирн миңһн церг һарад ирнә,
Үлдән далдад оркхла,
Ова-шова церг һарад ирнә.

Хаана цергүдиг
Хамн цокад, сөрн цокад, тараһад,
Хаана бийинь чигн
Хәрү орд-харш күртлнә көөһәд, уга кенә.

Эмгн бийнә
Элвг дәәһән дарж оркад,
Эврәннә гертән хәрж ирәд,
Өрмтә цәәһән чанад,

Элвг будаһан болһад,
Эзн богд мет жирһәд бәәж,
Әмсн-сүмснә жирһәд оч.
Иигж эн тууль чилв.

АСХАР ГҮҮДГ КӨК ЧОН

Хальмг тууль. Бичкндэн соңсч сурлав би. Ода иигж келгдв.

Асхар гүүдг көк чон бээж.
— А-уу, а-уу! — гиһэд уульдг бээж.
Асхн болһн өлркэд,
Ардк теегэр гүүһэд:
— А-уу, а-уу! — гиһэд уулын йовж,
Хот хээдг бээж.

Тиигэд
Гүүһә-гүүһә йовж,
Гүн салан экнд,
Көк хар *балуд* бээснд,
Көвәднь күрәд ирж.

Тенднь,
Шар дааһн үнж одсн,
Балуд дотр кевтж.
Тер шар дааһиг үзж оркн,
Чонын
Амнь аңһс гиһэд,
Келнь билдс гиһэд,
Шүднь таш гиһэд,
Чикнь шуугад,
Нүднәснь нульмсн асхрад,
Геснь хүүгэд одж.
Тедү дүңгә өлрксн бээж.

Тер кевтән асхар гүүдг көк чон
Адһс гиһэд хээкрж:
— Шар дааһн, шар дааһн,
Би чамаг иднәв! — гиж.

Шар дааһн хэрү келж:
— Идхд идич, болв
Балудасм татад авич! — гиж.

Асхар гүүдг көк чон
Аһу ик чидлэн һарһад,
Ардаснь һэрэдэд,
Атхр сүүлэснь шүүрч авад,
Балудаснь сөң цокж авад,
Бат һазр деер тэвэд оркж.

Тиигж оркад келж:
— Шар дааһн, шар дааһн,
Ода би чамаг иднэв! — гиж.

Шар дааһн хэрү келж:
— Идхд идич, болв
Балудм арчж авич! — гиж.

Барвһр ик чон,
Балдһр ик келэн һарһад,
Балудынь шовхрад, долаһад,
Арчад авад оркж.

Тиигж оркад келж:
— Шар дааһн, шар дааһн,
Ода би чамаг иднэв! — гиж.

Шар дааһн хэрү келж:
— Идхд идич, болв дөрвн
Түрүндм моңһл бичич! — гиж.

Асхар гүүдг көк чон
Адһс гиһэд сууһад,

Өмнө хойр турунднь
Моңол бичэд орж.

Тиигж оркад,
Ард хойр турунднь
Эклэд бичж.

Шар дааһн сурж:
— Мини түрүдт бичж
Моңол дуусч бээнэч? — гиж.

Асхар гүүдг көк чон келж:
— Дуусад угав би,
Дуусад угав би,
Удлго дуусч гиж бээнэв! — гиж.

Асхар гүүдг көк чон
Адһс гиһэд торлзулад,
Ард хойр турунднь чигн
Эвр моңол бичэд орж.

Тиигж оркад:
— Ода дуусч оркув! — гиж келэд,
Хооран зааград сууһад орж.

Шар дааһн
Шиб гиһэд ардан ишклэд,
Чонын толһаһар цокад,
Киискж оркад, довтлад йовж одж.

Арднь
Асхар гүүдг көк чон
Босад, сууж оркад:
— А-уу, а-уу! — гиһэд уулын бээж келж:

— *Балудаснь* татад авад оркдг,
Бат ик чидл мини, а-уу, а-уу! — гиһэд,
— *Балудынь* шовхрад долаһад оркдг,
Балдһр ик келн мини, а-уу, а-уу! — гиһэд,

— Сарвһр түрудтнь моңһл бичэд оркдг,
Сарул сээхн чееж мини, а-уу, а-уу! — гиһэд,
Келэд уульж оркад,
Киисэд үкэд оч.

Тер чонын әмсн-сүмснь
Жирһэд бәәж.

БОГШАДАН ТҮҮДКР

Ик хуучна хальмг тууль

Богшада яшл деер сууж. Яшлын хатханчг түүг гесэрнь хатхад оркж.

Богшада уурлад келж:

— Чамаг, чамаг, би яманд келэд, чини бүчр идүлдг күмб!

— гиж келэд, цааран нисэд, яманд ирэд келж:

— Яман, яман, тенд нег яшл бээнэ, жөөлкн сэн бүчртэ, одж ид! — гиж.

Тер яман хэрү келж:

— Я-а, яһлав, тер яшлычн одж идхнь бээтхэ, энд гүүж йовсн чонас ээн гиж, хашаһасн һарч бээхн угав! — гиж.

Богшадань келж:

— Нэ, тиим болхла, би чонд келэд, чамаг бэрж идүлдг күмб! — гиһэд, цааран нисэд, чонд одад келж:

— Чон, чон, тенд нег тарһн яман бээнэ, одж бэрж ид! — гиж.

Тер чоннь иигж хэрү келж:

— Я-а, яһлав, тер ямаһичн бэрж идх бээтхэ, энд бээсн адучнрас ээн гиж, кевтрэсн босч һарч йовж бээхн угав! — гиж.

Богшадань келж:

— Нэ, тиим болхла, би тер адучнрт одад келэд, чамаг цокулж алүлдг күмб! — гиһэд, цааран нисэд, адучнрт одад келж:

— Адучнр, адучнр, тенд нег чон бээнэ, одад цокж автн таанр! — гиж.

Тер адучнрнь хэрү келж:

— Я-а, яһлав, тер чонычн цокж авхнь бээтхэ, энд бээсн адуһан алдад, күүнэ тэрэнд орулж оркад, ода эзнэ зарһас ээн гиж, үкж бээнэвидн! — гиж.

Богшадань келж:

— Нэ, тиим болхла, би тана ээнд келэд, таанриг хээчд харһүлдг күмб! — гиһэд, цааран нисэд, ээнднь одад келж:

— Эзн, эзн, чини адучнр адуһан алдад, күүнэ тэрэнд орулж, чамд ик дашкан болх, теднәннь зарһинь кешэд, хээчлэ харһул! — гиж.

Тер эзн иигж хэрү келж:

— Я-а, яһлав, тер адучнричн хээчлэ харһулхнь бээтхэ, эврэ эрвңгән дааж чадлго, ормасн босч бээхн угав! — гиж.

Богшадань келж:

— Нэ, тиим болхла, би хулһнд одж келэд, чини эрвң шимүлдг күмб! — гиһэд, цааран нисэд, хулһнд одад келж:

— Хулһн, хулһн, тенд нег ик эрвңтэ күн бээнэ, түүнэ эрвң одж шим! — гиж.

Тер хулһн иигж хэрү келж:

— Я-а, яһлав, тер эрвң одж шимхнь бээтхэ, энд суусн мисэс ээн гиж, бүлңгасн һарч йовж бээхн угав! — гиж.

Богшадань келж:

— Нэ, тиим болхла, би тер мист келэд, чамаг идүлдг күмб! — гиһэд, цааран нисэд, мист одад келж:

— Мис, мис, тенд нег хулһн бүлтж бээнэ, одад бэрж ид! — гиж.

Миснь иигж хэрү келж:

— Я-а, яһлав, тер хулһичн бэрж идхнь бээтхэ, энд гүүлдж йовсн хотна күүкд, көвүдэс ээн гиж, эн суусн ормасн көндрж бээхн угав! — гиж.

Богшадань келж:

— Нэ, тиим болхла, би тер күүкд, көвүдт келэд, чамаг цокулж алүлдг күмб! — гиһэд, цааран нисэд, күүкд, көвүдт одад келж:

— Күүкд, күүкд, тенд нег мис бээнэ, одад цокж алтн! — гиж.

Тер күүкднь иигж хэрү келж:

— Я-а, яһлав, тер мисичн цокж алхнь бээтхэ, түһлмудан тэвэд, ниилүлж оркад, ода таньж, йилһж авч чадлго, ээжнрәсн ээн гиж, цокх гиһэд, үкж бээнэвидн! — гиж.

Тер богшадань иигж келж:

— Нэ, тиим болхла, би тана ээжнрт келэд, таанриг цокулдг күмб! — гиһэд, цааран нисэд, ээжнртнь одад келж:

— Ээжнр, ээжнр, тана күүкд түһлмудан тэвэд, ниилүлж оркад ик му кеж, одж тедниг цоктн! — гиж.

Тер ээжнрнь иигж хэрү келж:

— Я-а, яһлав, тер күүкдичн бэрж цокхнь бээтхэ, эврэн салькн уга болад, ноосан тасчж, ээрж авч чадлго, тенж бээнэвидн! — гиж.

Богшадань келж:

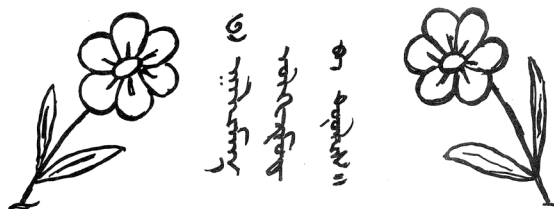
— Нэ, тиим болхла, салькнд келэд, таанрин ноос тасчулдг күмб! — гиһэд, цааран нисэд, салькнд одад келж:

— Салькн, салькн, тенд хотна эмгд ноосан тасчж авлго сууна, тер ноосинь тара! — гиж.

Тер салькн унтж кевтсн бээж. Чочад серэд, ю-күүһинь медж авлго, үксн хурдар хурдлн һарад, хүһэд, шуугад, хотар үлөһэд, эмгдин ноосиг үүмүлэд авад йовад одж.

Эмгд күүкдэн цокхар көөһэд гүүж, күүкднь мисиг цокхар гүүж, миснь хулһнан бэрхэр көөж, хулһннь эрвң шимхэр гүүж, эзнь адучнран хээчд харһулхар көөж, адучнр чоныг цокж алхар көөһэд довтлж, чоннь ямаһан бэрж идхэр гүүж, ямань яшлдан орад, хамтхасдинь идхэр орж.

Тиигэд эмсн-сүмснь чилэд, хамг юмн ом амулң болад, жирһэд одж.

HOYORDAKČI DEKTER.

HALIMAK ÜLGERMÜD

BA TUULIS.

KOLIDONGA SODNOM

ORŞIBA.

1978 MÖRİN ŽİL.

NEW BRUNSWICK

NJ. USA.

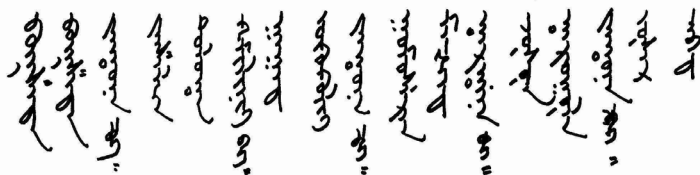
Обложка второй книги «Хальмг үлгүрмүд, туульс» 1978 г.

БОГШАДА

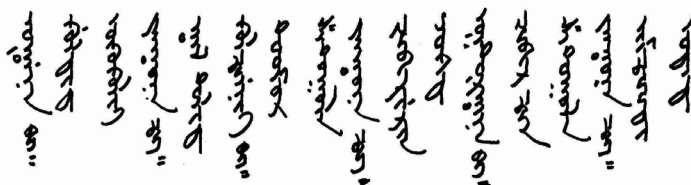
Нег сэн хальмг тууль эн.

- Богшада, богшада, яһнач?
 - Яшлын толһа кемлнэв.
- Хахад укхлэ яһнач?
 - Хумсарн маажад һарһнав.
- Цусн һархла яһнач?
 - Усар авад уһанав.
- Көлдэд укхлэ яһнач?
 - Һал түлэд көлчнэв.
- Түүмр шатхла яһнач?
 - Живрэрн цокад унтранав.
- Живрчн шатхла яһнач?
 - Эмчд одад эдгэнэв.
- Эмччн уга болхла яһнач?
 - Эврэн эдгхинь күлэнэв.

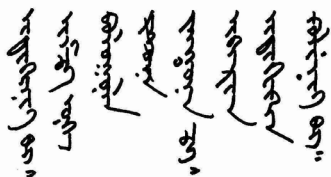
Ниге сән хальмак туулы ене.

Бокшада, бокшада, йағона чи? Йашалин толоға кемеленй би.
Хахад укукүлй йағона чи? Хомсааран мааджиад ғарғана би.
Цусун ғарохола йағона чи? Усар абад уғаана би.

Көлдәд укукүлй йағона чи? Ғал тулйәд көлчидәнй би. Туумур
шатохола йағона чи? Джиберйәрен цокад унтурғана би.
Джибер чин шатохула йағона чи? Емчиде оцад едегәнй би.

Емчи чин уга болохула йағона чи?
Еберән ебекинь күлйәнй би.

Текст сказки «Богшада»

ХОЙРДГЧ ДЕГТР. ХАЛЬМГ ҮЛГҮРМҮД БОЛН ТУУЛЬС

ХАЛЬМГ ҮЛГҮРМҮД

Дөрвн зун үлүтэ хальмг үлгүрмүд цуглуулж авгдсн бээнэ. Эднэр чилв гиж санж болшго. Нань чигн дала бээх мөн. Тедниг талдан үлс цуглуулж авад, эдн деер немэд, нег сэн дегтр күцэтхэ. Би хувдэн түүрвж бичув, сэн талнь һарһад, диглэд, угаһинь илркэ медж авг гиһэд.

Ода болхла эн үлгүр юн үчр деерэс һарсн мөнв гиһэд медхлэ, сэн болх. Нег хойр үлгүр яһж һарсиг меддг деерэс би келж медүлсв гиж саннав.

«Алтн толһа мөнд болхла, арсн махн хойр күцх мөн» — гидг үгиг бөөсн келж гидг. Нег бөөсн күүнэ цус шимж-шимж, тертэж одсн бээж. Эзнь үзэд, бэрж авад, нислж алхар нислхлэрн, тер гесинь илжлэд, цусинь цацж орксн бээж. Арднь бөөсн үлдсн келж гидг: «Алтн толһа мөнд үлдв, арсн махн хойриг күцэж авч болх», — гиһэд, гесэн чирэд йовж, дэкэд нег күүнэ бийд орад, цусинь шимэд, гесэн дүүргэд авч гидг.

«Арһтань ар уулын белд, арһ угань арнэл зеердин сээр деер уята болдг» — гидг үлгүр чонас һарсн бээж. Нег доһлң чон кесг дэкж әмтн бәәсн хотнур орад, кәлән авсн. Ода нег цөөкн баахн чоныйг дахад йовж йовсн бээж. Тедн генткн: « Энд бәәсн хотнур орий », — гиһэд, хотн талагшан һарад гүүлднә. Эн доһлң чон келж тедндән: «Болһатн, болһатн, нохас чонын үнр дегд хурдар авч орқдг мөн, тедн эклэд хуцхла, әмтн чигн босад, мана ард ордг мөн. һарч гүүх хаалһан медж автн», — гиж келж йовсн бээж.

Генткн нохас эклэд хуцад оркхла, әмтн чигн босад, бууһар хаһад авч. Доһлң чон ард шидр йовсн, хәрү эргж авад, гүүһэд, ард бәәсн уулын белд күрч одсн бээж. Наадк чонмудын кесгн бәргдәд, күлгдж одсн бээж, арһтаснь ардк уулын белд күрч әмд һарсн сәнж. Тегәд тер чонмуд келж: «Арһтань ар уулын белд күрч оддг, арһ угань арнэл зеердин сээр деер күләтә болдг мөн», — гиж.

Иигәд эн хальмг үлгүрмүд медхлэ, дегд сән. Манд дала сән туульс бээнә. Күүнә һазрт йовсн хальмг үлс эн үлгүр, туульс, түүксән мартлго йовхла, йир сән мөн. Эн бичсиг дуудхд сән болх гиһэд, латин үзгәр бичсн керг эн болжана.

1. Аалиг аратд,
Арһиг күүнд өгсн гидг.
2. Өэлд гүүсн күн цадад ирдг,
Унтсн күн өлсэд босдмн гидг.
3. Ааһ цэ үүхин хоорнд
Арв хүврдг күн — му гидг.
4. Аав үкхлэ — ааһнь (эркнь, сеңснь) герэс,
Агт үкхлэ — арснь герэс болдмн гидг.
5. Аавин эмдд эмт тань,
Агтын сээнд һазр тань гидг.
6. Амн, толһадан арв мөргэд
Үг келхлэ, сэн гидг.
7. Амарн Алтад күрэд,
Аарцгнь болхла, ормдан бээдг күн — му гидг.
8. Амарн эмт хаңһадг
Баасарн нохас хаңһадг күн — му гидг.
9. Амнас һарсн ки
Алд, делм болад сундг, татж кел гидг.
10. Амтштсн керэ
Арвн һурв эргж ирдмн гидг.
11. Аля эк күүкдэн ичэдмн гидг.
12. Аля күн арвн зовлңта,
Альвн күн хөрн зовлңта гидг.

13. Аляд амр уга,
Согтуд серл уга болдмн гидг.
14. Алтн элвг һазртан үн уга гидг.
15. Алтн кедү удан һазрт кевтв чигн,
Өңгән геедг уга.
16. Алтн толһа менд болхла,
Арсн махн хойр күцгдх гидг.
17. Алта уул йирдән сән,
Алта уулын беләр ниссн шовун чигн
Алтн мет шар болад үзгддмн гидг.
18. Алтна өөр улан мөңгн чигн
Үнтәрэд бөөдмн гидг.
19. Алтн цутхх дүтм өңг һардг,
Зес болхла, цутхх дүтм өңгән геедмн гидг.
20. Алтн шорад даргддго гидг.
21. Алтынъ авч оркад,
Авдринь хайж оркхла — му гидг.
22. Арат керсү,
Күн болхла, даву керсү болдмн гидг.
23. Аратла әдл мектә,
Кермнлә әдл һавшун болхла — сән гидг.
24. Арнзл унв гиж аарцгт наалддго,
Агтрм идв гиж амнд наалддго гидг.

25. Арһ угад зарһ уга гидг.
26. Арһ билг хойриг
Эдлднь бэрхлэ — сэн гидг.
27. Арһтань ар уулын белд (күрч оддг),
Арһ угань арнэл зеердин сээр деер (күлэтэ
болдмн) гидг.
28. Арһмж (деесн, олсн) нэрдсэрн тасрдмн гидг.
29. Архлата мөрн зелэсн холд һарч чаддг уга гидг.
30. Арвн жилд атн болж йовхин ормд
Нег жил буур йовсн деер гидг.
31. Арслн, мөңгнэ э соңсхла,
Арсмчин бий чичрдмн гидг.
32. Ах-дү дөрвн болхла — бийд амр,
Дөрән сур дөрвн давхр болхла — көлд амр гидг.
33. Ах эргү бийән буульдг,
Дунд эргү гергән буульдг,
Адг эргү үнж йовх мөрән буульдмн гидг.
34. Ах – ах кевәр,
Дү – дууһин кевәр бээхлэ, сэн гидг¹.
35. Ахлдг ахта,
Дүүлдг дүүтэ болхла — сэн гидг.
36. Ахиг алд күндлхлэ,
Дүүг делм күндлхмн гидг.

¹ См. текст «Йотн шовуна онл өгһн».

37. Аһ үзэд, эмэн геесн үлгүр бичэ һарһ гидг.
38. Авалясн хаһцхла,
Амр уга болдмн гидг.
39. Авхдан сурсн авъяс
Насна түршарт дахдмн гидг.
40. Агтын сээг ун,
Залун сээг дах гидг.
41. Агтын сээг унж меддг,
Залун сээг кергт йовад меддг.
42. Адуна алгас
Ааһин алг дор.
43. Эдсин икнь,
Аршана бичкнь сэн болдг.
44. Адһсн күүкн
Аавин барун бийд (ирэд) бээдг.
45. Асмн йовсн мөрнәс,
Гелң йовсн харас зээл гидг.
46. Асхрснас дола гидг.
47. Агт алдрхла, бәрж авдг,
Үг алдрхла, бәрхд берк болдг.
48. Атн темәг
Арһмжһин күчәр ачдг.
49. Ажғлхла,
Ажрһ мөрн чигн гесддг.

50. Ачиг эс хэрүүлхлэ,
Аштнь му болдг.
51. Ээлд бээхлэ — күртдг,
Альхнд бээхлэ — амнд ордг.
52. Эмд күн эмнэсн цөкрдг уга.
53. Эмд күүнэс цөкрдмн биш гидг.
54. Эмд күн арhta,
Нег үүд олдмн гидг.
55. Эмдин чирэ алтн,
Үкснэ чирэ үмсн гидг.
56. Эрк уусн күүнэ
Амнь хажһр болдг.
57. Эрк уувчн, ухаһан геехмн биш.
58. Эрк савасн бишңкэн эвддг.
59. Эркин согту хардг,
Адын согту хардго.
60. Эрвч күн
Эмндэн мөртө гидг.
61. Ооср боодг уга
Үг келдг күн — му гидг.
62. Омг-жимг уга күн
Өмэрэн хардго.

63. Омг седкл
Орта һарас болдмн гидг.
64. Ол дэкэд эргсн чон
Угднь хавхд ордг.
65. Олн үгин цөнь сэн,
Сэн үгин товчнь сэн.
66. Олн толһата моһа
Нег нүкнд эс багтж гидг.
67. Олмһа келтэ күн
Олн һазр эргхд эвтэ гидг.
68. Олсн нэрдхлэрн, тасрдмн гидг.
69. Орсн бора гиидг,
Ирсн гиичнр хэрдг.
70. Орчлң нарна герлэр гегэрдг,
Күн сүрһуль медрл, хойрар гегэрдг.
71. Оһтрһуд одд дала (болв чигн),
Сарин герллэ эдл болдг уга гидг.
72. Оруһарн һаруһан һарһхла — сэн болдмн гидг.
73. Өндр уулын ора темц,
Өргн далан эк темц (Чиңгсхаана зэрлг).
74. Өнч авхла, бер амрдг.
75. Өнчн күн өр өвдгч гидг.

76. Өнчн күн өөч болдмн гидг.
77. Өнчн күн өлркг гидг.
78. Өнчн күүг күүнд тоолдго,
Өлн нохаг нохад тоолдго.
79. Өнчн күүнд
Үнн уга гидг.
80. Өндр хошун деер хархла, нүднэ хужр хандмн,
Көгшн күүнлэ күүндхлэ, чикнэ хужр хандмн
гидг.
81. Өңгрсн хуриг
Хэрү дайлж авч болдго.
82. Өлрксн күн
Ааль хээдмн гидг.
83. Өртэ күн
Өөдэн хардго.
84. Өрн ацан мет
Кү дарад бээдмн гидг.
85. Өртэ бээхин ормд
Угаты йовсн деер.
86. Өриг удан татхла, кү угарлдг,
Гемиг удан татхла, эмнд харш болдг.
87. Өглһтэ күн
Үклэсн чигн хардмн гидг.

88. Өгсн күн — сэн,
Өгсиг эс авсн күн — улм сэн.
89. Өгсн күн угардго,
Авсн күн байждго.
90. Өвдг деерэн сууһад жирһхин ормд
Хойр көл деерэн зогсн бээж үксн деер.
91. Өвчн уга болхла, эрүл,
Өрн уга болхла, байн.
92. Өсх малын зүсн негн,
Өргжх үлсин үг негн.
93. Өсхлэрн — күүкд,
Өтрхлэрн — күүкд.
94. Өшөһөн авнав гиһэд,
Ташаһан авдг.
95. Өшө хээһэд,
Ташаһан авдмн гидг.
96. Уул мөр зовадг,
Ур кү зовадг.
97. Уулын харцх шовун уулан хэлэж нисдг,
Угта күүнэ көвүн үлгүр авч үг келдг.
98. Ург элгнэ халунь сэн,
Усн, түлэни өөрнь сэн.
99. Уяһасн алдрсн ноха кевтөһөр гүүв гидг.

100. Ундг мөрн уга бээж жора мөринь сурдг,
Уудг үсн уга бээж жомба цээһинь сурдг күн
— му.
101. Унсн күн һазр түшч босдг.
102. Урһж һарад уга моднд
Урдаснь сүкән бичә бүлүд.
103. Урд һарсн чикнәс
Сүүлд һарсн өвр үлүддмн гидг.
104. Урднь зурсн зурад
Уурлж ямаран түс болдмн гидг.
105. Ухата болхла, медж ав,
Сүүлтә болхла, шарвадж ав гидг.
106. Уг муутан үсн үт,
Ухан муутан хумсн үт гидг.
107. Уга гиж уульдго,
Бәәнә гиж омглдго күн — сән гидг.
108. « Уга » гисн — нег үг,
« Ээ » гисн — олн үг.
109. Утан һарсн һазрт
Һал чигн бәәдмн гидг.
110. Ус үзлго һосан бичә тәәл.
111. Усна экн — булг,
Улсин экнь — һаһцхнр гидг.

112. Уснд үнсн хулнд
Меклэ ажрһ болдмн гидг.
113. Уснд үнсн темәнә
Эзн күчлдмн гидг.
114. Утцн зүүһән дахдмн гидг.
115. Үүдн муута хөөмрт бичә су,
Эк муута күүк бичә ав гидг.
116. Үннәс әәхмн биш,
Зарһас әәхмн гидг.
117. Үнн келхлә,
Үксн моһа чигн гөрвкнә гидг.
118. Үрнь эс уульхла,
Һарһсн экнь чигн көк өгдмн биш.
119. Үкх хулһн мисин сүл зууж гидг.
Үкх хулһн мислә наадж гидг.
120. Үкх күн таман хәәж гидг.
121. Үксн күн үкәр талан,
Өгсн күүкн одсн һазр талан бәәхлә — сән
болдг мөн гидг.
122. Үкснәс бишңкнь сән гидг.
123. Үкрин сүл деер
Утхан бичә хуһл.
124. Үг медшго күүнд үг келхин ормд
Үкрин өвр деер өвс цац гидг.

125. Үг келсн күн күцәж келдмн,
Үг дуту болхла, үгин утх диг уга болдмн гидг.
126. Үг сөрхлә – керлдән,
Чидл сөрхлә – ноолдан болдг.
127. Угаты күүнә келсн үг
Үкрин мөөрлһнлә әдл.
128. Үзхин — нүдн,
Соңсхин — чикн.
129. Үкл нас хәләдго,
Харһсинь авч оддг.
130. « Ээ, үү », — гижәһәд,
Элкн деернь өөк шардг.
131. « Ээ », — гижәһәд,
Күзүһинь керчдг.
132. Эәж һарһдг,
Эрлг авдг.
133. Эмгн үкхәрн,
Күүкд уульхарн әәлһдмн гидг.
134. Эмч му болхла, үкл өөр,
Эм му болхла, угарх өөр.
135. Эмч ямаран сән болв чигн,
Бийдән түс болдго гидг.
136. Элгн-садн ацан болдго,
Нег саамд дем болдмн гидг.

137. Эр нааран нег эрдмтэ.
138. Эр эм хойрин заагт орсн күн эргү.
139. Эр нег эндүрдг, эрг нег нурдг.
Эс эндүрдг эр уга, эс нурдг эрг уга.
140. Эрмлзэр йовад,
Эмэлд күрдг.
141. Эргэд, дүһрад гиич болхла, эгч-дүүнр сээхн,
Эргүлэд, дүһрулад мөлжхлэ, сүүлин ясн
сээхн.
142. Эргү турнтшнд ээ гихлэ,
Арста, махтаһинь шулад авад оддмн гидг.
143. Эргү турнтаг буульхла,
Улаж одсн бешин цө теврэд авч оддг.
144. Эврэ махан күүнэ хээснд чандмн биш.
145. Эврэн кииссн күүкд уульдмн биш гидг.
146. Эврэ күн — эврэ,
Элэн нүдн цоохр гидг.
147. Эврэ күн эрвһр,
Күүнэ күн ковзһр.
148. Эврэ заарин үнр
Бийд медгддго гидг.
149. Эк-эцкин ухан — үрн-саднд,
Үрн-сациона ухан — көдэд.

150. Экин санан — үрнд,
Үрнэ санан болхла, теегт йовдмн гидг.
151. Эднь эзэн эс дурахла,
Һал түүмр болдг.
152. Эдд му уга,
Эзн деернь бээдг.
153. Эдиг эд болхиг эзн меддг.
154. Эдгснэ хөөн эмч керг уга,
Һатлсна хөөн оңһц керг уга.
155. Эцк уга көвүн,
Эк уга күүкн елдң болдг.
156. Иньгин седкл зовалго,
Өшәтнә тав хаңһалго йов гидг.
157. Ичхин идәһәс өгсн күн — му гидг.
158. Ичр-һутр уга күн ноха, һахала әдл.
159. Ижлән үзхлә, инцхәдг,
Иньгән үзхлә, инәдг.
160. Ямана өмн бичә зогс, мөргәд оркх,
Мөрнә ард бичә зогс, ишкләд оркх гидг.
161. Ямана толһа янзд ордго,
Янһр хоогчн төрт ордго.
162. Йоснас әәхмн биш,
Зарһас әәхмн.

163. Йорал уга савд юмн тордго.
164. Йөрэлин экн — тосн,
Харалын экн — цусн.
165. Наадна сүл керүл болдг.
166. Нарна нилчиг тоолж олж болшго,
Һазрин кишгиг идж барж болшго.
167. Наһц эгчэн авхла,
Наснаннь туршарт жирһх.
168. Насна дундурт авалясн хаһц,
Хаалһин дундурт келгнәсн хаһц гидг (харал).
169. Насна утнь,
Наадна ахрнь сән болдг гидг.
170. Нойн күн таварн,
Эзн күн дурарн болдмн гидг.
171. Нойнла наадхла, толһа уга,
Нохала наадхла, хорма уга үлддмн гидг.
172. Нойна адгнь алвт улстан баатр,
Залуна адгнь эм, үрндән баатр болдг.
173. Нойнла керлдсн күн
Зөңгән геедмн гидг.
174. Номһн темән ноолхд сән.
175. Ноха агтлсн күүнд дурта болдмн гидг.

176. Ноха уульхла, му йор болдг.
177. Ноха угад хаха хуцдг.
178. Ноха нерндэн киим өлгж гидг.
179. Ноха нег бүдрхлэрн,
Зун дэжж бүдрдмн гидг.
180. Ноха баасан керглхлә,
Дала һатлад чигн одж баадг.
181. Ноха шархан долаж тарһлдг уга.
182. Нохан дун соңсгдхла,
Шидрдэн ирсн тер гидг.
183. Нохан геснд шар тосн эс торна гидг.
184. Нохан геснд орсн шаһан ясн чигн бүтн
үлддго.
185. Нохала худ болхла,
Баасар хүрм кедмн гидг.
186. Нохад төмр керг уга гидг.
187. Нурһн хавснд, хавсн нурһнд түшүр болдг.
188. Нег темәнә хорһснд
Миңһн темән хальтрдг.
189. Нег модн — модн биш,
Нег күн — күн биш.

190. Нег күүкн наадхла,
Шууган татг болдмн гидг.
191. Мал асрхла, амн тоста,
Кү асрхла, толһа цуста.
192. Мал моомрхла,
Нохад мөр болдг.
193. Мал көлөрн,
Күн болхла, ухаһарн тежэл авдмн гидг.
194. Малян шарх билрдг,
Келнә шарх билрдго.
195. Маңһдурк өөкнәс эндрк оошк деер болдг
(гихля — буру ухан).
Маңһдурк өөкнә төлә эндр оошк идэд тордг
(гихлә — деер).
196. Махн гихлә, үкс гидг,
Мал гихлә, гедс гидг му арвчн авъяс.
197. Махна төлә шоран чигн түлж оркдмн гидг.
198. Маштг тарһлхла,
Махла тордг уга.
199. Муңхг эрдмән амндан,
Мергн эрдмән дотран бәрдг.
200. Муңхг күүнд зарһ уга.
201. Моһа гертнь орад,
Эзинь көөж гидг.

202. Могаг һурвн кевв чигн,
Гөрвэдән дүңгән һардг.
203. Му эмч му бух хойр
Ширг тарадмн гидг.
204. Му үннәс сән худл деер гидг.
205. Му нөкд хоорндан (керлддг) гидг.
206. Му мөрнд үүлн чигн ацан болдг.
207. Му бух ора деерән шора цацдг.
208. Му күн үгдән мергн,
Мока утх һарт мергн.
209. Му харулас сән хулхач деер.
210. Му залу гергән буульдг.
211. Мууһан үзәд,
Мокан жажлад йовж гидг.
212. Мууһан үзәд,
Модан дерләд йовж гидг.
213. Мууһас моңһл,
Сәәнәс салтр һардг.
214. Меклә һәрәдв-һәрәдв, бальчгтан бәәдг.
215. Меклән чал гидг (номд бәәдг үлгүр).
216. Мекчин негн,
Мергнә хойр болдг.

217. Медх күүнд үг кел,
Мергн күүнд гөрөс шах.
218. Мөрн номһн болхла,
Эзнь йовһн үлддг.
219. Мөрнә сээг үн,
Залун сээг дах.
220. Мөңгн ташмрч гидг,
Бөөсн һазртан хурад бөөдг.
221. Мөңгиг эдлж бардго,
Эндүрэд бардг.
222. Хан нег заката,
Хун нег шүүрлһтә болдг.
223. Хамута хамутаһан хээдмн гидг.
224. Хармч күүнд
Хөөнә хорһсн чигн харм болдг.
225. Хар нүднәс күмсг һаза гидг.
226. Харңһу сөөд хань биш,
Хар буданд хать биш.
227. Хав уга күүнд
Ханцн бурута болдг.
228. Хатуг жөөлн дардг.
229. Хашң күүнд
Хаалһ үт болж үзгддг.

230. Хойр уул харһдг уга,
Хойр күн болхла, харһад бээдг.
231. Хойр келтә күн бээтхә,
Дөрвн келтә мөрн чигн бүдрдг.
232. Хойр келтәд баз иньг,
Дөрвн келтәд ботхн иньг болдмн гидг.
233. Хоолас давхла – хот,
Хойр кел һазрт эс күрхлә – келгн.
234. Холас мөөрмтхә,
Өөрәс болхла мөргмтхә.
235. Ховдг манж хойр хувәс дутж гидг.
Ховдг манж хойр хурлын
хоорнд хоосн тошрж гидг.
Ховдг манж хойр үмкж гидг.
236. Хотын үүрмг хорма дахж.
237. Хотын сээг күүнд өг,
Хувцна сээг эврән өмс.
238. Хээрн уга нойниг даххин ормд
Хәәмлтә иңгин бөк сәксн деер.
239. Хот идхин төлә әмд бәәхмн биш,
Әмд бәәхин төлә хот иддг.
240. Хуучн үгд худл уга,
Ховд үнн уга.
241. Хуучан хатхсн күүкн — цецн,
Хөөткән сансн көвүн — цецн.

242. Хулхач күн хэрү хээкрдг.
243. Хун шовун кедү догшн болв чигн,
Өндгэн хамхлдго.
244. Худл келж ухата болдго,
Хулха кеж байн болдго.
245. Худлч күн үксн күүһәр герч кедг.
246. Худлч күн өөр бээсн күүһән герч заадг.
247. Хөөнә сүл деер
Шоран бичә хүһл.
248. Хөөт экин зүркн
Хад чолун мет хату болдг.
249. Хүрм гихлә,
Хумха толһа чигн көлврдг.
250. Һанцхн модар
Һал шатаж болдго.
251. Һал уга һазрас утан һардмн биш гидг.
252. Һал деер тос кехмн биш гидг.
253. Һар һаран таньдг,
Һасн шаавран таньдг.
254. Һарин тавн хүрһд әдл биш гидг.
255. Һаринь Һанзһд күргәд,
Көһинь дөрәд күргәд.

256. Нарарн авсн күн
Нарарн хэрү өгдмн гидг.
257. Нартан *буулкта*
Күүкдиг таалхд сэн.
258. Нолсн күүкн нол боож.
259. Нолд нээлэд, темәһән гееж.
260. Баатр — нег сумна,
Байн — нег зудын болдг.
261. Байнла бичә зарһц,
Баатрла бичә ноолд — сүүлнь берк гидг.
262. Байр ик гиһэд орндан орчкад бичә дуул,
Зовлң ик гиһэд орндан орчкад бичә ууль —
му йор болдмн.
263. Бор гертән богд,
Хар гертән хан болдмн гидг.
264. Барсин сүл бичә бәр,
Бәрснә хөөн бичә тәв.
265. Богшадас эс суусн модн уга гидг.
266. Буур буудг,
Ботхнар босдг.
267. Буслсна хөөн болсн тоота,
Келснә хөөн авсн тоота.
268. Буру хэләсн эргд нарна герл тусдг уга,
Буру ухата күүнд номин герл тусдг уга.

269. Бийэрн бийдэн ацан болхла, му гидг.
270. Бийэн хэлэж эс авсн күн
Талдан кү яһж хэлэхмн гидг.
271. Бөл үлс бөөсөн хувадмн гидг.
Беләск үлс бөөсөн хувадмн гидг.
272. Бүтэд эс үкхлә, күүкнә тагчгнь сән,
һалзүрад эс йовж одсна хөөн күүнә дуутань сән.
273. Кеер хонад,
Кец дерләд йовсн күн му гидг.
274. Кеерин күүнд
Кен-ян уга гидг.
275. Кениг кен эс келдг,
Кенә ноха кенүр эс хуцдг.
276. Келсн үг керчсн модн мет бат болхла — сән.
277. Келнд ясн уга гиһэд,
Келән бүлүдэд бәэхмн биш.
278. Келәрн келдүр кеһэд,
Урларн үхр кеһэд йовхла, му гидг.
279. Кер алг ажрһас
Шиир булг уһһн һардмн гидг.
280. Керә хасн зарад тусч гидг.
281. Керә ханав гиһэд,
Өөр бәәсн күүһән алж гидг.

282. Кецин усн хууһан темцдг,
Кесн керг эзэн темцдг.
283. Көөһин өөр кө болдг,
Өөһин өөр ө болдг.
284. Көләрн йовсн ирдг,
Күрзэр дарсн ирдг уга гидг.
285. Көнжлин кемжәһәр
Көлән жиидмн гидг.
286. Күн ахта,
Девл захта.
287. Күн өнчндән,
Ноха һүрядан үкдг уга гидг.
288. Күн үрнә төлә зөөр зөөдг,
Хөн болхла, сүүлин төлә гидг.
289. Күн болхнь — бичкнәсн,
Күлг болхнь — унһнасн гидг.
290. Күн дөңгәр,
Шовун далвагар деегшән һардмн гидг.
291. Күүнә ухаһар күн удан бәәдмн биш гидг.
292. Күүнә эрәнъ дотрнь,
Моһан эрәнъ һазанъ бәәдмн гидг.
293. Күүнә мөр унсн күн өвклз довтлдмн гидг.
294. Күүнә һарар моһа бәрхд сән гидг.

295. Күүнә келнд
Күд чолун чигн хамхрдмн гидг.
296. Күүнә келснәс,
Нохан хуцсцнас әәхмн биш гидг.
297. Күүнә күн — күүнә,
Күрнә махн — үмкә гидг.
298. Күүнә күүкнә күзүн бүдүн гиһәд,
Ажлын икинъ өгдмн гидг.
299. Күүнә санан худлч,
Бурхна сәксн үннч гидг.
300. Күүнә зуһу — зуһу биш,
Нохан жора — жора биш гидг.
301. Күүнд келуллго,
Нохад хуцуллго күн йовдмн биш гидг.
302. Күүнд тус кесән келхлә,
Буйнь хәрж оддмн гидг.
303. Күүг күн бардг,
Күрниг элә бардмн гидг.
304. Күүг көгшн гиж,
Күүкдиг бичкн гиж бичә шоод.
305. Күүкд күүнә үснь ут болв чигн, ухань ахр.
306. Күүкд күүнә медснь
Күзүцә шавр ова гидг.

307. Күүкән өгсн күн
Сиикән чигн өгдмн гидг.
308. Күлцңгүһәс ах буйн уга,
Килңгәс ик килнц уга.
309. Күзүн даасна хөөн толһан икнь сән,
Бий даасна хөөн көлин бичкнь сән.
310. Күчтәнь күркрхлә,
Күчн угань баркрдг.
311. Кир чидләрн йовсн күн сән гидг.
312. Кишгтә күүнд
Кеелтә гүн күртдмн гидг.
313. Гүүсн ноха яс кемлдг.
314. Генн күүнд худл икәр күртәд йовдмн гидг.
315. Гер-мал уга күн
Гендн нохала әдл гидг.
316. Далад дусал немр болдмн гидг.
317. Даладхла — әәдг,
Нерәдхлә — хандг гидг.
318. Давста далан өөр
Худг малтдмн биш.
319. Долан көвүдәс
Доһлң өвгн деер гидг.

320. Долан хэргтэ көвүд һарһхин ормд
Нег ухата күүк һарһсн деер гидг.
321. Дора зуудг нохала эдл болхла, му бэрцтэ гидг.
322. Дуртадан булмг кеһэд,
Дур угадан буда кеж өгдг.
323. Дусал-дусалар дусад бээж
Хад чолу чигн хамхлж орқдмн гидг.
324. Демч шаазһа хун бэрхд
Дем болдмн гидг.
325. Делкэ бичг деер үлддмн гидг.
326. Дер дорк дээсн гидг.
327. Дегд өңгтэнь хүврдг,
Дегд иньгнь хоцрдмн гидг.
328. Дегд цецн бийэн бардг,
Деглэ гер өркэн бардмн гидг.
329. Деед бийд бээсүдиг номарн хаңһаһад,
Дор бийд бээсүдиг өглһэрн хаңһаһад йов гидг.
330. Деед бийэр суусд инэхлә,
Дорд бийд суусд марзадмн гидг.
331. Такан зүүднд зарм орж гидг.
332. Тас тарвж хойр ноолдхла,
Керэд өдн элвг болдмн гидг.

333. Тэрсиг хадж авдг,
Өгсиг сурж авдмн гидг.
334. Тэвсн хөв —
Тэвн хойр цаасн гидг.
335. Тэкмин чимгиг хамх тустлнь цок,
Тахъята улсиг ивт тустлан харв гидг.
336. Тоосн һарсн кишгэс
Тосн һарсн ном деер гидг.
337. Толһа менд болхла,
Токуг шиврлг хойр олдх гидг.
338. Толһа келтрв махладан,
Тоха келтрв ханцндан гидг.
339. Тоһстн шовун сүүлэн хардг,
Күн болхла, нерэн хардг.
340. Тос цоксн күн
Хүрһдан доладмн гидг.
341. Төрлэн һолсн көвүн,
Төркэн һолсн күүкн — му гидг.
342. Төрэд уга көвүнд
Төмр өлгэ белдж гидг.
343. Төмрин сээг давтад меддмн,
Мөрнэ сээг довтлад меддмн гидг.
344. Тусиг хэрү туслхла — сэн гидг.

345. Түс кесэн келхлэ,
Буйн хэрж оддмн гидг.
346. Турлаг халу дурахад үснд орад, чивж одж гидг.
347. Туульд үнн уга,
Түүкд худл уга гидг.
348. Тенг толһа көлин зовлң болдмн гидг.
349. Теңгрин өгснд орхнь
Өгэд угань ик гидг.
350. Темән үүлн хархла, теңгрт амр уга,
Теннхә көвүн хархла, эцкд амр уга гидг.
351. Тергәр туула көөж күцдмн биш гидг.
352. Терг дахсн ноха чигн
Терг чирсн болад сандмн гидг.
353. Теңгрин му әрлдг,
Күүнә му әрлдг уга гидг.
354. Текин өвр теңгрт күртл,
Темәнә сүл һазрт күртл (үдан цаг гидг).
355. Сансн санан — худлч,
Сәксн-Бурхн — үннч гидг.
356. Сал деер суусн үлсин әмнь негн болдмн гидг.
357. Сар мөчн дунд көркхниг хэләдг уга гидг.
358. Сәкгч күүнә зүркн чичртл,
Санамр күүнә әмн һарч оддмн гидг.

359. Сәкгчин көлд
Санамрин толһа өвддмн гидг.
360. Сән улсин нааднд
Му күүнә әмн һардмн гидг.
361. Сән ноха уята,
Сән залу жиндүртә гидг.
362. Сән мөрн тергнд,
Сән залу түүрмд гидг.
363. Сән мөриг гүүдләрнь,
Сән залуг кесн үүләрнь шинжлдмн гидг.
364. Сән күн санаһарн күрәд ирв гидг.
365. Сән күүнд му бичә ке, мартхн уга,
Му күүнд сә бичә ке, медхн уга гидг.
366. Сән күүнд му күн дурн уга,
Сарин сарулд хулхач дурн уга болдмн гидг.
367. Сән гергн — герин чимг,
Му гергн — герин зутаһул болдмн гидг.
368. Сән сөңгч бийдән түрүн гидг.
369. Сән залу — сәәвр жора,
Му залу — модн көшә гидг.
370. Сәэнд зуһудсн,
Мууг дажрсн күн — му гидг.
371. Сохр үкрт худг бичә үзүл,
Ус уунав гиһәд худгт орад укж оддмн гидг.

372. Сохрин өөр нүдэн ань,
Доһлңгин өөр көлэн өрг гидг.
373. Сөөһин эрвэкэс герл хээһэд,
һалд орад үкж оддмн гидг.
374. Сурж авсн эрдм
Хот сурдмн биш гидг.
375. Сурсн эрдмиг
Сулар чигн дарж торһдмн биш гидг.
376. Сурсн — му,
Сурсиг эс өгсн — улм му гидг.
377. Солдала эдл чадвч гидг.
378. Цандгт орж үкхин ормд
Далад киисч үксн деер гидг.
379. Цахрин хан ирхлә,
Царцаха чигн көлөн тинилһж гидг.
380. Цагин селгэн болхла,
Цасн деер түүмр шатдг гидг.
381. Цаг негэр гүүдг уга,
Цәкр негэр йовдг уга гидг.
382. Цадхлң күүнд
Цаһан хөөнә сүл һашун болдг гидг.
383. Цадхлң күн
Өл меддг уга гидг.

384. Чонын амн идв, эс идв улан гидг.
385. Чонын амнас нарад,
Барсин амнд орснь — сэн уга гидг.
386. Чонын чикн авта гидг.
387. Чикн худлч,
Нүдн үннч болдмн гидг.
388. Заяни му күүнд
Зээсңгин цол күртдг уга гидг.
389. Занын сүл болхин ормд
Ботхна толһа болсн деер гидг.
390. Заң сээнд әмтн хурдг,
Замг сээнд заһсн хурдмн гидг.
391. Залу күн йовн жирһдг,
Күүкд күн сун жирһдмн гидг.
392. Залу күн зөрсәрн,
Зандн модн нээхлсәрн болхла — сән гидг.
393. Залу күүнә сәнь кеер,
Күүкд күүнә сәнь гер дотр медгддмн гидг.
394. Залу күн
Зөргәр үүл бүтәдмн гидг.
395. Зәрлг (ном) сән хувргт сүзглдмн гидг.
396. Зуур алсн моһашң
Әмд чигн, үксн чигн биш гидг.

397. Зун күүнэ чирэ үзхин ормд
Нег күүнэ нер мед гидг.
398. Зул унтрхин өмн дэрвкдмн гидг.
399. Зуһу күн чирэ уга болдг,
Жора мөрн көл уга болдмн гидг.
400. Зурһан арһ, тавн мек медхлэ — сэн гидг.
401. Зурсн зурахасн давдг арһ уга гидг.
402. Зөв махлад толһа хандг,
Зөв үгд зүркн хандмн гидг.
403. Зөв уга элгн-саднас
Зөрсн улан дээсн деер гидг.
404. Зуурдын завср гидг.
405. Зүүлг мекч мет гидг.
406. Зүүлэд, зөнткэд йовдг — му гидг.
407. Зара, зара тиниж орк,
Заһсн нүдэр хэлэж орк гидг (наадлһн).
408. Зесин сэнь зеврдг уга,
Зе наһцх хойр заг уга гидг.
409. Зе күүкэн авхла,
Зелнь хоосн болдмн гидг.
410. Жөөлн көкүлһтэ түһл
Хойр эк көкдмн гидг.

Сүүлэс меджэ немсн үлгүрмүд

411. Альмн ишэсн холд ундг уга гидг.
(орс).
412. Ус ууж оркад, худгтан бичэ нульм гидг,
Дэкэд чигн ус уух кергтэ болх гидг.
(орс).
413. Күүнэ махмуд өвчн уга эрүл болхла,
Күүнд орсн ухан-седкл чигн
сэн дигтэ болдмн гидг
(латин).
414. Авх эрлг мет кү бичэ эргэд бэ гидг.
415. Ө-чимэн уга, тагчг күн — сэн гидг.
416. Улан хоол болад юмнд чигн,
Цадрл уга, ханл чигн уга бичэ йов гидг.
417. Үлд хурц болв чигн,
Герэн утлдг уга гидг.
418. Үсн уга эш мет гидг.
419. Ясн уга келн гиһэд, бичэ бүлүдэд бэ гидг.
420. Яснь яартл, махнь салвртл цок гидг.
421. Махнь махшад уга,
Шөлнь шөлшэд уга гидг.
422. Мөңгн тоод дурта:
Тоолад орулад, тоолад һарһад бээхлэ — сэн
гидг.

423. Мөңгн күүнә, эврә гиж йилһвр уга:
Тоолад өгәд, тоолад авад бәәхлә — сән гидг.
424. Мөрнә дел деер кесн керг — керг биш гидг.
425. Му заңта мужг эм мет гидг.
426. Хамр дор амн бәәнә гиһәд,
бичә буржңнад бә гидг.
427. Хоома күн
Хойр йовдлта гидг.
428. Ховдг седкл йирт хоосн гидг.
429. Һә деер пад бичә болад бә гидг.
430. Бәәхлә, барж чаддг уга,
Уга болхла, олж чаддг уга гидг.
431. Кү заяхла,
Күмсинь чигн заядг гидг.
432. Күүнәс мөңг өгйәһәр авхла,
Көлсинь өгәд, хәрү өгхлә, сән болдмн.
433. Геснь цадв чигн,
Хоңшарнь хандг уга гидг.
434. Дээр деернь
Давс бичә асхад бә.
435. Һал деернь
Тос бичә кеһәд бә гидг.
436. Тоолх томан уга үг бичә кел гидг.

437. Сэн хулхач һазрин холас,
Му хулхач герин иргэс хулха кедмн гидг.
438. Согтуһас һалзу ээж гидг.
439. Седң күн серүнд гидг.
440. Шал көк нүдтә,
Шалвр уга баавһата гидг.
(наадлһн).
441. Чамта болв чигн,
Чама уга болв чигн өр цээх гидг.
442. Чонжһин кирс болад бичә бә гидг.
443. Чолунас бишңкинъ идсн,
Чонас бишңкинъ үнсн күн би гидг.
(омглж бәэх күн).
444. Өдртән хатрсн мөрн — сән агт,
Үгдән күрсн күн — сән эр гидг.
445. Хулха юмн хот болдг уга гидмн.

ЦЕЦН КҮҮКНЭ ТУУЖ

Хальмг үт тууль

Оршл

Хальмг туульсиг цуглуулж авч бичсн күн келсн күүнэ адгар бичхлэ, тер буру керг мөн. Бас талдан күүнэс иш авад, дахульж бичхлэ, сэн болх йоста. Немшт Гримм гидг ах-дү хойр нер харсн мөн. Немш келн-үлсин туульс келүлж авад, бичэд, олн зүүл туульс харһсн болдг. Тедн болхла тер йирин үлс келсн туульсин ухан-утхинь медж авад, сэн дегтрин келэр бичэд оркснд эмтн таасад, таалад бээсн болдг. Теднэ бичсн туульс немш үлсин биш, Гримм ах-дү хойрин туульс болсн мөн. Ода Гриммин бичсн туульс гиж келгднэ.

Тер мет бидн чигн мана эгл хар үлс келдг туульс цуглуулж авад, келинь дегтрин кел кеһэд ясад, яарад оркхла, сэн болх мөн.

Тер ухаһар би эн медсн үт туулиг ясад, яарад бичж бээх седвэр эн болв.

Туулин экн

Кезэнэ нег хан бээж. Ор һанцхн көвүтэ бээж. Тер көвүн аңхун генн бээж. Тер хан иим муухн көвүн түүнд ирж үчрснд зовад йовдг бээж.

«Мини насн цаг болад, намаг уга болсн саамнд эн көвүн яһж орн-нутган ахлад, олн алвт үлсан закрад, хаана цол һартан бэрж йовхмб? Хаанд үлсин үлү, дутуһинь медэд, чик, хажһринь йилһэд, зөв, буруһинь келэд, йос-һосинь йилһүлэд бээх кергтэ болдг. Эн көвүм чадхмб тер хамгиг?» — гиж ухалад, ухандан күүндэд йовдг бээж. Тиигэд ухалад, селвэд йовж, иигж санж: «Эн көвүнд нег ухата цецн күүкэр герг кеж өгхлэ, энүнд дем болад, сүв-селвг өгэд, дөңнэд йовх», — гиһэд санж.

Тер кевтэн ухата цецн күүк олж авхар санад, хан цолан оркад, эгл хар күүнэ хувц-хунр өмсэд, хаана герэсн һарад йовж. Нег ээлэс нег ээлүр йовад, олн зүсн улсла харһад, олн зүсн үг күүндэд, яһж эмтн бээхиг хэләнэд, цецн күүкнэ зэңг сурад төгэлэд йовж.

Тиигэд йовад йовж нег хотнур шидрдэд күрэд ирж. Хотна күүкд туһлмудан тууж теегүр һарад, энд арьс-зорьс цуглуулн йовж наадад, гүүһэд, көөлдэд йовж. Хан теднүр шидрдэд күрэд ирж. Генткн хур сааһад орна. Күүкд: «Я-а, я-а!» — гилдэд, адһн-шидгн герүрн гүүлдж. Ор һахцхн күүкн туһлан бәрсн багла зорьсн деерән бөгдиж сууж.

Хан өврэд: «Эн күүкн юн гиһэд үлдсмб?» — гиж санад, тер күүкнүр шидрдж ирэд сурна:

— Чи ю кеж бэәнәч? — гив.

Тер күүкн иигж хэрү өгж:

— Наадк күүкд нег орута, хойр һарута болхла, би нег һарута, хойр орута суунав, — гиж.

Хан эн күүкнә келсн үгин утх медж уга. Тегэд дэкад сурж:

— Юн ору, юн һару гиж келж бээхмч? — гив.

Тер күүкн иигэд келж медүлж:

— Наадк күүкд туһлан алдсн — нег һару, арьс-зорьсан норьсн — хойрдгч һару, болв хувцан эс норьсн — нег ору. Би болхла, туһлан эс алдсн — нег ору, арьс-зорьсан эс норьсн — хойрдгч ору, болв хувцан норьсн — нег һару! — гиж.

Тер хоорнд хур гиһэд, дэкад нарн һарад оч. Хотна күүкд гүүлдж ирэд, туһлмудан бәрж авхар көөнәд, арьс-зорьсан авад, асхн шидр болсн цагт гер талан һарад йовж. Тер күүкн чигн гер талан һарна. Күүкд тустан көл нүцкн *балудар* цандгин үсар йовад йовж, эн күүкн болхла һостаһан йовад йовж.

Хан дэкад өврэд: «Юн деерәс эн күүкн һостаһан *балудар* цандгин үсар йовж йовхмб?» — гиһэд сурна:

— Чи юн гиһэд һостаһан *балудар* цандгин үсар йовж йовхмбч? — гив.

Тер күүкн иигж келж:

— Ус даһад һазр дорас оln зүсн хорха-меклә һарч ирсн бээдг. Тедн кү хазад, зууһад чигн оркна, күүнд хор-гем чигн күргэд оркна, болһасн деер! — гиж.

Күүкнә келсн үг хаанд таасгдж. «Эн күүкн орта үг келж бэәнә. Эн күүкн ухата цецн күүкн болдг бээдлтә. Энүг сәәтүр медж авхмн», — гиһэд дотран санж.

Күүкнэс сурна:

— Чи эн хотнд бээдвч? — гиж.

Тер күүкн келж:

— Э, бидн эн хотнд бээдвидн. Мана гер эн хотна наадк захин цаад бийд, цаадк захин наад бийд (бээсн) жирн жидтэ гер болдмн! — гиж.

Хан дэкэд сурж:

— Эн хотнур хааль ямаран? — гиж.

Тер күүкн иигж келж:

— Шуд хаальнар йовхла, ахр болх, болв та удан күрхмт. Төгэлэд йовхла, хааль ут болх, болв та хурдн күрхмт! — гиж.

Хан эн үгинь медж. Шуд хааль ахр болв чигн му натльта, *балудта*, өңгрхд күчр дала цаг авдг бээж. Төгэлэд йовхла, хааль ут болв чигн, тер хаальнь тегш, хагсу, торлын уга хурдар йовж болдг бээж.

— Нэ, күүкн, менд бэ! — гиж келэд, хан мөрэн: «Чү!» — гиж тэвэд, төгөлц хаальнар йовад, тер хотнд удлго күрэд, хотна ахлачин герт хонв.

Маңһуртнь: «Тер күүкнэ герүрнь одсв», — гиж санад, тер хотар эндк захас авн цаадк зах күртлнь йовад, хэрү цаадк захас авн наадк зах күртлнь йовж хээж, жирн жидтэ гер олж авч уга.

«Ода яһдг бээсмб?» — гиж санад, иигэн-тиигэн хэлэж бээтлнь, өцклдүрк күүкнэ харан нег герэс Һарсн торд гинэд үзгдв. Хан үкс гинэд тер гер тал күрэд одна. Тенд нег өвгн бээж. Хан тер өвгнэс сурна:

— Тиим күүкн энд бээнү? — гиж.

Өвгн келж:

— Э, тер мини күүкн Өлзэ, — гинэ.

— Хама бээнэ? — гихлэ, өвгн келж:

— Эн хоорнд Һарч одла, үр, элгн-садарн одсн бииз! — гиж.

Хан тер күүк күлэһэд суухм биш, өвгнд келнэ:

— Би хан болдв. Маңһдүр ирж чамд гиич болнав. Нанд царин үсэр тарг дарад белн кеж орк! — гиж закж оркад, йовж одна.

Арднь өвгн ду тэвэд уульна. Цар үс өгдг уга, тер өвгн тарг дарж белн кеж чадшго. Хаана зарьд харьад, толһаан хээчд харьулх керг болв.

— Одал үкдг керг болв эн! — гиһэд, өвгн ууляд сууж.

Күүкн гер талан күрэд ирнэ. Өвгн доһлң нульмста сууна.

— Юн болв? — гиж сурна.

Өвгн келв:

— Хан ирэд, иим хату зака өгж оркв. Маңьдур күртл царин үсэр тарг дарад белн кеһэд оркж орк, ирж гиич болнав гиж. Цар үс өгдг уга, тер тарг белн кеж чадшго. Тиим болхла, тер хаана зарьд орад, толһаан хээчд өгх мөн! — гиһэд уульна өвгн.

Күүкн гүвс гиж бээхн уга.

— Маңьдур күртл дала цаг, өмнэснь танд ууляд-унжад бээх керг уга. Наартн, цэһән уутн! — гиһэд, өвгиг сууһад, цэһинь сеңснднь кеж өгэд: — Унттн! — гиһэд, ширдг деернь кевтүләд, девлэрнь хучад унтулж оркна.

Маңьдуртнь күүкн өрүни цэ өвгнд кеж өгэд, дэкэд хан ирх өмн бийэр өвгиг ширдг деернь кевтүләд, цаһан көнжлэр хучад оркна. Хан күрэд ирж.

Күүкн тосч һарад келнэ:

— Хаана зергэс, арьул ортн, мана аав цаһан төр болж бээнэ! — гиж.

Хан келж:

— Ю келж бээнэч? Залу күн хамаһас чамд цаһан төр болдмб?! — гив.

Күүкн өмнэснь цеб келж:

— Та хамаһас авлта царин үсэр тарг дардгиг?! — гиж.

Тегэд тер күүкн хааг шүүж оркж.

Хан өвгнд келж:

— Нэ, чи нанд ирж гиич бол. Ирхлэрн, өрү-сөрү хэлэсн мөр ун, йовхларн, хаалһин дундаһур бичэ йов, хаалһин өөгүр чигн бичэ йов. Мана хотнд ирэд, мана герт орл уга, һаза чигн биш су! — гиж.

Тегэд хан йовж одна. Арднь өвгн дэхэд ду тэвэд уульна:

— Хамаһас тер өрү-сөрү хэлэсн мөр олж авхмб? Яһж хаалһар чигн биш, хаалһин өөгүр чигн биш йовхмб? Хаана хотнд одж оркад гертнь орл уга, хааза чигн биш яһж суухмб? — гиһэд ууляд бээнэ.

Күүкн гүвс гиж бээхн уга.

— Маңһдур күртл цаг дала. Өмнэснь зовад, ууляд-унжад бээх керг уга. Цээһэн ууһад, унттн! — гиһэд, өвгнд цээһинь кеж өгэд: — Унттн! — гиһэд кевтүлж оркна.

Маңһдуртнь өвгн босхла, күүкн келж:

— Та яһж хаанаһур одхмта гихлә, кеелтэ гү мөр унад, хаалһин көвөһэр довтлад, хаана хотнд одад, хаана герин үүднд сууһад, үүднэ хааһул татж авад нурһн деерэн хайж орктн! — гиж күүкн эцкдэн келж өгнэ.

Өвгн күүкнәннь келсэр кеелтэ гү унад, хаалһин көвөһэр довтлад, хаана хотнд күрэд, хаана герин үүднд чокс гиһэд сууһад, үүднэ хааһул татж авад нурһн деерэн хайж оркад:

— Хаана зергэс, сэн тавта бээнү! — гиж келэд сууж.

Хан келж:

— Нааран ор! — гиһэд, гертән орулв.

Орулж авад, түшмлмүдтән заков:

— Эн өвгиг гиич кетн. Бидн худ болхмн, энүнэ күүк би көвүндән авнав! — гиж.

Тегэд тер түшмлмүд өвгиг: «Суутн!» — гиһэд сууһад, ю иднэв, ю уунав гисн хамгиг авч ирэд өмннь тэвэд, идүлүләд, ууһулад бээж.

Уг сүүлднь хан келж:

— Нэ, ода хэрэд, нег тулм, нег арьмж хойр авад ир. Тулмарчн дүүргэд алтасн кеж өгнэв, арьмжарчн дүүргэд агт мөрд уйж өгнэв! — гиһэд, өвгиг хэрүлж.

Өвгн байрта мордад, үдл уга довтлад гертән күрч ирэд, күүкндән келж:

— Хан чамаг көвүндән авнав гинэ. Нег тулм, нег арьмж хойр авад күрэд ир гив. Алтасн, агт мөрдэсн өгнэв гив! — гихлә, күүкн герин шуһуһас татж авад, нег тулм нег арьмж хойр өвгнд өгч.

Өвгн тер тулм арьмж хойриг авч оркад, мөрн деерэн мордад, довтлад, хаана хотнд күрж одж.

Хан түшмлмүдтэн зачна:

— Эн өвгнэ тулмд дүүргэд алтасн кеж өгтн, арьмжин күрмэр агт мөрд уйж өгтн, бийинь болхла сээнэр гиич кетн! — гиһэд зачна.

Нег түшмлнь тулминь авна, дэкад негнь арьмжинь авна, одж алтасн тулмднь кеж өгхэр, арьмжарнь агт мөрд уйж өгхэр. Арднь өвгн дэкад гиич болна, иднэв-уунав гисн хамгинь өмннь тэвж өгч.

Удл уга түшмлмүднь хэрү ирнэ. Ирэд, хаандан өврэд келж:

— Тулмднь кедү алтасн кевв чигн, дүүрч өгхш, арьмжднь кедү агт мөрд уйв чигн, чилж өгхш! — гив.

Хан өвгнэс сурна:

— Ямаран тулм арьмж хойр авч ирсмч эс дүүрдг? — гиж.

Өвгн үннэн келж:

— Би медж бээхн угав. Мини күүкн өглэ! — гиж.

Хан закж:

— Йов, одад күүкнэсн ямр тулм арьмж хойр бээсиг медэд күрэд ир! — гиһэд йовулна.

Өвгн мөрн деерэн мордж авад, довтлад гертэн күрэд, күүкнэсн сурна:

— Хан намаг илгэв чамас сурж медж ав гиж, ямаран тулм арьмж хойр өгсмч эс дүүрдг? — гиж.

Күүкн келж:

— Мини тулм болхла күүнэ нүднэ цецкәһэр юмнд хандг уга кегдсн. Нег бичкн давс цацж орхла, даргдх мөн гиж. Арьмж бичкн ьал күргж орхла, сундгнь уурч одх мөн. Тер дарнхс түүнэ! — гиж.

Өвгн дэкад мөрн деерэн мордж авад, довтлад, удл уга хаана хотнд күрч ирэд, хаанд келж күүкнэ келсн үг. Хаана түшмлмүд дарнхсинь кеһэд, тулмднь дүүргэд алтасн кеһэд, арьмжднь дала агт мөрд уяд өгч.

Төрүнэ хөөн хан ик гидг хүрм ачж ирэд, сууна күүнэ сууца, боса күүнэ бөрвцэ уух, идх юман тэвж. Өвгн хотан цуглуулж авад, идэд-уунад, күүкэн хаана аңхун көвүнд өгч орксн болна.

Эн тууль — ут тууль гидг тууль. Иим туульс хойр-һурвн туульсас ниилсн болна. Иигэд эн аңгнь эн туулин чилв. Хойрдгч аңгнь эклв — «Сөрлһән». Хан медж авхан хээж бээнэ: цецн күүк көвүндән авч өгсн мөн сән болв, уга гиж.

Хойрдгч аңг

Иигтл-тиигтл бээж бээһэд, хан санж: «Нэ, ода медж авхмн. Эн цецн күүкн көвүндм дем болх мөний, му, сээһинь хувалцх мөний, сүв-селвг болх мөний?» — гиж.

Тиигэд санад, көвүһән наар гиж авад, иим зака өгч:

— Маңһдур күртл медэд ир, теегин бамбһл өвсн өдртнь хама йовдгинь, асхнднь хама йовж хондгинь, — гинэ.

Хан көвүн эцк-хаана келсн үг ик үхандан авч уга. Гертән одад, гергндән келж:

— Мана эцк-хан үхань һарч бээх биший? Нанд иим зака өгв: маңһдур күртл медэд ир гив, теегин бамбһл өвсн өдртнь хама йовсиг, асхнднь хама йовж хонсиг, — гинэ.

Гергнь сурна:

— Та юн гиж келхмт? — гив.

Хан көвүн юм ик үхаллго келнэ:

— Нег ил юм келхв. Эс уга керг бээнэ — эн теегин бамбһл өвсн өдртнь хама йовсн, асхнднь хама йовж хонсн, — гиж.

Гергнь келж:

— Уга, тертн тиим биш. Маңһдур та эцк-хаанд иигж келтн. Теегин бамбһл өвсн келв: «Өдртнь намаг хама одхиг салькн меддг, асхнднь намаг хама одж хонхиг сала меддг», — гив гитн.

Хан көвүн маңһдуртнь одад, эцк-хаандан гергнәннь келсэр келнэ.

Эцк-хан байрлж: «Дегд сэн, дегд сэн!» — гиһэд, көвүһән бууляд бээж:

— Нә, маңһдүр күртл санад, күрч ирэд йилһж мед: хойр әдл гүн мөрнәс алькнь экнь, алькнь күүкнь, — гиж.

Хан көвүн бас ухандан эцк-хаана келсн үгиг ик авч бээхн уга. Гертән одад, гергндән келж:

— Эцк-хан дәкәд нанд иим зака өгв: хойр әдл гүн мөрнәс алькнь экнь, алькнь күүкнь медж келхмч, — гиж.

Гергнь сурна:

— Та юн гиж келхмт? Яһж та тер хойр мөрдиг эк күүкн хойриг йилһж келхмт? — гив.

Хан көвүн дала юм санж бээхн уга:

— Юн бээхм түүнд, эннь экнь, тернь күүкн гиһэд келж оркхла, болад бээх, — гинә.

Гергнь келж:

— Уга, тертн тиим биш. Та нег багла арьян гидг өвс авч одад, тер хойр мөрнә дунд тәвж өгтн. Экнь болхла хату йозур талкинь идх, жөөлн намч хамгиг күүкндән хоңшарарн түлкәд өгәд бээх. Тегәд та тер хойр мөрнә алькнь эк, алькнь күүкнинь медж келхмт, — гив.

Хан көвүн келсн кевәр нег багла арьян гидг өвс авч одад, тер хойр мөрнә дунд тәвәд, хәләж бәәһәд хату йозур талкинь идснь эк гиһәд, жөөлн намч идснь күүкн гүн гиһәд йилһж келснд, эцк-хан икәр байрлж.

Тегәд дәкәд нег зака өгч:

— Хойр әдл моһаһас алькнь эр, алькнь эм йилһж мед маңһдүр, — гиһәд тәвж.

Дәкәд хан көвүн ухандан авлго сиигәд бәәнә.

Гергнь сурна:

— Яһж та тер хойр моһасин эр, эминь йилһж медхмт? — гиж сурна.

— Юн бәәдмб, эннь эр, тернь эм моһа гиһәд келж оркхв, — гинә.

Дәкәд гергнь келж:

— Уга, тертн тиим биш. Теднд нег бичкн хальмг гер бәрж өгтн. Түүнә деер бас нег ик гер бәрүлж орктн. Тер бичкн гер

дотр жөөлкн ноһа овалж орктн. Тенд тер хойр моһасиг тэвж орктн. Эм моһа тер жөөлкн ноһан деер һарад кевтэд бээх, эр моһа болхла тер гер эргэд йовад бээх, — гиж.

Маңһдуртнь хан көвүн эцк-хаанд одад, бичкн гер бэрүләд, дүүрң ноһа оркулж, дам тедн деер бас нег ик гер бэрүлж, тер герин тотхар хэлэж, альк моһань жөөлкн ноһан деер кевтв, альк моһань һазаһарнь эргэд йовад бээв гиж хэләһэд, йилһж келв.

Эцк-хан ик гидгэр байрлв көвүнь заксн хамгинь медж авснд.

— Ода уг сүүлин сөрлһн. Маңһдур ирж нег модна тээрэц йилһж мед, алькнь ора талкнь болдг, алькнь йозур талкнь болдг, — гиж.

Гертән одад, гергндән келж:

— Мана эцк-хан келв, нег модна тээрэцэс алькнь ора талк болдг, альк талкнь йозур талк болдг, — гиж.

Гергнь дэкэд сурна:

— Та яһж тер хамгиг йилһж медхмт? — гив.

Хан көвүн үхандан авч бээхн уга:

— Эн захнь ора талк, тер талкнь йозур талк гиһэд келж оркхла, болад одх биз, — гинә.

Гергнь келж:

— Уга, тертн тиим биш. Та ик цар хээс тэвүләд, тер хээснд дүүргэд ус келһэд, тер модна тээрэциг тер хээсн дотр хайж орктн. Тер модн норж одхларн, йозур талкнь чивэд, ора талкнь деегүр көвэд йовх. Тегэд та тер модна өнцгинь медж авхт, — гиж.

Хан көвүн тер гергнәннь келсәр цар хээс тэвүләд, дүүргэд ус келһэд, тер модна тээрэц тер хээснүр хаюлад, нортлнь күләһэд сууж. Чивсн өнцгнь йозур талк гиһэд, үрчксн талкнь ора талк гиһэд йилһэд келснд, эцк-хан ик гидгэр байрлад бээж: «Көвүн, дегд сән, энчн дегд сән», — гиһэд.

Тегэд тер хан медж үхата цецн күүк көвүндән авч орксан му болж уга гиһэд. «Ухата, сән гергн авсн залуһиннь му, сээнд орлцад, сүв-селвг боллцад йовх мөн», — гиһэд санж.

Эн хойрдгч әнгнь чилв. Һүрвдгч әнгнь эклж бәәнә.

Сүл эргц

Иигтл-тиигтл бээж бээһэд, эцк-хан алвтын үүлэн көвүндэн даалһж оркад, эврэн бийнь невич сүлдсн болад: «Таварн бээсндэн аңһучлсв», — гиж санад, нег өдр мордад һарна. Аң-аратс көөһэд йовж дегд холагшан һарад, хама йовхан медж чадлго бээж. Альк үзгэс ирсэн медлго, аль үзгүр йовхан медлго, иигшэн-тиигшэн хэлэж бээһэд, өмнк үзг талагшан һарад йовад йовж, нег хотнур ирнэ.

Тернь талдан хаана хотн бээж. Тер хан меддг бээж эн хааг. Оньдин дурлад бээдг бээж, ямр арһар эн хааг бийдэн орулж авхиг, алвт үлсинь эврэннь алвт кеж авхар. Эн хааг ирв гиж соҥсн: «Бийэрнь нааран авч ир!» — гиһэд түшмлмүдтэн зачна.

Тер түшмлмүднь эн хааг:

— Наартн, мана хан таниг ир гив, — гиһэд, көтлэд, хаана өргөһүр орулж оркна.

Тер хан эн хааг үзн, байрлн:

— Нанд орж оркхар ирвч? — гиж сурна.

Эн хан:

— Юн гиһэд чамд орж оркхмб? Аңһучлад һарад, холагшан һарад, хаалһ деер бээсн хотн гиһэд орж ирв би. Нег бичкн зуур амрч авсв гиһэд, — гинэ.

Тер хан келнэ:

— Уга, чин нанд орж өгх мөнч. Чини алвт мини алвт болхмн. Би яһж чамаг орулж авхар, алвтычн эврэ алвт кезэ авхар санад бээһэтэв би. Чи эврэн нанур ирвч. Сэн, нанд орж өгх мөнч! — гинэ.

Эн хан келнэ:

— Уга, юн юм келж бээхмт? Тиим юмн хама бээдмн? — гинэ.

Тер хан түшмлмүдтэн зачна:

— Бэртн эн хааг! Күлэд, һаза күлж орктн! — гинэ.

Түшмлмүд хааг бэрж авад, тергн деер һаза күлж оркна. Өдрин һурвн ааһ үс өгдг болна. һаза хар салькнд, хаврин халун нарнд шатад, үсар бээһэд бээж, эцэд, борц мет

болна. Муудад бээнэ. «Ода ямаран арh кедг мөн бээсм?»
— гиһэд ухалад бээж:

— Нэ, ода орж өгнэв. Нег бичг бичнэв. Тер бичигг һурвн сэн залуһар күргүл. Тер бичг авч оркад, мини алвт нааран нүүж ирх, чамд орж өгх, — гиһэд хаанд келүлнэ.

Тер хан һурвн сэн залу шүүж авад, белн кеһэд:

— Нэ, бичгэн бич! — гинэ.

Эн хан үдлго бичэд, бичгэн тер һурвн залуд өгэд, тэвэд оркна.

Тер һурвн залу мөрнэ хурдар довтлад, эн хаана хотнд күрэд, хан көвүнд тер бичг өгнэ. Хан көвүн тер бичгинь авад, умшад, алвтртан келж:

— Мана эцк-хан маниг тиигэн нүүж иртн гиж, — гиһэд.

Тер зэнг хотна улст шуугад, тарад йовад оч. Түстан мана хан маниг нүүтн гиж закж гиһэд.

Хан көвүн гертэн ирхлэ, цецн күүкн залуһасн сурна:

— Юн мана алвт улс үүмэд бээнэ нүүхмн гиһэд? — гинэ.

Хан көвүн келнэ:

— Мана эцк хан бичг бичсн бээнэ, маниг тиигэн нүүж иртн, — гиж.

— Аль тер бичг? — гиһэд сүрхла, хан көвүн хавтхасн һарһад: «Эн», — гиһэд, гергндэн өгнэ.

Цецн күүкн тер бичг умшна. Тенднь иигж бичж:

«Би эн хаана хотнд бээнэв. Намаг дегд сээнэр күндлж бээнэ. Дөрвн талта ширэ деер суулһв. Өдрин һурвн иргин шөл өгнэ. Ода таанр нааран нүүж иртн. Ирхлэрн, мини адунд орулсн шин сагсг делтэ гү өмн тэвтн. Хэврһэс орсн һурвн хуциг бэрж авад, һал тээтн. Негэрнь һарад йовн гиж бээһэд, дарукарнь – хаалһин дүндүрт, һүрвдгчарнь – эн хаана орнд орхин өмн. Түстан нааран нүүж иртн», — гиж бичж.

Цецн күүкн дуудн медж: «Мана хааг бэрж авад, һаза шар нарнд күлж орксн. Өдрин һурвн цөм үс өгдг», — гиж. Залудан келнэ:

— Эцк-хан ю бичсинь медж бээнт? Эн сагсг делтэ гү өмн тэв гисн үгнь — намаг ахлж ав гисн үг. Ода чи нег цөөкн сэн

залусан авад, эн һурвн ирсн залуг бэрж авад, сүрглгө хатуһар авад оркхла, тедн чамд үннэн келж ирх, — гиж.

Хан көвүн нег арвн сэн залуһан дахулад, тер ирсн һурвн залуг бэрж авад, хату гидгэр сүрлһ авад оркхла, теднь келж:

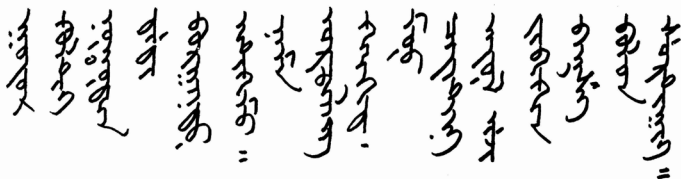
— Тана хан мана хаанд орж өглэ. Таанриг тиигэн нүүж ирүлнэв гилэ, — гиж.

Тер кевтэн тер һурвн залуһас харул хамг хама зогсдг мөн гиһэд сурж медж авад, кедү дүңгэн церг залус бээхиг медж авад, тер һурвн залуг күлж оркна.

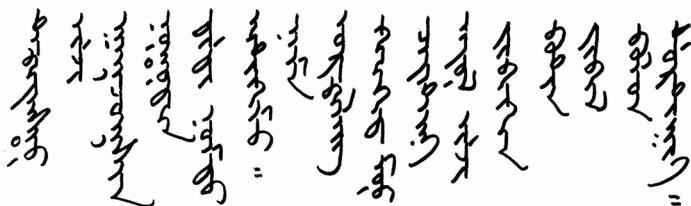
Эврәннь цергэр һарад йовад, тер хаана һазрт асхн шидр күрнэ. Сөөни өрэл күртл күлөһэд, э-чимэн тасрсна хөөн, эмтн унтж одсн цагт цергэрн орад, харул хамгудынь бэрж авад, хотнурнь орад, хаана өргөһинь төгөлж авна. Эврәннь хааһан сулдхж авад, теднэ хааг бэрж күләд, алвт үлсинь бийдэн авад күрч ирсн бээж.

Тегэд эн хан цецн күүк көвүндэн авсн сэн болсиг сээнэр медэд, санань амрад, седклнь дүүрң, эмсн-сүмсн жирһэд бээж.

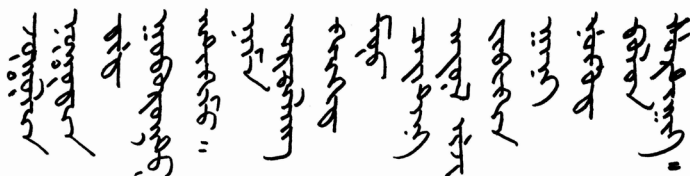
Ном - ууло халимак улус номшиджи йобоксан ном,
сыйхен гидек халимак келдир токтаксан ном,
Ене ном санскрит келенде бийдек ном орчилуксан.

Хойор кьлтд нугудин дееде бурханду итекемү.
Нама орчиланг киигед муу зайатани айул еене йебайкин
бакши болон сьдөртехд.

Тачийанггу еене хакцоксан нугудин дееде номду итекемү.
Нама орчиланг киигед муу зайатани айул еене йебайкин
Бутдн йебайл болон сьдөртехд.

Цугулуин нугудин дееде хоборакту итекемү.
Нама орчиланг киигед муу зайатани айул еене йебайкин
Ханьи нькд болон сьдөртехд.

Текст молитвы «Ном»

ЛИТЕРАТУРА БУДДИЗМА

НОМ

Уул хальмг үлс номшч йовсн ном. Сээхн гидг хальмг келэр тогтасн ном. Эн ном энткг (санскрит) келнд бээдг номас орчулгдсн.

Хойр көлтө нүһудын деед Бурхнд иткмү!
Намаг орчлңгин болн му заятна аюлас евэхин багш болн сойрхтн.

Тачаңһуһас ханцгсн нүһудын деед Номд иткмү!
Намаг орчлңгин болн му заятна аюлас евэхин бүтн евэл болн сойрхтн.

Чуулһн нүһудын деед Хувргудт иткмү!
Намаг орчлңгин болн му заятна аюлас евэхин хань, нөкд болн сойрхтн.

БААЗРДАРИ¹

Хальмг келэр келсн сээхн ном. Эн номиг ик кезэнэ, XVII–гч зун
жилмудт, зүңһарин һазрт бээх замнд һарһсн ном болдг бээдлтэ.
Эн номиг бичсн ламин нернь өөрдин нойдын хурлданд орлцсн
нерд (заагт) йовна – Хамб Жалцан хутгт гиж.

Хальмг келнь йир сэн. Һанцхн мана келнэ төлэ эн номиг дасч
авхла, сэн болхмн гиж санад, энд орулув.

Ом Баазрдара хум! Ок Шагжмуни Зу!
Ора деер сууж өтр маниг эдслтн!
Тавн сээвр одгсуд титм болн сууж,
Түүдкр нүл бүкниг түргн зуур эрлһтн!

Бас һүрвн йозуртн бэрн дахн сууж,
Бий, келн, седклиг батуд сээтүр эдслтн!
Эмин бурхн Отч, энд нигт сууж,
Элдв үкл, цаг бишин өвчиг эрлһ!

Гегэн герл Аюши, гетлһгч Амидава,
Гегэн сил сууж кетркэ нас өгтн!
Санду закр Самандаһа, шинж Ямантака,
Сээтүр дахн бэрүләд сансрин сид өгтн!

Маңһла цагин күрд, манха мани Живочр,
Маш гегэн чирәһәр маниг үзн евәтн!
Баазрсад, Акчива, белг билг Намжилма,
Берк олн нүүлиг бартл эрлһтн!

Ок Цаһан Дара эк, оюн төгс Намжилма,
Ут нас өгәд, оюн билг төрүлтн!
Эркн Дара-эк, эк билг бәрмд,
Эн хөөт бүкниг энд нигт евәтн!

¹ Текст исправлен нами по рукописи «Erken ene nereši», хранящейся в личной коллекции Ушин Шара (1957 г.р., г. Монголкүрэ, СУАР КНР), ойр. рук., 4 л., 9 x 21,8, красная и черная тушь.

Кетркэ сидтэ гетлһгч, бишэчин
Кишг һамшг эрлһн, кишг буйиг делгрүлтн!
Маңһзушри, Мөөдр, маһд Идам бурхд,
Мишглзх гегәһәр маниг үзн евәтн!

Һүрвн цагин иткл һучн тавн Бурхд,
Һутамшг эрлһн, хутг мөр олһтн!
Богд миңһн Бурхд, бөк Бодьсаднр,
Бодин хутг күртл бүрн маниг әдслтн!

Хамг Бурхд, деед Ном, һәәхмшгтә Хувргуд,
Хамг эрл күслиг хаңһан сәәтүр евәтн!
Үнн зурһан чимгүд, өндр хойр деедс,
Онл тавн ухаһар бүрн маниг әдслтн!

Нарн Дилова эклн, найн ик сидтнр,
Нәрн оюн билгәр ниид маниг әдслтн!
Марва, Мила рицамба, маш олн сидтнр,
Махамүдрин онлар бүрн маниг әдслтн!

Уржн Бадмасамбхава, оран чимг Атиша,
Удърдх зәрлгәр улм маниг әдслтн!
Бодьсад Бүрм багш, Богд лама Зунква,
Бодин дунд сууж бүрн маниг әдслтн!

Арвн зурһан шүтән, аль биш хутгтнр,
Әмн нас уттүдхад аврлдн авртн!
Кетркэ ачта келмрч пандит,
Гегән оюн билгәр күлк маниг әдслтн!

Дала-лам ринпоче, дәкн Банчн эрднь,
Далдр уга евәһәд дарунь маниг әдслтн!
Бадма Хаяңгрива, Баазрвани килцтә,
Берк олн шулмс, чөткриг бәрн, күлн гетлһтн!

Махаһала, Эрлг хан, Маңср Окн теңгр,
Маниг өдр, сөөд маһд сәкн сойрхтн!
«Эркн эн нершиг» өдр болһн насндан,
Эмгнх сүзгәр эгшлн дууд!

Дуудн, дуудн зальврн, давхр, давхр сидтнр,
Дару, дару өгәд, дәкн, дәкн әдсл!
Үнн һурвн эрдниг үннмнх әдстидәр,
Өлзә хутг оршулад өөнд бәәх болтха!

«Хамг эн нершиг» Хамб Жалцн хутгт,¹
Хахрхая холваж, хамт негн нәәрүлв!
Эн хамг әмтн эцүс төрлин үйд,
Суквадин орнд хамт төрх болтха!

Gevä deye nurdudak Baazar dāri rubžurni
Rova žikžen maluva deye sala ghomboršik.

Эн сүүлин шүлг төвд келәр келсн бәәж. Багш Санж-Рагба (Меньков) энүг хальмг келәр орчулсн бәәж. Болв тернь тиим даршлһта болж уга, утхинь медүлсн болж харна.

Буйн үгәр түргн лам бурхд бүтәһәд,
Әмтиг негчн үлдәлго, таралңгин орнд бәәлһх болтха!
Мөргсн болн тәксн, намчлсн болн дахн байссн,
Дүрдн зальврсар үчүкн буй хурасн хамгин ик бодьд зөрмү!
Сән амүлң бүкнд делгрх болтха!

Эн «Баазрдари» номиг би тер багшин бичсиг авад, баһ дөрвдә, Манцин кецин ик чонс әәмгә, хармбин самнрта хувргта номшад, үлү, дутуһинь чиклн оршгсн болна.

¹ В другом списке рукописи эта строка написана так: «Хамуq ene nerešiyigi bambu šačin xutuqtu хахар хауа холбоји хамта nigen nayiroulba».

ЙОТУН ШОВУНА ОНЛ ӨГЛҮН

«Һанжур», «Данжур» дотрас авсн түүж мөн. Энүг кесг хуврг улс моңһл, хальмг келәр орчулсн бээж. Энд бичж бээх түүж йир сән өөрдин келәр, хальмг дегтрин келәр бичгдсн бээж. Бас келнднь дурлад, энд орулж бээх керг. Санж-Рагба багш эн түүжиг хальмг күүкдт гиж санад бичж өгсн бээж.

Йилһн Төгссн Үлгсн (Бүрхн багш, Будда) зэрлг болв:

— Гелңгүд, ахин үлмд залуһин үлмар күндлх, чухл күндлхнь, деед номин йовдл мөр сән мөн. Зулучуд ахин үлмд тер мет үүлдх болдг.

* * *

Урд, олн һалвин ца талд, Варанаси гидг нег орнд Цаңжин гидг нертә хан бээсн. Тер Аңху балһснд амрн жирһн, номин йовдл мөр учрл делгрхд болв.

Түүни шалтан:

Ө-шуһу модна захд дөрвн әмтн: Йотун шовун, Туула, Сар мөчн болн Ик-Зан — эн дөрвн иньглн оршв. Тедн йир урдк эврә бийин күчәр, бидн ахин үлмд күндлий гиж шиидәд, кен көгшн залуһан медхин төләд модна нәрн ик хожул көгшрсән негнд кемжәлж медий гилдв.

Ик зан келв:

— Эн модн залу цагин өндрин кемжәнь мини өндрин кемжәлә әдл билә, — гив.

Сар мөчн келв:

— Мини медх цагт модн эн бичкн билә, өндртән мини бийлә әдл билә, — гив.

Туула келв:

— Эн модна хойр намч өндртән тавн хурһн бээсн. Тенд әмтәхн шүдүр тогтсиг би әдлж ханлав, — гиж келв.

Йотун шовун эн мет келв:

— Эн модна үр һазрт кевтсн деер мини көрсн унад хучснд шүтәд, эн модн үрһж һарв, — гив.

Тегэд тедн кен көгшн залуһан дараһинь үлм сээтүр медэд, ахин үлмар күндлх, чухл күндлх үүлдн бээсн бээж.

Йотун шовуна заксн закон-зарчм хамгиг бүсү нүһүд сээтүр соңсад: ам таслх, хулха кех йовдл биш, худл келх, модна темс ишклн, хашуниг эдлхиг тевчэд, сүрһулин ориг сээтүр сэкэд бээв. Теднэ иньглн оршсн сэн өлзэхэр үүлнэс хур цагтнь бууһад, һазрас земс-үр сээтүр үрһж болвсрад, тер орн үзгин әмтн хамг эдлж ханад, амрн жирһэд бээсн болдг.

* * *

Тиигэд бээх цагт тер орна хан Цаңжна сананд: «Эн хамг болж бээх сэн үчрл, эдн, мини буйна күчн мөн гиж санад», – омг-цәкм төрх болв.

Түшмлмүдин сананд: «Эн сэн үчрл хамг — һанц хаана чигн күчн биш, бидн, түшмлмүдин, чигн күчн орсн болх», – гиһэд, зөвд эс багтв.

Тегэд хан түшмл селт илркә медхд Арш нег бээснә дергд одад, учран медүләд шүүлһв.

Арш тер эн мет келв:

— Эн болжах сэн үчрл — хамгин күчн, һанц хаана чигн, түшмлмүдин чигн күчн биш. Эн хамг өөһин зах негнд бээдг: Ик-Зан, Сар мөчн, Туула болн Йотун шовун — эн дөрвн әмтн иньглн оршад, ахин үлмд дүүһин үлмар күндлх, чухл күндлх номин йовдл — мөр тедкн бээдг теднә буйна өлзэхэр, теднә күчәр болж бээх сэн үчрл хамг эн мөн, — гиж өгүлв.

Тер мет өгүлсинь соңсад, һәәхмшг төрэд, хан, хатн, түшмл, алвт селт хархд одад, яһж бээхиг үзэд, икд бишрэд, сүзг төрэд, түүнәс уха-серл авад, тер хан, түшмл, алвт селт тер мет ахин үлмд күндлхд мергжн кецәх болв.

* * *

Тегэд Йилһн Төгссн Үлгсн Бурхн Шагж чадгч зәрлг болв:

— Йотун шовун — тер мини урд төрлин нег бий мөн. Туула — тер Шарин көвүнә урд төрлин нег бий мөн. Сар мөчн — тер Молом тойна төрлин үй нег мөн. Ик-Зан — тернь Анандан

урд төрлин нег бий мөн, — гиж зэрлг болсар нөхднр ахин улмд залуһин улмар күндлх болн чүхл күндлх тергүтни сүрһулин орнд кецэх болв.

Эс зокалдсн үлгүрнь: Хар төмр алхар амулңгин амн үндс уңгарнь таслн үүлдх мет.

Зокалдх үлгүрнь: Ик-Зан, Сар мөчн, Туула, Йотун шовун эдн даруһин улмар күндлсн өлзэхәр амулң болсиг хартн.

Эн тууж XVI–XVII зун жилд һарһсн болдг бээдлтэ. Тер цагт өөрдин нойд зөв-зөвдэн багтлго, хоорндан ууд булалдад, нег-негэн ахлуллго, күндллго, чи, би гиһэд тарж, тасрж бээсн цагт эн туужиг иим сээтүр орчулад, уха бак гиһэд, сүүлин шүлгиг докъя болг гиһэд дарадулсан сэнж гиж медх мөн гиж би хувдэн бодж бээнэв. Торһуда нойн Хо Өрлг, хошуда нойн Бээвһэс хойр зүңһарин нойнд Эрднь Баатр хунтээжд орж өгш угаһар тулж йовсн цаг тер. Тедн дунд хөд уңгта нойн Дала гидг дөрвдин нойн би болдг док гиһэд, тедн дунд довдлж бээсн цаг тер. Тедниг дундан эв–дарандан багтн гиһэд уха орулхар эн тууж бичсн кевтэ гиһэд би бодж бээнэв.

МӨҢК БИШИН УЧРТ

Унков Черик гидг күн бичсн бээж эн шаштриг. Терүгинь би
авад, ясад-яарад оркснд, хальмг эпическ магталын дүр орж одв.

Үкх, мөңк биш гидгтн —
Үнн Бурхна зэрлг бээж.
Үкх цагин кемжэн тертн,
Урдын үүлэр учрдг сэнж.

Һазад, дотадын эмсхл тасрхла,
Гешүн хамг көдлхэн үүрдг сэнж.
Һанцхн эмн-сүмсн бийэрн
Һаза һарч, зуурдын орнд ордг сэнж.

Гем, зовлңгасн гетлсн болад,
Гиигн-шиигн болж амрдг сэнж.
Герт, һаза төгөлж йовад,
Гер-малан бүрткэж ирв би.

Иигән-тиигән хэлэхлә,
Игзэр хутхм цоохр меклә,
Ишкә олва девскр мини деер
Ил өрәлнь һарсн кевтж.

— Эн мини девскр деер
Энүг кевтүлсн мөнб, — гиһәд,
Энд бээсн улсас сүрхла,
Эс соңссн бээдл һарна.

Эргәд, буру хэләһәд,
Эв-учринь келл уга,
Эврән мед гисн бээдләр
Ээрәд, төгәләд бәәцхәв.

«Соңсад бээж, хэрү эс өгдг
Соньн жигтэ улсв эдн», –
Седкл хүндх бээдл үзүлдг,
Сананднь хүндад хооран харв би.

Энлн йовж цуглуулсн
Эд-аһүрс мини медл уга
Эн амтн дунд түгэхлэ,
Эзн нанд харм болад бээв.

Эн хамгиг үзн хүндад,
Эврэ төрсн элгн-садндан
Эргэд ирэд, хүндлан келхлэ,
Эднэс чигн нанд хэрү уга болв.

«Ода, би яһсмб», – гиһэд,
Эврэ бийэн шинжлэд хэлэхлэ,
Өрүлг мини живр болад,
Өөдэн уру нисэд бээнэв.

2

«Гелң, хуврг залнав», – гиһэд,
Герт хүрсн үлсин дундас
Генткн мини ач босад,
Гертэсн һарад, йовад одв.

Улвр шар хувцта хувргуд
Удл уга мана герүр
Үүд сэкэд, орж ирэд,
Үкэрин күүрт юм белдв.

Үдин цагла дигтэ харһулад
Утата күңшү герт тэвхлэ,
Уусн-идсн болж санад,
Ундассн, өлссн хамг уурв.

Эдстэ «Дорж жодв» авад,
«Алтин зэрлгэн» эклэд умшхла,
Эмд цагин сүзг орад,
Эдс авхар шидрдэд суув би.

Дун айсинь тодрха соңсхар,
Дуг гиһэд өмөрөн суув.
«Дорж жодвин» зэрлгин аршаһар
Дотркм таалрад, үрсад одв.

«Дорж жодвин» зэрлг дуусхла,
Дараһарн босад, эдст күрүв,
Дахн босад намаг одхла,
Деегүр хэләһэд, үзлго бөөв.

3

Хээртэ эңкр элгн-садан
Хама бээсн һазрт оркад,
Хураж авсн эд-аһурсан
Хаяд һарх цаг ирв нанд.

Хамдан экин кевлэд ханьцсн
Халун цогц, махмудасн хаһцх,
Хээртэ эмн-сүмсн һанцарн
Хэрү уга хаалһд орх цаг ирв.

Эс таньдг зам хаалһар
Эрлг хаана элч дахулад,
Элдв зүүл өвөрц һазрар
Эргүлэд, авад ирв намаг.

Өәмшгтэ зуурдын эн бээдл,
Ачта багшин зэрлг хамгар,
Эмд цагтан соңсч йовсарн
Алдл уга таньж медув.

Алмацлһн уга, бат седкләр
Амидава бурхан орадан залад,
Арһ-үүлән үхалн бәәж,
Ардаснь эрлг элчиг дахв би.

Улм цааран йовх дутм —
Үзэд уга әәмшгтә көдә,
Учрад йовх болв чигн,
Урд тәвсн хөв мини гиһәд,

Олн номин тәрнс давтад,
Удърдгч *Амидаван* дурдад,
Үүлин үр гиигн болг гиһәд,
Үкс гиж элчән дахв би.

4

Долан давхр һазр дор
Дотран ордг үүдн уга,
Дигтә арвн зурһа бүслгдсн
Даңгин төмр күрә дотр

Олн әмтнә хар, цаһаг
Олж, йосарнь зарһинь кедг
Өршәңгү седклтә *Номин хан*,
Олн элчнрнь күрәлсн суудг.

Эн ик күрә дотр
Элдв зүүлин орнас ирсн
Эңгин зүүлин олн әмтн
Эв-дараһан олж зогсад,

Эврәннь нериг дуудхиг күләж,
Эрлг Номин хаана өмн одж,
Эврән бөкрж сууһад,
Эдлсн үүлән келхәр санж.

Олн хурасн әмтнә үүлиг
Олн зүүләр зарһинь хувана,
Өөдән һарх, уру орхиг
Өдгә медгдј ирх гинә.

5

Нег күүнә үүлин зарһиг
Номин хан иигј хәһв:
– Нарта делкәд эн күн
Нүл, килнцәр насан өңгрүлј.

Үүл үрин йосар болхла,
Үрглјд ик зовлң эдлј,
Улан оркргч тамд тусад,
Үүлән әрлтл зовх йоста эн! – гиж.

Эн күчтә зәрлгинь соңсад,
Элдв зүүл зертә-зевтә
Эрлгин элчнр дегц босад,
Эн күүг авад һарв.

Күн тер ардан келв:
– Күүнә бий олх үүлтә
Күн энд бәәдг болхла,
Келј йиртмјд одтн.

Килнц, нүүләс цеерлј,
Күүнд хор бичә күргтн,
Кесн үүлин үрәр болхла,
Кезә тоньлхинь медј болшго! – гив.

Бас нег күүнэ зарһиг
 Баатр хан иигжэ хайлв:
 – Барун тивин күн эн,
 Бусдт тусан күргжэ йовжэ.

Биднэ зарһин йосар болхла,
 Бат амулң эдлхэ зөвтэ! – гижэ.
 Баатр хаана зэрлгэ соңсад,
 Барун зууна элчнр босад,

Буйнта күүгэ босхжэ авад,
 Байрта дүрэр дахулад,
 Буйнта орна үзгүр
 Барун һараснь көтлэд һарв.

Таралңгин олн Бурхд дурдад,
 То уга олн йөрэл тэвэд,
 Тер күн ардан келсн
 Темдгтэ үгнь эн болв:

– Барун Замбутивд одх
 Буйнта күн бээдг болхла,
 Бүгд эмтнд мини үгиг
 Батлжэ келжэ өгтн гиһэд суржанава.

Буйнта үүлд бийән зарад,
 Бусин тусас бичэ алзлтн,
 Бүгд «*Маань Мигзм*» кецәһэд,
 Буйиг хурасн үрән эдлхэ болтха! – гижэ.

7

Байрхг бээдлтэ күүнэ учрт
 Баатр хан иигж зэрлг болв:
 – Барун тивд күн эн
 Байн учрлта йовсн бээж.

Бээсн кишгтэн багтлго,
 Бусдын эдд шунхрдг сэнж,
 Бээһэд бээтлнь уга гиһэд,
 Бусд юм өгдго сэнж.

Биднэ зарһин йосар болхла,
 Берк ундасх, өлсх зовлңта,
Бирдин орнд одж төрэд,
 Бийин килнц эрлһх зөвтэ эн! – гиһэд,

Эрлгин элчнр дегц босад,
 Эн килнцтэ күүг авад,
 Эрк дөрвн мөчинь күләд,
 Эрггч тамин йоралур шивэд орулв.

8

Күрд эркэн хартан бәрсн
 Көгшн яду өвгнэ учрт
 Күчтэ *Номин Баатр хан*
 Кетркэ зэрлгнь эн болв:

– Эн көгшн өвгн күн,
 Эврэ бийнь яду йовад,
 Эдлвр жирһл тату болад,
 Эврәннь көлсәрн әмрлдг сәнж.

Энлн зовж олсн олзасн
 Эврэ бийиннь эдлвр хасад,

Энд-тенд харһсн яду улст
Эд-аһурснаһсн хувалцдг сәнж.

Эн, Номин йосар болхла,
Энд хурасн буйнаннь үүлэрн
Эврэ сансарн жирһх мөн.
Эн бээдлэн цааран чигн бэрхлэ,

Эцүстнь бурхн болхднь маһд уга.
Эдү дүңгән буйиг хурасн
Эрднь бийтэ күн сәнж! – гив.

9

Эн олн үзгдл үзэд,
Эврэ бий мини аньж бишрэд:
«Энд нанд юн үчрна?» – гиһэд,
Эң зүүлэр ухалж бээв би.

Хаана зэрлг – *Номин йосн* —
Хөөт ширән һаза, дота
Хар ширэр барлад бичсн
Хама биш тодрха бээнэ.

Байн кишгэр дольж өгшго
Баатр хаана Номин йосн.
Бөк чидлэр диилж болшго
Бүгдин хаана *Номин йосн*.

Арһ, хуурмгар меклж болшго
Аһү күчтэ *Номин йосн*.
Өмтн хамгиг тегш сандг
Асрңһу иктэ *Номин йосн*.

Үзүсклңтэ дүрсэр оньтхж болшго
Үүлин эзн *Номин йосн*.

Үлү, дутуһар өңгрж болшго
Ур уга *Номин йосн.*

Хойр келтсиг хөвөрдг уга
Хуурмг уга *Номин йосн.*
Хөөтк насиг йилһж келдг
Хөөтк насна эзн *Номин хан!*

Эдү дүңгәһәр Бурхан магтдг, иим келәр седклән медүләд,
зальврдг болхла, ном бичг хамгиг теедг болхла, моңһл уңгта улсин
чинр өсәд, мана омг өндр болад, сар, нарн мет мандлад одх йоста.
Тиим күргәх уха ухалх кергә. Тиигхлә мана уңг тасрлго, мана келн
хоцрлго йовх мөн. Тиим евәл болтха мөн!

Хальмг тагчин лам Жиңзң ламин зэрлг оршв

Ом сән амүлң болтха!
Гетльгч лам *Маңһзушрид* мөргн үүлдмү!

Эцк-эк болсн ном уга хар күмиг буйнд дурдх,
Үгнь – цөн, утхнь – элвг товч үг бичув.
Чикндән тусхаж чиңнэд, седклдән тогтатн!

Ая, күмн сән, му, дунд һурвн йилһл уга цуг үкх.

Юн учрар гихлә, түрүнәс үклго бәәсн күн гисиг үзх, соңсх,
санх негнь чигн уга. Урдкин хамг үкж дууссн – тер мөн. Бидн
хамг үкхәс давх уга *Үклин эзн* ирсн цагт.

Тер цаг гиж цагннь болзглж болшго. Түүг юуһар иткхв
гихлә, залу, көгшн завср дараһин улм уга үкх. Нүднд эс
үзгдхнь көгшрн көгшртл бәәхнь маһд уга. Тер зәрмнь экин
ома дотрас үкн һардг. Зәрмнь һарч бәәһэд үкдг. Зәрмнь
мөлкж-татж бәәх тедү цагтан үкдг. Зәрмнь келж-үлж йовх
нилх цагтан үкдг. Зәрмнь залу идрт күрэд үкдг. Зәрмнь
көгшрсн цагтан үкдг. Эднәр шинжлхлә, кезә үкх цаг болзглж
болшго. Кезә үкхнь маһд уга мөн.

Үкх цагт экин дотрас хамт нег авч ирсн бийиг салврха
му девскр деер оркад, энрн эмгнсн садн-төрл цуһар өөрнь
күрәлж суув чигн, дахх негн чигн юмн уга. Энлн-шинлн, генн-
гесн хурасн эд-тавр элвг бәәв чигн, нәрн тоосн тедү чигиг авч
одх негн чигн юмн уга. Сән, му элдв юмна учр меддг седкл
эн.

Үлгүрлхлә, тоосн дотрас килһс суһлж авдг мет, седклдән
һанц эн үзгдлин юмиг оркад, гедргән хәрж иршго болад,
хөөт йиртмжүн үүлд шуд зөрн йовхд, *зуурдын* олн аюл харһх
цагт алькнь туслх, алькнь хорлх гихлә, энд үүлдсн цаһан
буйна үүл туслх, хар үүлин үүл хорлх мөн.

Эврә дурар төрл авх эрк уга. Өвс һалд түлсн мет седкл
тер уга болж одх уга. Төрлин негннь авх кергтә. Төрл авхд
эврән эрк уга болхла, энд үүлдсн буйн, нүүлин үүләр авх.

Нүүлин үүлэр там, *бирид*, адусн нурвнд төрх. Ик үүлэр тамд төрх. Дунд үүлэр *эрлг*, *биридт* төрх. Үчүкн үүлэр адуснд төрх.

Тамин зовлң ямарамб гихлэ, халун тамин зовлң – нал бадрсн төмр бээшң дотр бий нал мет бадрн асх. Бэрклх ду нарх тедүһэс ондан эмтнэ бий үзгдшго нал мет болдг.

Киитн тамин үлгүр – хаб-харңу шуурһн шуурсн мөсн уулын көндэ дотр орад, бий көлдх, харһх зовлң цаг үйдэн эдлх. Эн хойр тамин насиг күүнэ насар тоолж болшго болсар наршгод эдл сантн.

Биридин зовлңгин зүүлнь оln болв чигн, нег зүүлинь келхлэ, күүнэ жилэр түмн тавн миңһн жил болдг. То кехнь ханядин тедү олх уга. Амнь – зүүһин сүвин чинэн, хоолнь – мөрнэ кильһн чинэн нэрхн, геснь – ик герин чинэн. Харһнж үкдг чигн уга. Му үүлин үүрэр зовлң тер мет эдлх болх.

Адусна зовлң тер мет — негнь негэн алх. Уснд оршсн эмтнэ икнь баһан бүклэр зальгх. Зэрм үчүкн оln ик эмтиг нүклн цоолн идх. Зэрм чидлтэнь чидл угаһан бэрэд тасчн-шуучн идх. Зэрм эмтн күмнэ эдлгдл болад ачгдн, үнгдн, саагдн, заргдн элдрлн эдлгдх. Зовлңгнь үүгэр дүңнүлтн.

Йир ухани мүнхг харңуһас буйн, нүүлин йилһл эс медх – муңхг болдг.

Халун тамиг үлгүрлн санхла, һалын ик орнд һарн дорд нег хонгин тедү бээж болхий.

Киитн тамин үлгүрт – үвлин киитнэс немргдх цагт күчн ик харңу киитн шуурһнд нег хонгин тедүд хувцн уга нүцкэр бээхлэ, ямаран болх гиж санх.

Биридин зовлңгин үлгүрт – үд-түд хонгт идэн-үнд туң эдллго бээхлэ, ямаран гиж санх.

Адусна зовлңгин үлгүрт – бөкүн, батхн шүдэр хазхин тедүд тесч эс чаддгар санх.

Эн *нурвн му заятнд* төрхин зовлңгд эс дурлн, атан зовлң эдлсинь санхла, аюл төрх. Аюл төрхлэ – зовлңгин үндсн. Тегэд килнцтэ үүлэс бий, келн, седкл нурвиг сәкәд, амулңгин үндсн – цаһан буйна үүлд бий, келн, седкл нурван дурдхтн.

Буй үүлдсн үүрин эркн икнь – деер бээдг дүрстэ теңгрин
орнд төрх.

Дунд буяр – күслин зурһан теңгрт төрх.

Үчүкн буяр – күүнд төрх.

«Эн нурвн төрл дав деер амрин тедү болв чигн, аштнь
билг эс олсн төлэд буйна үриг эдлж дуусад, буйн хог уга
болхла, гедргән му заятнд төрх», – гисн Бурхна иш зэрлг
бээдг. Болв чигн олсн сән төрлд эндүрлго мөр үзүлгч *Буйна
амрг садн* ламла учрж, терүнэс деед *Ном* соңсад, ламин
зэрлг мет буйиг үүлдсэр төрлин үй олдн буйн, цом үүлддг
сән бийин шүтэ авад, үлм деед буйиг үүлдтн.

Эцс сүүлднь Бурхн, *Бодьсад* суудг ик эрк өргжгсн
Агнистин орнд төрл авад, бодь Бурхна зэрлгэс гүн нууц
деед номин авшг авад, мөн тер төрлдән гем бүкниг барсн,
эрдм бүкниг төгссн, әмтн бүкнд өөр-хол, ил-далд уга алькд,
аль болхар түс күргн чадх *Шакья чадгч* мет Бурхн болх. Урд
Бурхн болсн бүгд түрүнэс эврэ зөңдән Бурхн болсн биш,
буйна үндсни күчәс болсн. Бишд бичә сантн.

Тегәд буйна үүл бүтәх *евалин орн* – Бурхн, цүхг *Деед
нурвн* эрднь мөн. Эн хөөт зуурд бәәх үчр алькд чигн, мини
амүлң зовлңта медтн гиж иткмжлх седкләр седкл оюһан
даальж өгтн. Бурхн зовлңгас евәх арь заахиг иткмжләд,
арь заасн *Номд евалин бодьд* иткмжләд, деед *Ном* йосчлн
бүтәсн хувргт, *евалин* арь бүтәх нөкдт иткмжләд, седкл
кезәд урвшгод таңһрглад, келәрн:

– Гем бүкниг барсн,

Эрк бүкниг төгссн хойр көлтн,

Деед Бурхнд мөргмү, тәкмү, иткмү!

Намаг орчлңгин зовлңгас *евәх арь* үзүлн сойрх!

Хамг гем тевчсн,

Хамг эрдм олх арьтн,

Тачаңуһас ханцсн,

Деед *Номд* мөргмү, тәкмү, иткмү!

Намаг орчлңгин зовлңгас гетлгхин

Евалин бодь болн сойрх!

Ном еңсүлн бүтәсн,
Чуульна деед Хувргт мөргмү, тәкмү, иткмү!
Намаг орчлңгин зовлңгас тонльх арн
Бүтәх евәлин нөкд болн сойрх! – гиж эрн зальврн
евәл йовуулн үүлдтн.

Бийәр буйиг үүлдхд – эргх-мөргхәс үлү буйн уга.

Седкләр – кезә үкхнь маңд угаг санад, үкм цацу зовлң
болвза гиж цүхг Деедт *евәл* даалъх эркн мөн.

Келәр – Бурхна зүркн тәрни, хамг номин цогц, *зурһан үзг*
маани умшхас үлү буйн өдгә цагт үүлдж болх уга.

Маанин ач-тус нег цөөкәр келий.

«Арвн хойр сард өдр, сө уга тасрл уга орсн хурин нежәд
дусалыг тоолж болх, үнн бишрлх седкләр маанин негнт
умшсн ач-тусиг тоолж болх уга», – гиж Бурхн гегән «Сав
судрт» номлсн бәәнә.

Цаглшго ач-туста маань умшхд, эрк Һартан авсн цагт өмн
деерк оһтрһуд: цүхг *Деед Һурвн*, мөн хутгт *Нүдвәр Үзгч* гегән
– өңг цаһан, дөрвн мутрта, землл селт, гегәнә бийәс цаһан
герл цацрж сууснд санад, седкләр мөргн үүлдтн.

Эврә түрүн уга цаһас нааран хурасн килнц эс әрлһхлә,
зовлң эдлхәс нань уга гиж килнцд гемштн. Тер килнц хамг
эврә келн деер хүрснд санад: «*Ом мани падме хум!*» – гиж
умшхла, элснд үс кесн мет сегн әрлж одснд санн умштн.

Умшч бәәх цагтан завср-завсрт нег зулас нег зүл салһж
авдг мет, өмн суусн *Нүдвәр Үзгчин* бийәс нег бий салж ирәд,
эврә бийд шиңгж, килнц түүдкр әрлһәд әдстлв гиж санж
умштн.

Эн маань умшсн буяр орулад:

Һурвн цагт хурасн буяр би

Өтр Бурхна хутг олад,

Хамг әмтиг Бурхна һазрт бәәлһүлх болтхав! –
гиж йөрәл тәвтн.

Эн деер *мацгин санвр* болн *увишин санвр* авад, сүрһуль
сәәтүр сәкн үүлдхлә, гертә нуһудын чуульн хурх деед болдг.

Эн гертэ нууудыг буйнд дурдх цөн үг үүг,
Хальмг Таңһчин лам Жинзң гелң гидг
Төмр ноха жилин туула сарин нээмнд бичэд,
Кен үзсн, соңссн күн бий, келн, седклиг
Килнцин үүлд үүлдл уга,
Седкл оюни чидлэр эн метэр
Буйиг үүлдж үзтн гиж,
[иньглн, эмгнсн ...] седклэр,
Ая, эцк-эк болсн күмн, таднас эрж бээнэв!
Мини седклиг, мини эн үгим соңсч бүтэн чадтн!

Лам, цухг Деедт эдстлх арь үүг бичхд кецэсн буяр
Эк болсн эмтн цаһан мөрт оршх болтха!

Ом сән амүлң болтха!
Ом мани падме хум!

СТАТЬИ

«ДЖАНГАР»

Народный эпос ойратов

В последнее время участились устройства международных симпозиумов на тему народного эпоса ойратов «Джангар». Мне хочется высказать свои мысли по поводу этого эпоса. В отношении него следует знать два основных факта, именно:

- Этот эпос был составлен ойратами;
- Его составляли в Джунгарии.

Если ойраты составляли этот эпос в Джунгарии, то это могло случиться после того, как они поселились в просторах Джунгарии. Это наталкивает нас на вопрос, а когда же ойраты поселились в просторах Джунгарии?

Ответ на этот вопрос можно установить легко и точно. У нас имеются два очень веродостоинных свидетеля. Это два францисканских монаха, которые в XIII веке побывали в монгольской метрополии.

Первым европейцем, побывавшим в монгольской метрополии, был Плано Карпини. Он по просьбе Римского Папы Иннокентия IV предпринял путешествие на Дальний Восток. Он достиг монгольской метрополии в год избрания Куюка монгольским хаханом. Это было в 1245 году. Он оставался в Монголии недолго, всего три-четыре месяца. Как человек умный и наблюдательный, он замечал все, что мог видеть, слышать и узнать. По своем возвращении он подал докладную записку Папе Римскому о том, что он видел, услышал и узнал в далекой стране. В его докладе упоминаются ойраты, как находящиеся в среде монголов. Он представил их народом, завоеванным монголами. Для нас важно его свидетельство, что ойраты находились среди монголов.

Вторым европейцем, побывавшим в монгольской метрополии в XIII веке, был тоже монах францисканского ор-

дена по имени Вильям Рубрук. Он по просьбе французского монарха Людовика XIV предпринял путешествие в Монголию. Он был знаком с записями своего предшественника и имел ясную задачу, что там искать. Он достиг монгольской метрополии в царствование Мönко-хахана. Это означает, что он был в Монголии где-то в годах 1252–1253. Он был тоже недолго, всего три-четыре месяца. По своем возвращении он тоже составил докладную записку о том, что он видел, слышал и узнал в той далекой стране. В его записках не упоминаются ойраты. Это означает, что ойратов уже не было в Монголии. Они были выселены до его приезда.

Эти два свидетеля определяют выход ойратов из Монголии к годам 1246–47/48.

Исторические сведения подтверждают такую возможность. Надо принять во внимание процесс избрания Куюка хаханом. Угедей-хахан не оставил никаких указаний о своем наследнике. Супруга покойного хахана, царица Туракина стала регентшей. Она пожелала видеть своего старшего сына Куюка хаханом, но встретила большую оппозицию к его кандидатуре. Это её не остановило. Она старалась провести свое желание. Это она делала лестью, подкупом и назначениями на высокие должности и добилась своего. Её сын Куюк был избран хаханом, но очень маленьким большинством. Куюк, ставши хаханом, проникся недоверием к ойратским начальникам, потому что они поголовно были против избрания Куюка хаханом.

Охрана царского стана находилась в ведении ойратских частей. Куюк-хахан не пожелал доверить охрану своего стана ойратским частям. Группа монгольских вельмож давно добивалась отстранения ойратов из стана монгольского хана. Они воспользовались недоверием Куюка к ойратам. Они нашептали с три короба и даже указали, как избавиться от ойратов. Эта ненависть монгольских вельмож к ойратам существовала давно. Они ничего не могли предпринять в царствование Угедея. Но Угедей-хахан пожелал примирить

враждующих монгольских нойонов с ойратами. Он распорядился собрать ойратских девушек замужнего возраста и по-выдавать замуж за враждебно настроенных против ойратов монгольских нойонов, породнить их, чтобы смягчить вражду между ними. Но ойратские начальники обманом обошли распоряжение Угедей-хахана. Они по-выдавали всех своих девушек замужнего возраста в своей среде и доложили хахану, что сейчас у них нет девушек замужнего возраста, и просили отложить это.

Угедей-хахан по мягкости своего характера не стал настаивать на выполнении своего приказа. Дело пошло к забвению, но монгольские нойоны не предали это забвению, а вытянули и донесли Куюк-хахану. Тот назначил комиссию исследовать это дело. Комиссии было нетрудно установить всю махинацию ойратов. На основании доклада этой комиссии Куюк-хахан приказал казнить главного ойратского начальника, а ойратским частям выселиться не только из стана монгольского хахана, а вообще из монгольской метрополии полностью. На поселение указал им просторы, лежащие к западу от монгольской метрополии, почему эти просторы получили потом название левые, вернее западные земли.

По этому приказу из Монголии вышли две группы ойратских частей по названию торгуты и хошуты, а третья ойратская часть хойты, только частично. Ойраты поселились в Джунгарии около середины XIII века. Они не могли сейчас же начать составлять свой эпос. Им надо было сперва обжиться на новых местах, узнать, где что лежит и как быть. Вероятно, на это ушло целое столетие. Ведь ойраты были выброшены из Монголии как котята. Они оказались за бортом Монгольского государства, без положения, без занятий и без окладов. Не чувствуя под ногами твердой почвы, они почувствовали высящими в воздухе. Они знали раньше получать приказы и, выполнять их не обдумывая ничего. А теперь им надо было думать своей головой. Это было им непривычно.

Есть некоторые указания, что этот эпос был начат в XV веке. Одним из таких указаний следует считать упоминание имени Миньян. Его надо понимать, как значущее «Эхо от Минг императора». Вероятно, ойраты хотели указать на свой славный подвиг. Во время нашествия всемонгольских сил под предводительством ойратского вождя Эссен тайши на Китай ойратским частям выпала большая удача. Они захватили в плен самого китайского императора Инг цонга. По свидетельству калмыцкого хрониста, хошутского нойона Батур Убаши Тюменя это событие произошло в 1439 году, но китайские сведения отодвигают его на десять лет позже, именно к 1449 году. Есть еще и другие указания, что этот эпос был начат составляться в XV веке. Об этом скажем несколько ниже.

Что этот эпос составлялся в Джунгарии, видно из упоминания Алтайских гор часто. Упоминание названия «Өл мангхан цаган ууло», «Борматкин бор одоба» могут быть вершинами на Алтайском или Тяньшяньском горных хребтах. Это могут проверить торгуты, живущие теперь в Синцзянском районе Китая.

Встречающиеся в тексте эпоса «Джангара» буддийские идеалы, идеи и другие могут отодвинуть начало составления нашего эпоса на более позднее время. Ведь буддийская вера пришла к ойратам поздно, на рубеже XVI–XVII веков. Проводниками этой веры там оказались монгольские нойоны, исповедовавшие эту веру давно. Под влиянием их увещаний большие ойратские нойоны согласились принять эту веру и послать мальчиков в Тибет на учение. Так Байбагас-батур, глава хошутского отдела ойратов, Хо-Урлук, глава торгутского отдела ойратов, и Далай-тайши, глава дербетского отдела ойратов, в начале XVII века выслали по одному мальчику в Тибет на учение. Между ними оказался один, который прославился, как ойратский просветитель. Другие мальчики, видимо, не показали успехов в учении. Их имена затерлись.

Зая-пандита развил активную деятельность по углублению буддийской веры среди ойратов. Можно считать, что буддийская вера начала пускать свои корни у ойратов не ранее второй половины XVII века и не позже первой половины XVIII века. Но могло случиться, что позднейшие сказители могли внести в текст «Джангара» буддийские идеалы. Это вполне допустимо. Такие добавления представляли бы наносные налеты.

Лично у меня создалось впечатление, что эпос «Джангар» был начат складываться в XV веке. На такую мысль навело меня содержание «Докшин шара Гүргүн бөлөк». В этой песне мало буддийских идей, но много горделивого самосознания авторов этой песни. Посмотрите на эти слова: «Бумба дала гидег дала дүүренг делдүлексен, баса замба тибен дүүренг делдүлексен» и так далее. Какую широкую картину рисуют эти слова и сколько в них горделивого самочувствия, просто не нарадуешься, повторяя эти слова! Эта песня была, вероятно, составлена в бытность ойратов шаманистами.

Что меня в эпосе «Джангара» поражало больше всего, так это отсутствие упоминания названий различных ойратских частей, как торгуты, хошуты, хойты, батуты и так далее. Только в последней главе встречается упоминание имени Дорбон өөрөд. Это производит впечатление искусственно вложенного в этом месте. Но я рад, что наши сказители так разумно пропускали имена ойратских частей из текста эпоса «Джангара». Этим они сделали его действительно обще-ойратским народным эпосом. Представьте себе, что получилось бы, если они сделали Алак улан Хонгора из торгутского отдела ойратов. Этим они сузили бы цену этому эпосу. Его тогда можно бы считать аймачным эпосом, воспевающим только одну часть ойратов. Другие части не могли бы считать его своим. Они бы отвернулись от него и не стали бы так высоко восхвалять.

Без упоминания названий ойратских частей наши сказители сделали этот эпос общеойратским народным эпосом. Теперь могли ойраты всех отделов считать этот эпос своим, национально-ойратским и гордиться! Это было важно. Наши прежние сказители поступили правильно, не внося групповых названий в этот эпос. Все ойраты полюбили этот эпос, охотно распевали его или слушали его рецитацию. Это повело к появлению среди ойратов особого класса бардов, сказителей песен «Джангара». Хорошие сказители стали пользоваться славой и известностью. Их звали по отдельным домам и выставляли на народных торжествах. Они распевали песни эпоса Джангара, развивали деяния народных героев. Так они создали целый цикл о своих героях и народных идеалах. Мы должны отдать должное этим сказителям, которые своим искусством сумели сохранить этот прекрасный эпос до наших дней, несмотря на все трудные перипетия в судьбе ойратского населения в течение почти пяти веков.

Я помню случай в нашей семье. У нас появился новый чабан, пожилой дербет. Он оказался сказителем, знавшим песни «Джангара». Когда это стало известно, его вес сразу же поднялся. Все стали относиться к нему с уважением и почтением. Одна из наших беречуд попросила его спеть им песни из «Джангара». Он согласился. Они договорились о дне. Весть о согласии сказителя спеть песни из «Джангара» облетела всю нашу семью и даже достигла до соседей. Все обрадовались такому случаю.

В назначенный день наши беречуд сварили большой котел крепкого калмыцкого чая, напекли борцовиков целую гору и даже запаслись бутылкой араки, чтобы подбадривать сказителя. Наша общая комната, очень просторная комната оказалась битком набитой слушателями. Я, карапуз, временно забрался в эту комнату и занял лучшее место с подушкой под мышкой. Старик пришел и прошел на лобное место, где ему растлали толстый ширдик. Он сел по-калмыцки, стянувши ноги под собой. Ему поднесли чашку

чая и борциков. Он выпил чай и съел борчик. Потом подали ему чарку араки. Он выпил и крикнул. Потом сказал, чтобы шумом и плачем детей не обрывали его пение, и время от времени давали бы знать, что не уснули. Он хотел говорить людям интересующимся повествованием, а не спящим. Я не оправдал его желание. Вскоре после начала рецитации я сладко заснул и не слушал дальше начала.

На следующий день слышал отзывы наши беречуд. Они были в восторге от рецитации сказителя, даже мурлыкали под нос некоторые абзацы, подхваченные ими от пения сказителя. У нас зимние вечера бывают долгими, от захода солнца, около 4-х часов пополудни, и до полуночи. Вечер растягивается на восемь, десять часов. Зимой у землеробов и скотоводов нет большой работы, кроме кормёжки скота. Обычно, зимние вечера коротали пением песен, рассказами сказок, преданий, былиц и небылиц, загадками и прибаутками. Теперь мне становится понятным, почему наши сказки, предания и эпосы стали такими длинными, растянутыми. Рассказчикам и сказителям нужно было заполнить весь вечер. Им приходилось говорить в течение восьми, десяти часов. Это было трудным заданием. Вот почему они повторяли часто, добавляли много, отсебятины, чтобы украсить свое повествование.

У меня есть текст эпоса «Джангар» в передаче Б. Басангова, изданный в 1960 г. Это первый случай такого полного издания эпоса «Джангар», всех тринадцати песен на калмыцком языке. Такого полного издания нашего эпоса раньше не существовало. Это издание получилось по пословице: первый блин комом! В этом издании много недостатков. В этом нельзя винить сказителя Басангова¹. Это дело издателя и корректоров. Им следовало установить все недостатки и устранить их из текста.

¹ Писатель, драматург Б. Басангов не был сказителем «Джангара».

Издателем и корректорами показались мне русские, слабо владеющие калмыцким языком или калмыки, мало-осведомленные в грамматических положениях родного языка. По вине их в текст вошли несуразные ошибки в роде – хо мёста, су цаган. Одно слово написано расторгнуто, как два разных слова. Попадают лишние повторения, нелогичности в повествовании, смысл потерян, абзацы переставлены, рифма не выдержана и т.д. Падение духа у ойратского населения снизило качество сказителей и качество песен. К примеру, почему внесено слово «дүүвер». Я против восхваления и возвеличения «арзин сүүре», но не могу согласиться с определением «дүүвр». Это слово означает «меньшой», недостаточный. Я бы предпочитал слово «дүүренг». В словаре «дүүвер» переведено «молодцеватый». Это слово не подходит к арзин сүүре. Арзин сүүре может быть полным или неполным. Такие слова связаны с падением ойратского горделивого духа. В последнее время появились какие-то плохие предзнаменования с эпосом «Джангар». Его рецитация ведет к плохим последствиям, как непогодам, большим снегопадам или проливным дождям и тому подобным суевериям, которыми хотят уничтожить наш эпос.

У меня был такой случай. В группе калмыков зашла речь о «Джангаре». Я воспользовался и сказал несколько похвальных слов о «Джангаре». Один из стоявших вдруг набросился на меня, говоря: «Что ты носишься с «Джангаром»? Ведь в нем все ложь, брехня. Так говорил мне уважаемый наш бакша». Я оторопел. Стоявшие насторожились. Они подумали, что этот человек поставил меня впросак. Вот хороший щелчок по носу образованной выскочке! Мне стало не по себе. Молчать мне было нельзя, а пропускать такое глупое отношение к своему самому ценному эпосу было бы непростительно для образованного человека, но вступать в пререкание с простым, малообразованным, не понимающим национальные интересы человеком не имело смысла. Так я пошел круглым путем.

Я спросил этого человека, слышал ли он песню о Педуре Мазура? Он радостно откликнулся: Да, знает и поет, мальчиком даже видел его в своих краях. Тогда я спросил его: Как он думает, составитель этой песни говорил правду о нем или лгал? Он решительно возразил: Там все правда! Тогда взял я его в оборот, говоря: Как можешь ты и твой бакша говорить, что составитель эпоса «Джангара» говорил неправду, набрехал? Он оторопел. Стоявшие вокруг опустили головы вниз. Они ни ожидали такой оборот в этом деле. Это было ударом не в бровь, а прямо в глаз. Все стали тихонько расходиться.

В другой раз, когда этот человек повстречался со мной, сказал мне: «Да, певец «Джангара» ладно сложил песни!» Но беда была в том, что в тексте встречаются выражения, которые могут простым людям показаться ложью, например, выражения: долан долан дөчин йисен хонок гүүлгäбе! Гурбан бум кўмўни ора деер, йисен сара газрииге йисе хонад кўред, гунон насута арбан зургата Шавдал ага. Такие выражения могут простые люди принять за ложь. Но нашим гелюнам следовало знать цену преувеличениям. Ведь в жизнеописании Будды встречаются тоже невероятные преувеличения. Их они считают правдой и отстаивают. Простые люди не знают, что в стихосложении позволяют преувеличения, гиперболизация. Они усиливают и украшают описание улучшают поэтичность стиха. Наши сказители широко пользовались гиперболами.

В новейшее время выдвигают большое число песен в эпосе «Джангар». Больше песен не служит достоинству нашего эпоса. Они скорее разбазаривают содержание кустарными сказителями. Они запоминали песни в общей форме, а словесное оснащение давали от себя, почему возникли вариации в песнях. Содержание песен было не стандартным. Одни растягивали, другие сокращали по нахождению. Это было не созидательной работой, а разбиванием эпоса на куски. В эпосе «Джангар» следует быть только тринадцать

песен по числу тринадцати героев, богатырей Джангара и его двенадцати сподвижников. Надо иметь в виду значение числа «13» у ойратов. Они вышли из тех тринадцати сотен сподвижников Темучина. Это число сидит крепко в памяти ойратов. Бузавские калмыки потребовали и настояли на создании своих тринадцати аймаков, не больше и не меньше, ровно тринадцать. Это произошло по истечении семи столетий в жизни ойратов.

Теперь, когда обработка эпоса «Джангара» попала в руки образованных людей, следует ожидать больших улучшений. Кустарные сказители отступят, а образованные сказители выйдут на лицевые позиции. Как улучшается передача эпоса «Джангара» образованным человеком, бросается в глаза на отрывке из передачи покойной Данарой Баяновой. Мы договорились снять на магнитофонную ленту её рецитацию одной песни «Джангара» в сопровождении игры на домбре. После начала она стала обрываться. Дыхания не хватало. Она оказалась больной. Мы отложили до другого раза, но этого «другого раза» не пришло. То я не мог, то она была не готова. Так прошли годы. Она постарела, ослабела и не могла продолжить. Тот небольшой отрывок ее рецитации показывает, как хорошо получается рецитация, проведенная образованным человеком. Я этот отрывок берегу.

Мне хотелось обработку «Джангара» провести комиссией из десятка человек. Разделить «Джангар» по числу членов комиссии, дать каждому одну долю с тем, чтобы он разобрал свою долю основательно, каждое слово и каждое выражение. Отметил бы все недочеты в его понимании, а потом на общем совещании разобрать все замечания. Дельные замечания инкорпорировать в текст нашего эпоса. Таким путем можно сделать «Джангар» литературным шедевром, которым могли бы гордиться не только одни ойраты, а весь монгольский народ в целом. Он стал бы общемонгольским национальным достоянием. Калмыцко-монгольские университеты могли бы выдвигать темы из содержа-

ния «Джангара» для диссертационных работ на научную степень. Нашим людям нет надобности ожидать указки от иностранных ученых, а лучше брать самим инициативу в изучении своей истории, языка и литературных писаний. Этим вы заслужите внимание, престиж в глазах других народов. Таким путем вы заслужите авторитет в вопросах национального интереса. Это важно.

Пожелаю успеха в работе наших образованных людей на национальном поприще.

Происхождение имени «калмык» у ойратов

Назрело время к основательному разбору имени «калмык» у ойратов. С ним связано очень много противоречивых толкований, по сути, очень ошибочных и даже тенденциозных.

На калмыцком языке это имя звучит «халимак», а потому «калмык» следует считать русификацией, приспособлением его к русскому языку и русскому произношению. Русская монголоведческая наука и за ней вся западно-европейская считает, что слово «калмык» было образовано от некоего тюрко-татарского слова «калмак» и применено к нам. Такого рода объяснение встречается почти в каждом толковом словаре на русском и других языках.

Такое толкование нашего имени, несомненно, сперва появилось в России, а потом передалось в Европу и оттуда распространилось по всему миру, и теперь оно сделалось общепризнанным и общепринятым пониманием нашего имени. Основанием к такому толкованию, вероятно, послужили труды первых исследователей монголов и ойратов, каковыми являются Шмидт, Бичурин и Паллас.

Я. И. Шмидт, издатель монгольской хроники Санан Сецена, оставил такую заметку: «Калмыки называют себя халимаками, но это слово на их языке не имеет никакого значения. Оно, вероятно, было получено от татар (ногайцев) и других тюркских народов». Бичурин, автор многих очерков об ойратах, сделал такое примечание: «Калмык, вернее калмак, есть собственное имя, данное западным монголам от туркестанцев. Сего слова нет в монгольском языке и монголами не употребляется». Фишер, автор «Сибирской истории», ошибочно принимает оное заодно с словом «калпак».

Паллас, автор «Сборника исторических сведений о монгольских народностях» привел одно предание, подобранное им среди самых калмыков, в своей книге. Это предание передаю по тексту сэра Ховорса, который очень

много пользовался трудом Палласа. В нем говорится, что одна группа монгольского народа еще в дочингисхановское время пошла в далекий рейд на запад и по близости Кавказских гор потерялась. Они осели здесь, и потомки их впоследствии получили от своих соседей, тюркских народов наименование халимак. Слово «халимак» означает остаток, осколок.

Как видите, первые монголоеды дали очень ошибочное толкование нашему имени. Предание, приведенное Палласом, является самым фантастическим измышлением досужих стариков-калмыков. С одним таким фантастическим измышлением мы встречались в истории родоначальника цоросского рода. В этом предании неверно употребление имени монгол, потому что это название появилось только при Чингис-хане. Он поднес его своим последователям на знаменитом хурулдане, курултае, в 1206 г. А если даже небольшая группа монголов пошла в далекий рейд на запад, то они никогда бы не потеряли своей дороги обратно. Монголы ведь пересекали широкие просторы Азии и Европы без карты, без компаса и без подорожных столбов и находили себе путь и в снежную бурю и в густом тумане, и темной ночью.

Монголоеды XIX века ничего не изменили в старом толковании нашего имени. Это видно из примечания профессора А. М. Позднеева, который считался и есть одним из лучших знатоков монгольского и калмыцкого языка и истории. У него много трудов о монголах и калмыках. Он составил по государственному заказу книги для чтения, хрестоматию на калмыцком языке для обучения калмыцких детей, так называемую «Калмыцкую Хрестоматию» и внес в нее «Историю о четырех ойратах» и к имени «калмык» сделал такое примечание:

*Халимак гидик нерииге нутук эбедерд, салаад
үлдүксетень манггад өгөксен бө. Манггадар үлдүксен
гиксен үге.*

В переводе это означает:

Название «калмык» было дано тем, что остался после распада страны и отделения. На татарском языке оно означает «остался».

Толкование нашего имени как «остаток» не подтверждается ни историческими, ни хронологическими сведениями. Если взять, что это имя было дано той части нашего народа, которая осталась на Волге после ухода своей главной массы с Убаши-ханом из России в 1771 г., тогда оно должно было относиться только к этой части нашего народа и быть местным, локальным наименованием и появиться после этого печального события, после 1771 г., не раньше последней четверти XVIII в.

Оба условия не выполняются.

Наше наименование не было ни местным, ни локальным, а общим. Это ясно вытекает из названий, как зюнгарские калмыки, алтайские калмыки, алашанские калмыки, карашарские и кокунорские калмыки. Это указывает, что ойраты во всех местах своего расселения назывались калмыками.

И это наше имя упоминается много раньше 1771 г. Бичурин озаглавил свой очерк: «Историческое обозрение ойратов или калмыков с начала XV века до настоящего времени». Он уравнивал название калмык с названием ойрат.

Беддели, английский автор, составивший большой труд об отношениях между Россией, Монголией и Китаем, привел несколько исторических карт, на которых упоминается имя калмык. Так на географической карте Виеда с 1542 г. стоит название «калмуцка хорда», а на карте Дженкинсона с 1562 г. название «колмак» в пределах Туркестана. Беддели нашел, что в посольских книгах московского князя название калмык упоминается с начала XVII в.

Это подтверждается новой книгой, изданной в Советском союзе в 1959 г. под заглавием «Русско-монгольские отношения 1607–1636», и документом номер один в ней

стоит копия письма тобольского губернатора Троекурова к тарскому губернатору князю Гагарину¹ с приказом, чтобы он выслал трех человек послами к калмыкам. Это письмо было написано 30-го марта 1607 г.

Беддели нашел в русских летописях упоминание имени калмык. Так в летописи Строганова за годы 1574 и 1581 гг. и в хронике Ремозова за 1582 г. упоминается имя калмык. Все эти документы говорят о том, что имя «калмык» существовало до упомянутых лет. Знаменитый русский тюрколог, В. В. Бартольд, в своих изысканиях тюркоязычных документов тоже встречал упоминания нашего имени «калмык» в разных документах с XV, XVI и XVII вв.

Я не мог никак оставить толкование нашего имени таким неясным, неточным и очень поверхностным, а потому постарался разобраться в нем. Первым делом надо было выяснить, сколько правды заключается в утверждении ученых, что наше имя было выведено из некоего тюрко-татарского слова. Это кажется делом простым, загляни в любой словарь татарского или турецкого языка и найди слово «калмак» или «галмак», но оно оказалось не так легким. В этих словарях слова пишутся арабским письмом, мне недоступным. Тогда я нашел другой выход: встречаясь с людьми тюркского происхождения, спрашивал у них, как сказать на татарском или турецком языке «остаток» или «оставаться». Они отвечали: остаток значит «калдым», а оставаться — «калдымышти». «Калдым» звучит близко к нашему имени, а потому было возможно принять его заодно с нашим именем, но мне было ясно, что наше имя «халимак» никак не могло быть выведенным из такого слова.

¹ В книге «Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сборник документов» (М.: Изд. вост. литература, 1959) под № 1 помещена «Грамота из Приказа Казанского дворца тарскому воеводе С. И. Гагарину о посылке служилых людей в калмыцкие улусы для приведения к шерти калмыцких тайшей» «от царя и великого князя всеа Руси» Василия Шуйского, датированная 30 марта 1607 г.

А потом мое внимание остановило странное расхождение нашего слова халимак с русским его произношением калмык. Я стал обдумывать это и, мне бросилось в глаза ряд слов с таким же расхождением, где монгольский глухой согласный «х» озвончился в русском языке, как это видно на списке нижеследующих слов:

<i>хазна</i>	—	<i>казна</i>	<i>Хубилан</i>	—	<i>Кубилай</i>
<i>хараул</i>	—	<i>караул</i>	<i>Хюйик</i>	—	<i>Куюк</i>
<i>хабхак</i>	—	<i>капкан</i>	<i>Харахорим</i>	—	<i>Каракорум</i>
<i>хабосто</i>	—	<i>капуста</i>	<i>хутиримак</i>	—	<i>кутерьма</i>
<i>хаш</i>	—	<i>каша</i>	<i>хаган</i>	—	<i>каган</i>
<i>хонуд</i>	—	<i>кнут</i>	<i>халдун</i>	—	<i>колдун</i>
<i>ханжал</i>	—	<i>кинжал</i>	<i>хазак</i>	—	<i>казак</i>
<i>хурулдан</i>	—	<i>курултай</i>	<i>хасак</i>	—	<i>казах</i>
<i>хапчик</i>	—	<i>кипчак</i>	<i>Ховонг</i>	—	<i>Кубань</i>

В русских этимологических словарях мало указывается монгольское происхождение этих слов, а заменяется неясным и неточным термином восточного или тюрко-татарского, как это видно из словарей Ушакова и Преображенского. Я не мог понять, почему русские авторы избегали указывать монгольское происхождение своим заёмным словам, не знали они этого или не желали вспоминать монгольского ига?

Я сейчас не занимаюсь этимологией этих слов, а хочу только указать на странное явление озвончения глухого монгольского согласного в русском языке, а попутно отмечая ряд важных моментов, которые ускользают от внимания ученых. Во-первых, тюрко-татарские языки являются родственными с монгольским. Они входят в одну общую семью, в так называемую семью урало-алтайских языков, которые происходят из одного общего праязыка, алтайского, а потому нет ничего удивительного, если в этих языках

встречаются общие корни, суффиксы и другие языковые элементы в словообразовании и словоизменении. В этом сказывается только степень родства, а не заимствование.

Во-вторых, время возникновения этих слов в русском языке принято мало во внимание. XIII, XIV и XV века были веками доминирования монголов в широких просторах Азии и Европы не только в одном, военно-политическом отношении, а также и в культурном. С их армиями распространялись новые идеи и новые понятия, о которых так мало говорят ученые и исследователи. В эти годы не было слышно ничего о тюрко-татарских народах. Они в большинстве случаев были в подчинении монгольской власти.

В-третьих, русский язык носит явные следы монгольского влияния. Русские княжества находились под властью монголов. Мне могут возразить, что монгольская армия содержала большой процент тюрко-татарских элементов и они могли косвенным образом повлиять на русских. Может и верно, что в составе монгольской армии было большое число тюрко-татарских воинов, но они не имели возможности повлиять на русских, потому что командный состав был монгольским и связь с подвластными народами проводилась только через монгольских представителей и на монгольском языке.

По этим причинам следует перестать говорить о каких-то мифических тюрко-татарах, а указывать прямо на монгольское влияние, чье военная и политическая гегемония лежала таким тяжелым бременем на русских княжествах и такого владычества над русским народом не имел ни один народ ни до, ни после монголов. Влияние могло исходить только от доминирующего народа, от монголов.

Видимо, в новейшее время старое толкование нашего имени, как остаток, отстраняется и заменяется новым, отделившимся. Такое явление замечается в новейших трудах о калмыках. В издании нашего народного эпоса «Джангар» в

русском переводе от 1958 г. добавлено предисловие за подписью советского сановника, генерал-полковника О. И. Городовикова, калмыка Платовской станицы, Донской области. В этом предисловии говорится: «Впоследствии соседние тюркские племена стали называть их “калмыками”, что значит по-русски “отделившиеся”».

Такое же толкование встречается в труде академика С. А. Токарева «Этнография народов СССР» в разделе о калмыках. Там сказано: «Соседние тюркоязычные народы называли их калмык, калмак, дословно отделившийся». Это означает, что русские монголоеды осознали всю голословность старого толкования и ищут ему замены, но то, что они нашли, не лучше прежнего, такое же неясное, неточное и в некоторой степени даже тенденциозно приспособленное к советской политике, которая стремится разделить монголов на разные группы и отчуждать их друг от друга.

Западноевропейские монголисты тоже последовали их примеру. Одним из передовых монголистов Запада является профессор О. Латтиморе, автор многих сочинений о монголах и калмыках Центральной Азии. В одном из своих сочинений он сделал такое примечание: «По указанию халха-монгольского священника Дилова Хутукту он думает, что название халимак произошло от слова халима, которое означает воду, выступившую наверх, наледь, а потому считает, что халимак означает “перелившийся”». Во мнении Латтиморе есть новый элемент. Он основой к нашему имени взял монгольское слово, но, к сожалению, он получил указание на неправильное слово, а потому сделал неправильный вывод. Слово «халима» является производным словом из того же корня, что и «халимак». В обоих случаях основой послужил глагол «хальи».

С этим мы подошли вплотную к вопросу, а что говорит этимология и морфология монгольского (калмыцкого) языка?

Слово «халимак» состоит из двух компонентов, от *хали* и *мак*.

Это вполне соответствует основному правилу словообразования в монгольском языке: основа + суффикс.

Компонент «хали» является основой этого слова и представляет глагольную основу. В нашем языке имеются два глагола, которые звучат очень близко. Их различают по произношению гласного звука в первом слоге. В одном из них этот звук является долгим, протяжно выговаривающимся, как *хаали* и означает: таять, размягчаться, растаять, растаивать. Другой глагол имеет короткий гласный звук в первом слоге и произносится, как *хали*. Он имеет смысл: летать, парить, взлетать.

Европейские монголисты плохо разобрались в этих глаголах, как это видно из «Калмыцкого словаря», составленного Рамstedтом. Он привел в одном месте глагол «хальха» в значении приближаться, нападать, набрасываться и примером употребления его, как «хальмак кўн». В другом месте он привел тот же глагол в значении парить, улетать, оттаять, переливаться и иллюстрировал его употребление такими примерами:

эне хавр голин усн хальв — *вода в реке весной оттаяла,*
шовун хальн нисве — *птица полетела,*
нойон хальсон цакто — *когда нойон размягчится.*

Рамstedт выбрал очень неудачно примеры. Халимак кўн в смысле человека нападающего, вроде разбойника, является китайским толкованием. Для них калмыки были бунтовщиками, rebелами и разбойниками. Они заслужили такое понимание своими многократными нападениями на китайские селения. Это будет видно из дальнейшего моего повествования. По этой причине китайцы заставили калмыков, вернувшихся вместе с Убаши-ханом в Китай в 1771 г., назваться торгутами, а не калмыками. Это название было одиозным для них. Другие примеры Рамstedта следует так представить:

Эне хабар голиин усун – *этой весной вода в реке*
(эрте или ораа) хаалиба (рано или поздно) *оттаяла;*
Нойон хааликсан цакто – *когда гнев князя размягчился;*
Шобун халиад нисебе – *птица плавно полетела.*

Компонент «мак/мек» является суффиксом, который употребляется для образования новых понятий с именительно-прилагательным значением из глагольных основ и примером употребления этого суффикса могут служить эти слова:

<i>дадо</i>	+ мак	<i>зааро</i>	+ мек
<i>хууро</i>	+ мак	<i>зөрө</i>	+ мек
<i>хутири</i>	+ мак	<i>үүре</i>	+ мек
<i>загоро</i>	+ мак	<i>өдө</i>	+ мек
<i>шудур</i>	+ мак	<i>яя</i>	+ мек
<i>таши</i>	+ мак	<i>меде</i>	+ мек
<i>арго</i>	+ мак		

Эти примеры показывают законную основу к образованию нашего имени «хали + мак». В его основу был положен глагол «хали» со значением – парить, взлетать, вдохновляться. И так образованное слово не может никак быть чужого происхождения. В этом не может меня поколебать никакой авторитет!

Теперь посмотрим, какое значение может иметь наше название и по какому поводу оно появилось у нас. Глагол «хали» в значении – парить, взлетать, вдохновляться, находящийся в основе нашего имени, указывал на некий духовный подъем у ойратов. Опираясь на это, я подумал, что оно могло возникнуть в те времена, когда шел у ойратов разговор об отселении из Зюнгари, и те из ойратов, кто соглашались на переселение, мог получить название «халимак» в смысле того, что он готов к переселению, но тогда это название должно было появиться в начале XVII века, а

это противоречило существованию его в XV веке, и в нем не было ничего вдохновляющего.

Поэтому я отбросил его, как не соответствующее, и стал искать нового объяснения. И в «Сказании о 4-х Ойратах» попало мне выражение:

Улан залату халимак ёёред-ёёлед нере хадаксан еце ёддгä шора туула жил күртел горбан зун найин хойар жил болаксан.

Это в русском переводе означает:

С того времени, как ойраты-элеты получили название калмыков с красной кисточкой, прошло триста восемьдесят два года.

Мне показалось, что разбор этого определения мог разъяснить значение нашего имени и указать время его возникновения. Пыльного зайца год из монгольского летоисчисления соответствует 1819 г. по христианскому летоисчислению. Если отнять 382 от него, тогда останется 1437 г., и этот год должен был быть тем годом, когда у ойратов-элетов возникло наименование «улан залату халимак». Ойраты нашивали себе на шапки красную, хризантемообразную кисточку и носили его с большой гордостью. И такое гордое сознание могло возникнуть у ойратов только в связи с каким-либо знаменательным событием в их истории и таким знаменательным событием в жизни ойратов в первой половине XV в. явилось, несомненно, пленение Минг Императора Инг Цонга¹ ойратами.

У меня нет никакого сомнения теперь, что наше название «улан залату халимак» появилось у ойратов-элетов в связи с пленением Императора Инг Цонга. Он в боевом походе в знак своего высокого сана надел головной убор с

¹ Великая Минская империя – государство под властью династии Мин (1368–1644). Событие, которое упоминается в статье, известно как Тумуская катастрофа 1449 г., когда ойраты нанесли крупнейшее военное поражение Минской династии и захватили в плен императора Чжу Цичжэня.

красной махровой кисточкой. Ойраты, пленившие его, сорвали эту кисточку, разобрали по ниточке и нацепили себе на шапки. Тогда Эссен-хан, чтобы ознаменовать такое важное событие в жизни ойратов, приказалшить себе на шапки красную махровую, хризантемообразную кисточку и называться с этого времени «халимаками» в знак их духовного подъема в походе на Китай.

Пленение этого Минг императора не установлено еще точно. Наше «Сказание» относит его к 1437 г., Санан Сецен говорил о 1439 г., а по китайским источникам указывается то 1444 г. то 1449 г. Казалось бы, что китайские источники должны быть более точными в хронологическом отношении, но они расходятся между собой на пять лет, а от монгольского на десять лет. Со временем мы установим точно дату пленения Минг императора ойратами. Это можно вычитать из хроники зюнгарских ханов. Автор «Сказания о 4-х Ойратах» упоминает, что он видел историю зюнгарских ханов за двадцать поколений, и там, несомненно, будет упомянуто об этом событии.

Вот все, что я мог собрать о происхождении нашего имени «халимак».

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИМЕНИ «МОНГОЛ»

Происхождение имени «монгол» еще не выяснено точно. Его происхождение все еще спорно. В исторической литературе о монголах существует два разных толкования об этом. Одно толкование основано на сообщении китайских анналов. Там говорится, что это имя было названием одного маленького племени, к которому принадлежал Чингис-хан. Когда он завоевал себе большую славу, тогда он перенес название своего племени на всех своих подвластных. Другое мнение выставил знаменитый датский монголист, профессор Я. И. Шмидт¹. Он утверждал, что это имя было составлено Чингис-ханом, чтобы почтить своих подвластных.

Чтобы установить истинное понимание, как это наименование возникло, надо просмотреть все события в жизни Чингис-хана с самых ранних лет вплоть до устройства большого хурулдана на берегу реки Керулен в 1205 году. Наименование «монгол», несомненно, имеет тесную связь с возвышением молодого тайчутского вождя, который сделался величайшим завоевателем в мире с названием Чингис-хан. Он при рождении получил имя Темючин. Он был сыном Эсугей богатыря, вождя одной группы тайчутов. Тайчуты были большой народностью. Свое имя получили от имени своего вождя, Тайчу. У него было много сыновей. Они после смерти своего родителя разделили подвластных своего отца и разделились на ряд группировок. Каждая группа имела своего вождя и была известна по имени своего вождя, как например: последователи Джамухи, Эсугей богатыря и так далее. Тайчутские группы враждовали между собой. Вели войны друг с другом, нападали один на другого, грабили и отнимали друг у друга скот, жен и так далее. Это было обычным порядком жизни кочевых племен, живших в те времена в Центральной Азии.

¹ Яков Иванович (Исаак Якоб) Шмидт (1779–1847) – известный русский и немецкий учёный-востоковед (монголист, тибетолог, буддолог).

Когда Темючин достиг 12-летнего возраста, он сделался сиротой. Татарские племена убили его отца, подсыпавши яд в чарку водки. Последователи его отца оставили жену и малых детей своего вождя одними в степи и ушли. Они не дали им ни коров для молока и ни овец для мяса. Этим они осуждали жену своего вождя с детьми на голодную смерть в пустынной степи.

Темючин показал с малых лет большие способности и находчивость. Жизнь, сопряженная с большими трудностями, оказалась хорошей школой. Он развил все свои способности и использовал их в борьбе за жизнь. Он с малых лет выработал терпимость, твердость и находчивость. Научился терпеть голод, холод, усталость и сонливость. Он старался использовать все события в свою пользу. В молодом возрасте научился распознавать все травы, все ягоды и корни, годные для пищи. Ими он пользовался, чтобы выжить сам, удержать в живых свою мать и брата. Он научился ловить рыб и раков в реках и ловить маленьких степных животных.

Когда он достиг юношеских лет, он обратился в статного молодого человека, у которого лицо светилось и глаза наполнялись огнем.: *чирăйсенъ ѳнггѳ гарна, нѳдѳнăсенъ гал гарона!* Люди, которые обижали одинокую женщину в степи стали опасаться возмездия молодого Темючина. Они пошли к Даритай кирилтуку, который увел последователей Эссугей богатыря и сказали ему: «Слушай, сын Эссугей богатыря вырастает в статного мужа. Он не минет мести на зломысленников. Тебе держать ответ первым. Лучше сейчас освободись от этой опасности, пока Темючин еще не окреп!»

Даритай кирилтук послушался их совета и выслал людей с приказом поймать Темючина и привести его к нему. Те пошли, взяли в плен Темючина и привели его к Даритай кирилтуку. Тот не произвел сейчас же суд на нем, а оставил жить. У кочевников не было тюрем для пленных. Их держали по очереди. Каждый владетель юрты брал пленника к себе и держал его сутки. У тайчутов был обычай праздно-

вать полнолуние в летние месяцы. Празднование состояло в том, что все выносили еду и питье в открытое поле, потом собирались всем населением своего хотуна и пили, ели, пели и танцевали до поздней ночи.

Темючин был оставлен под надзором одного юноши. Он был закован в кангу. Это доски с дырами для головы и рук пленного. Подросток не мог выдержать и стал впадать в сонливость. У него глаза стали закрываться. Темючин улучил момент и ударом краем канги свалил его и оставил без памяти лежать на полу, а сам бежал. Он пробрался в прибрежные кусты, вошел в реку и, откусивши камыш, сделал себе дыхательную трубу. С ней во рту лег на дно речки. Погоня обшарила юрты в хотоне, а потом стала обшаривать кусты и камышовые заросли вдоль речки. Но они не заметили Темючина, лежащего на дне речки.

Один только человек по имени Зорхан Шире, шедший позади, увидел Темючина в воде и тихо сказал: «Вот за такую находчивость тебя хотят погубить». Позднее Темючин пробрался в юрту Зорхан Шире и просил его помощи спастись из плена. Тот топором разбил кангу, дерево сжег в костре. Наутро спрятал его под шерстью на повозке. Погонщики обшарили юрту Зорхан Шири и, увидевши повозку с наложенной шерстью, хотели обыскать. Когда услышали слова Зорхан Шири: «Кто может выдержать под шерстью в такую жару!», – вернулись и ушли. Вечером, он вывел Темючина за хотон, дал ему коня и пустил на волю!

Арабо-язычные авторы считают этот случай чудом и проявлением благоволения небес к Темючину. Действительно, это можно считать чудом, так избавиться цепких рук тайчутских воинов. Это могло быть проявлением покровительства небесных сил над ним.

Следующий период жизни Темючина является очень важным. Этот период можно считать формативным периодом в его жизни. Этот период растягивается почти на два десятка лет. Видимо, последователи Эссугей богатыря кра-

ем глаза следили за ним, каким человеком вырастает? Их наблюдения показали в нем признаки хорошего вождя, и они стали постепенно прибывать к его стану, давая клятву, что будут защищать его. Неизвестно, как долго протянулось, пока к нему собралась значительная группа людей, но в одно время у него собралось последователей на тринадцать сотен.

Он не дал им сидеть у костра и бездельничать, а стал их организовать в боевые отряды. Темючин знал, что хорошие бойцы могут обеспечить ему мирную жизнь в среде враждебных тайчутских групп. Он установил группу бойцов в десять человек и десять таких групп собрал в одну сотенную группу. Установил начальника десяти и сотенных единиц. Начальники единиц составляли штаб. Он проводил с ними боевые действия. Своих последователей делил на три группы. Одну группу ставил на защиту одного места, а другую группу слал в атаку на это место, а третью группу держал в запасе. Запасные люди могли быть употреблены на помощь защищающим пост или атакующим этот пост, смотря по необходимости. В этих упражнениях Темючин и его сподвижники выработали планы нападения и защиты. Эти стратегические планы были потом употреблены во всех последующих походах Темючина. У него был еще один способ тренировки своих последователей. Это облавная охота. Он ставил своих в цепь вокруг большого района, указывал им зверя для охоты, обычно дикий кабан или степные сайгаки. Каждый воин охранял известный сектор. Он должен зорко следить за мишенью охоты, чтобы этот зверь не вырвался из круга по его сектору. Охота затягивалась с десятков дней. Воины должны были быть все время начеку, чтобы не пропустить цели охоты. Ему надо было быть бдительным, зорким и готовым пресечь путь зверю в любое время. Это требовало больших напряжений сил, терпеливости и выдержки. Он должен был переносить усталость, голод, холод и сонливость и, главное, быть готовым отразить бегство указанного зверя через его сектор. Такой тренировкой своих последователей он выра-

ботал из них отличных бойцов: твердых, настойчивых и преданных.

Тайчутские вожди были всегда в нужде последователей. Каждый из них хотел увеличить число своих последователей. Это увеличение хотели провести за счет малосильных и малочисленных групп тайчутов. Они пытались уговором присоединить или договором объединиться или даже пытались силой заставить подчиниться своей власти. Многие из них пытались подговорить Темючина пристать к ним, но Темючин избегал объединения с другими. Так как он знал хорошо местность, он благовременно ускользал от ловушек других тайчутских вождей. Он не желал стать вассалом другого вождя. Но в 1194 году он не сумел бежать. Несколько тайчутских вождей объединенными силами окружили группу Темючина, закрывши все выходы. Ему пришлось принять бой с ними или подчиниться им. Темючин решил принять бой. Бой продолжался недолго, но было кровавым. Его бойцы разбили фронт объединенных тайчутов, разорвали их на куски и тайчутские вожди бегством спаслись от уничтожения. Темючин нанес своим врагам сокрушительное поражение. Врагам, по численности превосходившим его группу во много раз. Слух о его победе распространился быстро по всем степным племенам. Обычаем того времени было то, что воины побежденной стороны приходили к победителю и предлагали свои услуги. Темючину нужны были воины. Он брал всех просящихся. Число его последователей стало быстро нарастать. Чем больше воинов, тем больше его силы и престиж. Степные народы высоко ценили военные способности своего вождя. Это обещало победы в походах и больше добычи участникам.

Противники Темючина не утратились поражением, а прониклись желанием уничтожить рост Темючина. Они пошли к Ван хану из кереитского племени. У него было много воинов. Враги Темючина стали уговаривать и убеждать Ван хана начать войну против Темючина, говоря что, он ста-

новится очень сильным и час близок, что он продвинется выше Ван хана по силе и влиянию. Ван хан дал себя уговорить и решил пойти войной на Темючина и назначил день начала военных действий.

Когда Темючин узнал о намерении Ван хана начать войну против него, он задумался. Ему казалось, фронтальной встречей кереитов на поле битвы ему не победить, потому что у них было много хороших бойцов, а потому он решил прибегнуть к хитрости. Он выслал своих воинов с аракой в стан кереитов и приказал им начать попойку под тем или иным предлогом. Кереиты попались на хитрость Темючина. Они бросились на дармовую водку, стали пить напивались, валились на землю и засыпали. Попойка затянулась. Водка текла рекой. Под утро Темючин повел свое войско на стан кереитов. Заспанные и полупьянные кереитские воины не были в состоянии дать отпор нападающим. Ван хан со своим сыном вскочили на коней и бежали. Темючинские воины бросились за ними, но один из гвардейцев Ван хана вскочил на коня и стал пресекать путь преследующим Ван хана. Он удачно сопротивлялся, пока Ван хан с сыном не ушли от преследований. Этот человек сложил свое оружие и сдался. Темючинские воины привели его к своему вождю и сказали: «Вот человек, который не дал нам словить Ван хана!» Этот человек сказал Темючину: «Я дал клятву защищать своего хана и защитил его. Теперь, если прикажешь казнить меня, прольешь только чашку крови, но если помилуешь меня, найдешь во мне хорошего соратника». Темючин помиловал его и назначил начальником отряда своих телохранителей.

Поражение Ван хана не остановило противников Темючина. Наоборот, они возгорелись еще большей ненавистью к Темючину и пожелали дойти до конца. В степях Центральной Азии оставался еще один, очень сильный владетель. Это был правитель найманского народа по имени Байбука Таян. Найманы были очень сильным народом и занимали лучшие просторы. Противники Темючина пошли к нему, стали под-

говаривать и убеждать его, что ему следует начать войну против Темючина. Он набирает силы и поднимается высоко, так что рано или поздно, если не он, то Темючин обязательно начнет войну против него. Так лучше самому сейчас напасть на Темючина, пока он не окреп полностью.

Байбука Таян дал уговорить себя и приказал своим воинам приготовиться к войне против Темючина. Тот встретил найманов на поле битвы. Сражение продолжалось почти целый день. Война была упорной, но умелым бойцам Темючина удалось свалить Байбука Таяна в битве. После его смерти найманские воины прекратили сопротивление и сдались.

Исследователи раньше считали найманов тюрского корня. Теперь они сделали их монгольского корня. Это было сделано на основании их названия «найман», потому что оно на монгольском языке означает восемь. Это слабое доказательство. Они могли иметь название на родном языке, не установленное учеными. Монголы могли назвать их так, выводя это название от иного слова: найи=нää, соединенный, потому что найманы могли быть составлены людьми различного происхождения.

После победы над найманами Темючин сделался единственным властелином всех просторов. Теперь ему нельзя было оставаться со своим именем Темючин. Его сподвижники решили провозгласить его ханом с именем Чингисхана, что должно было означать «хан с два раза большей силой». Провозглашение было решено сделать на большом хурулдане, совещании. Это было объявлено, что созывается совещание на берегу реки Керулена. Туда потянулись со всех сторон. Там вырос город из палаток. Тысячи и тысячи палаток появились на берегу реки Керулен. Между ними поставили палатку Темючину больших размеров и хорошо украшенную. Перед этой палаткой поставили высокий шест с штандартом Темючина и девятихвостовым флагом, на котором белый кречет на синем поле с развитыми крыльями развевался на ветру.

На следующее утро его верные соратники: Джебе, Мукали, Богурчи и Субедей подняли Темючина на плечи, прошли по палаткам, провозглашая нового хана Чингиса. Все встречали это громкими криками одобрения и согласия. Крик народа все возрастал и как гром катился по облакам в небесах! Раскаты этого крика отдавались целый день.

Это было очень важным совещанием для подвластных Темючина. Здесь было объявлено начало управление Чингис-хана и государственное устройство. Новый хан провозгласил ряд основных законов. Сделал назначения новых военачальников с новыми военными формациями. Повысил чин своих преданных соратников. Надо обратить внимание на два распоряжения, которые имели важное значение среди монголов: военные формации должны были состояться смешением людей из различного племенного прошлого. В одну единицу можно было ввести людей одного племени не выше одной трети. Этим он ограждал себя от склок и револютов¹. Чужеродных людей нельзя так легко объединить. Еще одно распоряжение следует отметить. Он объявил людей одного племени братьями и запретил сватовство в одном племени под предлогом кровоосквернения. Теперь подвластные Чингис-хана должны были брать в жены девушек из чужого племени. Этим Чингис-хан хотел нивелировать своих разношерстных властных под один откос, чтобы они породнились между собой и побратались на службе в одних военных формациях, почувствовали подвластными одного вождя и членами победоносной монгольской армии.

Мы не знаем полностью, что происходило на этом совещании. Никаких точных сведений, а только отрывочные обобщения в различных исторических трудах многих авторов. Вероятно, произошла формация новых военных единиц тысячной, возможно, десяти тысячной единиц и назначения новых начальников по разным формациям.

¹ Revolta – португальское слово, обозначающее натиск, напор, мятеж.

На основании этих скудных сообщений, достаточно ясно выступает идея о выдвижении нового наименования подвластных, которое состояло из очень разных племен в прошлом, часто враждовавших и соперничавших племен. Это было правильным подходом Темючина. Дать им новое наименование и заставить их забыть свои прошлые племенные названия, расхождения и враждебность в прошлом. Теперь все стали подвластными могучего вождя Чингис-хана с названием «монгол».

Что название «монгол» было создано Чингис-ханом, видно из этимологии этого слова. Его происхождение и приданное значение указывают на Чингис-хана, как составителя этого термина. Выдвигая такое наименование своих подвластных, он показал ум и сметливость.

Сперва мы посмотрим, как это слово писалось в прошлом. Мы находим его в писании многих авторов, которые соприкасались с монголами в ранние годы его появления.

Плано Карпини был в Монголии в 1245 году и записал – «монгол»;

Вильям Рубрук был в Монголии в 1253 годы и записал – «моал»;

Марко Поло был в Монголии в конце XIII века и писал – «монгол»;

Тюрко-язычные авторы писали это название – «могул»;

Русские документы – «монгол», «мунгол»;

Немецкий ученый Хениш писал – «мангхол»;

Европейские авторы писали – «монгол»;

монгольские летописи – «монгол».

Писание этих источников наименования монголов позволяет нам составить представление, что существовала вариация в виде:

монго	+	гол,
монг	+	гал.

Прежде чем говорить об этимологии этого наименования, остановлюсь на значении, что это слово должно было представлять. Многие авторы пытались тоже выяснить значение. Высказывания этих авторов будут приведены ниже.

Рашид-ад-Дин, знаменитый персидский автор, думал, что это название значит «глупый». Трудно выяснить, как он пришел к такому заключению. Профессор Шмидт утверждал, что он плохо владел монгольским письмом и языком. Я думаю, что утверждение профессора справедливо. Я нашел в писании Рашида употребление термина «*нирун*». Это наше слово «*ариун*», написанное старомонгольскими письменами и плохо прочитанное Рашидом.

Шведский монголист барон Д`Оссон думал, что оно значит – *наивный, слабый*.

Английский ученый Рокхиль думал, что оно значит – *глупый, древний, старый*.

Эти два ученых свое толкование вычитали из тех китайских иероглифических знаков, которыми наше наименование было писано. Как они пришли к такой мысли, не поддается уму. Трудно понять такой подход ученых к объяснению значения нашего наименования. Самое безобразное и низкое толкование дал нашему имени Абул Гази, хивинский хан. Он сказал, что это название составлено из двух слов: *монг* и *ул*. На турецком языке слова означают: *монг* значит «*угрюмый, мрачный*» и *ул* – «*злой, упрямый*», так что соединение этих слов представило смысл: угрюмо-злой или мрачно-упрямый. Возможно, в турецком языке существуют такие слова с такими понятиями, но дело в том, что Чингис-хан составлял наименование своим подвластным, беря слова не из турецкого языка, а монгольского, а потому утверждение Абул Гази не имеет никакой почвы под собой. Он в своей слепой ненависти к монголам хотел их унижить и представить их низкопробного масштаба людьми. Персидского автора Рашида считают глорификатором монголов. Он в некоторых случаях возвышал монголов, но в действительности был против монголов.

Среди европейских монголистов выделился датский ученый Шмидт. Он взял правильное направление в объяснении исторических событий и монгольских терминов, возникавших в прошлом у монголов. Он лучше ознакомился с монгольским языком и пытался истолковать монгольские термины на основании монгольского языка. Так он подошел к названию «монгол», но беда в том, что он принял во внимание первую часть этого имени, считая его корневым словом, а вторую половину посчитал суффиксом. По его наблюдениям, в монгольском языке не было практики составлять новое понятие соединением двух именных слов. Он дал очень лестное объяснение значению слова «монг». Он думал, оно означает: *храбрый, неустрашимый, благородный*.

Возможно, это слово в XIII столетии имело такое толкование, но в современном калмыцком языке оно указывает на преданность, верность, надежность.

Абул Гази был прав в одном, что это слово было составлено из двух слов: *монг* + *гол* или *монг* + *гал*. Это чисто монгольские обиходные слова. Слово «монг» представляет прилагательное слово, а второе слово имя существительное. Соединение прилагательного с существительным допускается в нашем языке. Так что наименование было составлено чисто монгольскими словами по правилам грамматических законов нашего языка.

Новое слово – *монггол* – должно было означать «*надежный хребет силы Чингис-хана*».

А слово – *монггуал* – должно было означать «*преданный огонь, который уклоняет все с пути Чингис-хана*».

Мне кажется, Чингис-хан выдвинул сперва наименование – *монгуол* в смысле, что монгольская армия представляет надежный хребет его силы и мощи. Потом горделивое чувство обуяло некоторых монголов, и они сделали монгольскую армию «*огнем уничтожения врагов*». Мое мнение основано на фактах возвышения Чингис-хана: он избегал конфронтации с тайчутскими вождями до того мо-

мента, когда они поставили его в безвыходное положение, и ему пришлось скрестить с ними оружие. Только твердое решение кереитского Ван хана повести войну против него, заставило его применить хитрую тактику, чтобы уничтожить кереитов.

Войну с найманами не искал он, а найманы сами вышли на поле битвы. Войну против Кин империи¹ начал Темючин сам. Это было актом возмездия. Кинские императоры обижали вождей кочевых народов. Он посылал войско поймать выдвигающегося вождя кочевников, приводил их к себе, в свой стан, и здесь он подвергал их жестоким пыткам, прежде чем убить их. Так погибло несколько предков Чингис-хана.

Война против Хорезм шаха была начата из-за грубого оскорбления его послов, которые хотели установить торговые сношения с этой страной, но пограничный начальник не поверил этому и принял их недостойным образом, оскорблял их и даже убил главного посла Чингис-хана. На требование выдачи этого пограничного начальника для расправы Хорезм шах ответил еще большими оскорблениями. Чингис-хану не оставалось иного выхода, как повести войну против Хорезм шаха, и война оказалась не в пользу Хорезм шаха. Монголы уничтожили это государство.

В исторической литературе есть тенденция представлять Чингис-хана кровожадным, уничтожавшим бессмысленным образом государства, города, людей и все культурные ценности, но приведенный перечень его действий не подтверждает это. Он не имел плана о завоевании народов и стран, а хотел спокойное существование в просторах Центральной Азии. Враги не дали этого ему и своими войнами заставили его стать величайшим покорителем в мире. Он не любил несправедливость, даже от своих братьев.

¹ Династия Цзинь (букв. Золотая; 1115–1234) – правящая чжурчженьская династия империи Цзинь (по другому прочтению – Кинь).

Калмыцко-русский словарь. Хальмг-орс толь

Под редакцией Б. Д. Муниева

Издательство «Русский язык»

Рецензия Соднома Кульдинова

Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ) при Совете Министров Калмыцкой АССР наконец издал Калмыцко-русский словарь (дальше К-Р словарь). Техническое оформление было проведено не местным, а московским книгоиздательством. В Советском Союзе словари издаются под надзором всесоюзных властей.

Словари обычно издаются попарно – русско-калмыцкий и калмыцко-русский почти одновременно, но в случае калмыков поступили иначе. В 1964 году КНИИЯЛИ выпустил сперва Русско-калмыцкий словарь, а К-Р словарь выпустил только по истечении 13 лет.

Редактирование этого словаря было поручено Б. Д. Муниеву. Он мобилизовал себе на помощь штатных членов института и внештатных специалистов, из которых он создал редакционную коллегию в составе: П. Биткеева, Ц. Корсункеева, М. Монраева и Н. Убушаева под своим руководством, как ответственного редактора. Судя по фамилиям членов редколлегии, можно думать, что вся работа по составлению словаря находилась в руках калмыков.

О целях и назначении этого словаря составители дали такое объяснение: «Калмыцко-русский словарь содержит 26 000 слов современного калмыцкого литературного языка, а также диалектическую лексику, широко вошедшую в разговорный обиход. В словаре представлены устойчивые словосочетания, идиоматические выражения, пословицы, поговорки, героический эпос «Джангар». К словарю приложены список географических названий и Краткий грамматический очерк калмыцкого языка. Словарь предназначен для учащихся и преподавателей средних и высших учебных

заведений Калмыцкой АССР, для работников печати, радио и телевидения, для переводчиков и для специалистов-монголоведов в Советском Союзе и за границей».

Составители рассчитывают на широкое применение этого словаря в разных областях и разными деятелями.

Калмыцкий алфавит в этом словаре приведен на стр. 16. Он состоит из полного русского алфавита с добавлением ряда дополнительных знаков для специфических звуков калмыцкого языка, так что общее число букв в нем доведено до 39. Это больше, чем надо для нашего языка.

При осмотре этого словаря у меня часто возникал вопрос: как могли подсоветские калмыки остановить свой выбор на алфавите такого чудовищного состава?! Ответ на этот вопрос я нашел в статье М. И. Исаева «Решение национально-языковых проблем в советскую эпоху» в журнале «Вопросы языкознания» (№ 6, 1977, ноябрь-декабрь), где автор говорит:

«...Необходимо было создать научно обоснованный алфавит для массового практического применения. Для координации работы по латинизации письменностей был создан Центральный Комитет Нового тюркского алфавита, преобразованный впоследствии во всесоюзный орган. Под руководством Комитета была предпринята также сложнейшая работа по созданию алфавитов на языках..., советские ученые с честью выполнили поставленную перед ними исключительно почетную, но столь же трудную задачу по изучению многочисленных разнотипных языков, усовершенствованию почти всех письменностей и созданию письма...».

Это показывает, что в Советском Союзе существует особый центральный орган, который ведает и определяет состав алфавита для каждой национальной единицы и предписывает применять его, не взирая на все несоответствия с местным языком, под угрозой наказания. У калмыков не было сил воспротивиться насилию всесоюзных властей, но это не означает, что им воспрещается обсуждать вопросы национальной важности.

Я не против употребления русских букв для нашего языка. Лично, я предпочитаю русские буквы, чем латинские. Ими удобнее писать наши слова. С ними надо меньше прибегать к диакритическим знакам в письме. Это не есть согласие на введение русского алфавита целиком. В нем много лишних букв. Надо взять только те буквы, которые соответствуют звукам нашего языка. Незачем нагружать наш алфавит лишними, ненужными буквами.

К[алмыцко]-Р[усский] словарь с внешней стороны производит вполне благоприятное впечатление: скромное и опрятное издание. Калмыцкие слова и примеры отпечатаны четко, жирным шрифтом, и линии строчек выдержаны в хорошем стиле. В этом видно дело рук опытных мастеров.

Составители указали, что собрали 26 000 слов «современного калмыцкого литературного языка». В связи с этим мне хотелось уяснить, как калмыцкие слова распределились по буквам и выяснил следующую картину:

А – 44	Н – 26	В – половину
Ә – 10	О – 17	Е – половину
Б – 62	Ө – 23	Ё – одно слово
Г – 18	С – 24	Ж – одну
Һ – 20	Т – 57	Л – четыре
Д – 49	У – 18	П – три
Ж – 10	Ү – 8	Р – две
З – 27	Х – 60	Ф – одну
И – 15	Ц – 23	Ю – одну
Й – 5	Ч – 12	Я – пять
К – 50	Ш – 30	Щ – два слова
М – 26	Э – 18	нг, ъ, ь, ы.

Читай: на букву ... собрали слов на ... страниц.

Также мне хотелось узнать, насколько оправдано утверждение составителей, и уяснить, сколько действительно калмыцких слов в нем. В этих целях я подсчитал чисто

калмыцкие слова на страницах: 50, 51, 96, 100, 201, 215, 284, 318, 486 и 516 и нашел 267 слов в общей сложности, так что на одну страницу приходится 26.7 в среднем счете. Последующим подсчетом по буквам нашел несколько больше 17 тысяч калмыцких слов. Следовательно, около восьми с половиной тысячи иностранных слов циркулирует в языке калмыков. Это показывает упадочное состояние нашего языка. Почти 33% иностранных слов в речи, это – большой процент примеси. Конечно, есть много слов международного масштаба, которых заменить трудно, и которых надо употреблять.

В связи с калмыцким алфавитом меня занимал вопрос, что принес калмыкам так называемый прогрессивный алфавит, благопожалованный великодушно советской властью?

Под буквой «Ё» внесли одно только слово – ёлка (русское).

Под буквой «Ж» собрали 18 слов, между которыми имеются ненужные производные от них и слова, которые не войдут в калмыцкий разговорный обиход в роде: жаргон, жасмин, жетон, железняк и женьшень.

Под буквой «Щ» выставили два слова: щетка и щи (русские).

В старокалмыцком письме существовали особые знаки, т[ак] наз[ываемые], галик – знаки, которыми выписывали чуждые звуки из заимствованных слов, как звуки «П», «Ф» и «В». Эти звуки остаются и дальше чуждыми нашему языку, а потому вводить их в алфавит не следует.

В новейшее время в калмыцкой речи звук «В» фигурирует очень много, но это не означает, что он породнился с нашим языком. Он старается проникнуть в наш язык гусарским способом – оттеснить наш природный звук «Б» из вторичных слогов и занять его место, как это видно из следующих примеров: *арвн = арбан, алвт = албату, арв = арба, авдр = абдур, тавн = табан, сав = саба, тов = тоб, келв = келбе* и т.д.

Подсоветские калмыки пишут эти слова согласно фонетическому произношению в разговорной речи, но это тоже может оказаться ошибочным подходом к своему языку. Это не прогрессивная мера, а ухудшающая язык.

К числу галик-букв надо отнести еще знаки для звуков «л» и «р». Странная аномалия связана с ними. Эти звуки в чисто калмыцких словах не встречаются в начале, а во вторичных положениях не имеют никаких ограничений. Звук «р» в начальном положении остался все еще чуждым и слова с этим звуком в начале слова, вошедшие в наш язык, были национализированы, сделаны удобными для своего произношения, выставлением гласных звуков спереди, как например: *русский* = *орос*, *Россия* = *арси*, *рак* = *арак*. Звук «л» в начале не подвергся национализации, как это видно на словах, которые вошли в калмыцкий разговорный обиход: *лама*, *ла-рамба*, *линхва*, *лабта*, *лингдан*, *лавка*, *лоотко* и т.д.

В калмыцкой речи встречаются вначале комбинация полугласного «й» с гласными – а, о, у, е, и. Эти комбинации оказались малопродуктивными. Слова с такой комбинацией гласных вначале в нашем языке наберется не больше, чем на 15 страниц. Эти комбинация – *йа*, *йо*, *йу*, *йе*, *йи* нельзя еще считать однозначным звуком, как это видно из следующих слов: *йасан*, *йосон*, *йун*, *йерял*, *йисен* и т.д. Советский правительственный декрет гласил: писать звуки языков национальностей русскими буквами, и национальности не посмели возражать против этого. И калмыкам пришлось ломать строй своего языка, чтобы примениться к государственным распоряжениям. Вот таким образом калмыцкие слова с комбинацией гласных «йа» в начале слова пришлось выписывать через русскую букву «я», с комбинацией «йу» – через русскую букву «ю», и комбинацию «йе» – через «е». Для комбинации «йо» и «йи» не было знаков в русском алфавите, а потому они остались без изменения, в натуральном виде.

Малопродуктивность этих комбинаций особенно ясно видно на комбинации «йу». В калмыцком языке имеется одно только корневое слово с такой комбинацией вначале – **йун**. В словаре под этим знаком собрали 23 слов, из которых 14 заимствованные, иностранные слова, а остальные – производные от корня «**йун**». В числе этих производных внесли даже искаженные слова: **юмб, юнг гед**. Правда, они появились давно в нашем языке, но это не может служить оправданием для составителей К[алмыцко]-Р[усского] словаря. Им-то лучше, чем рядовым людям, надо было знать и уметь различать искаженные слова от правильно развитых слов!

«Юмб» образовался от «йун мён бё».

«Юнггед» – от «йун гед келебе чи?»

В словаре каждое калмыцкое слово снабжено русским переводом и подкреплено примерами из калмыцкой обиходной речи, пословицами, поговорками, загадками, цитатами из народного устного творчества – сказок, песен и очень много из героического эпоса «Джангар». С этой стороны составители дали очень хорошую работу, но эта хорошая работа омрачена рядом мелких недочетов, недочетов не столь лексикографического, а скорее грамматического порядка. Ведь алфавит и грамматика лежат в основе всей словесности. Если фундамент окажется не достаточно солидным, тогда все здание становится шатким. Так и со словарем.

В лексикографической науке рекомендуется алфавитное расположение слов в словарях. Такой принцип применяется во всех словарях в европейских языках с очень хорошим результатом. Составители К[алмыцко]-Р[усского] словаря применили его, но результат получился не особенно удовлетворительным. Они упустили из виду, что наш язык принадлежит к числу агглютинативных языков, а потому обладает несколько иными особенностями. При расположении наших слов надо было принять это во внимание.

Вот по этой причине надо полагать, что производные слова оказались спереди своего корня или ряд однородных слов обрывается, чтобы дать место чужеродному слову, которое не имеет к ним никакого отношения, кроме алфавитного порядка как например:

<i>акт</i>	– <i>рысак, породистая лошадь</i>
<i>актёр</i>	–
<i>актлдгсн</i>	– <i>холощенный</i>
<i>актлгдх</i>	– <i>быть холощенной</i>
<i>актлсн</i>	– <i>холощенный</i>
<i>актлх</i>	– <i>холостить</i>

Мне кажется, если бы составители обратили внимание на метод модификаций слов в нашем языке, достигли бы лучших результатов. Им надо было знать, что слова в нашем языке изменяются очень простым способом: основное слово + нужный суффикс. Это означает, что суффиксы приставляются к полному слову, корневому или производному. Это мы покажем наглядно на примерах. Возьмем примеры из словаря, на стр. 699 есть такие слова: «эмнүллгн» и «эмчлүллгн» и проследим, как они были образованы по правилам нашего языка.

Они были произведены из одного корня, слова – эм, лекарство.

В одном случае к этому корню был приставлен суффикс – не. Это глаголообразующий суффикс. Им образуется глагол с переходным действием: *ем + не = емне*, лечи.

В другом случае к корню приставлен сперва суффикс – чи. Это именной суффикс. Им образуют имя существительное, обозначающий род занятия: *ем + чи = емчи*, лекарь, медик.

К этому слову был приставлен – ле. Это глаголообразующий суффикс. Им образуется глагол с переходным действием, вот: *эмчи + ле = эмчиле*, врачуй или играй роль врача.

От глаголов – *эмне* и *эмчиле* путем приставления суффикса – *йӱле* была выведена залоговая форма:

эмне + *йӱле* = *эмнӱйӱле*, дай лечить.

эмчиле + *йӱле* = *эмчилӱйӱле*, дай поврачевать.

От этих залоговых форм были выведены существительные путем приставления сложного суффикса – *лҕан*:

эмнӱйӱле + *лҕан* = лечение

эмчилӱйӱле + *лҕан* = *эмчилӱйӱлелҕан* врачевание.

Приведенные примеры показывают путь словоизменения и словообразования. Это – простой процесс, приставлением нужного суффикса к соответствующим основам. Последний суффикс определяет категориальную принадлежность слова. При приставлении суффикса неясные гласные, стоящие в конце, уступают место долгим гласным.

В словаре эти слова написаны без гласных звуков во вторичных слогах. Это нагромождает слишком много согласных букв в словах, что противоречит природе нашего языка.

Неясные гласные стали проблемой в нашем языке с того времени, когда европейские ученые начали изучение монгольских языков в речи и письме. Они заметили неясное произношение гласных звуков во вторичных слогах и старались отметить это в письме: сперва перевернутым *е*, потом твердым знаком и наконец, выпускать неясные гласные из слов. Это нужно было им, чтобы научиться правильно произносить наши слова в речи, но нам не было такой надобности. Наша дыхательная система была приспособлена к произношению гласных звуков из вторичных слогов сжато. Интересная особенность замечается у наших гласных. У них замечается тройное произношение: нормальное, протяжное и сжатое. Гласные в нашем языке: играют второстепенную роль. В определении смысла и значения слов в европейских языках играют гласные первостепенную роль, а в нашем языке смысл слов покоится больше на согласных звуках. Протяжно-

выговаривающиеся гласные в нашем языке образовались не слиянием двух самостоятельных гласных звуков, а растяжением произношения одного гласного. Неясные гласные возникли сокращением произношения одного гласного звука. Растяжное и сжатое произношение являются побочными явлениями в произношении нормальных гласных. Это можно представить следующим образом. Скажем, что нормальный гласный произносится вибрацией звуковой волны в продолжении десяти секунд / или долей одной секунды, тогда растяжное произношение гласного образуется продолжением вибрации звуковой волны от 14 до 20 и дольше секунд или его долей, а неясные гласные получились сокращением вибрации звуковых волн к пяти и меньше секундам или его долям. Если внимательно прослушать произношение гласных звуков в наших словах, тогда вибрация т[ак] наз[ываемых] долгих гласных продолжается заметно различно как например в следующих предложениях:

цааран суу /коротко/	— <i>дальше садись</i>
цааран суутон /долго/	— <i>дальше садитесь</i>
деекшән суу /коротко/	— <i>подсядь выше</i>
деекшән ире /долго/	— <i>иди наверх</i>
муу келджи /коротко/	— <i>оговорили</i>
бичә муу келе /долго/	— <i>не оговаривай</i>
көллән уруу кее /коротко/	— <i>опусти ноги вниз</i>
бичә көллән уруу кее /долго/	— <i>не опускай ноги вниз</i>

Продолжительность вибрации долгих гласных в словах — *цааран*, *деекшән*, *муу*, *уруу* и *кее* меняется от того, какой смысл говорящий вкладывает в них.

Долгие гласные в наших словах следует писать двойным знаком, не обращая внимания на продолжительность звуковой вибрации.

Неясные гласные в наших словах вибрируют с различной продолжительностью, от заметного до едва заметного вдоха,

но это не оправдывает исключение неясных гласных из слов в письме. Слова с нагромождением ряда согласных букв выглядят неестественно и оставляют отталкивающее впечатление. Ученые Калмыкии не удовлетворились таким писанием своих слов, а продолжают обсуждать, изучать и выдвигать предложения о том, как разрешить проблему неясных гласных и растряссти чрезмерное накопление согласных в наших словах. Эти предложения вертятся вокруг полного или частичного восстановления неясных гласных в наших словах. В обсуждении этой проблемы включился д[окто]р Араш Борманжинов с предложением о введении некоего «шва» для разряжения скопления согласных знаков в словах.

Ученые Калмыкии ограничены в своих действиях. Они должны руководствоваться и следовать предписаниям всевозможных всесоюзных органов, а потому ограничиваются докладами и предложениями в своем узком кругу, но не смеют реализовать свои идеи в практике, на письме, без одобрения всесоюзных начальников. Углублением изучения всех видов модификаций слов в нашем языке и определением роли служебных суффиксов разрешили бы эту проблему почти на сто процентов.

Выписывание неясных гласных в словах знаками нормальных гласных меньше повредит языку, чем исключение их из слов. Выставление гласных в словах может даже благотворно повлиять на прогрессивное развитие нашего языка.

Составители К[алмыцко]-Р[усского] словаря внесли много слов, образованных по примеру халха-монгольского языка как например:

<i>аҭарго</i> – безвоздушный,	<i>бӑргго</i> – невыдержанный
<i>амрго</i> – беспокойный,	<i>баргдшго</i> – неусыпаемый
<i>амрлтго</i> – неустанный,	<i>байрго</i> – безрадостный
<i>анхрлго</i> – невнимательный,	<i>бӑрмтго</i> – необоснованный
<i>ӑӑдгго</i> – храбрый,	<i>хамхлдгго</i> – неломаящий
<i>ишклдгго</i> – нелягающий.... и т.д.	

Отрицательная частица **«уга»** в нашем языке, кажется, идет в направлении к слиянию с предходящим словом – именем существительным и глагольной формой изъявительного наклонения, как это видно из следующих примеров:

<i>больши–уга – нельзя,</i>	<i>заб–уга – занятый</i>
<i>дун–уга – безгласный</i>	<i>ўне–уга – дешевый</i>
<i>дур–уга – нелюбящий</i>	<i>зөб–уга – бесправный</i>
<i>дем–уга – беспомощный... и т.д.</i>	

Отрицательная частица **«уга»** все еще стоит без изменения, самостоятельно и выговаривается ясно и четко, так что ее нельзя сливать насильно с предходящим словом и то в очень искаженном виде. Это не прогрессивная мера. Такие слова не улучшают наш язык, а скорее искажают потому надо их избегать!

Если составители желали перенять что-либо из халхамонгольского языка, то им надо было брать слова, нужные для разговорного обихода и составленные правильно по законам нашего языка, как например, слово – *асуудал*, вопрос.

В словаре встречаются очень много слов в формах родительного и орудного падежей. Падежные формы слов, обычно, не включают в словари, но в нашем языке формы слов родительного падежа могут играть роль определительного слова и тогда, как прилагательное слово, могут быть включены в словари. А формы слов орудного падежа часто являются в роли наречия и, как таковые, могут быть включены в словарь. Но дело в том, что формы слов родительного и орудного падежей, могут явиться не все определительным словом и наречием, а потому поголовно выставлять в словаре формы слов родительного и орудного падежей не следует.

Более подробно скажем о них в другой статье, где я буду разбирать основные положения, выставленные в «Кратком грамматическом очерке калмыцкого языка».

В калмыцкой обиходной речи часто употребляются парные, двойные и звукоподражательные выражения.

Парные слова состоят из двух самостоятельных слов: *әрикe-чигән, аағо-шанғо, ухур-серә, келен-аман, хамар-аман, еке-еҕеге, еме-үрен, гер-бүл, атан-марһан, емеген-өбөгөн...* и т.д.

Двойные слова составляются повторением первого слова, но с некоторыми изменениями. В случае слов, начинающихся с гласных букв, выставляется спереди соответствующий согласный звук, как например: *альман-дальман, аран-маран, одон-содон, ууло-сууло, елбек-делбек, икир-микер...* и т. д.

А в случае слов, начинающихся с согласных звуков, во втором слове заменяют начальный согласный звук другим, соответствующим ему согласным звуком, как например: *насан-дасан, махла-сахла, сам-мам, сомон-домон, таран-маран, тәкә-мәкә, чееджи-мееджи, церек-мерек, балуд-салуд...*

Слова, стоящие во втором месте, в двойных выражениях не имеют самостоятельного значения, а являются только усилителем смысла этих слов, поэтому нельзя их выставлять в словаре, как например: *делвг* (с. 196), *дов* (с. 202)... и т.д.

Звукоподражательные слова строятся по типу двойных слов, но только они являются односложными, корневыми словами, как например: *пиш-таш, таш-пиш, сирд-сирд, пирд-пирд, под-под, тонг-тонг, пинг-пинг, шард-шурд, под-под, джинг-джанг...* и т.д.

Слова «джаз, джигит» – поставили под буквой «д», а потом слово «жигит» выставили во второй раз под буквой «ж».

В словаре я не нашел ряда слов, которые часто встречается в калмыцкой обиходной речи, как например:

<i>адруг</i>	– <i>грубиян, скандалист</i>
<i>аланғо</i>	– <i>ведьма, хитрая женщина</i>

гуульго гуу	– просить милостыню
дўлән	– всенощная служба
хамхок	– пористый, губчатый – хамхок цасан
дўўджә нет, есть	– колыбель
дўўжинг	
джаджлур нет, есть	– жвачка
джаджлвар	
хархайик нет, есть ар- хайг	– хлопья снега
джамағул нет, есть	– дикий лук
джағамул	

Последнее слово представляет интересное явление в нашем языке. Это некое диалектическое коверкание слов, где согласные переставляются, как это видно из следующих примеров:

махала = малаға
мекелә = мелегә

Вероятно, точно такого же происхождения изменение гласных звуков в словах, как например:

ўвл = өбөл
хўрим = хөрим
ўвчн = өбөчин
мўрьн = мөрьин и т.д.

В калмыцком языке встречаются много омонимных слов. Они еще не исследованы надлежащим образом. Вот пример из словаря: *ора* (с. 400). Составители К[алмыцко]-Р[усского] словаря отметили в нем следующие значения:

- I. вершина, макушка, купол, но пропустили значение крыша
- II. поздно
- III. строптивый, необузданный

В этом слове кроется еще глагол с значением – *обвяжи, повяжи*. Он указан только в своих производных оборотах. От этой основы образованы четыре глагола: *ораа* – *обвяжи, повяжи*; *ораало* – *покрой дом крышей*; *ораадо* – *бей по голове* и *ораато* – *опоздай, приди позже*.

В словаре показаны страдательные формы этих глаголов:

орагдх – *страд. от орах*
оралгдх – *страд. от оралх*
оратгдх – *страд. от оратх* (с. 401)

В моем понимании, при определении залоговых форм у наших глаголов надо принять во внимание характер действия. Наши глаголы образуют залоги не в одинаковой степени.

Глагол «*ораа*», *обвяжи*, показывает действие переходно-непереходное. Его действие может оставаться на говорящем или отразиться на объекте. Глагол – «*ораало*», *покрой дом крышей*, показывает только переходное действие. Глагол «*ораадо*», *бей по голове*, – переходное действие, а глагол «*ораато*», *опоздай*, – непереходное действие.

«*Ораа*», *повяжи*, может образовать все пять залогов.

«*Ораадо*» и «*ораало*» могут показать только три залога.

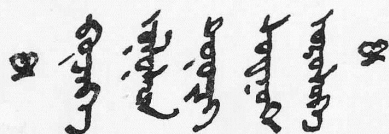
«*Ораато*», *опоздай*, может показать только два залога.

Суффиксы в нашем языке приставляются механически, но только применимость их в обиходной речи может оправдать существование этих форм. По-моему, нельзя никак говорить – «*оратокдо*».

На ошибках надо учиться и добиваться прогресса. В переиздании надо учесть все недочеты, имеющиеся в настоящем издании. Этого мы и пожелаем от всего сердца ученым Калмыкии.

СУДЬБА ДОНСКИХ КАЛМЫКОВ, ИХ ВЕРЫ И ДУХОВЕНСТВА

**Очерк
Кольдонга Соднома**

**1984
ХУЛГУНА ЖИЛ.
ИЗДАНИЕ АВТОРА.
USA.**

СУДЬБА ДОНСКИХ КАЛМЫКОВ, ИХ ВЕРЫ И ДУХОВЕНСТВА

ОЧЕРК

К ЧИТАТЕЛЯМ

Вниманию русской и калмыцкой общественности предлагается очерк о «Судьбе донских калмыков, их веры и духовенства». Он был написан на основании записей бакши Граббевской станицы заграницей, ныне покойного Зодбы Бурульдинова¹. Как-то в разговоре с ним я проявил интерес к истории проникновения буддийской веры к нашим предкам и к тем иерархам, которые укрепляли ее у нас. Бакша Бурульдинов обещал написать мне то, что ему известно об этом. Действительно, через некоторое время он принес мне свои записи. Я сделал большую оплошность, что не прочитал с автором эти записи, чтобы получить разъяснения темных и неясных мест в них. Теперь я не только прочитал их несколько раз, даже переписал их русскими буквами, но от этого темные и неясные места ничуть не прояснились.

Предлагаемый очерк, несомненно, имеет ряд недочетов, большинство которых возникло из-за отсутствия исторических сведений о калмыках вообще, о донских калмыках в частности. В Сов[етском] Союзе можно было бы найти необходимые сведения о калмыках, но рядовому эмигранту нет никакой надежды получить что-либо оттуда. Автор все же надеется, что его очерк и в таком недостаточном виде сможет представить довольно живую картину о житье-бытье одной части калмыков, которая под названием «донские

¹ Бурульдинов Зодба Намрович (1888–1964) – буддийский священнослужитель (бакши), уроженец станицы Граббевская Сальского округа. Ученик ламы донских калмыков Менке Борманжинова. Представитель второй волны калмыцкой эмиграции. После переезда в США служил в Барун хуруле (г. Хауэлл, США). Умер в 1964 г., похоронен на кладбище Свято-Владимирского храма (США, г. Джексон) [Сост.].

калмыки» прожила около трехсот лет в пределах Войска Донского и побраталась с донскими казаками в совместных походах на службе Российского государства.

Бакша Бурульдинов дал сведения о буддийских иерархах донских калмыков, а о самом народе, о калмыках, говорит очень мало. История калмыков за время его пребывания в пределах России мало освещена, а история донских калмыков – еще меньше. Я старался пополнить этот пробел по силе возможности. Судьба калмыков может послужить примером того, как жилось инородцам под эгидой русского государства. Русские относились к инородцам с точки зрения интересов своего государства. Русская политика по отношению к инородцам была начертана словами царя Петра Великого. Он сказал, обращаясь к астраханскому губернатору, что «...надо стараться, чтобы преемник калмыцкого хана не был таким энергичным и умным, как Аюка-хан...» и велел сделать следующим ханом у калмыков Доржи Назарова, человека бездарного и непопулярного в народе.

Эти слова царя Петра Великого легли в основу политики русского правительства по отношению к инородному населению. Во что вылилась эта политика, можно видеть на примере из недавнего прошлого калмыков.

Малограмотный калмык, Ока Городовиков, стал членом компартии в 1917 году, по дружбе с маршалом Буденным, с которым они мальчишками бегали по пыльным улицам Платовской станицы. У большевиков он стал «своим человеком», был осыпан почестями и наградами, даже продвинут по службе до чина генерал-полковника. А после смерти был похоронен со всеми почестями советского сановника.

С другой стороны, калмыцкий интеллигент, Антон Амур-Санан, ставший членом компартии еще в бытность свою студентом Московского университета в 1910 году, бегавший по митингам, разносивший прокламации и агитировавший за компартию, не стал у них своим человеком, а остался национально-мыслящим и заботящимся о судьбе своего разроз-

ненного народа. Этим он навлек недовольство партийных боссов, был исключен из партии, лишен всех привилегий, снят со всех должностей в родной области и сослан на Далекий Север, где он умер в одиночестве, далеко от своего народа и похоронен без всяких почестей. Просто зарыт в холодную землю неприятного Севера¹.

Судьбы этих двух калмыков показывают, что русские искали и все еще ищут от инородцев слепую послушность и полную покорность. Думаю, что в будущем такая политика русских не найдет отклика в среде инородческого населения. Вероятно, русским придется сделать известные уступки и согласовать свою политику с желаниями инородцев. Это было бы хорошо для обеих сторон. Хорошо было бы открыто договориться: вот – ваше, где вы можете жить свободно по своим обычаям. За это вы должны платить столько-то пошлину и выполнять такие-то обязанности для общего государства. Просто и ясно.

Заодно автор просит русских читателей судить его очерк не по русской речи, а по мыслям, вложенным в очерк. Инородцы всегда хромали в русской речи. Боюсь, что мое писание не без каких грехов. Прошу прощения. Я не старался блистать «русскостью» своего слога, а приложил все усилия, чтобы свои мысли выразить в грамматическом отношении корректно, а в смысловом – четко и ясно. У автора нет никаких литературных амбиций, кроме простого желания рассказать правдиво об участии своего несчастного народа, о судьбе донских калмыков. Думаю, что русским будет интересно увидеть и обратную сторону своей политики – ее отражение в душах инородческого населения!

¹ А. М. Амур-Санан (1888–1938) – прозаик, публицист, государственный и общественный деятель. В августе 1937 г. арестован по ложному доносу. В октябре 1937 г. был переведен в г. Сталинград для проведения следствия по делу «буржуазно-националистической организации в Калмыкии». 16 января 1938 г. состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР, которое приговорило А. Амур-Санана к расстрелу. В этот же день приговор был приведен в исполнение [Сост.].

Когда я читал записи бакши Бурульдинова, они будили в моей памяти сведения, слышанные мною из разговоров моего отца и его сверстников. Их было человек десять – пятнадцать в Югославии. В беседах они всегда возвращались к событиям прошлого, свидетелями или участниками которых они были или слышали в свою очередь от своего старшего поколения и сохранили это четко в памяти. Чтобы держать эти сведения в памяти было легче, они облекали их в песню или предание, или сказание. Это повело к развитию у калмыков устного творчества. Наши песни, предания и сказания содержат ценные исторические указания. Я пользовался ими в составлении этого очерка. Потом я черпал сведения о калмыках из следующих произведений, которых можно было найти по ближайшим библиотекам американских университетов.

Вот перечень:

1. Борманжинов, Араш, д-р. Последние ламы донских калмыков. Черновые записки, сведения, собранные по русским источникам¹.

2. Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Казань. 1895.

3. Броневский Владимир. История Войска Донского. Санкт-Петербург. 1834 год.

4. Городовиков О. И. Воспоминания. Москва. 1957.

5. Дарбакова В. П. Статья «К вопросу этногенетической структуры донских калмыков», журнал «Труды молодых ученых Калмыкии», вып. 3, 1973 год.

6. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. Москва. 1964 год.

7. Калм. НИИЯЛИ «Очерки истории Калмыцкой АССР». Москва. 1957 г.

¹ Борманджинов А. Ламы калмыцкого народа: ламы донских калмыков. Автор. перевод с англ. Э.-Б. Гучиновой. Элиста: КИГПИ, 1997. 60 с.

Араш Борманжинов (1922–2011) –ученый-славист, профессор, член Американского лингвистического общества, действительный член Нью-Йоркской Академии наук.

8. Ольденберг Г., проф. Будда, его жизнь, учение и община. Изд-во Виктора Камкина. Вашингтон. США. 1972.

9. Поппе Н. Н., проф. Статья «Положение буддийской церкви в СССР». Журнал «Вестник института изучения СССР». Мюнхен. 1954 год.

10. Ульянов Дамбо. Предсказания Будды о Доме Романовых и краткий отчет моих поездок в Тибет в 1904/05 гг. Москва. 1913 г.

11. Эрдниев У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Москва. 1970 г.

Бакша Бурульдинов дал описание в одном непрерывном повествовании. Чтобы содержание моего очерка сделать более понятным и наглядным, я разбил его на пять глав в следующем порядке:

1. Когда и как появились калмыки в Донской области.
2. Перечень главных иерархов донских калмыков.
3. Житие благочестивого ламы Монко (Борманжинова).
4. Калмыцкое духовенство в распылении.
5. Образ идеального человека по этическим положениям буддийской веры на уровне рядового церковного прихожанина.¹

¹ Эта глава не вошла в данное издание.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КАК И КОГДА ПОЯВИЛИСЬ КАЛМЫКИ В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ

Калмыки являются частью ойратов, ойраты же – частью монголов, а монголы были организованы Чингис-ханом. Название «ойрат» появилось в конце двенадцатого столетия. В XI–XII вв. в просторах Центральной Азии обитало много разных народов. Исторические сведения показывают, что там в эти времена жили народы с названиями – *тайчут*, *кереит* и *меркет*. Видимо, меркеты жили четырьмя группами, кереиты – компактной массой, а тайчуты распадались на множество групп.

Тайчуты получили свое название по имени некоего вождя Тайчу. Он был властным. У него было много сыновей. Сыновья разделили улус своего отца и разделились на множество групп тайчутов. Тайчутские группы назывались по имени своего вождя. Престиж и авторитет тайчутских вождей показывался эпитетом при его имени. В этих целях, обычно, пользовались одним из следующих слов – *мерген*, *багатур*, *сецен* или *хан*. Вождь без эпитета при своем имени считался незначительным. Обычно, только что ставшие вождями не имели еще эпитета. Его надо было заслужить. Вождь с эпитетом мерген считался незначительным. Он отличался меткостью в стрельбе из лука или умел хорошо распознавать следы диких зверей. За ним шла маленькая группа людей, человек десять двадцать.

Вождь с эпитетом *багатур* считался уже крупного калибра. Он отличался большой физической силой, смелостью, выносливостью и удалством. За ним следовала большая группа людей доходившая часто до трех, четырехсот и больше. Они жили набегами и грабежами.

Вождь с эпитетом *сецен* считался значительным. Сецен значит благоразумный. К нему собиралось много народу, до тысячи и больше. Они устраивали свою жизнь на мирных на-

чалах и оберегались от набегов и грабителей своей сугубой численностью. Ханом величали выдающихся вождей. У него под командой стояли ряд багатуров и сеценов со своими последователями. Он был общим покровителем. Его подвластные и владения составляли целое государство.

Тайчутские группы иногда объединялись, чтобы разбить общего врага, но такие враги не часто появлялись, а потому они чаще разъединялись и враждовали между собой, нападая и грабя один другого. Тайчутские вожди старались увеличить число своих последователей. Они старались привлечь к себе все небольшие группы тайчутов. Этого они старались достичь то уговором, то договором, а то просто грубой силой старались подчинить своей власти.

Маленьким группам было трудно самостоятельно существовать. Но вот молодой вождь по имени Темючин жил с небольшим числом своих последователей самостоятельно. Другие тайчутские вожди пытались забрать его с последователями в свою группу. Они пытались это достичь уговором или договором или даже пытались неожиданным нападением заставить его подчиниться. Но Темючин знал очень хорошо местность, а потому вовремя увиливал от прямого столкновения с другими тайчутскими группами. Ему не хотелось быть вассалом у другого вождя.

Но вот в 1194 году ему не удалось ускользнуть от нападения тайчутов. Они объединенными силами окружили группу Темючина и отрезали все выходы к отступлению. У Темючина было бойцов всего на тринадцать сотен. Ими пришлось ему принять сражение с тайчутами. Сражение было коротким, но кровавым. Ему удалось не только отразить нападение тайчутов, но и нанести им сокрушительное поражение. По обычаю того времени, воины пораженной стороны предлагали свои услуги победителю. Много воинов побежденных вождей стали проситься на службу к Темючину. Ему нужны были воины. Он стал просящихся принимать в свое войско. Надо полагать, что знаменитый персидский

историограф монголов Рашид-ад-дин имел это в виду, когда он дал описание о «Первом подразделении подвластных народов». Он перечислил поименно двадцать формаций без указания численности. Можно думать, что они были сотенного состава, потому что они в большинстве состояли из ойратов. Войско Темючина делилось на сотни и десятки. Следовательно, к нему поступило до семисот новых воинов.

С этого времени дела Темючина пошли в гору. Весть о его блестящей победе над тайчутами распространилась во все стороны, ко всем соседним народам. Кочевники высоко ценили боевые качества вождя. Это обещало успехи в походах и большие добычи в набегах. Со всех сторон стали стекаться воины к Темючину. Он принимал всех просящих-ся. Войско Темючина очень скоро разрослось в несколько тысяч бойцов. Воинам первоначальных тринадцати сотен пришлось отмежеваться от новопоступающих воинов. Они и назвались «ойироуд» близко стоящие (к Темючину) воины. Они до этого в течение двадцати лет делили с Темючином все горести трудной жизни маленькой группы людей среди враждебных тайчутов. Темючин этого не забывал.

После образования большой армии монголов, ойратам пришлось разойтись на командные должности по формациям монгольской армии. Это и понятно. Темючин командование новыми военными формациями мог доверить верным и преданным людям, какими были его ойраты. Старый состав ойратов разошелся по формациям монгольской армии, но Темючин организовал неойратские части, составленные сыновьями его старых дружинников. Они стали гвардейскими частями и выполняли важные функции в государстве. Они соблюдали мир и спокойствие внутри страны и оберегали безопасность государственных мужей и военачальников.

В царствование Угедей-хана ойраты оставались на почетной службе. Угедей, еще до своего вступления на власть, обещал оставить ойратов на почетной службе. Это указывает на соперничество монголов с ойратами. Монголам не нра-

вилось, что ойраты занимали такую почетную службу при монгольском хане. Они начали подкапываться под ойратов. Это им удалось достичь при вступлении Куюка на трон монгольских ханов. При избрании Куюка, ойратские начальники голосовали против, но Куюк, хоть небольшим большинством, все же был избран ханом. Куюк-хан не пожелал доверить охрану своего стана военным частям, чьи начальники противились его избранию. Он придрался по незначительному поводу к ойратам, приказал ойратского начальника казнить и ойратским формациям выселиться с ханского двора. На поселение им указал отдаленную область, лежащую к западу от монгольской метрополии, почему она получила название Зюнгар, левая или западная сторона. Куюк был в 1245 году избран ханом, а потому можно думать, что ойраты были высланы с ханского двора в это время. В 1245 или 1246 году они перекочевали в Джунгарию.

Ойраты покинули Монголию с чувством горькой обиды. На этом основании монголы подбросили им эпитет «оолед», обижающиеся, и они с этого времени стали называться ооред-оолед, обижающиеся ойраты. В Джунгарию прикочевали торгутские и хошутские формации полным составом, а хоитские части только частично. Некоторые хоитские формации задержались в Монголии.

Куюк-хан сделал зло ойратам не тем, что он изгнал их с ханского двора и послал их на поселение в далекую область, а казнью ойратского начальника. Этим он обезглавил ойратов. У них не стало объединяющего начала. Не стало общего руководителя, который мог бы указывать ойратским начальникам, где им оседать, чем заниматься и как вести своих подчиненных. Без верховного руководителя ойратские начальники разбрелись в разные стороны и сделались неограниченными властелинами над своими воинами. Это было плохо и принесло много зла ойратам.

После изгнания ойратов, Куюк-хану потребовалось создавать новые воинские части для несения охранной

службы в ханском стане. Это войско получило название «цорос», воины. Командовал ими Бургуд-нойон, человек преданный Куюку душой и телом. Куюк-хан недолго оставался у власти, не более трех лет. После его смерти цоросское войско не было принято в число монгольской армии, а потому царосским формациям пришлось откочевать в Джунгарию и присоединиться к ойратам. В связи с этим возникает интересный вопрос: все ли ойраты откочевали из Монголии или нет? Это следует обследовать на исторических материалах.

В первое время ойраты в Джунгарии жили в надежде, что кто-нибудь из монгольских ханов да позовет их снова на службу. Они думали, что монгольским ханам будет трудно без своих верных и преданных слуг, какими были ойраты. Но время шло. Никто из монгольских ханов не удосуживался звать ойратов на службу. Между тем в Монголии произошли крупные перемены. Монгольский хан превратился в Юаньского Богдыхана, перенес свою резиденцию в Китай, а монгольскую метрополию оставил на положении простой провинции без всякого значения. Это сделал Кубилай-хан, когда он в 1260 году отнял ханскую власть от Арик-Буги, своего младшего брата, избранного ханом на курултае. Кубилай-хан выстроил в Китае имперскую столицу, Дайту.

Ойраты оказались за бортом монгольского государства, без положения, без занятий и без всякого значения. Целое столетие (1245 – 1370) прожили ойраты тихо и мирно. За это время среди ойратов тоже произошли перемены. Ойратские начальники монгольского периода поумирали. Сыновья выступили и взяли власть в руки. Сыновей у них было больше. Они делили улус своего отца между собой и разбивались на мелкие группы. Это было плохо и повлекло за собой очень плохие последствия.

В 1370 году бежал из Китая Тогон Темур хан, последний в роде Юаньских Богдыханов. Он не сумел организовать монгольскую власть в Китае, не управился с восстанием своих подвластных и был принужден бежать на свою древнюю

родину. Это подняло ойратов на ноги. Они забыли старые обиды, собрали войска в четыре тюменя и двинулись в Монголию, чтобы принять участие в борьбе за восстановление былой Монгольской империи. Ойраты в Монголию пришли под названием «Дорбен ооред», четыре ойрата. Исследователи гадают и загадываются над значением этого названия. Много толкований выдвинули монголисты. Между ними проф. Владимирцов, один из лучших русских монголистов, остановился на мысли, что это название указывает на состав ойратов в четыре тюменя.

Мне кажется, что ойратам было незачем указывать на состав своего войска. Ойратам было важно указать на свою связь к тем четырем ойратским формациям, которые некогда стояли около молодого тайчутского нойона Темючина и деятельно помогали ему в создании Великой Монгольской империи. Это название имеет символическое значение, указывающее на славное прошлое ойратов, на прославленные части Чингисхана. Ойраты с ореолом своего прошлого влились в свиту Тогон Темюр хана и обосновались здесь наравне со всеми другими монгольскими войсками, пришедшими под командой вождей монгольских степей с таким же намерением, как и ойраты, принять участие в борьбе за восстановление былой Монгольской империи. Есть даже некоторые указания, что ойраты приблизились к монгольскому хану и сделались телохранителями и советниками. Это подлежит дальнейшему исследованию на исторических материалах.

Ойратскому начальнику, Эсен-тайши, удалось объединить силы монголов и ойратов и повести их в поход на Китай. Этот поход мог бы увенчаться большим успехом, если бы его участники проявили больше ума и сметливости, но между ними не оказалось человека с умом и волей Чингисхана. Окружение Тогон Темур хана разделилось на три группы: на группу придворных вельмож Юаньского Богдыхана, на группу вельмож монгольских степей и на группу ойрат-

ских начальников. Между этими группами возникло соперничество из-за того, кому какую должность занимать и чем ведать.

В этом походе ойратским частям выпала большая удача. Они захватили китайского императора Инг Цонга в плен (1439 или 1449?). Эсен-тайши пожелал использовать царского пленника в своих личных амбициях. Он претендовал на трон монгольских ханов. По материнской линии он был ханского рода. Его отец, Тогон-тайши, был рожден от Самур Гунджин, дочери Элбек Нигулеску хана. Эсен-тайши приостановил поход и стал водить своего царского пленника по станам монгольских степных вождей, думая этим привлечь их на свою сторону.

Эсен-тайши избрал плохую дорогу для достижения своей цели. Его расчет был ошибочным. Он не сообразил простой вещи. Дорога к трону монгольских ханов лежала перед ним открытой. Ему надо было быстрым маршем пройти к Пекину, штурмом взять этот город и объявить монгольскую власть снова над Китаем. При этом он мог объявить себя китайским императором и заодно взять власть монгольского хана в свои руки. Он пропустил очень удобный момент. Китайцы использовали эту передышку в полной мере. Они пленного императора отрешили от власти и избрали себе другого императора, реорганизовали свои силы и повели борьбу против монголов. Им удалось не только отразить нашествие монголов, даже отбить их с большими потерями и изгнать их из своей страны.

Чтобы ознаменовать большой подвиг ойратов – пленение китайского императора Инг Цонга, Эсен-тайши приказал ойратам нашить на свои шапки красную розовидную кисточку и называться с этого времени — улан залата халимак, ооред-оолед, обижающиеся ойраты, храбрые бойцы с красной кисточкой на шапках. Таким пышным наименованием Эсен-тайши хотел поразить воображение монгольских нойонов, но ойратам такое длинное название не пришлось

по вкусу. Они стали подрезать его. Одни назывались просто ойрат, другие – елеты, а третьи – халимаки.

Татароязычное население Туркестана наше название халимак приспособило к своему произношению, как «калмак». Русские познакомились с нашим наименованием в Туркестане и подогнали его к своему произношению, как «калмык». Наше наименование в русском произношении распространилось по всему свету. Все называют нас калмыками. Русские не удосужились выяснить этимологию и значение этого названия, а потом начали толковать его вкось и вкривь. Чаще всего высказывали мысль, что это название дало нам туркестанское население на татарском языке с значением «остаток». Ошибочнее этого ничего не может быть. Меня удивляло, почему русские исследователи уверовали, что монгольский язык был неспособным создавать свои обозначения, а должен был брать их из других языков, чаще всего из китайского или татарского. Это, конечно, глубоко несправедливый взгляд. Слово «халимак» – наше слово. Оно было составлено от основы глагола «хали» в значении «плавно поднимайся вверх» и добавлением суффикса «мак, мек». Так образованных слов много в нашем языке.

Издавна существует у нас крылатое выражение – *дорбен ооред дечин монгол*, четыре ойрата против сорока монголов. Надо думать, что это выражение могло появиться в этот период ойрато-монгольской истории, когда шла конфронтация ойратов с монголами, но оно могло появиться во времена Угедей-хана, когда были четыре формации ойратов и сорок формаций монголов. Его надо обследовать на исторических материалах.

Ойраты пробыли в Монголии около восьмидесяти лет (1370–1454). После смерти Эсен-тайши, ойраты разочаровались в политике и в деятельности монгольских нойонов. Они увидели бессмысленность и бестолковость в политике и деятельности монгольских руководителей, хана и вельмож. Они и отошли от них и вернулись обратно в Джунга-

рию. Прошло еще одно столетие (1454–1553) в жизни ойратов в тишине и спокойствии. Идиллическая жизнь ойратов была прервана нападениями монголов. Ордусские, туметские и халхасские монголы начали устраивать набеги на джунгарские окраины. До этого ойраты и монголы жили в мире, можно даже сказать, в дружбе. Они ходили в гости друг к другу, сватали девушек один у другого и устраивали пышные свадебные пиршества, а потому трудно понять, что нашло на монголов, что их из друзей обратило во врагов.

Надо полагать, что такая перемена монголов не обошлась без наущения китайского императорского двора. Китайцы жили всегда в страхе от монголов и ойратов, а потому зорко следили, чтобы у них не появилось некое объединение сил. Обычно такие объединения выливаются в нашествия монголов на Китай. Потому они и старались заблаговременно разрядить накапливающуюся энергию монголов и ойратов. Этого они достигали простым способом – внесением ссор и дразг между ними, между монгольскими нойонами или между монголами и ойратами. Китайский двор часто натравливал монгольские группы друг на друга или монголов на ойратов: пусть режутся между собой и выбьются из сил!

Маленькие ойратские группы, ютящиеся по северным границам Джунгарии, становились жертвами монгольских набегов. Они-то и подняли крик о помощи и защите от других ойратов. Вот тогда-то родилась идея между ойратами о создании одного общего возглавителя в Джунгарии, который бы ведал оказанием помощи и защиты несчастным жертвам монгольских набегов. Идея была правильной и очень своевременной, но непривычность ойратов подчиняться одной верховной власти, неумение организовать выборы главы государства и нежелание вождей больших групп ойратов отказаться от своей независимости не дали им установить одного возглавителя в Джунгарии, не дали им организовать государственное оформление своей родины. Это было большим упущением наших предков.

Нападение туметского нойона по имени Хахур Муджика (1570?) на ойратов повело к трагическим последствиям. Он неожиданным нападением разбил ойратские силы и потребовал признания своей власти над собой, угрожая в противном случае вести войну до полного уничтожения ойратов. Ойратские начальники сошлись на совещание, чтобы обсудить вопрос: как им быть, признавать ли власть туметского нойона над собой или вести войну против них?

На этом совещании отличился доселе малоизвестный и мелкоулусный нойон хойтского рода по имени Эсельбен кобун Сан Каа. Он предложил известить туметского нойона о своей согласии признать его власть над собой, но просить у него позволения сопроводить это большим угощением. Самим подготовить сто лошадей, навьючить их большими бурдюками, в бурдюки посадить по одному вооруженному воину, лошадей вести по одному человеку под уздцы и прибавить еще человек пятьдесят для обслуживания каравана в пути. С караваном подойти к стану туметского нойона под вечер. С тремястами пятьюдесятью людьми напасть на монголов и уничтожить их. Этот план удался полностью. Ойраты избавились от своих притеснителей. Зачинщик этого плана, хойтский нойон Сан Каа, сразу же прославился. Все стали хвалить и расхваливать его за ум, сметливость и находчивость. Вождь с такими качествами высоко ценится среди кочевых народов. Это надежный вождь. С ним можно идти в огонь и в воду. Это обещает успехи в походах и набегах. Он сможет вывести своих нукеров из трудного положения. Сразу же появились песни, предания и сказания, прославляющие Эсельбен кобун Сан Каа. До недавнего времени наши старики пересказывали сказание о подвиге хойтского нойона Сан Каа.

Мысль об установлении одного общеойратского возглавителя все еще таилась в сердцах ойратов. Она вдруг всплыла наверх. Все подумали, что они в лице хойтского нойона Сан Каа нашли хорошего кандидата в ханы. Они выдвинули

его и быстро провозгласили общеойратским ханом. Но выбор оказался неудачным. Сан Каа не сумел организовать ханскую власть должным образом. В этом неуспехе некоторая вина падает на самих ойратов. Провозглашение хана было проведено поспешно, без надлежащей подготовки, без участия и согласия начальников больших ойратских групп. Избрание хана было проведено простой аккламацией¹ некоторого числа ойратов.

Потом у ойратов был скверный обычай выражать одобрение и признание заслуг человека подношением чарки водки. Этим они споили молодого человека. Он сделался пьяницей и проводил время чаще в компании веселых людей, а не за ханскими делами. Потом малоулувному нойону было трудно управлять необузданными ойратами. У него не было силы придавать вес своим словам. Если бы за его спиной стояла шеренга в пять, десять тысяч воинов, тогда к его словам бы относились иначе. Ойраты отвыкли от повиновения и выполнения приказов. У них до этого не было ничего общего, ни законов и ни обязательств, а потому ойраты плохо слушали распоряжения своего хана.

Такое пренебрежительное отношение к его словам, могло толкнуть молодого человека к пьянству. Все отвернулись от пьющего хана и стали ругать и оговаривать его в лицо и за спиной. Наконец, один торгутский удалец по имени Абида буучи, разъяренный недостойным поведением своего хана, взял да застрелил его и тем освободил ойратов от плохого хана. Сан Каа своим недостойным поведением погубил хорошую идею и отвратил народ от нее. Особенно сильно отвернулись от идеи об общеойратском возглавителе начальники больших ойратских групп.

¹ Аккламация (лат. *acclamatio* – «крик, восклицание») – упрощённый порядок принятия какого-либо решения на основе неформального изъяснения своего мнения. Иногда решение считается принятым, если при обсуждении не высказываются возражения.

В последней четверти XVI в. в Джунгарии во главе больших ойратских групп появились такие авторитетные и волевые вожди, как Байбагус батур во главе хошутской группы, Хо Урлук – во главе торгутской группы, Хара Хула – во главе цоросской группы и Далай-тайши – во главе дербетской группы. В Джунгарии были еще влиятельные и видные нойоны, но они не вмешивались в общественные дразги и жили скромно в своих улусах.

Хошутская группа считалась самой крупной группой среди ойратов. Хошутский нойон считался самым авторитетным, потому что он мог выставить на борьбу до тридцати тысяч бойцов. Такого количества бойцов не мог выставить никто из ойратских вождей. Следующим по величине считался торгутский нойон. Хо Урлук мог до пятнадцати тысяч бойцов вывести на борьбу. Вот почему хошутский нойон Байбагус батур неизменно выбирался возглавителем всех цулганов, комитетов, собираемых для решения всех проблем, возникших среди джунгарских ойратов. К нему присоединился торгутский Хо Урлук, и они вдвоем выносили решение по всем поднятым вопросам, не считаясь с мнением других ойратских нойонов. Никто не осмеливался возражать против решения больших ойратских нойонов. Ни у кого из них не было силы воспротивиться их решениям. У ойратских нойонов не было ничего общего, обязывающего всех в одинаковой степени, а решения цулганов они выполняли по принуждению. Добровольно никто ничего не делал. Только грубой силой можно было заставить ойратских нойонов выполнить решение цулганов. Это было большим недостатком в жизни джунгарских калмыков.

В это время цоросский нойон, Хара Хула начал продвигаться в ряды передовых, влиятельных нойонов, даже претендовать на руководящую роль в решениях, выносимых на цулганах, комитетах. Хара Хула оказался самой красочной фигурой среди ойратских нойонов. Он был родом из хойтских нойонов, но обедневших и потерявших свой престиж.

Он оказался умным и сметливым человеком. Он начал объединение мелких ойратских групп, чтобы общими силами защищать свои интересы и помогать друг другу в случае надобности. Его стали звать Хомочи батур, богатырь собиратель. Потом он приступил к более крупным группам ойратов с предложением объединения для создания одного общеойратского ханства. Его тогда прозвали Отокчи батур, богатырь создатель родины. Таким путем он сумел собрать вокруг себя объединение большого числа ойратов. Теперь он мог выставить самое большое войско на борьбу, больше чем хошутский и торгутский нойоны вместе. Он стал известен по имени Хара Хула. История, как он получил это имя, очень интересна.

В степях Джунгарии водились дикие лошади, называемые хулан, кулан по-русски. Между ними часто попадались прекрасные экземпляры с густой, как у льва, гривой, пушистым длинным хвостом, резвые и быстроногие. Много было охотников, желавших заполучить такого дикой красоты кулана под свое седло, но трудно было словить его. Он оберегался. Ни одного человека не подпускал близко к себе. Если кому и удавалось приблизиться к нему, кулан набрасывался на него, бил его передними копытами и кусал его острыми зубами. При таком характере дикого кулана все боялись охотиться за ним.

Но Отокчи батур решил словить такого прекрасного кулана. Он месяцами следовал за табуном диких лошадей, среди которых находился красивый кулан. Он изучал все повадки и навыки диких лошадей, выслеживал, где они пасутся в определенные часы дня и где их водопой. В конце концов ему удалось набросить аркан на шею красивого кулана. Он подстерег его на водопое, рано утром, еще в сумерках. Чтобы набросить аркан на шею дикой лошади, да еще в утреннем полумраке, человеку надо иметь хорошее зрение и твердую руку хорошего арканщика. Набросить петлю аркана безошибочно на шею определенной лошади, чело-

веку надо иметь большой опыт. Это своего рода искусство. Отокчи батур имел хорошее зрение, твердую руку и обладал искусством хорошего арканщика. Когда он привел в свой хотон дикого кулана и начал объезжать его, все пришли в восторг и стали хвалить Отокчи батурса за терпение, выдержку и выносливость в достижении поставленной цели. Потом ему дали прозвище Хара Хулан, прекрасный кулан. Это имя укрепилось за ним на долгое время.

Родовитые ойратские нойоны не пожелали уступать Хара Хуле первое место на цулганах и сесть ниже него. Они отговаривались древностью своих родов. Хошутский нойон Байбагус батур выводил свой род от Хабту Хассара, младшего брата Чингисхана. А торгутский Хо Урлук отнес свой род к керейтскому Ван-хану. Тогда Хара Хула поставил во главе своего рода мифического ребенка, рожденного чудесным образом от матери ивового дерева и отца ночной совы, *удн модон екета, уульин шобун ецегета*.

В период соревнования Хара Хулы с другими родовитыми ойратскими нойонами, в Джунгарии появился новый буддийский священник, который говорил на прекрасном ойратском наречии и отличался большими познаниями в священных текстах буддийской веры. Он не присоединился к сонму духовенства местного хурула, а остался жить частным образом. Потом стал ходить по частным домам ойратов, где читая краткие молитвы, а где совершая небольшие обряды или просто беседуя с хозяевами на житейские темы. Он свой разговор всегда клонил к опасности, которая якобы грозит жителям этих местностей. Когда испуганные хозяева обращались к нему с вопросом, как можно избежать этой опасности, он уклонялся от прямого ответа, а мельком упоминал, что отселением подальше от здешней местности, можно будет избежать несчастья.

Хара Хула заподозрил его и уличил, как китайского лазутчика, переодетого в буддийского священника. Но было уже поздно. Его злое дело было сделано. Мысль об отсе-

лении из родных степей запала глубоко в души многих ойратских нойонов. Развязку ускорило давление Хара Хулы на других ойратских нойонов с его требованием: хотите ли принять участие в создании одного общеойратского ханства или нет? Хошутский и торгутский нойоны поняли, что им даже объединенными усилиями не удастся остановить создание общеойратского ханства в Джунгарии и избрания Хара Хулы джунгарским ханом под именем Эрдне батур хунтайджи. Им надо было поспешить с выселением, чтобы не оказаться в пределах вотчины новоизбранного джунгарского хана. Наши предки не знали, как ограничить власть избранного определенным коротким сроком. У нас избранный оказывался не только пожизненным, а даже наследственным. Сыновья Хара Хулы могли претендовать на трон джунгарского хана.

Выселение хошутов на восток, торгутов на запад было большой ошибкой наших предков. Хошутский и торгутский нойоны не оценили важности государственного оформления своей родины. Они поставили свои личные амбиции выше национальных и общественных интересов ойратской нации и ойратского государства. Они причинили большое зло своему народу и своей родине. Своим отходом они разбили единство своей нации, ослабили военный потенциал своего государства, а на новых местах оказались в окружении враждебных народов. Свой уход они не считали полным разрывом с родиной, а только временным удалением, чтобы переждать пертурбации первых дней в жизни новоиспеченного государства. Это событие было отражено в одном нашем народном предании под заглавием: «Алтан нуток алак дагона долиасан болоксан тууджи» («История о том, как устройство одного сильного государства на Алтае было подорвано пегим жеребенком, лазутчиком»).

На этом кончается общая история ойратов. Дальше идут истории трех ойратских отраслей, как история джунгарских калмыков, история волжских калмыков и история карашарских калмыков.

Донские калмыки образовались от той части ойратов, которая пошла на запад от Джунгарии и внедрилась в сибирские просторы. Русские источники говорят, что калмыки «в Сибири появились под командой пяти больших и сорока пяти меньших нойонов». Это сообщение не соответствует историческим фактам. Известно, что в Сибири появилась та часть ойратов, которая называлась торгутами. Они находились под командой своего главного вождя Хо Урлука. Правда, его сопровождало четверо сыновей, но они не могли еще считаться «большими» нойонами. Определение русских «пяти больших и сорока пяти меньших нойонов», можно было бы отнести к ойратам, когда они жили в Джунгарии. Там, действительно, выделялись пятеро ойратских нойонов, которых можно было назвать большими нойонами. Вероятно, меньших ойратских нойонов могло быть сорок пять и даже больше. Точного данного об этом нет, но ойратских нойонов было в значительном числе. Чтобы понять значение «большого» и «меньшего» ойратских нойонов, надо нам вернуться к времени поселения ойратов впервые в Джунгарию.

Монгольское управление зиждилось на десятичной системе. Когда у Темючина было войско всего на тысячу триста бойцов, он поделил их на тринадцать сотен и внутри каждой сотни на десять десятков. Начальники этих единиц – десятильники и сотники – играли важную роль. Они были боевыми сподвижниками Чингис-хана и помощниками в управлении народом в мирное время. Когда войско Чингис-хана переросло десятки тысяч воинов, тогда он разделил их на тысячи и внутри тысячи – на сотни. Начальники этих формаций – сотники и тысячники – играли важную роль, как в мирное, так и в походное времена. А когда у Чингис Богдо хана войскоросло свыше сотни тысяч воинов, тогда он разделил их на тюмени, десяти тысячные единицы, и тысячи. Начальники этих формаций – темники и тысячники, играли важную роль в жизни государства.

Исторические документы освещают, как управлялось монгольское войско в походное время, но почти нет сведений о том, как управлялись монголы в мирной жизни. Надо полагать, что Чингис-хан позаботился о четком управлении своих подвластных и в мирное время. Он дал стройное распределение земельных угодий для своих сподвижников. Известно, что монгольский воин точно знал свое место в походе, с каким десятком в составе какой сотни и какой тысячи выйти ему в поход. Он также хорошо знал, где его семья должна находиться, что она получит и сколько домашнего скота ей полагается.

Как распределялись земельные угодия у монголов? Нет точных указаний. Здесь надо принять во внимание, что Плано Карпини написал: «Он, Чингис-хан указывал вождям (темникам) где пребывать. Темники указывали тысячникам, тысячники – сотникам, сотники – десятникам!» Существующие названия земельных угодий дают нам основание думать, что у монголов существовала стройная система распределения земельных владений. Видимо, владения одного темника назывались танггачи, целое небольшое государство. Темник распределял подчиненным владения тысячникам. Оно называлось нутук. Это большие области. Тысячник давал владения сотникам. Его владения назывались оток. Сотники уже давали земли десятникам, распределявшимся хотонами или аилами.

Наряду с этим надо знать, что означали названия улус и албату. Улусом назывались военнообязанные. Улусный человек в поход являлся вооруженный и на своем коне к сборному пункту и нес военную службу. В мирное время он был вольным человеком. Албату назывались оброчные люди. Они были крепостного типа слуги и находились в прямом подчинении своего господина. Есть еще одно название – богол, раб. В период жизни ойратов в Джунгарии различие между улус и албату потерялось. Вот почему они употребляются в перемежку.

Ойраты при Чингис-хане служили четырьмя формациями. Названия трех формаций известны точно. Торгуты — дневные сторожа в стане хана. Кептулы были ночные сторожа в стане хана. Они получили свое название по способу несения своей службы. Они несли дозор, лежа в траве. Это тоже своего рода хитрая стратегия. Подходящие к стану враги не могли видеть сторожей, лежащих в траве, а сторож, лежащий в траве, мог обозревать большой сектор перед собой. Третья формация ойратов называлась хоиты. Они были боевой частью. Они в походах высылали штурмовые отряды, известные под названием батуты, крепыши. Штурмовики были стойкими и крепкими бойцами. Они первыми шли на приступ на вражеские позиции.

Четвертая формация ойратов остается неизвестной. Мне кажется, что этой формацией ойратов могли быть буряты. Буряты знают о своей близости к ойратам, но не знают точно, какая была связь у них. Название «бурят» правильно должно бы гласить буриуд. Оно тогда покажет, что было выведено от нашего глагола «бури» — «покрывай, закрывай». Такое название могла получить резервная формация ойратов. Резерв стоит особо и только по надобности вызывается на акцию. Буряты могли стоять в стороне от ойратов.

Ойратские формации могли делиться на тысячные единицы. Это удобно перебрасывать их с одного места на другое, особенно в спешных случаях, когда требуется вмешательство ойратов. Тысячную единицу легко переправлять по месту назначения. Когда ойратов высылали из Монголии, они могли двинуться своими тысячными единицами под командой своего начальника тысячника. Они могли прикочевать в Джунгарию и осесть вперемежку. Скажем, тысячная единица торгутов могла осесть между двумя тысячными единицами хошуты или хойтовы, потому что не было верховного ойратского начальника, чтобы указывать им, где осесть. Здесь каждый нойон мог осесть в местности, которая ему понравилась.

Ойраты продолжали считать себя подвластными Монгольской империи, только временно отстраненные от своей службы и от своих обязанностей. У них не было никаких политических амбиций, кроме мысли о возвращении на свои старые должности. Вот почему они продолжали держаться своих старых устоев, внушенных им в бытность на службе монгольских ханов. Но долгое пребывание в стороне начало вписывать изменения в их социальный, административный и общественный быт. Наследственный порядок получил у ойратов довольно кривое толкование. Родитель старался скорее поставить своих сыновей на ноги. Он женил их и выделял их особо с небольшим числом улусных людей.

Младший сын оставался с родителями дольше других, поэтому получил наименование «опоры родителей на старости лет и хранителя домашнего очага». Это давало ему право наследовать все, что было у родителей. Случалось, что младший сын часто получал после смерти своих родителей главную массу улуса своего отца. Вместе с этим он оказывался «большим» нойоном в своем роде. Примером этого может послужить дербетский улус, прикочевавший в Россию и присоединившийся к торгутскому нойону Хо Урлуку. Дербетский нойон Цебек Доржи выделил своего старшего сына Хапчука с небольшим улусом в тысячу душ. Его младший брат, Тундута, после смерти своих родителей унаследовал весь дербетский улус в десять тысяч душ. Старший брат, Хапчук, пытался возглавить весь дербетский род, но Тундута воспротивился и отстоял свою долю. Братья разделились. Улус Хапчука стал называться Большедербетским, а улус Тундута – Малодербетским, и он стал «большим» дербетским нойоном. Все считались с ним, русские власти в первую очередь.

Появление большой группы калмыков в Сибири поставило перед местными властями русских новые задачи. У них не было большой военной силы, чтобы пресечь путь калмыкам, а потому они заняли выжидательную позицию,

чтобы увидеть, с чем идут калмыки, с миром или войной. Нам нет надобности входить в историю волжских калмыков полностью, а будет достаточно, если мы выясним, почему калмыки стали убегать из своих улусов, с какого времени они появились в пределах Войска Донского и как они получили наименование «донские калмыки».

Калмыкам в Сибири надо было войти в прямую связь с русскими. И торгутский нойон в 1606 году послал своих людей в город Тара, чтобы увидеть, как русские отнесутся к ним. Русские приняли калмыков недоверчиво и враждебно. Тогда калмыки ушли из Тары и начали кочевать по просторам Сибири на свою руку. У торгутских калмыков не было опыта в дипломатической связи с другими народами. Они все еще придерживались примитивных принципов, полагаясь на свои боевые качества: кто победит, тот и господин! Торгуты пришли в Сибирь в поисках свободных просторов, где они могли бы свободно пасти свой скот и лошадей, да и самим жить вольно. Просторов в Сибири было в достатке.

Китайские источники высказали предположение, что расселение калмыков из Джунгарии на восток и запад было сделано с целью восстановления Монгольской империи. Китайцы всегда жили в страхе от монголов и по пословице: пуганная ворона и куста боится! Так и китайцам каждое движение среди монголов и ойратов казалось зловещим, грозящим опасностью им. В каждом движении монголов мерещились им страшные страхи. Я не думаю, чтобы у наших предков были какие-либо завоевательные планы. В наших преданиях нет никаких намеков на восстановление былой Монгольской империи. Да у ойратов не было единства и единого руководителя, который мог бы выработать такой амбициозный план, а разрозненные ойратские нойоны думали о насущных вопросах – о просторных пастбищах, о местах для продажи ойратского скота и лошадей и т.д. Отсутствие единства было большим недостатком в жизни джунгарских ойратов.

Дербетская группа калмыков под командой своего вождя Далай-тайши кочевала по склонам Алтайских гор. Халхасский Алтын-хан при своих набегах на пределы Джунгарии, наезжал на дербетов и беспокоил. Когда пришли вести о широких просторах Сибири, Далай-тайши подумал перенести свои кочевья туда, но сперва послал выведать больше о просторах Сибири. С этой целью он выслал лазутчиков, чтобы высмотреть и расспросить о просторах Сибири. Лазутчики Далай-тайши пришли прямо в город Тара и стали спрашивать, можно ли их группе кочевать по просторам Сибири? Русские сказали им, что эти местности принадлежат русскому царю и там можно кочевать, если принесете шерть на подданство.

Тарский воевода потом сообщил в Москву, что просят представители калмыков и что он им сказал. Москва одобрила позицию тарского воеводы, сказала известить калмыков, что московский царь берет их под свое покровительство, разрешает им кочевать в Сибири по своему выбору и продавать свой скот и лошадей на базаре в городе Тара без пошлины, а потом служилым людям города Тары посоветовала не отпугивать калмыков, их представителей принимать и провожать ласково! Тарский воевода обласкал представителей Далай-тайши, и, когда те согласились принести шерть на подданство русскому царю, он дал им подарки и послал еще богатые подарки их вождю, Далай-тайши. Дербетские посланцы видели только богатые подарки, а шерти не придали никакого значения. Устное слово не обязывало их ни к чему. Жадность была в натуре кочевников. У них руки всегда тянутся к чему-нибудь, что можно получить даром.

Верховье Иртыша не входило во владения русских. И Далай-тайши мог перенести свои кочевья туда, не спрашивая ни у кого на то разрешения. Далай-тайши своим неуместным посольством к русским подорвал независимую позицию торгутов, а принесением шерти на подданство русскому царю окончательно подвел их. Далай-тайши поступил

очень неосмотрительно, тем более он не перенес свои кочевья в Сибирь, а подвел только тех, кто перебрался в Сибирь. Русские, указывая на пример дербетов, стали насаждать на торгутов, требуя от них шерть на подданство русскому царю. Торгуты долго отнекивались от шерти на подданство русскому царю, но русские города были удобными местами для сбыта калмыцкого скота и лошадей. Если бы русские закрыли доступ в свои города для торговли, тогда калмыкам стало бы плохо. Им пришлось бы искать новые места для сбыта своего скота и лошадей, ездить в далекую Бухару и другие отдаленные места. Исходя из таких соображений, торгутский нойон позволил своим представителям дать шерть на подданство русскому царю.

Русские одарили калмыков, давших шерть на подданство русскому царю, и послали богатые подарки и главному торгутскому нойону. В случае торгутов подарки давались не даром. Они взяли обещание от торгутов, что те не будут нападать на русские города, грабить русских купцов, пропускать их по пределам, где кочуют калмыки и, главное, что отпустят всех пленных, русских.

Русские сперва довольствовались устной шертью, но потом они перешли на письменную. Это сделали, когда калмыки стали отнекиваться от шерти. А калмыки стали отнекиваться от шерти, когда русские стали требовать, что было в шерти и чего не было. Потом русские стали требовать аманатов (заложников) в добавок к шерти. Это показывает, что положение калмыков ухудшалось от шерти к шерти. В ухудшении своего положения виноваты сами калмыки. Шерть то подписывал старший нойон торгутов. За это получал подарки. Другие калмыцкие нойоны стояли в стороне. Им доставалось то, что соизволит выделить торгутский главный нойон, чаще всего ничего. Это вызывало чувство зависти у других нойонов.

В свите торгутского нойона были и не торгутские нойоны. Они почли, что шерть, подписанная торгутским главным

нойоном, не обязывает их, а потому они решили сами войти в шертовую связь с русскими. Хошутский и дербетский нойоны пошли к русским и сказали: «Мы хотим подписать шерть на подданство русскому царю на таких же условиях, как и торгутский нойон». Но русские не пожелаали вступать в шертовую связь с каждым калмыцким нойоном в отдельности и отказали им. Этим они обидели хорошие чувства калмыцких, не торгутских нойонов. Они свою обиду стали вымещать на первом русском, который попадался им в руки в пределах земель, где они жили. Они ловили русского, грабили его дочиста и даже убивали.

Русские шли с жалобой к торгутскому нойону и требовали наказания виновников, как уговор был по шерти. Русские не понимали или не хотели понять, что торгутский главный нойон был главным номинально. Он не имел права требовать выполнения условий шерти, подписанной им, даже от своих же торгутских нойонов, тем меньше от не торгутских нойонов. На этой почве возникали ссоры и пререкания, которые часто переходили в драку, и даже побоища, когда улусные люди выступали на защиту своего нойона. Ссоры и пререкания озлобляли калмыцких нойонов. Дружеские чувства ломались между ними, и они отдалялись друг от друга. Такая связь русских с калмыками описывается русско-калмыцкими авторами, как «процесс мирного вхождения калмыков в состав Российского государства», но это шито белыми нитками.

Калмыцкое общество состояло из трех слоев: нойонского, клерикального и оброчного. Наше духовенство со всем своим имуществом, движимым и недвижимым, было полностью освобождено от всяких пошлин и податей. Нойоны были правящим классом. Они обладали неограниченной властью над своими улусными людьми. Нойон мог потребовать от своего улусного человека все, что он вздумает. Улусный должен был беспрекословно выполнить требование нойона. Он не имел права ни перечить, ни возражать,

и ни ослушаться приказа нойона. Если улусный не хотел выполнять приказа своего нойона, у него был только один выход — бежать из-под власти этого нойона! Так родилось бегство среди ойратов. И история ойратов полна рассказами о бегстве людей. Они бежали в одиночку или отрядами, или даже целыми родами. Вот почему встречаются много людей калмыцкого рода среди соседних народов, — киргизов, казахов, узбеков, китайцев, казаков и русских. По нижнему течению Волги можно найти целые села, состоящие из людей калмыцкого происхождения.

Русские использовали слабости калмыков в полной мере. Они шертями связали калмыков по рукам и ногам, лишили их права общаться с другими народами, даже с кровными братьями, с джунгарскими калмыками, и со своим духовным центром, с Тибетом. Русские особенно зорко следили, чтобы калмыки не вошли в связь с враждебными к России народами, как турки или татары с Предкавказья или Крыма. Русские старались ту же стянуть оковы зависимости калмыков. Калмыки оказались очень полезными для России. Они представили хороший заслон на юге России. Никто не мог незамеченным пройти мимо калмыков. Этим они сослужили России очень ценную службу.

В благодарность за это русские старались усилить зависимость калмыков, полностью подчинить их себе. Это они довели до того, что ввели своего чиновника в стан калмыцкого хана, чтобы наблюдать за калмыками вблизи. Это умалило авторитет калмыцкого хана до такой степени, что улусные люди стали ходить в обход своего хана к русскому чиновнику, чтобы он разрешил все их недоразумения. Русский чиновник пользовался этими недоразумениями калмыков не для того, чтобы установить мир и спокойствие среди калмыков, а чтобы увеличить противоречия в их среде. В результате такой деятельности русского чиновника в среде калмыков стали возрастать ссоры и пререкания.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, изданного в последнем десятилетии XIX века, говорится, что в пределах Войска Донского калмыки появились во второй половине XVII века, но там не указывается, какие это были калмыки, беглые или просто зашедшие. Донские казаки отнеслись к калмыкам очень дружески, охотно принимали их к себе, беглых калмыков скрывали и защищали от погони. Казачий дух оказался сходным с духом калмыков. Казаки, как и калмыки, любили широкие степи, вольную жизнь и удальство в походах и набегах.

В конце XVII века (в 1696 г. по Златкину¹, в 1699 г. по Броневскому²) из калмыцких улусов бежал некий Баахан-тайши. Он пришел в пределы Войска Донского и обратился к царю Петру Первому с просьбой позволить ему осесть здесь и нести службу наравне с казаками. Царь охотно это разрешил ему. Ведь этим царь убивал сразу двух зайцев. Уходом одного нойона из калмыцких улусов подрывался авторитет калмыцкого хана, а вселением чужеродного элемента в казачью среду ставились под удар казачьи вольности.

Это сообщение перекликается с содержанием одного предания, существующего среди донских калмыков. В этом предании говорится, что один удалой молодец по имени Бокшорга был принужден поспешно бежать из калмыцких улусов, из торгутской земли. Он сел на коня и в сопровождении своих двенадцати нукеров быстро ускакал. Он пришел в сальские степи и осел вдоль семи речек. Потом ему пришлось наезжать в торгутские земли и отгонять лошадей и быков. Это он не считал грабежом, а забираанием доли от торгутов. У нас существуют еще несколько преданий о Бокшорге, где говорится об удальстве Бокшорги, проявленных им во время этих набегов.

¹ Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). – М.: Наука, 1964.

² Броневский В. Б. История Донского Войска, описание Донской земли и Кавказских Минеральных вод. Т. 1-3. – СПб., 1834.

Богшоргу очень легко отождествить с Баахан-тайши. Баахан на калмыцком языке значит – меньшей, младший. Бокшорга был младшим в роде Аюки-хана, не то его младшим братом, не то внуком. На этом основании Бокшоргу могли называть младшим нойоном, как самого младшего в роде. Что Бокшорга был нойонского рода, видно из того, что он бежал из торгутской земли в сопровождении двенадцати нукеров. Простые люди не могли иметь столько нукеров. Преданность была характерной чертой калмыков. Нукерам ничего не грозило. Они могли спокойно остаться дома, но они не могли оставить своего нойона без поддержки и последовали за ним в изгнание, чтобы делить с ним все тягости жизни беглых в чужих землях.

Политика русского правительства была направлена на подрыв калмыцкого ядра. Русские старались добиться этого путем умаления авторитета и престижа калмыцкого хана и калмыцких нойонов. Ссоры, драки и побоища между калмыцкими нойонами были на руку русским, а потому они старались всячески усилить недоразумения между калмыцкими нойонами. Ссоры и драки разрывали дружеские отношения между калмыцкими группами. Она наполнялись враждой друг к другу и отходили один от другого. Маленькие и слабосильные группы калмыков было легче поставить в полную зависимость. Чем больше калмыки ссорились и дрались между собой, тем было выгоднее для русских. Чем меньше была группа калмыков, тем было легче русским подчинить их своей власти. Но этот путь был медленным, растягивающимся на долгие годы. Русским хотелось ускорить процесс разложения калмыцкого ядра. Они обратили внимание на бегство калмыков из своих улусов. Они пожелали использовать это в своих целях. Они и привлекли к сотрудничеству миссионеров разных христианских деноминаций, надеясь их пропагандой христианства побудить калмыков к бегству в большем числе.

В 1731 году русское правительство организовало «Комиссию по христианизации инородцев по Волге» (глав-

ным образом калмыков), работу которой финансировали из царской казны. Чтобы миссионеры успешнее работали, было разрешено русским правительством миссионерам калмыкам выдавать двойной надел земли, одновременную субсидию на устройство оседлого хозяйства и устраивать своих подопечных на службу в пограничные гарнизоны с увеличенным окладом.

Я никак не могу понять, почему русские думали и, кажется, все еще думают, что крещенный калмык или какой другой нацмен будет преданнее служить России, чем некрещенный! В моем мнении, это неправильный путь к разрешению проблемы инородческого населения. Я бы лично предпочел открытый договор с инородцами, говоря: вот ваши владения, где вы можете жить свободно, говорить на своем языке, молиться своим богам, справлять свои обычаи. Сами организуйте вашу жизнь согласно законным положениям общего государства. За это вам надо платить столько то подати и выполнять такие то службы для общего государства. Это было бы понятно. Если инородцы не будут чувствовать, что они живут на своей земле и берегут свои национальные ценности, тогда зачем им защищать Россию и жертвовать своей жизнью ради нее? Только доброжелательное отношение русского правительства к национальным aspirations¹ инородческого населения может привязать их к общему государству и сделать из них преданных слуг. Если русские будут подходить к инородцам с точки зрения «хозяина русских земель», тогда им придется снова завоевывать эти пределы и покорять эти народы.

Коммунисты переняли русификационную политику царского правительства, но приспособили ее к своим надобностям. Они религию, как цель этой политики, отбросили и заменили ее комидеологией. Средством достижения цели сделали русский язык и к достижению своей цели идут бе-

¹ Аспирация (*лат.*) – стремление к чему-нибудь.

шенным темпом. Коммунистов не смущает, что эта политика не согласуется с фундаментальным принципом, выдвинутым самим Лениным, а именно: о многонациональности коммунистического общества, где должны найти свое счастливое существование все народности, большие и малые, рядом друг с другом и на равных правах. Преемники Ленина не только отступили от этого принципа, ни и отстранили его из своей программы. А на его место выставили новый принцип, который идет в противоположную сторону, в сторону интеграции коммунистов всех оттенков.

По смыслу этого нового течения: все коммунисты должны духовно выглядеть на один фасон. Этот принцип прикрыт новым крикливым, но фальшивым лозунгом: нового советского человека! Это означает, что все коммунисты со всех концов света должны владеть русским языком и повторять идеи коммунизма в один голос, как пищат цыплята от одной наседки на один лад! Чтобы не было перебоя в выражении данных директив из центра, всем надо владеть русским языком и повторять директивы, исходящие из комцентра, точно, слово в слово! Итак, комидеология походит на наудок, наброшенный на головы всех коммунистов, а русский язык стал путами, держащими всех под властью коммунизма. Таким образом, русский язык стал языком коммунистов, всемирным коммунистическим языком!

Златкин в своем труде «История Джунгарского ханства» показал еще одну отрицательную линию в политике царского правительства по отношению к калмыцкому народу. Верховный Тайный совет Российского государства вынес решение о ликвидации калмыцкого нойона Дондок Омбо, который перечил политике русского правительства. Выполнение этого решения было поручено генерал-фельдмаршалу Голицыну, чтобы он осуществил его таким образом, чтобы навести страх и трепет на всех калмыцких нойонов.

Это сообщение перекликается с содержанием многих наших народных песен, где жены оплакивают смерть сво-

их мужей, калмыцких нойонов, погибших от руки коварных русских, как например: в песне о Джова Дорджи, о Джимбанойоне и других песнях. Один пожилой калмык дербетского рода рассказал мне одно предание о том, как буддийский священник спас жизнь своему нойону. Этот нойон был независимого духа, не всегда соглашался с распоряжениями русских властей и часто перечил. Этим он навлек недовольство астраханского губернатора. Однажды он был приглашен к губернатору. Ему не хотелось идти к нему. Он опасался за свою жизнь, но у него не было повода отклонить это приглашение, а грубым отказом он не хотел усиливать недовольство губернатора. Он решил пойти, но взял с собою своего духовника, который по дороге сказал ему: «Если тебе первым подадут чарку водки, ты передай ее мне. Она может быть с ядом. Лучше я умру, чем ты, глава нашего рода!». Он поступил так, как советовал ему его священник. Первую чарку водки, поданную ему, он передал своему духовнику. На обратном пути священник умер. Чарка оказалась с ядом.

Русские в отношении калмыцкого народа пользовались не только политикой «разделяй и властвуй», но и употребляли тоже принцип «лучших изгоев убей»! У калмыков сложилось впечатление, что русские нарочно уклоняют всех способных и независимого духа калмыков, даже в русских школах — просеивают калмыцких детей и уклоняют способных и одаренных. Наши старики часто упоминали по именам калмыцких детей, умерших неожиданно в русских школах. А потому калмыки часто советовали своим детям, находящимся в русских школах: не рвись вперед, а старайся держаться середины! Так мне мой отец говаривал: берегись, придерживай узду, не выскакивай в первые ряды!

Советские власти в уничтожении врагов перещеголяли царскую власть во много раз! Но ни утонченные методы и ни зверинные жестокости в уничтожении врагов не помогают. Врагов советской власти из рядов подведомственного населения не убывает, а все увеличивается. Вот почему по

всему простору Сов. Союза вырастают кацеты¹, полные невинными жертвами советского правосудия. Советы своими порядками выращивают себе врагов.

Калмыки находились в России с 1620 по 1771 год, почти полтора столетия, а потом бежали обратно в Азию. За возвращение в Азию агитировали не калмыцкие нойоны, а калмыцкое буддийское духовенство. Наше духовенство было недовольно политикой царского правительства, потому что потакает бегству калмыков из улусов и поощряет работу миссионеров среди калмыков. Наше духовенство, вместо того, чтобы найти пути к нейтрализации русской политики, повело агитацию за возвращение в Азию, в родные степи Джунгарии. Они убедили хана и простой народ, что лучше вернуться в Джунгарию, чем сидеть здесь и подвергаться разрушительной и денационализированной политике русского правительства.

Бегство калмыков из России было большой ошибкой наших предков. Оно было плохо подготовлено и очень плохо проведено. Зурхачи, буддийский астролог, определил, что выступление калмыков в обратный путь будет успешным, если знак к выступлению подаст корова черной масти. Нашли корову черной масти, привязали ее в стане хана, постлали ей золотистую солому, наложили ей свежей сочной травы, послали дежурить молодого гелюна и стали ждать знака от нее для выступления. Прошло трое суток. Корова молча жевала свою жвачку из сочной травы, лежа на золотистой соломе. Одному остряку не хотелось ждать долго знака к выступлению от коровы. Он решил помочь ей дать этот знак поскорее. На следующее утро, еще в потемках он подлез под брюхо коровы и громко три раза кашлянул. Дежуривший гелюн спросонья услышал этот кашель и подумал, что корова дала долгожданный знак. Он с криком: «Корова кашлянула, корова кашлянула!» – побежал к хану. Хан дал знак

¹ Концлагеря нацистского рейха. В просторечии их называли «кацет» – по двум латинским буквам слова «концлагерь».

к выступлению. И по снегу заскрипели полозья калмыцких телег.

Так началась трагическая эпопея калмыцкого народа, когда они ранней весной 1771 года выступили в обратный путь в Джунгарию. На этом пути они потеряли больше, чем половину своего населения. Уральские казаки, шедшие на рыбную ловлю в Каспийское море, повстречались с тысячным отрядом калмыков и перебили их, а потом пошли к Тургайскому перевалу, чтобы отрезать путь калмыкам. Убушихан приказал другому тысячному отряду карьером проскочить через Тургайский перевал и засесть. Когда главная масса калмыков подошла к Тургайскому перевалу, уральские казаки стояли там и преграждали дорогу. Калмыки бросились на них спереди и сзади и уничтожили. Ни одного уральца не выпустили живым.

Дальше на пути калмыкам повстречались киргизы. Русские дали им знать, что калмыки идут. Киргизы обрадовались, чтобы отомстить калмыкам за прежние обиды и как свора собак, киргизы набросились на калмыков. Калмыкам нельзя было останавливаться. Русские войска могли их настигнуть, а потому они на ходу оборонялись от киргизов. Им пришлось отойти в голодные степи без воды. Когда томимые жаждой калмыки достигли берегов озера Балхаш, и с повозками и лошадьми бросились в воду пить, на них набросилась свора киргизов. Калмыки, сделавши несколько глотков воды, повернули лошадей и бросились на киргизов. Борьба была неравной. Усталые, томимые жаждой и голодом, когда у людей в глазах двоилось, было трудно драться с киргизами. В этой борьбе вода озера Балхаша покрылась людской кровью в палец толщиной. Так много было пролито крови. Не будь пограничного китайского поста поблизости, вероятно, калмыкам пришлось бы плохо, но китайский пограничный отряд пришел им на помощь и отбил их от киргизов.

Не все калмыки приняли участие в бегстве торгутов из России. Хошутский и дербетский нойоны со своими улуса-

ми не сдвинулись с места. Они остались в России, но масса торгутов осталась по ошибке. Они кочевали по западному берегу Волги, думая в конце зимы переправиться на восточный берег, но лед на Волге в тот год двинулся очень рано и отрезал переправу торгутам. Им пришлось остаться в России, но никого из торгутских нойонов не осталось. Они все последовали за своим старшим нойоном в Азию. Торгутская масса осталась без возглавителя. Русские власти не позволили крещеным торгутским нойонам вернуться к своему народу и возглавить их.

Бегство калмыков из улусов продолжалось и после ухода главной массы калмыков. Трудно установить, что служило причиной бегства калмыков из улусов. Исследователи чаще всего останавливаются на мысли, что экономическое положение калмыцких улусных людей сильно ухудшилось. Им приходилось не только платить нойонам и духовенству налог деньгами, а также бесплатно работать много дней на них. Они имели большое хозяйство, где требовалось много рабочих рук. Вот они и заставляли своих улусных людей бесплатно работать в своих хозяйствах.

Верно, положение калмыцких улусных людей было не ахти какое, но думаю, что это было не единственной причиной бегства калмыков из улусов. Нельзя никак забывать о провинностях людей. Виновные всегда стараются избежать наказания. И самым легким способом избежать наказания было бежать из-под власти начальства. Вот и калмыки бежали. Перебегут в русские села или города и найдут там укрытие, вот и наказанья нет. Если при этом беглый калмык изъявлял согласие перейти в христианство, тогда он попадал под защиту русских. Его вина перед калмыцким обществом не считалась виной в русском обществе.

Калмыцкие нойоны и калмыцкое духовенство были не в силах ничего сделать против решения русских властей. Потом нельзя забывать о чувстве жадности в натуре человека, особенно в натуре кочевника. Богатые подачки миссионе-

ров: двойной надел земли, субсидия на устройство оседлого хозяйства и легкая служба в пограничных гарнизонах манили калмыков. Ведь ездить верхом по безбрежным степям было самым любезным делом для калмыка. Он мог трое суток не слезать с коня!

Но пределы Войска Донского манили калмыков больше, чем субсидия и легкая служба в пограничных гарнизонах, а потому калмыки охотнее бежали в Донскую область. Широкие степи, вольная жизнь казаков и дружеский прием казаков, а потом калмыцкие поселения привлекали внимание калмыков. Они здесь попадали в родную среду своих же калмыков. Вот почему в пределах Войска Донского стало увеличиваться число беглых калмыков.

С увеличением числа беглых калмыков в пределах Войска Донского, стало расти также число жалоб в Москву от калмыцких нойонов с требованием приказать казакам возвратить беглых калмыков обратно в улусы, как это было уговорено в шерти. Казаки отказывались возвращать беглых калмыков на основании своего древнего обычая – с Дону выдачи нет! Но Москва не могла пользоваться обычаем казаков, а принуждена была придерживаться условий шерти, подписанной с калмыцким ханом. Москва охотно бы оставила беглых калмыков, но по шерти была обязана возвращать беглых в улусы.

Калмыкам нравились широкие степи в пределах Войска Донского и вольная их жизнь, а потому калмыки шли к казакам. А казаки надеялись, что беглые калмыки рассядутся по их хуторам и городкам и рассосутся в казачьей среде. Но кочевническая натура калмыков была слишком крепкой. Им не сиделось долго в одном месте, и они часто переезжали с одного места на другое. Тем более казаки не препятствовали их кочеванию по их землям. Это свободное передвижение калмыков по просторам казачьих земель стало приводить в конфликт с казаками. Все чаще начали поступать жалобы от казаков, что калмыки крадут, даже грабят. Донское управле-

ние приняло решение оттеснить калмыков в один угол. Вот в 1784 году казаки оттеснили калмыков в задонские степи и ограничили им кочевать по всей области.

Собственно говоря, история донских калмыков должна бы начаться с этого времени, с времени поселения их в задонских степях, где они осели несколькими хотонами. К нашему сожалению, вероятно, не сохранились никакие документы о калмыках за последние десятилетия XVIII века. Вероятно, беглые калмыки осели несколькими хотонами до появления Бокшорги в сельских степях. Возможно, Бокшорга увеличил число селений калмыков в задонских степях. Они преднамеренно оседали разбросанными хотонами. Это было стратегическим планом. Они ожидали набегов и преследований со стороны торгутов. Чтобы уберечься от их неожиданных нападений, они расселись маленькими хотонами далеко друг от друга. Врагам будет трудно одним набегом уничтожить донских калмыков. Потом разбросанными хотонами они захватывали больше степных просторов, нужных им для пастбища лошадям и скоту. Крупный рогатый скот и лошади требуют большие степные просторы с хорошей травой и чистой питьевой водой.

Бокшорга в сельских степях отказался от своего нойонского звания и уравнился со всеми беглыми калмыками. Он поступил правильно и умно. Нойонское звание все равно не давало бы ему никаких выгод, а только отпугивало бы людей от него, что было ему меньше всего надобно.

Как бы хорошо было, если бы ойратские нойоны по своему поселению в степях Джунгарии отказались от своих нойонских званий и уравнились с народной массой, тогда история ойратов взяла бы иное направление. Ойратские начальники должны бы были знать, что нойонское звание было им даровано монгольскими ханами. Если одного из них высылали на поселение в далекую область, лежащую вне монгольской метрополии, тем он лишался всех чинов и привилегий, полагавшихся по регламенту организации мон-

гольской военной силы. Им надо было отказаться от своих чинов. Этого они не сделали. Никто не догадался потребовать этого от них! Жаль!

Донские казаки в XVII–XVIII вв. жили на свой лад, привольно по своим хуторам и городкам, со своими навыками и обычаями в привольных степях. Царь Петр Первый положил начало к зажиму донских казаков. Он уравнил Донскую область с российскими губерниями, отменил у казаков выборы Войскового Атамана, а сам стал назначать им своего атамана, который стал известен, как «Донской Наказной Атаман», как он назначал губернаторов по губерниям.

Потом царь решил разрядить ряды донских казаков, где угнездилось большое число беглых крепостных крестьян. Он послал князя Долгорукого, чтобы он выискал всех скрывающихся крепостных крестьян по казачьим хуторам и возвратил бы их обратно к помещикам. Князь Долгорукий начал свирепствовать по казачьим хуторам, выискивая скрывающихся крепостных крестьян. Он начал разорять хозяйства и истязать всех отказывающихся показать свое крестьянское происхождение. Это вызвало возмущение среди казаков, но донские казачьи старшины не решались выступить против царя и молча покорялись. Только два атамана поднялись против царской несправедливости и попрания казачьих обычаев – с Дону выдачи нет! Атаман Кондратий Булавин повел войну против Москвы, был разбит и казнен на Красной площади в Москве. Атаман Некрасов бежал со своими соратниками из пределов России и приютился в Турции, где потомки некрасовских казаков находились до наших дней.

Казачий дух отличается от русского духа, но несчастьем донских казаков явились вера и язык. Они по вере и языку сходны с русскими. Национальная самобытность проявляется больше всего в языке. Это видно на украинцах и белорусах, которые свои мовы возвели до уровня литературного языка и на этом основании отстаивают свою самобытность, даже претендуют на выделение в независимое государство.

Название «донские калмыки», вероятно, было сковано в Москве. Там бушевала политика подрыва казачьих вольностей. Вселение заметного числа инородческого населения должно было служить ущемлением казачьих вольностей. Москва хотела ими затыкать рты казакам: не вы одни донские, калмыки тоже донские!

Если бы казаки хотели показать присутствие калмыков в своих пределах, они, вероятно, пользовались бы некими местными обозначениями. Они это и делали. В казачьих документах говорится о калмыках как о юртовских или о задонских или о базавских. Москва не взяла такие обозначения. Они не подходили ее целям, а потому там выдвинули свое обозначение, как «донские калмыки». Москва носилась в одно время с мыслью поселить большую группу калмыков в пределы Войска Донского, но не сумела убедить дербетского нойона со своим десятитысячным улусом осесть в землях казаков. Когда ее план лопнул, тогда Москва то небольшое число калмыков, собравшихся в казачьих землях, около десяти тысяч душ, передала ведению местных властей, донского управления. Это было ничтожным числом людей, чтобы Москва морочила себе голову их судьбой.

В 1802 году получила Донская область организацию по примеру российских губерний. Ее разбили на семь округов. Задонские степи не были оформлены в особую область, а оставлены под предварительным проектом, как Калмыцкий округ. С этого времени началась регистрация калмыков для призывов на действительную службу. До этого калмыков брали только в походное время, призывая их на добровольных началах. Только с 1843 года начинают попадаться в военных анналах упоминание о калмыках в казачьих полках, где они находились довольно заметными числами.

В 1806 году положили начало к административной организации донских калмыков. Областное управление приказало калмыкам организовать свои административные единицы. Они быстро составили тринадцать аймаков, раз-

деленные на три улуса. Казачье управление признало калмыцкие аймаки сотнями, а улусное деление оставило ради традиции калмыков, а калмыцкие обозначения аймаков не приняло и оставило их без всякого обозначения. Невозможно думать, чтобы калмыки подали список своих аймаков без всякого обозначения. Несомненно, калмыки имели свои, калмыцкие обозначения. Было бы хорошо найти такие записи того времени. Может быть, в архиве Донского Наказного Атамана в Новочеркасске сохранились некие заметки об этом. Надо бы поискать там. Подсоветские калмыки могли бы это сделать, если в Новочеркасске остался архив Наказного Атамана.

Некий Владимир Броневский¹ заинтересовался историей Войска Донского и составил большой труд, который в трех томах был опубликован в 1834 году в Санкт-Петербурге. В третьем томе этого труда с заглавием «Описание Донской земли, нравов и обычаев населения» Броневский привел о калмыках сведения следующего содержания:

«Калмыки, приписанные к Войску Донского, кочуют на определенных им местах по Салу, Куберсе, Гасицнам, Манычу, до устья Большого Егорлыка, по Кагальнику, Эльбузе и речке Эй. Донские калмыки делятся на улусы, улусы на сотни, сотни на хотоны. Улусов считается три: Верхний, Средний и Нижний. Верхний улус состоит из четырех сотен. Кроме сих есть еще особые три сотни под названием: Верхняя Тарановка, Нижняя Тарановка и Беляева. В каждой сотне приписано от 10 до 15 хотонов, а в каждом хотуне от 10 до 25 кибиток или семейств.

Улусы удерживают одно только древнее название. В них нет никакой власти, которая управляла бы принадлежащими к нему сотнями. Напротив, каждая сотня отдельно управляется своим сотником, избранным об общем согла-

¹ Броневский В. Б. (1784–1835) – военный писатель, генерал-майор. Автор исторического труда «Истории Донского войска» (в 4 частях). – СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1834.

сию всех калмыков, к этой сотне приписанных. В помощь ему придается Пятидесятник, также как и сотник избираемый. Сотник соблюдает очередь при командировании на службу, прекращает споры и драки, между ними случающиеся. Для разбора тяжёбных дел, в каждой сотне избирают из среды себя Судей, честного поведения, который и решает дела судом словесным, руководствуясь старыми обычаями и Степным уложением.

Все сотни состоят под главным управлением чиновника, назначаемого Войсковым Атаманом, который называется Приставом над калмыками».

Броневский дал очень хорошее описание положения донских калмыков, живших в начале XIX в. в пределах Войска Донского. Важно обратить внимание на то, что донские калмыки делились на тринадцать аймаков, десять регулярные и три особые. Три особые сотни имели чисто русские названия, а десять регулярные не имели никакого обозначения. Вероятно, они имели чисто калмыцкие обозначения, но донское управление не приняло их, но не знало, как их обозначить, а потому оставило без обозначения. Вот почему Броневский привел их без названий.

Калмыки свои административные единицы называли аймаками, а казачье управление признало их сотнями. Трудно понять, почему Броневский выделил три сотни, как «особые». Я не слышал от нашего старшего поколения, поколения моего отца и его сверстников, что-либо об «особых» аймаках между аймаками донских калмыков.

Броневский, видимо, пользовался сведениями из официальных источников, где не имелись точные сведения о за-донских степях. Это видно из названий рек, которые привел Броневский. Он записал названия рек – Куберсе, Гасицнам и Эльбузе. Вероятно, он имел в виду наши реки с названиями Куберле, Гашун и Эльмота.

Прежде чем привести названия калмыцких аймаков, считаю нужным еще сказать вкратце о внутреннем делении

калмыцкого общества. Это о ясунном делении, нечто подобное шотландским клановым делениям. Мой отец учил меня в детстве ответам следующим вопросам:

Йасун чин йун бо? Какой ты кости? Ответ: Махачин керад.

Нойон чин кен бо? Кто твой вождь? Ответ: Митер Дорджи.

Зула (ора) чин йун бо? Какой знак у вас? Ответ: Туула.

Эти вопросы были официальными вопросами и то очень давнего происхождения, но в течение прошедших веков подвергшихся поправкам согласно условиям жизни этого периода. В ответах чувствуется обновления последнего времени. Так название «махачин керад» появилось в XV–XVI вв. А нойон Митер Дорджи жил в конце XVIII века. Его имя фигурирует в ряде преданий, где события разыгрывались уже в России. Народное предание рисует его героем, боровшимся против русского давления и защищавшим национальную независимость.

Калмыцкая интеллигенция с первого дня своего появления стала искать свое национальное лицо. Она думала найти его в историко-этнографической перспективе. Вот почему наша интеллигенция бросилась копаться в прошлом своего народа и в этом генетическом составе своего общества. Калмыцкая интеллигенция, выросшая в условиях советского воспитания, идет по стопам старшего поколения калмыцкой интеллигенции. Они тоже роются в истории и этнографическом составе своего общества. В. П. Дарбакова¹, вышедшая в ученые Калмыкии в советских условиях, написала статью под заглавием «К вопросу об этногенетической структуре донских калмыков», в которой она продолжила работу Номинханова, одного из дореволюционных исследователей этногенетического состава донских калмыков.

¹ Дарбакова В. П. К вопросу об этногенетической структуре донских калмыков // Труды молодых ученых. Выпуск III. Сер. Истории и филологии. — Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 68–77.

Этногенетический состав калмыцкого общества изучается на ясунном составе. В отношении ясунов донские калмыки представляют целый клад. Такого количества ясунов и разнообразия их названий нет нигде. Номинханов, по свидетельству Дарбаковой, собрал до сорока четырех названий ясунов у донских калмыков. Я не видел работы Номинханова¹, но надеюсь, что он записал не только названия ясунов у донских калмыков, а сопровождал их и преданиями о том, как возникли эти ясуны. Во времена Номинханова среди калмыков были еще в большом числе люди старшего возраста, которые помнили предания старины. Мне посчастливилось услышать предания о том, как возникли три отрасли тайчутского ясуна и как возникло название ясуна «махачин керад».

В изучении ясунов в монгольском народе следует начинать с времени Чингис-хана. Он положил начало к появлению ясунов среди монголов. Ему подчинились народы с названиями – тайчут, кереит и меркет. Он сформировал из них военные формации.

И состав каждой формации внимательно балансировал так, чтобы в них не могли возникать незаметно склоки единоплеменников. Потом он принял меры к смешению их и нивеляции в одну, славную и могучую нацию – монголов. Он объявил членов одного племени кровнородственными и запретил им вступать в браки между собой, в одном племени. Так, парень тайчутского племени не смел брать себе в жены девушку из своего племени, а должен был подыскать девушку из другого племени, из кереитов или меркетов.

Чингис-хан хотел, чтобы его подвластные поскорее породнились между собой и связались родственными узами. Потом славными победами монголов он воодушевил своих подвластных, так что они стали гордиться именем монгол больше, чем именем своего старого племени! Таким путем

¹ Номинханов Церен-Дорджи (1898–1967) – доктор филологических наук, профессор. Ученый-востоковед, автор многочисленных трудов по монгольским и тюркским языкам.

ему удалось создать одну железную нацию монголов. Названия старых племен превратились в обозначения ясунов. И главные ясуны раньше назывались тайчутами, керейтами и меркетями. Такие ясуны встречались во всех монгольских и ойратских формациях. Чтобы внести известное различие между людьми одного ясуна из разных военных формаций, пришлось додавать дополнительные указания, даже новые обозначения. Это привело к увеличению числа названий ясунов. Вот и появились предания о том, как возникали новые подразделения среди одного ясуна.

Хорошим примером этого может служить предание о том, как возникли три отрасли тайчутов. Одна девушка согрешила и родила трех мальчиков. Чтобы скрыть свой грех, она своих мальчиков поместила в заброшенную хижину в балке. Рано утром или поздно вечером прибегала к хижине и через дверную щель грудью кормила детей. Такого греха нельзя утаивать долго. Слух о ее детях пошел вокруг, дошел до отца этой девушки. Он позвал дочь и потребовал, чтобы она показала ему этих мальчиков. Она повела его к хижине. Старик через дверную щель увидел трех мальчиков. Один лежал растянувшись на земле. Он назвал его Кептул, лежебока. Второй стоял на четвереньках и смотрел в его сторону. Он всем своим кудластым видом напоминал ему его сивого бугая. Он назвал его Хо Буха, сивый Бугай. А третий имел отвислые уши. Его он назвал Делденг, вислоухий. Старикун понравился эти мальчики. Он взял их к себе и вырастил, и потомки их потом образовали три отрасли тайчутского племени. Вот так появились различия в наших ясунах.

В числе ясунов у донских калмыков встречается ясун с названием батут. Так назывались штурмовые отряды хоитской формации ойратов. Они шли первыми на штурм вражеских позиций и несли большие потери. Остаток вливался в другую формацию, где они создавали новый ясун с боевым названием своего отряда – батут.

Куюк-хану, после изгнания ойратов с ханского двора, потребовалось организовать новые военные части для не-

сения охранной службы в стане хана. Это войско получило название – цорос, воины. Им командовал Бургуд-нойон, человек преданный Куюку душой и телом. После смерти Ку-юк-хана цоросам пришлось откочевать в Джунгарию и присоединиться к ойратам. Там они zaloжили два новых ясуна – цоросов и бургудов. Они имеют одно происхождение: от ребенка рожденного чудесным образом – от матери ивового дерева и отца ночной совы.

Приведенные примеры разъясняют возникновение ясунов среди ойратов в достаточной степени.

Для нашего очерка важно ознакомиться еще с двумя наименованиями, которые играют важную роль в жизни донских калмыков. Это – бузава и задонск.

Донские калмыки называют себя на своем языке бузава. Мне известны два предания, в которых рассказывается, как возникло это название у донских калмыков.

Одно предание говорит, как один торгутский нойон по имени Гунггетен-нойон, сильно разгневался на донских калмыков, за частые набеги в торгутские пределы и угон быков и лошадей. Он решил их крепко наказать, поднял свое войско в тысячу воинов и повел их в сальские степи. Он со своим войском вихрем налетел на селение донских калмыков, начал опрокидывать телеги и кибитки и убивать людей и животных. Донские калмыки были захвачены врасплох. Они не ожидали такого нападения и жили мирно и беспечно. Им не оставалось ничего иного, как бегством спастись от торгутского набега. Они бежали к западу, к реке Дон, поспешно переправились на другую сторону и спрятались в камышах речки Донец. Эта река называется по-калмыцки Бозок. Гунггетен-нойон остался доволен своим наведенным страхом на донских калмыков, которых он поубивал, разорил их хотоны и разогнал. Он, говорят, прежде чем повернуть обратно домой, молвил: «Пусть донских калмыков называют с этого времени бузава!» Это он сказал о речке Бозок, в камышах которой они укрылись.

Нападение Гунггетен-нойона было фактом. Оно произошло где-то в первой четверти XIX века. Донские калмыки натерпелись от его набега много страха. Калмычки потом долго пугали его именем своих детей. Мой отец, рожденный в 1873 году, говорил, как его мать пугала его мальчиком именем Гунггетен-нойона, когда он не слушался ее и долго бегал по двору.

Второе предание говорит о том, как калмыцкие нойоны посылали погоню за беглыми в пределы донских казаков. Участники этой погони, обойдя калмыцкие селения и не найдя там никого из беглых, за которыми они пришли, заходили в казачьи хутора и приставали к казакам с требованием «скажи, где скрываются беглые калмыки у вас? Они не принимали ответа, что «нет беглых калмыков в хуторе», а продолжали назойливо приставать к казакам со своим требованием «выдай спрятавшихся калмыков!» Это злило казаков, и те с оружием в руках отгоняли калмыцкую погоню из казачьих пределов! Те, возвратившись в свой хотон, на вопрос своего нойона, как было с погоней, угрюмо отвечали: буу заба! Показали оружие. Слиянием этих двух слов образовалось название «бузаба» и крепко закрепилось за нами.

Это предание лучше объясняет в этимологическом отношении возникновение нашего названия «бузава». Один из первых калмыковедов, Попов¹ употреблял название «базавских» калмыков. Время его писания может указать нам, когда могло возникнуть это название у наших предков.

Задонскими калмыками называли калмыки тех из своих собратьев, которые, прельстившись богатыми подачками миссионеров, меняли свою веру и нацию, становились христианами и селились в чужеродной среде, среди русских или казаков. Они отдалялись от своего народа. Царское правительство построило для них особые селения у горо-

¹ Попов А. – историк донского казачества. По просьбе атамана Всевеликого войска Донского М. Платова составил и издал книгу «История о Донском Войске» – Харьков, 1814.

дов Черкаска и Чугуева. Эти города лежат к западу от реки Дон, а потому люди, жившие здесь, делались задонскими для людей, живших к востоку от Дона. Калмыки, осевшие на западной стороне реки Дон, получили название «задонских калмыков». Калмыки в это слово вложили еще понятие денационализированности, потому что они быстро обрусевали, забывали родной язык, обычаи своих предков и родовые различия. Многие из них потом возвращались в родную среду, но название «задонск» оставалось за ними и за их потомками надолго.

В 1846 году вышла Донская Комиссия в задонские степи и разметила земельные угодия для пяти калмыцких сотен с названиями Намровской, Харьковской, Кирбитской, Рыцынской и Бултуковской сотни. Эта комиссия была выслана по официальному распоряжению в задонские степи. Приказ мог выйти от Донского Наказного Атамана на основании указа Министерства Внутренних Дел из Москвы.

В те годы шумно обсуждали вопрос олеснения степей, чтобы приостановить эрозию степных просторов. Сильные бураны и ветры сносили верхний слой степной почвы. Было предложено покрыть степи полосками леса, надеясь этим приостановить эрозию. Вероятно, было решено произвести сперва опытную посадку лесов в степной полосе. Избрали задонские степи. Выслали Межевую комиссию, оттеснили калмыцкие селения и выделили полосу степи для олеснения.

Доклад этой Комиссии должен храниться в архиве Донского Наказного Атамана, а копия в Министерстве Внутренних Дел в Москве. Донским калмыкам надо найти этот доклад, чтобы установить, на каком основании эта комиссия свела тринадцать калмыцких аймаков к пяти сотням и по чьему распоряжению обозначила их такими ужасными названиями. Между ними – одно только чисто калмыцкое, Намровской сотни, а одно – чисто русское, Харьковской сотни, а остальные три названия представляют ужасно исковер-

канные слова. В основе их чувствуются калмыцкие имена, но при руссификации ужасно исковерканные и изуродованные. Казаки всегда насмехались над калмыками за неверное произношение русских слов.

Советский сановник генерал-полковник, Ока Городовников в своих «Воспоминаниях» показал, как в старое время, во время учебной команды, калмыки становились «мишенью насмешек и унижений». Особенно, на занятиях по словесности калмыки становились жертвой всевозможных насмешек и издевательств. Мой отец и его сверстники часто вспоминали, как казаки донимали их насмешками и издевательствами. Это вело к дракам между казаками и калмыками.

Память об этих пяти сотнях была все еще жива в памяти нашего старшего поколения. Мой отец и его сверстники часто вспоминали об этих пяти сотнях и перечисляли, какие калмыцкие аймаки вошли в какие сотни. Возможно, они и упоминали русские названия этих пяти сотен. Я-то не оценил исторической важности этих сведений и пропустил их мимо моих ушей. Жаль, но ничего нельзя сделать.

В 1862 году была проведена реорганизация административного аппарата в Донской области. Сотенное деление было упразднено. На его место ввели станичное деление. Административные единицы на Дону стали теперь называться станицами. Станичный атаман заменил сотника. При этой операции калмыкам удалось увеличить число своих административных единиц с пяти на семь. Задонские степи продолжали неофициально называть Калмыцким округом, но управление его было передано правлению Ильинской станицы из Второго Донского округа. Трудно понять, почему так было сделано? Потому ли, что среди донских калмыков не было образованного человека, могущего справиться с канцелярской работой по управлению своего округа. Или казачье управление не доверяло калмыкам, что они накрепко осели в пределах Войска Донского. Калмыки ведь коче-

вой народ, мог снять свою кибитку и переехать за сотню верст, в пределы Астраханской губернии, вот и гоняйся за ним по просторным степям!

В 1875 году Донское управление подтвердило существование Калмыцкого округа в Донской области, но управление им все еще оставалось в руках правления Ильинской станицы из 2-го Донского округа. Видимо, калмыки все еще не заслужили доверия донского управления.

В 1887 году к Донской области добавили два новых округа – Ростовский и Таганрогский. В это же время внесли изменение в наименование задонских степей. Неофициальное название Калмыцкого округа было упразднено, и дали новое наименование, как Сальского округа. В задонских степях появились две казачьи станицы. Казаки не желали жить под калмыцким названием и потребовали изменения. По желанию двух казачьих станиц против семи калмыцких станиц название округа было изменено. Управление округом было поручено правлению Великокняжеской станицы.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, изданном в 1895 году, сказано об этой области следующее: «По новейшему распределению в состав этого округа входят: два юрта казачьих станиц, семь юртов калмыцких станиц, донское казачье коннозаводство, состоящее из 84 зимовников частных лиц, калмыцкое коннозаводство, бывшие солепромышленные участки, четыре крестьянских душевных надела и два запаса свободных войсковых земель.

Главное занятие населения — скотоводство. В 1898 году насчитывалось до ста тысяч лошадей, пятьдесят тысяч крупного рогатого скота и до двух сот тысяч овец. Несмотря на неблагоприятные климатические и почвенные условия посев озимых и яровых достигал до 75 тысяч и сбор на 250 тысяч. Девять станичных училищ, двое сельских и одно специальное для калмыков. Адм. центр – Великокняжеская станица».

Это сообщение показывает, что Сальский округ не был пассивным балластом для Донской области. Скотоводством

и земледелием он оправдывал свое пребывание в числе других округов в Донской области.

Калмыки не примирились с стяжением своих тринадцати аймаков к пяти сотням. Они начали искать все пути и возможности к восстановлению своих прежних тринадцати аймаков в составе Сальского округа. Это им удалось осуществить к началу XX в. Одним из последних калмыцких аймаков, оформленным в особую станицу, была Батлаевская станица. Она на калмыцком языке называется Багуда амек. Он, вероятно, входил в число первых калмыцких аймаков, имена которых состояли в списке калмыцких аймаков, поданного донскому управлению в 1806 году. Донская Межевая Комиссия в 1846 году поставила этот аймак хутором Денисовской станицы. Население аймака Багуд не примирилось со снижением своего статуса от аймака в хутор. Багудовцы стали думать, как им вернуть свой прежний статус полноценной административной единицы. Причиной снижения их статуса считалась малочисленность его населения.

Старожил аймака Багуд, старик Ваня Игнатов решил пополнить население своего аймака и довести его до нужного минимума. Недалеко от аймака Багуд проходила столбовая дорога. По ней люди шли то с востока то запад, то с запада на восток. Обычно с запада на восток тянулись задонские калмыки в поисках родного пристанища. Много калмыков, принявших христианство, отходило от родной среды, от своего народа. Они оседали среди русских или казаков. Чужеродная среда засасывала калмыков. Многие из них обрусевали, тонули и полностью исчезали в окружающей среде, только по фамилии их потомков можно было признавать их калмыцкое происхождение, как, например, казаки с фамилиями – Буданов, Харламов, Калмыков, Саринов и другие. Но бывали часто случаи, когда у задонских калмыков вдруг пробуждалась неудержная тяга к своим, неудержный зов крови, и жестокая тоска начинала сосать под ложечкой бедного человека. Он бросал насиженное место, укладывал

пожитки на тележку, сажал жену и детей, выходил на столбовую дорогу, брал направление на восток, в калмыцкие степи, к своим братьям и ехал.

Старик Ваня знал об этом. Он решил завербовать их в свой аймак. С такой целью он стал выходить ежедневно на столбовую дорогу и поджидать кочующих задонских калмыков. С первых же их слов он узнавал, что они плохо владеют родным языком, не знают, из какого они рода и куда им ехать. Старик Ваня сразу же делался им родственником, одного ясуна «махачин керад», звал их к себе в гости: выпить чашку чая, отдохнуть и дать передышку лошадям. Потом за чашкой горячего чая он обрабатывал их, приглашая их осесть здесь, в их аймаке, среди своих братьев, которые помогут им строить землянку и выхлопочут им быстро земельный надел, что они могут быстро освоиться с местом. Ласковые слова хитрого старика согревали родственные чувства задонских калмыков, и они часто соглашались с предложением старика Вани и оседали в аймаке Багуд. Таким путем старик Ваня Игнатов пополнил население своего аймака и довел его до нужного минимума.

Один из потомков осевших здесь задонских калмыков впоследствии острил, отвечая на вопрос: какого ты ясуна будешь? Вместо полагемого ответа «махачин керад», он говорил «ванин керад», намекая этим, что его предок поддался на слова хитрого старика и стал членом ясуна «махачин керад», в действительности они могут быть совсем другого ясуна, не кереитского.

Сын старика Вани, Учур, оказался не менее красочной фигурой, чем его отец. Он молодым человеком вошел в состав правления Денисовской станицы и взялся ведать станичной кассой, которая состояла из деревянного сундука под замком, поставленного в углу станичного правления. Денисовская станица была большой и многолюдной, а потому надо полагать в кассе водились изрядные средства. Не было обычая считать денег в кассе. Калмыки полагались

на добросовестность и честность кассира. Перед самым отходом хутора Багуд в особую станицу с названием Батлаевской станицы, станичная касса Денисовской станицы была ограблена. Воры проникли через окно в помещение станичного правления, вынесли кассовый сундук и оставили разбитым в степи.

Следствие по этому делу ничего не выяснило. Грабеж станичной кассы Денисовской станицы остался не раскрытым и грабители не установленными. Никого не арестовали и никого не отдали под суд за это дело. Но народная молва указывала на кассира, на Учура Игнатова, как организатора этого грабежа. Он в присутствии двух братьев из аймака Багуд, которые славились такими лихими делами, как кража рогатого скота и лошадей и грабеж и т.д., будто бы ненароком сказал, что в кассе есть жирная добыча для смельчаков. Потом под вечер сам опорожнил кассу, так что бедным грабителям досталась пустая касса.

Учур Игнатов стал атаманом в новооснованной станице Батлаевской. Род Игнатовых не отличался особым богатством, но вот Учур Игнатов откупил за наличные косяк приплодных маток лошадей у обедневшего коннозаводчика и вошел в число калмыцких богачей.

В начале двадцатого века в Сальском округе Донской области числились тринадцать калмыцких станиц с двойными наименованиями на русском и калмыцком языках. Этим администрация сильно осложнялась и вводила простодушных калмыков в замешательство. Им приходилось русским называть название своей станицы на русском языке, а калмыкам – на калмыцком языке.

Калмыцкие станицы были организованы по типу казачьих станиц. Во главе станицы стоял станичный атаман. У него был помощник, два писаря, гражданский и военный, и жандарм. Все калмыцкие хутора управлялись атаманом, помощником, писарем и жандармом. Судебные дела калмыков разбирались в окружном суде в городе Великокня-

жеске. Там был толмач, калмык, помогавший соплеменникам в судебных делах.

Калмыцкие названия калмыцких аймаков появились с начала возникновения калмыцких селений в задонских степях, где-то в последней четверти XVIII века. В 1806 году калмыки подали список своих аймаков донскому управлению для введения их в общий список казачьих станиц на Дону, но казачье управление не приняло калмыцкие названия, а аймаки признало сотнями, уравнило с казачьими сотнями. Только в конце XIX века казачье управление приступило к обозначению калмыцких станиц русскими названиями. Это было шагом русификации политики донского управления, возможно, навеянной из Москвы. Вероятно, где-то кто-то вырабатывал шаги по внедрению русификационной политики в калмыцкое общество.

При принятии калмыков на действительную службу выставляли фамилию калмыков в русификационном виде. Так появилось у донских калмыков русифицированные фамилии. Потом начали русифицировать названия калмыцких станиц и подталкивать калмыков принимать русские имена. У нас пользуются личным именем. Это считается вполне достаточным, но если надо внести различие между двумя лицами, имеющими одинаковое имя, прибегали к отцам, праотцам и местности. Такие случаи были редки.

В обиходе калмыцкие станицы делились на две стороны, на верховые и низовые станицы, (дееркезуд-доркозуд). Такое деление калмыцких станиц, вероятно, появилось в подражание казачьих станиц, которые тоже делились на верховые и низовые станицы.

Верховые станицы

Власовская
Граббевская
Чунусовская
Эркетеновская

Дееркезуд

Бембедакена амек
Цебекдакина амек
Чоноса амек
Эркетена амек

К числу верховых станиц следует причислять еще три станицы, которые находятся в районе верховых станиц:

Беляевская	Белявин амек,
Бага Буурола амек	Бага Буурола амек
Балдара амек	Балдара амек

Без исторических сведений трудно говорить об истории возникновения калмыцких аймаков. Русские источники дают довольно сумбурные сведения о донских калмыках. У них приводятся только русские обозначения, а потому трудно идентифицировать, о какой калмыцкой станице идет речь. Для изучения истории возникновения калмыцких аймаков, лучше брать калмыцкие названия, потому что они лучше показывают исторические перипетии в их прошлом.

Приведенные выше три калмыцкие станицы могут оказаться теми тремя сотнями, которых Броневский назвал «особыми», но не объяснил, почему они стали особыми: я не уверен в том что эти три станицы идентичны с сотнями, указанными Броневским. Он привел русские названия трех особых сотен. Я же имею калмыцкие названия этих трех станиц. Судя по истории возникновения этих станиц, они могут оказаться теми тремя особыми сотнями, указанные Броневским с названием: Верхняя Тарановка, Нижняя Тарановка и Беляева.

Беляевская станица может вполне совпадать с сотней Беляева. Моя мать была родом из этой станицы. Она говорила, что предки калмыков Беляевской станицы находились на службе у русских. Вероятно, они служили в пограничных гарнизонах. Туда поступали на службу крещенные калмыки. Там мог оказаться командир по фамилии Беляев, который хорошо относился к калмыкам и тем снискал их любовь и уважение. Выйдя в отставку, служившие в этих гарнизонах калмыки могли осесть в задонских степях, основать свою сотню и дать ей название по имени своего любимого командира. Это в обычае калмыков. Появление сотни Беляева в задонских степях вполне допустимо.

Потаповская станица на калмыцком языке называется Балдар амек. Это название раскрывает вполне ясно, кем была заложена эта станица. Балдар на калмыцком языке означает «метис», «смешанный». Калмыки, одиночно отошедшие от своего народа и оказавшиеся в среде русских или казаков, принуждены были заводить семью, женившись на местных девушках, русских или казачьих. Рожденные от таких смешанных браков дети назывались балдырями, смешанными, метисами.

Эта станица расположена рядом с Беляевской. По физиономии калмыки были действительно смешанными. У них были часты русские черты: большой горбатый нос и густая борода. Бага Бурульская станица имеет тоже интересную историю. Араш нашел указание в русских источниках, что эта станица была в 1839 году с позволения русских властей заложена на балке Большой Гашун. Это указание не согласуется со сведениями Броневского, который собирал материал для своего труда декадой раньше этого, в 1828 году. Он указал присутствие тринадцати калмыцких аймаков в это время, декадой раньше закладки Бага Бурульской станицы. Возможно, здесь мог быть сперва маленький поселок, а в 1839 году увеличиться добавлением целого аула, около двадцати кибиток или семейств. К этому, может, свелись, если принять во внимание калмыцкую версию о возникновении этого аймака.

Калмыки из Платовской станицы старшего возраста рассказывали такую историю. Один аул в аймаке Буурол представлял много хлопот станичному правлению. Там скандалы никогда не прекращались. Пьянство там не переставало. И пьяные часто ссорились, ругались, дрались и даже доходили до поножовщины. Станичному старшине приходилось постоянно бегать в этот аул: то успокаивать ругающихся, то разнимать дерущихся, то отводить пьяных по домам, то арестовывать скандалистов. У станичного старшины не было спокойствия и отдыха. Жалобы, мольбы о помощи и брань

по адресу станичного старшины приходили днем и ночью. На одной из станичных сходов станичный старшина поднял вопрос: как быть с буйным населением этого аула? Сходка приняла решение изгнать все население этого аула из своей станицы.

После долгих криков, ругани и толкотни с помощью русских властей выдворили весь аул из станицы. Около двух десятков кибиток откочевало из аймака Буурола. Они отъехали верст двести и осели. Новое место в память старой своей станицы назвали Бага Буурола амек, Меньшим Бурульским аймаком. Какие хорошие времена были, взял да отъехал верст двести и осел. Вот новое поселение. Этого теперь нельзя делать.

С нами в ДП-лагере в Германии был пожилой калмык из той станицы. Он всегда соседился с калмыками из Платовской станицы и подстерегал удобный случай, чтобы съязвить им, говоря: «Мы не подчинились требованиям станичной старшины и выселились из Платовской станицы!».

Низовые станицы

Батлаевская
Денисовская
Иловайская
Платовская

Доркозуд

Багуда амек
Бокшоргакона амек
Зунгара амек
Буурола амек

К числу низовых станиц надо причислить еще две станицы, которые расположены к западу от Куберле, притока Сала:

Кутейниковская

Кобуда амек

Ново-Алексеевская

Геленггекена амек

Я не был уверен, куда следует отнести эти две станицы, а потому обратился к одному пожилому калмыку из Кутейниковской станицы с вопросом: «В какую сторону входит ваша станица, к верховым или низовым?». Он твердо ответил, что их станица не входит в число верховых станиц, но он не был уверен в принадлежности их станицы к низовым.

Перечень калмыцких станиц показывает правильность распределения Броневского. Мы видим четыре станицы Верхнего улуса, четыре станицы Нижнего улуса и две станицы Среднего улуса. Даже три станицы выделились особо, как Броневский назвал их «особыми сотнями».

Русские названия калмыцких станиц показывают этапы русификационной политики царского правительства. Я никак не могу понять, почему русское правительство так стремилось вобрать инородцев в свое тело, сделать их русскими? Что плохого они видели в калмыцких названиях? Почему русские относились с таким нетерпением к инородцам? В будущем инородцам придется выработать защиту против русификационной политики русского правительства. Нам надо отстаивать свои названия в административных организациях и своих местностях. Надо требовать, чтобы русское правительство отнеслось с вниманием к названиям на инородческих языках.

Среди калмыцких названий калмыцких станиц встречаются традиционные обозначения, как например: зунгар, эркетен, чонос, кобуд и т. д. В некоторых названиях чувствуется влияние местных условий. Например, Денисовская станица на калмыцком языке называется Бокшоргакона амек, аймак Бокшорги. Так звался предводитель беглых калмыков, который в 1696/99 гг. пришел в сальские степи и осел здесь вдоль семи речек с названиями – Манца, Сал, Коверла, Элмете, Коголте, Гашун и Боглай. Так говорится в одном нашем предании о Бокшорге. Он со своими нукерами не осел вместе, в одном месте, а разделились на несколько хотонов, довольно далеко отстоящие друг от друга. Это было сделано из стратегических соображений. Они ожидали погони и нападения, а потому из предосторожности расселись, чтобы не стать жертвой одного набега. Нукеры Бокшорги, надо полагать, имели свои имена на калмыцком языке. Популярными именами среди калмыков были Бембе, Цебек, Намро, Буурола... и т. д. В названиях некоторых

калмыцких станиц на калмыцком языке чувствуется происхождение от таких имен, как например, имена аймаков Бембедакена, Цебекдекена, Буурола... и т. д.

Платовская станица с самого начала звалась на калмыцком языке Буурола амек. Донская Межевая Комиссия переименовала ее в Намровскую сотню. Несколько позже получила русское обозначение, как Платовская станица.

Геленггекена амек имеет параллельное название Торкемуда. Один из этой станицы указал мне, что население этой станицы в большинстве принадлежит к клану торкемуд, а потом они происходят от священников. Раньше буддийское духовенство донских калмыков было с женами. Семейным гелюнам трудно выполнять все заветы буддийской веры. Один из наших духовных руководителей решил отменить брак среди калмыцкого духовенства, потому что происходили частые перебои. Женатые гелюны часто пропускали богослужения в хуруле или приходили в хурулы в сопровождении своих жен и детей. Существует много анекдотов о семейных священниках. Духовный глава приказал гелюнам выбрать одно – быть священником или с семьей отойти от хурула. Видимо, много семейных гелюнов отошли от хурула и осели в одном месте, из которого впоследствии составила станица. Вот почему эта станица получила двойное наименование на калмыцком языке: геленггакена и торкемуда.

О других калмыцких станицах мне не удалось разузнать никаких интересных сведений о возникновении их имен. Нет больше пожилых людей, которые могли бы рассказать нам старые предания.

Меня интересовал один вопрос, почему донские калмыки так настойчиво стремились восстановить тринадцать административных единиц? Не больше и не меньше, только тринадцать. Они с самого начала показали тринадцать аймаков, когда они подавали список своих аймаков в 1806

году донскому управлению. Русские власти потом стянули калмыцкие аймаки к пяти сотням. Донские калмыки не согласились со стяжением своих тринадцати аймаков к пяти сотням и стали искать все пути и возможности к восстановлению своих тринадцати аймаков. Им после полувековой борьбы удалось в начале XX века добиться восстановления своих тринадцати аймаков.

В этом стремлении донских калмыков можно усмотреть желание донских калмыков почтить память своих предков, тринадцати мужей, которые в конце XVII века пришли в сальские степи и осели в просторах по Задонью. Это был Бокшорга со своими двенадцатью нукерами. Это – вполне законное желание и в обычае калмыков: отмечать какие-либо важные события из своей жизни чем-либо постоянным. Установлением тринадцати аймаков в их память было хорошим способом увековечить их.

В связи с этим мне хочется указать на то, что число тринадцать имеет особое знамение для ойратов. Они являются потомками тех воинов, которые некогда тринадцатью сотнями стояли около одинокого тайчутского вождя Темючина и деятельно помогали ему в создании Великой Монгольской империи и в превращении его в величайшего завоевателя, Суто Богдо Чингис-хана. Многие могут усомниться и не поверить мне. Слишком много воды утекло с времени Чингис-хана, почти семь веков. Но народная память для меня не пустой звук. С молоком матери люди всасывают предания старины. В подтверждение этому хочу привести два случая, за веродостоинство которых могу ручаться.

В разгар русской революции, в 1918 году, много калмыков пристало к войску походного атамана, ген. Попова. Они пожелали составить чисто калмыцкий полк. Им разрешили и позволили даже выбрать наименование своему полку. Калмыки быстро сошлись на имени «зюнгар», и в числе донских полков был зачислен 80-ый Донской Зюнгарский полк. Калмыки выбрали это название в память о своей далекой роди-

не – Джунгарии, память о которой все еще таилась в сердцах калмыков, несмотря на то, что они были оторваны от своей родины больше, чем на триста лет. Русскому начальству не было по вкусу возрождение национального сознания у калмыков. Вероятно, по этой причине они не позволили второму калмыцкому полку выбирать себе наименование, а просто внесли в список, как 3-ий Донской Калмыцкий полк.

Среди эмигрантов в ДП-лагере в Германии был один пожилой калмык по фамилии Баджгалев. Вдруг он сделал себе странную причёску. Свои косы над лбом полоской в два пальца ширины от виска к виску подрезал коротко, а за ушами оставил расти, все стали посмеиваться над ним, считая, что от одиночества и тоски по родине и по родным тихо сходят с ума. Я как-то сошелся с ним и разговорился. Я задал ему прямо вопрос, почему он сделал себе такую странную причёску. На это он просто ответил: «Так носили косу наши предки, монголы!». Он был малограмотным, не читал никаких книг, жил скромно, не вмешиваясь в пустые болтовни других. Он держал себя опрятно и чисто. Не пьянствовал и не дружил ни с кем. Вот ему по наитию пришла мысль о том, как могли монголы некогда носить свои косы. Такого рода причёску имел Тамерлан, живший и действовавший по заветам Великого Монгола, изложенным в сводке законов под названием «Ясса».

Во второй половине XIX века донские калмыки стали оседлыми. Они свои кибитки обменяли на землянки. Некоторые калмыки завели даже деревянные дома, которые назывались у нас флигелями. К этому времени русские власти отрезали земельные угодья калмыков до минимума и лишили их возможности кочевать.

По уложению Войска Донского калмыкам полагался известный надел пахотной земли. Размер этого надела у казаков менялся от округа к округу, от станицы к станице, от хутора к хутору. Он зависел от количества земли и числа казаков в данном месте, перед революцией калмыкам дава-

ли по четырнадцать десятин пахотной земли. Потом давали еще сенокосные угодия около пяти десятин, и можно было бесплатно получить еще землю на огород и бахчу.

Сельское хозяйство хомутом лежало на вольных кочевниках. Калмыкам было не вмоготу привязывать себя к хвосту быка и мерным шагом ходить по бороздам. Полевые работы спутывали калмыков. Они чувствовали себя, как кони на привязи. Кочевническая душа просилась на волю, на простор, скакать на коне по безграничным степям без всяких ограждений или ограничений. А тут надо было ему вертеться на площади в четырнадцать десятин земли. Это стесняло калмыков. Ничего. Донские калмыки начали втягиваться в полевые работы.

Мой отец был одним из тех калмыков, который начал рыть землю. Он ежегодно запахивал до четырехсот десятин земли, большинство которых брал в аренду от хуторского правления. Летом в страдную пору у нас, на сеновале появлялся маленький черный паровозик с большим маховым колесом. Он начинал пыхтеть и тянуть бесконечный ремень. Молотилка красно-бурого цвета, стоявшая на прявизи к маховому колесу, начинала в свою очередь дрожать и трещать, как-будто хотела развалиться. Вozy со снопами пшеницы подъезжали к молотилке. Двое вилами подбрасывали снопы на верхнюю площадку. Там двое других вилами вталкивали снопы в отверстие. Там железные тонкие зубы подхватывали снопы и втягивали в желудок молотилки. Она разжевавши, начинала выплевывать золотистые зерна спереди в мешки, а сзади – солому и полосу. Солому складывали тут же на сеновале в большие скирды, а пыльную полосу отталкивали за перегородку. Зерна носили в мешках в амбар и там сыпали в закрома. У нас были два амбара.

Калмыцкое хозяйство не может обойтись без овец. Баранина является главной пищей калмыков. Самый бедный калмык и то держал с десяток овец. Овцы – неприхотливые животные. Они не требуют большого ухода, лишь бы был

подножный корм в достатке. Овцы и зимой под снегом находят себе корм. Это повело к развитию овцеводства среди калмыков. Мой отец держал две отары овец. Одна отара была мериносовых овец, шерсть которых очень ценилась и приносила хорошие деньги. Вторая отара была калмыцкой породы курдючных овец, шерсть которых мало ценилась, но зато мясо считалось хорошего качества. Их держали для домашних надобностей, для мяса и кожи. Тонкая кишка калмыцких овец была в спросе. Она была крепкая. Из нее изготавливали хорошие струны для музыкальных инструментов. Скупщики овечьих кишок часто обходили калмыцкие хотуны.

Кочевники не держали свиней. С ними нельзя кочевать. Когда калмыки сделались оседлыми, они завели свиней в своем хозяйстве. У нас каждую осень резали большого кабана, обжигали, покрывали соломой и попонами и дети садились верхом. Засоленного сала хватало на всю зиму. В кладовке на полках кусками лежали. Каждый кому не лень заходил в кладовку, отрезал кусок соленого сала, накладывал на хлеб и жевал.

Куры, утки и гуси не входили в счет. Никто не заботился о них. Они сами откладывали яйца по укромным уголкам, сами насиживали яйца и сами присматривали за выводком. Бывало с лету наш двор вдруг наполнялся цыплятами, утятами и гусятами, и своим писком наполняли весь двор. Они любили копаться в свежем навозе и вертелись под ногами лошадей и коров. Много погибало раздавленными под копытами. Если нашим хозяйкам потребуются яйца, они крикнут ребятишкам и те пронесутся по сеновалу, базам, заборам и канавам и принесут яйца полную шапку.

Перед революцией у калмыков появилась мода на жареных гусей и поросят. Какое это было лакомство, когда хозяйка выставит на стол поросенка, обернутого в тесто, поджаренного до медно-красного цвета и отливающего жиром! Рядом появлялись ковшики с аракой. Сахар белым конусом

высился на столе. Нарезы ржаного хлеба лежали грядками на столе. Вареная баранина в мисках отдавала паром. Соленые огурцы щекотали аппетит глядящим. Как ни говори, калмыкам жилось хорошо в старое время. Они кушали вдоволь и выпивали на славу!

Молоко и молочные продукты играли тоже важную роль в питании калмыков. Ни одна калмыцкая семья не может обойтись без дойной коровы. Калмычки умели из молока вытягивать ряд таких своеобразных продуктов, как топленое масло, сыроподобные изделия и напитки – кумыс и араки. Топленое масло и молоко входят в состав калмыцкого чая. Это своеобразная пища калмыков. Он имеет своеобразный вкус. Непривыкшим калмыцкий чай мог не понравиться, но привыкшие пьют чай целыми днями, он утоляет и жажду, и голод.

С оседлостью у калмыков сильно сократилось число гуртов крупного рогатого скота и лошадей. Они требуют простор с хорошей травой и текучей питьевой водой. Лошади не пьют грязную воду. Мой отец держал около двадцати дойных коров почти круглый год. Чтобы иметь столько дойных коров, надо было держать около шестисот голов крупного рогатого скота и смотреть за отелением. В базах, где зимовали коровы, летом выкапывали кизек большими нарезками и сушили, чтобы зимой топить ими дома. Кизек – хорошее топливо.

Некоторые калмыки занимались коневодством. Это было делом прибыльным, но хлопотным. Лошади – беспокойные животные. Они, особенно молодняк, любят бегать и резвиться, часто забегали в засеянные поля и топтали урожай. Это вело часто к судебным процессам, и конноводчикам приходилось оплачивать испорченный урожай. Вот почему коннозаводчики держали много табунщиков, чтобы они присматривали за лошадьми круглые сутки, днем и ночью. Русское правительство откупало ежегодно много лошадей, платя хорошие деньги за них. Это побудило к раз-

виту коннозаводства в задонских степях. Донское управление выделило для коневодства специальные просторы, зимовниками называемые. Имея хороший сбыт лошадей, коннозаводчики были обеспечены хорошим доходом. Они считались богачами.

Дело образования у калмыков до революции было налажено хорошо. Почти по всем калмыцким хотонам появились начальные школы, куда хуторские дети бегали учиться русской грамоте. Учителями в большинстве этих школ были калмыки. Окончившим четыре класса реального училища, давали право на работу сельским учителем. И калмыков определяли учителями по школам калмыцких хотонов, куда русские отказывались идти на службу. Им не хотелось сидеть по калмыцким захолустьям. И калмыцкие сельские учителя стали первой генерацией калмыцкой интеллигенции.

Многие из них оказались от природы одаренными. Они самоучкой развивались дальше и увлекались чтением книг, журналов и газет. Некоторые из них даже вошли в разные политические партии и стали активными членами. Внимание калмыцкой интеллигенции привлекли социалистическая и коммунистическая партии. Они думали скорее получить в этих партиях благоприятный ответ своим национальным aspirations. Культурное развитие стояло у них на первом плане. Они думали и говорили о том, как ускорить национальную культуру своего народа.

У донских калмыков со средней школой обстояло довольно плоховато. Они имелись в больших городах, отстоящих далеко от калмыцких степей. Учение калмыков в средних школах требовало дополнительных расходов на квартиру и питание. Для многих калмыков эти расходы оказывались тяжелым бременем. Но учение было необходимо, а потому калмыки напрягаясь отдавали своих детей в школы. Это было большой переменной в психологии калмыков. До недавнего времени нельзя было ничем заставить калмыка отдать своих детей в русские школы. Они были отпугнуты.

Калмыцких детей в русских школах сильно русифицировали и отчуждали от своего народа. Калмыкам не хотелось терять своих детей в русских школах.

Когда русские приходили и предлагали взять их детей в школу, они отговаривались, говоря, что у них нет детей, а своих детей прятали от русских. Донские калмыки жили долгое время смежно с казаками и русскими. Они иммунизировались от русификационной опасности и перестали бояться отчуждения своих детей. Вот почему образование у донских калмыков начало быстро прогрессировать. Даже первый побег университетского образования появился у них. Но что важнее, перед революцией в одной Денисовской станице с десятков молодых людей готовилось к поступлению в высшие учебные заведения, но революция и приход коммунистов к власти в России оборвали нормальный процесс культурного развития донских калмыков.

Русские по разным учреждениям не заметили прогрессивного развития донских калмыков. Они продолжали считать их отсталыми и неимеющими никакого понятия в канцелярских и банковских делах. У нас уже владели русским языком не только сельские учителя, станичные атаманы и писари, довольно большой слой народа. Атаман Денисовской станицы, Батюк Тепшинов, произвел в Окружном банке в Новочеркасске целый фурор. Он зашел туда, чтобы установить, какой капитал числится по списку его станицы. По распоряжению Донского наказного атамана калмыцким станицам надо было вносить ежегодно известную сумму денег, чтобы создать специальный фонд каждой калмыцкой станицей особо. Банковские чиновники приняли Тепшинова, как они принимали до этого всех зашедших сюда калмыков, — высокомерно и насмешливо.

Чтобы пошутить, посмеяться над простодушным калмыком, банковские чиновники стали забрасывать Тепшинова ерундовскими вопросами, он схватил лист бумаги, быстро написал, сколько вкладов было сделано его станицей и с

причитающимися процентами на них, вставить такой-то капитал. Чиновники удивились такой прыти неказистого калмыка, и его бумага пошла по рукам стоявших тут чиновников. Все удивились такой осведомительности калмыка. Они не могли знать, что Батюк Тепшинов до этого прослужил в течение двадцати лет при Окружном суде в городе Великокняжеске. За это время он от руки переписал весь свод законов Российского государства по гражданским делам и выучил их на зубок. Это показывает, что среди калмыков было немало способных людей, но условия жизни не позволяли им это проявлять в полной мере. На этом мы окончим описание жизни донских калмыков в дореволюционную пору. Думаю, будет справедливо сказать также вкратце и о том, как калмыков облагодетельствовала советская власть.

В 1920 году все население Российских просторов попало полностью под власть коммунистов, а потому говорить о житье бытие подсоветского населения никак нельзя вне советских законов и советских мероприятий. Коммунисты стали господами положения в России, взяли власть в руки и стали устанавливать свои порядки и свои законы. Население было принуждено руководствоваться ими в своих повседневных делах. Население России – русская либеральная интеллигенция, русское крестьянское население и инородцы – ожидало от коммунистов более либеральных условий в жизни.

Русская либеральная интеллигенция думала получить более широкий круг деятельности, чем они имели при царской власти. Крестьянское население ожидало справедливое распределение земли, чем это было под царской властью. Инородческое население ожидало от коммунистов более широких автономных прав, чем они пользовались при царской власти. Ведь Ленин в «Декларации прав народов» писал черным по белому, что провозглашается «...право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства».

Коммунисты обманули всех. Они не оправдали ничьих надежд и ничьих ожиданий и чаяний. В порыве революционного угара русские люди не заметили, что коммунисты имеют свои планы и свои идеи, которые не имеют ничего общего с чаяниями и надеждами русской интеллигенции и крестьян. Можно думать, что русское население России по сие время не поняло и не видит, что коммунисты не думают о благоденствии русского народа, как такового. Идеи и планы коммунистов не имеют ничего общего с идеями русского народа. Русские, прислуживающие коммунистам, являются исполнителями, проводниками чужих идей и чужих планов.

Пролетарской голи среди донских калмыков не было, но малоденежных, даже безденежных калмыков было в значительном количестве. От непривычки к полевым работам и к оседлой жизни, калмыки отдавали за бесценок свои земельные наделы. Потом спиртные напитки и картежный азарт отводили калмыков на скользкий путь, где они тратили больше денег, чем было их у них в карманах. Плохие навыки прививаются к отсталыми малокультурным народам быстрее и крепче, и они тратят деньги самым безрассудным образом.

Если бы коммунисты повременили со своим приходом к власти в России, тем они бы дали возможность лучше укрепить свои позиции в культурном и экономическом отношении. Сельское хозяйство у калмыков было бы поставлено на крепких основах, а в культурном отношении среди донских калмыков было бы больше образованных людей, особенно с высшим образованием, коммунисты не только приостановили нормальный процесс культурного развития у калмыков, но и подвергают их коммунизационной и советизационной обработке, вследствие чего наш народ денационализируется и начинает терять все национальные приметы. Революция и коммунизм довели донских калмыков до полного исчезновения. От тридцати трех тысяч донских калмыков перед революцией осталась только горсточка в

родных местах. Им никогда не возродить былое количество донских калмыков.

Коммунисты обещали уничтожить старое классовое деление в людском обществе и установить новое бесклассовое общество, и старое классовое деление уничтожить уничтожили, но построить новое бесклассовое общество им не удалось. У них деление пошло на партийцев и беспартийных. Партийцы сделались высшим классом в коммунистическом обществе и начали пользоваться всеми благами своего общества, как это делало дворянское сословие в царское время. Всех, кто не принял комидеологию, они втолкнули в толпу беспартийных и не позволили им образовать свою особую партию, а оставили их в виде бесформенной и неопределенной массы, взятой на буксир компартией.

Беспартийные оказались в положении улусных людей калмыцкого общества. Они, как и наши улусные люди, не обладают никакими правами и находятся в полной зависимости от комруководителей. Беспартийные не могут ни возражать, ни перечить и ослушаться требований коммунистических боссов. Им надо молча выполнять их требования. Если беспартийный не согласен с требованием комбосса, ему остается один выход – бежать из-под власти комбосса, как это делали наши улусные люди, когда они не были согласны с приказом своего нойона. Так родилось в Сов. Союзе бегство людей. Там люди бегут из одного края в другой, из одной области в другую, но лучше, если беглецу удастся выскочить за границу, за пределы Сов. Союза, вне досягаемости рук советских начальников. Вот почему в свободном мире из года в год все больше увеличивается число советских невозвращенцев.

Коммунисты ничего не сделали для улучшения участи бедных и неимущих. Они и не думают ничего делать для улучшения положения. Наоборот, коммунисты хотят, чтобы бедные и неимущие оставались дальше такими же бедными и неимущими, потому что слой бедных и неимущих яв-

ляется слепыми приверженцами коммунизма. Простое и пустое обещание коммунистов «создать в недалеком будущем счастливую и радостную жизнь всем» воодушевляет всех бедных и неимущих повсюду. Они проникаются слепой верой в холостое обещание коммунистов и делаются преданными помощниками советских планов во всех странах света.

Бедные слои населения во всех странах становятся готовыми рассадниками коммунизма. Наивные люди, они не видят и не замечают, что случилось в Сов. Союзе с бедными и неимущими. Коммунистическая власть обратила бедных и неимущих в бесправных оброчников, на шее которых воссело новое чудовище, коммунистическая элита!

Коммунисты провели уравнивание своего подведомственного населения на одном уровне, на уровне бедных и неимущих. Они хитро поступили. Им было это легче и быстрее осуществить. Они достигли это простым способом: лишением населения частной собственности и уничтожением зажиточного слоя в своем обществе. В пределах коммунистического мира никто не может иметь ничего собственного. Все было объявлено общественным, государственным.

Потом они приступили к уничтожению зажиточных людей. Они объявили зажиточных кулаками, которые разбогатели зажиманием заслуженной платы рабочих. Зажиточных отдавали бедным людям на разграбление. После судебных процессов посылали в сибирские каторжные лагеря, где им пришлось отбывать полученные сроки в рудниках по добыче полезных руд. Один калмык рассказывал, как он в колымских рудниках встретил того самого чекиста, который загнал его туда. Он был местным иногородним, пошел за коммунистами и стал местным комиссаром, и терроризировал калмыков, загоняя их в сибирские каторжные лагеря. Калмык удивился и спросил его: «Как попал сюда? Ведь ты же был самым верным сотрудником комвласти в наших краях!». Он сказал, что московский чекист оказался хуже. Он загнал меня сюда! И всю ночь они провели в беседах, вспоминая

про прошлые, хорошие времена. В конце калмык не выдержал и спросил: «Так зачем же ты так распинался за коммунистов? Ведь было бы неплохо тебе и мне жить по старинке?». Иногородний покачал головой и сказал: «А кто знал, что коммунисты окажутся такими сукиными сынами?!»

Коммунисты считаются только с членами партии и то с теми, кто активно работает на осуществление коммунистической программы. Рядовые члены компартии существуют только для статистики. Это им не гарантирует спокойную и сытную жизнь, большой промах может оказаться причиной посылки их в сибирские лагеря смерти. Можно свободно сказать, что коммунисты уготовили для своего подведомственного населения жизнь тягловых животных! Тяни, ружак, не рассуждай! Это ужасное положение! Западные люди этого не понимают. У них руководители выбираются всенародным голосованием. Люди, в каждой стране, получившие большинство голосов, попадают на высшие должности.

В Сов. Союзе руководящую роль играют люди, выдвинутые партийным руководством. Ставшие руководителями, становятся бессменными, пожизненными. Они сходят с должности только по смерти или по перевороту своих же коллег, сидящих в руководстве. Население Сов. Союза не имеет никакого отношения к управлению страной, народом и законодательству. Советские люди не могут пользоваться своим умом, своими чувствами и своими желаниями, а принуждены слепо повиноваться директивам, исходящим из комцентра.

Если советскому человеку скажут свыше, что это черное, он должен слепо подтвердить, что это да, черное! Если даже то, что он видит, бело. Он не может высказать свои мнения. Советское население находится на положении зека. Советским людям надо идти туда, куда им укажут, в затылок партийцам. Они не могут и шагу ступить в сторону от генеральной линии. Советское население забито комвластью до такой степени, что никто из них не осмеливается поднять

головой и крикнуть, что это насилие и несправедливо. Нет такого смельчака среди подсоветского населения!

В советском управлении, мерещится мне, многое из монгольского управления: выдвижение идеи о новом советском человеке, чингисхановская идея о создании монгольской нации. Но там были однородные народы, а в советском населении много разнородного, которых невозможно нивелировать в одну нацию!

Советы в одном отличаются от монгольской власти. Монголы не уничтожали зажиточный слой в своем населении, а поощряли его, потому что это полезный слой людей. Они своей предприимчивостью создавали материальные блага и финансы, а платой пошлин наполняли казну деньгами. Этого бедные и неимущие не могут делать. Они были, будут и останутся балластом для общества и для государства. Советы поступили неправильно и несправедливо, когда они уничтожали хороший и полезный слой людей в своем обществе, слой зажиточных.

Меня особенно сильно возмущает обвинение советов, что зажиточные разбогатели зажиманием заслуженной зарплаты рабочим. Это показывает, что так думающий плохо вник в суть отношений между работником и работодателем. Успешное развитие всех предприятий обеспечивает хороший заработок рабочим, а потому они не должны подкапываться под работодателя. Прогрессивное развитие всех промышленных предприятий в интересах самих рабочих, а потому им следует заботиться об укреплении и развитии предприятий.

В Сов. Союзе партия и правительство ведают всем. Они определяют планы продукции во всех предприятиях. Они же определяют размеры производства в каждом предприятии. Они же устанавливают цены на товары в продаже. Они же определяют зарплату рабочим и служащим. Коммунисты своей властью пользуют не на благо своему подведомственному народу, а только в интересах узкого круга партийной

клики, которая сидит в Политбюро и ЦК КПСС. Это видно из того, что партия и правительство всегда устанавливают высокие цены для ширпотреба и мизерного размера зарплаты рабочим. Вот почему в положении рабочих Сов. Союза нет ничего прогрессивного, а очень много регрессивного.

Оплата рабочих в Сов. Союзе ведется не по часовой мерке, а по норме производства. На первый взгляд, это кажется вполне хорошей мерой: сколько выработал, столько и получай плату! А когда норма производства искусственно повышена, тогда получается подвох. Это и делается в Сов. Союзе. Норму устанавливают по работе подставного рабочего, стахановца! Это молодой здоровый парень, который откалывает рекордное количество, которое не под силу рабочим старшего возраста или физически слабому. Размер зарплаты был без того мизерно низким. Невыполнение нормы ведет к уменьшению зарплаты, а уменьшенная зарплата обрекает рабочих в Сов. Союзе на полуголодное существование со всеми вытекающими последствиями — ослабление сил от плохого питания, ослабление здоровья, болезни, душевные депрессии и т. д. Одному Богу ведомо, как советские рабочие выкручиваются в жизни!

Гигиенические условия работы по советским предприятиям низкого качества. Прославленная советская медицина хронически страдает от недостатка медперсонала и медикаментов.

Это происходит в стране передового рабочего класса. Коммунистические власти эксплуатируют рабочих во много раз хуже капиталистов. Советы определили рабочим зарплату мизерного размера, которой едва хватает на голое существование. Потом партия и правительство в Сов. Союзе прилагают все силы, чтобы рабочих держать на уровне бедных и неимущих. Советы заморивают рабочих не только в отношении денег, а также физически и духовно. На мизерной плате рабочим разгуляться некуда.

Советы обязали своих рабочих дополнительными занятиями, обязательным участием на разных дополнитель-

ных занятиях, как например, на докладах разных партактивистов, индоктринациях¹, заседаниях, которые происходят после рабочего времени и отнимают от рабочих по четыре, пять часов времени ежедневно и лишают их отдыха.

Духовно рабочих забивают разными идеологическими внушениями, коммунистическими истинами и антирелигиозной белибердой. Партия и правительство поступают еще коварнее. Этим встречам и совещаниям стараются выдать все лишние деньги от своих рабочих, призывая их пожертвовать деньги на разные государственные предприятия в разных частях мира или подписаться на государственные облигации, не имеющие никакой цены. Подготовленные подхалимы всегда выскакивают вперед и демонстративно подписываются на облигации. Тогда другим неудобно молчать и, скрепя сердце, приходится подписываться. Так как денег у рабочих в Сов. Союзе мало, тогда партия и правительство прибегли к другой хитрости. Они начали вымогать от своих рабочих бесплатную работу по субботам или воскресеньям.

В Сов. Союзе партия и правительство прибегают к худшему методу в эксплуатации рабочих. Это – рабский труд. Судебные инстанции обращены в проходной канал, по которому советы отправляют миллионами своих граждан в сибирские лагеря тяжелого труда, где несчастные принуждены свой срок отбывать в условиях каторжного труда при плохом питании, при плохих гигиенических условиях и в тяжелых условиях физического труда.

Вот вам рабоче-крестьянское правительство. Вот вам страна передового рабочего класса! Вот вам страна победившего социализма. Советы обещали устроить рабочим рай, а, оказывается, они приготовили им самый худший вид ада.

В западном мире, в США в особенности, рабочая политика направлена на поднятие человеческого достоин-

¹ Индоктринация – психологическая привязка вербуемого человека с вовлечением его в провозглашаемую идеологию.

ства рабочих. Это делается в первую очередь улучшением зарплаты, улучшением гигиенических условий работы, сокращением рабочих часов в неделю к сорока часам. Превышение этого считается сверх часами и оплачивается в будничные дни в полторы ставки, а по воскресеньям – двойной ставкой. Оплата рабочих проводится по договору рабочего тредюниона. Такие вещи, видимо, остались неизвестными в стране передового рабочего класса!

О банковской системе в Сов. Союзе идет плохая слава. Банки существуют формы ради, чтобы втирать очки приезжим иностранцам. Они находятся в ведении государства. КГБ надсматривает за ними. Советским людям лучше не связываться с банками. У советских людей нет лишних денег, чтобы держать их в банке. Из мизерной зарплаты ничего нельзя сберечь. Но паче чаяния, если у кого из советских рабочих заведутся лишние деньги, лучше ему не вносить в банки. Вклад сразу же становится известным КГБ. Кагебисты набрасываются на человека с допросами: откуда завелись у него такие деньги, есть ли у тебя знакомые в западном мире, кто они такие и т.д. Потом наложат на его деньги непомерно высокий налог, так что его вложенные деньги быстро растают и вкладчику ничего не достанется.

О сельском хозяйстве Сов. Союза даже совестно писать. Старая Россия была житницей Европы, а под советской властью она иссохла. При наличии огромного количества пахотных просторов коммунисты не могут организовать продукцию сельского хозяйства так, чтобы она покрывала потребности своего населения. К стыду своему, советской власти приходится покупать продукты сельского хозяйства, чтобы предотвратить голод в стране. Если верить тому, что пишется в советских публикациях, то можно подумать, что Сов. Союз является цветущей сельскохозяйственной страной!

В любой советской публикации мы можем встретить выражения следующего порядка: «...Сов. Союз – страна тракторного и сельскохозяйственного машиностроения

...изменилась технология возделывания полевых культур ...урожайность стала выше и т.д.» А между тем продукция сельского хозяйства в Сов. Союзе падает с начала воцарения коммунистов в России и ни разу не уравнилась с дореволюционной продукцией. А количество домашнего скота в Сов. Союзе в два раза меньше прежнего. Советы поставили сельское хозяйство на заводской лад. Колхозы и совхозы представляют нечто подобное на сельскохозяйственные фабрики, где работы разделены по родам, как например: вспашка земли – один род, сеяние семян – другой род, уход за посевом – третий род, уборка урожая – четвертый род... и т.д.

Каждый род работы ведется особой партией рабочих. Работы здесь тоже ведутся по норме производства. А норму производства устанавливают опять по работе подставного рабочего, стахановца. Это здоровый детина, который откалывает рекордное количество не под силу сельскохозяйственным рабочим. В сельском хозяйстве заняты женщины и пожилые мужчины, которые не могут выработать норму. Это повело к установлению особого класса рабочих-учетчиков, которые бегают по стопам рабочих и вычисляют норму выработки каждым рабочим в процентах, с обсчитыванием. При таких условиях нет ничего удивительного в том, что советское сельское хозяйство хромает на все четыре ноги, где работы ведутся по басне дедушки Крылова «Лебедь, щука и рак»: «...а воз и ныне там».

Советский воз не движется с места. Коммунисты не понимают простой вещи, что земля награждает обильным урожаем лелеющие, ласкающие руки сельского хозяина, а не холодные цифры учетчиков. Советы стараются оправдать свои промахи в сельском хозяйстве непогодами, пеняя на продолжительные весенние дожди, то летние суховеи, долгие засухи или ранние заморозки, как будто такие погоды не бывали раньше, до коммунистов. В старое время были непогоды, но они не вносили большого перебоя в сельское хозяйство.

Бывшие подсоветские русские говорили мне, что калмыкам под советской властью было хорошо. Им было позволено иметь до десяти дойных коров и до сорока овец. Это же богатство, этого не позволили даже русским мужикам по селам и деревням. На это бывший подсоветский калмык заметил: «Да, советы разрешили калмыкам держать до десяти дойных коров и до сорока овец, но они забыли отпустить пастбищные просторы для корма этих животных.

Калмыкам приходилось покупать корм для этих животных в близлежащих колхозах по высоким государственным ставкам. А потом ему надо было вносить пошлину на этих животных: до трехсот литров молока и пятьдесят килограммов мяса с каждой дойной коровы ежегодно и от овцы тоже нечто несуразное. Пошлину молоком можно было еще кое-как вносить, а как внесете пошлину мясом от живой коровы?

До революции самому бедному калмыку, и то при его малоумелом ведении сельского хозяйства, все же выпадало столько урожая, что хватало ему с семьей и домашними животными целый год и оставался еще излишек на продажу! А под советской властью самому трудолюбивому калмыку трудно сводить концы с концами и ему приходится влачить жизнь в полунуществе!

Можно ли ожидать улучшения в жизни калмыков или других народов под советской властью?

Пусть читатель сам ответит на этот вопрос.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРЕЧЕНЬ БУДДИЙСКИХ ИЕРАРХОВ, СЛУЖИВШИХ У ДОНСКИХ КАЛМЫКОВ

Бакша Бурульдинов начал свое повествование с перечня буддийских иерархов, служивших главами духовенства донских калмыков. К сожалению, он пропустил указать годы их служения. Возможно, что к его времени годы служения этих иерархов могли быть забыты, только их имена останутся в народной памяти. В некоторых случаях даже имена иерархов оказались забытыми, только их клички сохранились. Это является недостатками записей бакши Бурульдинова, но тем не менее им нельзя отказать в большой важности, как исторического материала. Таких записей никто из нашего духовенства не оставлял.

Др. Араш Борманжинов любезно предоставил мне копию своей статьи о «Последних ламах донских калмыков», сведения о которых он собрал по русским источникам (далее – Араш). Его работа находится все еще в черновом состоянии. Из сведений, собранных им явствует, что русские к событиям из жизни донских калмыков относились довольно поверхностно. В них отсутствуют такие важные сведения, как имена действующих лиц, название местности, где это событие разыгралось и точные даты, когда это событие случилось у донских калмыков. Без таких указаний эти заметки не имеют никакой исторической ценности, но все же они могут косвенным образом помочь нам установить дату происшедшего события у донских калмыков.

В этой главе перечисляются буддийские иерархи донских калмыков в том порядке, в каком они приведены бакшой Бурульдиновым (далее – б.л. д.к.). В каждом случае добавлены сведения, собранные Арашом, чтобы хоть немножко прояснить зияющие пробелы в биографических сведениях об иерархах донских калмыков.

Питаю надежду, что кто-нибудь из подрастающего поколения калмыцкой интеллигенции возьмется пополнить недостающие сведения в биографиях наших иерархов. В Сов. Союзе это легче сделать, потому что там можно найти больше исторических сообщений о калмыках вообще, а о донских калмыках в частности. Такому человеку предложил бы стать соавтором и выставить свою фамилию в заглавии этого очерка.

ЭШИ-ЛАМА

Бакша Бурульдинов показал, что первым буддийским иерархом высокого сана у донских калмыков был Эши-лама. Он находился в хуруле Граббевской станицы (Цебекденакена амок). Эта станица лежит вдоль границы Астраханской губернии и соприкасается с Малодербетским улусом. А потому нет ничего удивительного в том, что этот иерарх появился в этой станице. Издавна люди легко перебирались из Малодербетского улуса в эту станицу. Возможно, население этой станицы могло пригласить к себе видного духовного лица, жившего без особого положения в Малодербетском улусе.

Бакша Бурульдинов об этом иерархе привел такие сведения: Эши-лама был учеником Дееде-ламы, который пришел из Джунгарии и остался жить среди волжских калмыков.

В словах бакши Бурульдинова много сомнительного.

Если принять во внимание, что под именем Дееде-ламы скрывается знаменитый просветитель ойратов, Зая-пандита, его величали под таким именем, трудно поверить, чтобы кто-либо из Граббевской станицы мог получить духовное образование под руководством Зая-пандиты. Зая-пандита почил в 1662 году, когда о Граббевской станицы не было ни слуху и ни духу. Эта станица могла появиться самое раннее – столетием позже смерти Зая пандиты.

В словах бакши Бурульдинова может все же скрываться некоторая доля истины, если этот иерарх взял идеалом Зая-пандиту и следовал по его стопам, тогда можно его назвать

«духовным» учеником Зая-пандиты. У духовных лиц это допускается и часто практикуется.

Эши на калмыцком языке означает – начальный. Это не имя, а кличка. Возможно, он из числа буддийских священников у донских калмыков был первым с высшим духовным образованием, а потому его называли начальным иерархом. У высших духовных лиц мало употребляется личное имя, а пользуются некой кличкой, отличающей его между другими.

Араш в русской печати за 1834 год нашел первую заметку, где говорится, что «донские калмыки имеют своего ламу». Это типичное холостое сообщение. Здесь не указаны ни имя этого иерарха, ни местности, где он жил, ни время, когда с ним автор встречался. По этой заметке мы не можем выяснить личность этого иерарха.

Араш нашел вторую заметку с упоминанием буддийского священника донских калмыков. Эта заметка находится в труде французского геолога Омар де Эль¹, под заглавием «Исторический атлас». Собирая материал для своего труда, француз проезжал по Югу России и в 1841 году был в сальских степях, остановился у донских калмыков и познакомился среди них с одним пожилым буддийским священником. Француз не почел нужным записать имя этого иерарха или точно местности, где он встретился с ним, или кого-либо из окружения этого священника. Для нас такая заметка не имеет значения.

Араш нашел еще и третью заметку о буддийском священнике среди донских калмыков. В 1849 году некий Александр Попов посетил сальские степи и встретился с бакшой

¹ Оммер де Гелль (1812–1848) – французский инженер, геолог и путешественник, академик. Вместе с женой Адели Оммер де Гелль (1815–1883), французской писательницей, совершил ряд путешествий по южной России и берегам Каспийского моря. См. Орехов В. В. Путешественнику по Крыму супруги Омер Де Гелль // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Вып. 3 (69). №1 2017. С. 79–104.

донских калмыков. Это тоже холостая заметка. В ней нет указания об имени этого бакши, ни местности, где автор виделся с ним, или кого-либо из его окружения.

Приведенные Арашом сведения относятся к годам 1834, 1841 и 1849. О численности донских калмыков в этих годах нет сведений, но косвенным образом можно предположить, сколько было калмыков в Донской области. Броневский нашел, что донских калмыков в 1816 году было до 16 тысяч душ. Араш по русским источникам нашел, что донских калмыков в 1846 г. было уже двадцать тысяч душ. Эти сведения позволяют думать, что донских калмыков было в достаточном числе, чтобы они могли завести одного иерарха высокого сана, но мы не можем знать, был ли это Эши-лама и кто из иностранных посетителей сальских степей виделся с ним?

ДЖООЛЕН-ЛАМА

По Бурульдинову, вторым иерархом высокого сана среди донских калмыков был Джоолен-лама. Он жил тоже в хуруле Граббевской станицы. Бакша Бурульдинов сообщает, что Джоолен-лама свое духовное образование получил у здешних иерархов. Он свое учение начал под руководством торгутского иерарха по имени Джебзун-лама из хурула Икицохуровского аймака, а окончил свое учение под руководством большедербетского иерарха по имени Шуклек-лама из хурула Уранхайского аймака.

Надо обратить внимание на то, что бакша Бурульдинов не указывает на родственников этих иерархов в своей станице. У них не было родственников здесь, потому что они были пришлыми. Они не были местного происхождения.

Бакша Бурульдинов внес в этом месте важное примечание, что эти два иерарха находились среди донских калмыков до преобразования административного аппарата от сотни к станицам. Эта перемена у донских калмыков произошла в 1862 году. Следовательно, эти иерархи жили и чиннодействовали среди донских калмыков до этой пере-

мены. Они могли жить в разные годы с большим перерывом между собой.

Джоолен, по-калмыцки, значит — мягкий, обходительный. Такое наименование указывает на то, что этот иерарх по своему характеру был мягким и обходительным священником.

Араш нашел заметку о ламе донских калмыков у донского историка Н.И. Краснова, который в 1863 году посетил донских калмыков и виделся с их ламой, который находился в хуруле «Первой сотни Среднего улуса». Араш отождествил эту сотню с Чунусовской станицей.

Трудно согласиться с выводом Араша.

В 1863 году не должно было существовать ни Среднего улуса, ни первой сотни. Аймаки донских калмыков к этому времени были объединены в пяти сотнях. Чунусовская станица была уже простым хутором Власовской станицы.

Потом Чунусовская станица всецело принадлежит к числу сотен Верхнего улуса, а потом ее никак нельзя отождествлять с «первой сотней Среднего улуса». Но старое деление могло все же сохраняться среди калмыков, а они могли придерживаться старых названий, но тем не менее Чунусовскую станицу нельзя отождествлять с «первой сотней Среднего улуса». Она не могла никак числиться в Среднем улусе.

Потом хороший иерарх никак не мог выйти из числа гелюнов Чунусовской станицы. Наше старшее поколение, поколение моего отца и его сверстников, не упоминало об иерархе, вышедшем из хурула этой станицы. Наоборот, они давали очень низкую оценку гелюнам этого хурула. Они часто обсуждали случай назначения бакши Умальдинова настоятелем в хурул Чунусовской станицы. Б-л. д.к. Монко согласно своему распоряжению — назначать настоятелями калмыцких хурулов только гелюна с высшим образованием по буддийской вере, не нашел среди гелюнов этого хурула человека с высшим образованием по буддийской вере, а потому направил туда настоятелем одного из блестящих гелюнов из своей свиты, бакшу Джамнина Умальдинова.

Это повело к большому конфликту.

Гелюны хурула Чунусовской станицы обиделись, что к ним в хурул был назначен чужой человек. В обычае калмыков было назначать кого-либо из местных гелюнов, не спрашивая от него большого образования. Собственно говоря, этот скандал был подогрет калмыками из Власовской станицы. Они имели зуб на Монко-ламу, думая, что он незаконно получил должность главного иерарха донских калмыков. На избирательном консилиуме большинство голосов получил бакша Бакбушов из хурула Власовской станицы, но Окружной атаман Сальского округа аннулировал его избрание, потому что он был в отставке. Неактивный член духовенства не имел права занимать должность главного иерарха. Он утвердил бакшу Монко Борманжинова из хурула Денисовской станицы новым главным иерархом донских калмыков. Власовские калмыки подозревали, что в этом роль сыграл атаман Денисовской станицы, Санчир Пуков, друживший с членами окружного правления. Они подтолкнули одного из гелюнов Чунусовской станицы по имени Хара геленг, который не имел большого образования, но зато имел много родни и друзей в своей станице. Тот предъявил претензию на должность настоятеля хурула своей станицы, но Монко-лама отверг его претензию. Хара геленг повел партизанскую акцию. Он подговорил своих сторонников устраивать скандалы с чужим гелюном, ругать его, грозить ему побоями, даже смертью. Русская революция сгладила этот конфликт.

ДЖОМБА-ЛАМА

Третьим иерархом высокого сана у донских калмыков был Джомба-лама по фамилии Гачжинов¹. В его биографических сведениях сильно расходятся Араш и бакша Бурульдинов.

¹ Фамилия Джомба ламы дана у автора в трех написаниях: Гачжинов, Ганьчинов, Ганджинов.

Араш приписал этого иерарха к числу гелюнов хурула своей станицы, Платовской станицы. В подтверждение этого он привел ряд довольно веских доводов, как например:

Араш говорит, что в 1867 году новоназначенный на Донскую кафедру архиепископ Платон посетил сальские степи и встречался с ламой Джомба, который был представлен ему, как «глава калмыцкого народа».

В этом сообщении много несоответствующего. Нет указания, где они встретились, кто были в окружении этого ламы. Кто-то должен был помогать ему в беседе с архиепископом Платоном. Потом определение калмыцкого иерарха, как «главы калмыцкого народа» не имеет смысла. В этом определении ошибку мог сделать русский репортер. Он мог пропустить прилагательное «духовного главы». Если толмачом был калмык, он мог сделать такую ошибку.

Много анекдотов об ошибочном толковании калмыцких толмачей существует среди калмыков. Я приведу один пример. Великий князь по просьбе царя объезжал пределы государства. Он сделал остановку в Платовской станице. Окружной атаман дал знать атаману Платовской станицы, что высокий гость собирается посетить вашу станицу. Платовский атаман нашел старого урядника, попросил его собрать молодых людей, провел бы муштровку с ними и достойным образом встретил высокого гостя. Старый урядник собрал человек двадцать и подготовил их к строю. Когда князь приехал в их станицу, урядник по военному встретил его с рапортом. Станичный атаман сказал на калмыцком языке приветственную речь. Рядом с ним стоял толмач и переводил его речь на русский язык. Атаман привел в своей речи калмыцкую пословицу: *цахарин хан ирекула, царцаха чин колан тинилегаджи!* Толмач перевел это: когда царь приехал, тогда царцаха ножку протянул! Смысл этой пословицы совсем другой: Когда мощный царь пришел, тогда даже сверчок облегченно вздохнул и разлегся вытянувши свои ножки! Вот какие толмачи были из калмыков.

В том же году, в 1867 году, в Москве была устроена большая выставка под названием «Российской этнографической выставки». Бакша Джомба Ганчжинов подарил для этой выставки калмыцкую кибитку и одежды калмыков, мужчины и женщины.

Эта заметка подтверждает, что среди донских калмыков был влиятельный бакша по имени Джомба (Ганджинов) и только. В этом сообщении не говорится, откуда он выслал эти экспонаты для выставки. Кто-то из калмыков, вероятно, отвозил их и там на выставке воздвигал кибитку.

В 1869 году в русской печати появилось сообщение о ритуале сожжения останков калмыцкого иерарха. В ритуале принимало участие около семисот буддийских гелюнов, и он проводился под руководством некоего иерарха из Малодербетского улуса.

Это очень холостое сообщение. В нем пропустили привести имя умершего буддийского иерарха, чьи останки предавали сожжению, и также нет имени чинодействовавшего иерарха из Малодербетского улуса. В 1869 году умер Джомба-лама, а потому вполне возможно, что донские калмыки предавали ритуалу сожжения его останков. Это в обычае калмыков, чтобы останки видного иерарха предавать сожжению.

В 1875 году архиепископ Платон, ставший уже главой Донской епархии, соизволил посетить резиденцию духовного главы донских калмыков, Аркад-ламу, в хуруле Платовской станицы. При своем посещении архиепископ Платон видел в хуруле Платовской станицы мощи и одежды покойного Джомба-ламы, «коих калмыки почитают за святыню».

Это сообщение может показаться прямым доказательством принадлежности Джомба-ламы к числу гелюнов Платовской станицы. Но это же может служить подтверждением слов бакши Бурульдинова, что покойный Джомба-лама был пришлым. Он не был из донских калмыков. Аркад-лама мог взять его мощи в виде ширя в свой хурул, чтобы по-

казать свое уважение и почтение к памяти своего учителя. Ведь Аркад-лама начал свое духовное образование под руководством Джомба-ламы. Там на учении у него проникнуться уважением и любовью.

Бакша Бурульдинов дает о нем сложную картину. Он утверждает, что Джомба-лама был родом из Джунгарии (ики зунгар) и имел имя Батур тайджи. В молодости он получил духовное образование под руководством местных иерархов. Он свое учение начал у своего предшественника, Джоолен-ламы, и докончил его у большедербетского иерарха по имени Шуклек-лама из хурула Уранхайского аймака.

В этих словах бакши Бурульдинова много противоречивого.

Если принять, что Джомба-лама был родом из Джунгарии и звался Батур-тайджи, тогда он должен был прийти к нам в взрослых летах. Если он приехал к нам в взрослых летах, тогда он не мог получить свое духовное образование под руководством местных иерархов, Джоолен и Шуклек лам. У нас на духовное обучение отдают мальчиков в возрасте около десяти лет.

Если же он получил свое духовное образование у местных духовных лиц, тогда он должен был прийти к нам в детском возрасте. Если он приехал к нам в детском возрасте, тогда он не мог иметь имени Батур-тайджи, потому что джунгарские калмыки давали звание «тайджи» взрослым людям и по совершении дела, достойного такого звания.

Такие соображения заставляют нас усомниться в словах бакши Бурульдинова и думать, что он смешал биографические сведения разных иерархов, но тогда возникает вопрос – каких? У нас нет возможности расшифровать эту загадку.

Джомба, по-калмыцки, значит – высокий, стройный. Так у нас назывались шалаши, конусообразно построенные. На основании этого слова можно думать, что Джомба-лама был высокого роста и стройного телосложения и имел привлекательный характер.

КОТИ БАДЖУГИНОВ

Четвертым иерархом высокого сана у донских калмыков был бакша Коти Баджугинов. Араш и бакша Бурульдинов очень расходятся в его биографических сведениях.

Араш отнес этого иерарха к числу гелюнов хурула Граббевской станицы. А бакша Бурульдинов делает его родом из Иловайской станицы, но служившим гелюном в хуруле Граббевской станицы. На этом основании можно думать, что Коти-бакша находился в хуруле Граббевской станицы. Там Коти-бакша мог сблизиться с Джомба-ламой, подружиться с ним, перенять его идеи и идеалы, а потом после смерти Джомба-ламы окружением покойного быть выдвинутым и провозглашенным следующим б-д. д.к. Это было в обычае калмыков.

По пониманию калмыков, ближайший сподвижник лучше всего подготовлен к выполнению деятельности покойного вождя. Живя рядом с ним, он мог перенять все идеи, все его методы работы, а потому сможет легко вести работу в том же духе. А провозглашение его никого ни к чему не обязывало. Дальше дело провозглашенного завоевать призвание в народе, заслужить уважение и укрепить свое положение, как главного иерарха донских калмыков. В случае бакши Коти Баджугинова это дело не имело успеха. Он оказался человеком мягким, податливым и подверженным алкоголю, а потому не сумел укрепить свое положение как главы духовенства донских калмыков.

Араш нашел в русских источниках сообщение. Донской педагог и миссионер, окончивший духовную академию в Казани с званием магистра богословия, А. Л. Крылов, в 1871 году заезжал в сальские степи и встречался с бакшой Коти Баджугиновым, но в свой повторный приезд летом следующего года он не застал своего знакомого. Ему сказали, что Коти-бакша незадолго до этого почил. Магистр богословия Крылов был настроен против ламайской веры калмыков, поэтому старался умалить значение веры и всячески очернить

Коти Баджугинов

буддийское духовенство. Буддийские гелюны донских калмыков употреблением алкоголя давали ему хороший повод чернить их. Правду говоря, буддийское духовенство донских калмыков было в большинстве подвержено алкоголю, но это не мешало им быть хорошими духовными лицами.

В вопросе, к какому хурулу принадлежал покойный бакша Коти Баджугинов, мнение бакши Бурульдинова будет вернее, чем Араша. Бакша Бурульдинов сам принадлежал в Граббевской станице, а потому должен был знать всех мало-мальски известных лиц в своей станице.

Надеясь найти больше сведений о Коти-бакше, я обратился к одному калмыку из Иловайской станицы с вопросом, что он может сказать мне о видном духовном лице, вышедшем из хурула его станицы. Он не мог ничего сказать. Долгие годы эмиграции и скитания по чужим странам стерли все из его памяти. Через несколько дней он мне сказал, что он вспомнил, как его родители мальчиком водили его на поклонение в дом видного духовного лица, ике зергин оргаде, но он не помнит ни имя и ни прозвище этого иерарха. Наше старшее поколение в разговорах упоминали о хорошем иерархе из Иловайской станицы. Я тоже не удержал его имя.

АРКАД-ЛАМА (ЧОБАНОВ)

Пятым иерархом донских калмыков был Аркад-лама (Чобанов). До этого он был настоятелем хурула Платовской станицы. При рождении ему было дано имя Аркад. Когда посвящали его к духовному званию добавили к его имени еще духовное звание – Гаванг Эрмпел. Это было в обычае калмыков. Это, вероятно, давалось, чтобы поднять чувство самоуважения у мальчика, посвященного к духовному званию.

Араш говорит, что Аркад-лама был «избран ламой всех (донских) калмыков». Эти слова наводят на мысль, что в случае Аркад-ламы были устроены некие выборы с участием всех донских калмыков. Такие выборы практиковались сре-

Аркад-лама (Чобанов)

ди калмыков. Заинтересованная группа калмыков выдвигала своего кандидата на пост б-л. д.к. и провозглашала его в соответствующем сане. Дальше дело было выдвинутого завоевать признание в народе, заслужить авторитет и тем укрепить свое положение главы духовенства донских калмыков.

Неожиданная смерть бакши Коти Баджугинова освободила место главного иерарха донских калмыков. Калмыки из Платовской станицы воспользовались этим замешательством калмыков, выдвинули кандидатуру своего энергичного и хорошо образованного бакши Аркада на пост б-л. д.к. и быстро провозгласили его главным иерархом. Среди гелюнов донских калмыков, возможно, не было более образованного и энергичного духовного лица, который мог бы соперничать с Аркад-бакшой. Никто не выступил с претензией на пост б-л. д.к. Итак, Аркад-лама укрепил свое положение и получил признание у всех донских калмыков.

Араш старается представить Аркад-ламу выдающимся духовным деятелем среди духовенства донских калмыков. Тенденция возвысить и возвеличить заслуги своих станичников, видимо, передалась от донских казаков. У них было страшно развито соперничество между соседними станицами, когда каждая из них старалась всячески унижить и очернить соседей, подкидывая им разные унижительные клички и прозвища. Возможно, это было искусственно подброшено им, чтобы разрушить у них единодушие и братское чувство у казаков.

Во всяком случае Аркад-лама оказался достойным представителем буддийского духовенства донских калмыков. Он заслужил своей деятельностью признание не только всех донских калмыков, а что важнее – признание русских властей, как гражданского, так и духовного порядка. Донской наказной атаман признавал его главным иерархом донских калмыков и считался с его мнением в вопросах относительно калмыков.

У меня создалось впечатление, что приказ о закрытии нескольких калмыцких хурулов в Сальском округе, вышедший в 1880 г., был отложен по оппозиции Аркад-ламы. Глава Донской епархии, архиепископ Платон в 1875 году почтил его своим визитом. Он приехал в резиденцию калмыцкого иерарха, в хурул Платовской станицы. Архиепископ Платон был образованным человеком. Он посчитал калмыцкого иерарха достойным своего внимания. С этого времени прекратились приезды миссионеров христианской веры и проповеди по калмыцким хотонам. Это должно считаться главной заслугой Аркад-ламы.

Аркад-лама возглавил буддийское духовенство донских калмыков в 1873 году и окормлял свою паству вплоть до своей смерти, произошедшей в 1894 году. Он возглавлял буддийское духовенство донских калмыков в течение двадцати двух лет.

БАКША ДЖИМБА МИКУЛИНОВ

Шестым иерархом донских калмыков был бакша Джимба Микулинов. Он был настоятелем хурула Платовской станицы. Если он получил положение настоятеля хурула своей станицы, тогда он должен был обладать хорошим духовным образованием по буддийской вере. Но в случае назначения Джимба Микулинова бакшой хурула Платовской станицы могло быть проведенным под влиянием его родни. Род Микулинова, Никулинова и Николаева был большим и ответственным. Многие из этих родов играли влиятельную роль в жизни своей станицы. Они могли настоять на избрании своего гелюна бакшой хурула своей станицы, хотя там могли быть более образованные и более достойные такого звания гелюны.

Бакша Бурульдинов упомянул об одном печальном случае, разыгравшимся в период его служения главным иерархом духовенства донских калмыков. По распоряжению окружного атамана Сальского округа вышел отряд жандар-

Джимба Микулинов

мерии, закрыл и запечатал хурулы в нескольких калмыцких станицах. Это произвело удручающее впечатление на донских калмыков. Они усмотрели в этом акте русских властей насилие, притеснение и вмешательство во внутренние дела калмыков. Даже пошла агитация в пользу протестного выступления донских калмыков против насилия русской власти. Но ничего серьезного не случилось. Калмыки увидели свою слабость в малочисленности и побурчали, побурчали, а потом стихли.

Бакша Дамбо Ульянов из хурула Эркетеновской станицы написал, что «...в 1880 году вышло распоряжение Областного правления о закрытии Батлаевского, Беляевского, Бурульского и Эркетеновского хурулов, которое и было проведено в исполнение в 1896 году».

Это интересное свидетельство. В 1880 году вышло распоряжение от областного правления за подписью Донского наказного атамана о закрытии хурулов в четырех калмыцких станицах. Это решение было принято в Москве. Это распоряжение не было сразу же исполнено, а только по истечении шестнадцати лет. Это меня сильно интриговало. Араш упомянул о другом событии, сотрясшемся на этого неудачного иерарха донских калмыков. Он был арестован вместе с атаманом Платовской станицы и его помощником, посажен в тюрьму в городе Великокняжеске и отдан под суд за подлог. Он обвинялся, что подделал подпись покойного Аркад-ламы на подложном документе о передаче сана б-л. д.к. Бакша Бурульдинов не упомянул об этом. Ему, видимо, не хотелось судить и рядить о деятельности другого духовного лица, чтобы не усиливать недовольство народной массы духовенством, которой без того стало мишенью разных кривотолков, обвинений и обличений.

Это дело было шумным. Оно попало на страницы русской печати, где было расписано подробно, во всех деталях с указанием имен всех участников и роли каждого в этом деле. Наше старшее поколение, поколение моего отца и его

сверстников, знало это дело хорошо. Они знали всех участников и проследили это дело с самого начала судебного процесса вплоть до исхода. Они часто в разговоре касались этого дела, но я-то не оценил исторической важности его и пропустил многое мимо моих ушей. Теперь я не могу вспомнить с точностью имена атамана Платовской станицы и его помощника, участвовавших в этом довольно грязном деле. Это были очень знакомые имена, но я не могу с уверенностью вспомнить их. Надо найти отчет об этом деле в русских газетах, чтобы установить имена этих участников. Пока хочу оставить опись того, что мне стало известно об этом деле из разговоров моего отца и его сверстников. Это дело имеет не только историческое, но также дидактическое значение. Нашим подрастающим поколениям надо набираться ума и разума на неправильных поступках своих предков.

Аркад-лама оказался очень достойным представителем не только буддийского духовенства донских калмыков, а также и их самих. Он был прогрессивного направления мыслей. Он желал донским калмыкам прогрессивное развитие в хозяйствах и образовании. Ему удалось выговорить от Донского управления право на создание приходского училища специально для калмыков. Он также старался убедить калмыков отдавать своих детей в русские училища.

Аркад-лама хорошо относился к бакше Монко Борманжинову из хурула Денисовской станицы. Они были коллегами, получили духовное образование под руководством одних иерархов, Джомба-ламы и Очир-ламы. Они были одинаковых мыслей и одинаковых идей. Они были глубоко преданы буддийской вере и активно работали на улучшение буддийской церкви среди донских калмыков.

Ближайшим другом моего отца был Мама Шучинов, уроженец Платовской станицы. Он был одногодком моего отца. Они вместе отслужили действительную службу. Там они подружились и привязались друг к другу. Это была искренняя и трогательная дружба. Мама Шучинов был одино-

ким. Его семья осталась в Сов. Союзе. Он выехал в эмиграцию в рядах белого движения. Он часто заходил к нам, чтобы посидеть с одногодком и поболтать, отвести душу! Перед ними появлялась бутылка ракии. Они начинали дружно прикладываться к ней и беседа их часто затягивалась за полночь. Их разговор всегда возвращался к событиям прошлого. Они часто обсуждали дело бакши Джимба Микулинова.

Мама Шучинов утверждал, что Аркад-лама намеревался отдать сан б-л. д.к. своему младшему коллеге, бакше Монко Борманжинову, потому что он считал его самым достойным такого сана. Когда Аркад-лама слег в постель и почувствовал ослабление своих сил, он приказал прислуживающему гецюлу, чтобы он послал человека к бакше Монко Борманжинову с просьбой поскорее прийти к нему. И в последние минуты своей жизни он несколько раз спрашивал у прислуживающего гецюла: пришел ли Монко-бакша, скажи, чтобы пришел поскорее!

Бакша Джимба Микулинов имел свои виды на сан б-л. д.к. Он хотел этот сан оставить за собой и в своей станице. Он выработал план действия и пошел к атаману своей станицы и его помощнику с просьбой помочь ему в осуществлении этого плана. Те согласились. План был простой. Надо было воспрепятствовать встрече Монко-бакши с Аркад-ламой во время болезни.

Когда Аркад-лама занемог и слег в постель, Джимба-бакша поставил прислуживать ламе преданного себе гецюла и приказал ему, чтобы он не выполнял требований Аркад-ламы без его ведома. Этот гецюл просьбу Аркад-ламы позвать Монко-бакшу и передал Джимба-бакше. Тот не выполнил эту просьбу, а когда Монко-бакша, услышав о болезни Аркад-ламы, сам пришел навестить, он был задержан под предлогом, что состояние здоровья Аркад-ламы не позволяет принять посетителя. Монко-бакша остался в передней и провел целые сутки в ожидании. Он был допущен, когда Аркад-лама испустил свой дух. Монко-лама

молча распростерся на земле у ложа своего мертвого друга, потом коснулся лбом холодного чела своего друга и тихонько уехал в свой хурул.

После окончания ритуала сожжения земных останков покойного Аркад-ламы и водворения урны с пеплом Аркад-ламы в родном хуруле в виде ширя, памятки о покойном иерархе, Джимба-бакша вытянул бумажку из кармана и объявил присутствующим, что покойный иерарх соизволил сан б-л. д.к. оставить ему. Вот бумажка, подтверждающая это. Он поднял бумажку вверх, чтобы присутствующие видели. Стоявшие тут же атаман Платовской станицы и его помощник подтвердили веродостоинство этого документа. Никто из присутствующих не усомнился в словах бакши Джимба Микулинова. Ведь было в обычае калмыков, чтобы ближайший сотрудник покойного принимал его сан и вел дело дальше. У нас считалось, что ближайший сотрудник был лучше всего подготовлен вести дело дальше. Он был знаком со всеми мыслями и идеями покойного и знал все канцелярское дело. Присутствующие тут же провозгласили Джимба-бакшу следующим б-л. д.к. и поздравили его и пожелали ему успеха на высокой должности.

Дело об избрании следующего б-л. д.к. могло бы кончиться на этом и Джимба-бакша мог бы чиновствовать, как глава буддийского духовенства до конца своих дней. Провидение, видимо, этого не хотело. После некоторого времени между конспираторами произошла ссора. Один из них в порыве своего гнева взял да рассказал, как Джимба-бакша подделал подпись на ложном документе о передаче сана б-л. д.к. ему. Он на стекле керосиновой лампы скопировал подпись Аркад-ламы на подложном документе. Калмыки сами после такого раскрытия ничего бы не предприняли против самозванного б-л. д.к. Никто не потребовал сложения своих полномочий от Джимба-бакши. У калмыков не было развито сознание общности общественных и национальных интересов. В этом кроется несчастье нашего народа. У нас не было ничего общего.

Окружной атаман Сальского округа вмешался. Он приказал арестовать Джимба-бакшу, атамана Платовской станицы и его помощника, привести их в Великокняжеск, посадить их в тюрьму и начать против них судебное дело за подлог, за подделку подписи Аркад-ламы на подложном документе. Это произошло в 1896 году.

Я сперва не мог понять, почему окружной атаман Сальского округа вмешался в это дело. У меня было подозрение, как много калмыков подозревало, что здесь сыграл роль атаман Денисовской станицы, Санчир Пуков. Он воспользовался слухами о подложном документе и по своим дружеским связям с бюрократией окружного правления подготовил Окружного атамана выступить. Но когда я сличил факты, мне стало ясно, что это было дело русских властей.

Русские старались использовать слухи о подделке подписи. Они арестовали главного иерарха донских калмыков. Тем они обезглавили калмыцкое духовенство и донских калмыков. Теперь некому было воспротивиться против действия русских властей. Они постарались провести распоряжение о закрытии хурулов у калмыков, выслали отряд жандармерии, закрыли и запечатали четыре хурула у донских калмыков. Я видел статью двух русских учителей из московской гимназии, которые в 1898 году свои летние каникулы провели у донских калмыков, чтобы увидеть что-то новое, необычное, экзотическое. Они провели два летних месяца в Платовской станице и отметили, что у донских калмыков не было главного иерарха.

Аркад-лама, видимо, пользовался большим авторитетом, если с его мнением считались представители русской власти. Донской наказной атаман задержал распоряжение Москвы без выполнения на шестнадцать лет. Если бы у донских калмыков был установлен нормальным путем и законным образом следующий глава духовенства донских калмыков, тогда закрытие калмыцких хурулов, вероятно, не случилось бы. Джимба-бакша своим недостойным поступ-

ком открыл двери для вмешательства русских властей во внутренние дела калмыков. Об этом они, его сообщники, не подумали.

Арестованных судили. Суд затянулся на шесть лет, от 1896 года по 1902 год. Подсудимые отделались довольно легко. Это случилось, благодаря защите московского известного криминального адвоката Плевако. Столичному адвокату с ореолом славы защитника по криминальным делам было не особенно трудно убедить провинциальных присяжных заседателей и провинциального судью в том, что перед ними стоят полудикие калмыки, что их дело чисто внутреннее и что нет неудобности применять к ним российские законы со всей строгостью. И подсудимые получили условное наказание – лишением права занимать какие-либо официальные должности в калмыцком обществе.

Какой вывод можно сделать из этого дела?

Надо признать, что Джимба-бакша виноват в подлоге. Он подделал подпись покойного Аркад-ламы на подложном документе о передаче сана б-л. д.к. ему. Духовное лицо в сане бакши не должен был допускать такой нечестности в своей деятельности, особенно, когда вопрос касается общественных и национальных интересов. Это показывает, что Джимба-бакша плохо усвоил основные положения учения Будды. Он не освободился от чувства зависти и стяжательства. За свою вину он не понес надлежащего наказания кроме того, что опозорил себя, свою станицу и буддийское духовенство.

Атаман Платовской станицы и его помощник виноваты в лжесвидетельстве. Они заведомо фальшивый документ выдали за правомочный и тем ввели в заблуждение калмыцкое общество. Люди, играющие важную роль в жизни своего общества, должны бы относиться несколько честнее к своей деятельности, к своим обязанностям и не переступать линию недопустимости в своей работе. Они стали соучастниками мерзкого дела Джимба-бакши и сделались преступ-

никами. Но они не понесли наказание судебным решением, а стоимостью адвоката. Столичный адвокат обошелся им очень дорого. Они были зажиточными людьми. Чтобы достать деньги на адвоката, им пришлось распродать все свое имущество, движимое и недвижимое, обобрать всех своих родственников, войти в долги по горло и даже клянчить помощь от своих знакомых и незнакомых. На старости лет перейти в лачужку и проклинать свою печальную судьбу.

МОНКО-ЛАМА

Седьмым и последним по перечню бакши Бурульдинова был Монко-лама. Он был настоятелем хурула Денисовской станицы. В 1902 году был возведен в сан б-л. д.к. Он стал главой буддийского духовенства донских калмыков. Бакша Бурульдинов считает его самым просвещенным иерархом донских калмыков.

Джимба-бакша был снят с должности б-л. д.к. в 1896 году, та должность пустовала до 1902 года. Она не была никем замещена. Есть сведения, но не совсем достоверные, что калмыки пытались, даже устроили сами выборы главы своего духовенства, но окружной атаман Сальского округа не признавал их и просил калмыков повременить до конца судебного процесса против Джимба-бакши. Окружной атаман занимал правильную позицию в вопросе выборов главы калмыцкого духовенства. Калмыкам следовало ждать исхода судебного процесса. Но видимо, некоторым калмыкам не терпелось. Ими, вероятнее всего, были калмыки из Власовской станицы. Они были самыми заинтересованными в выборе б-л. д.к. Им хотелось взять сан б-л. д.к. в свою станицу. У них был подходящий кандидат, бакша Нима Бакбушов.

Когда окружной суд в городе Великокняжеске вынес решение Джимба-бакше лишением его права занимать какие-либо официальные должности в калмыцком обществе, тогда окружной атаман приказал калмыкам составить избирательный консилиум, составленный из атаманов, бакшей и

пятерых стариков из каждой калмыцкой станицы, собраться этому консилиуму в назначенный день и произвести выборы тайным голосованием. Избрать себе нового главу своего духовенства, одного из трех кандидатов, представленных им. Калмыкам пришлось подчиниться и согласно распоряжению окружного атамана к назначенному сроку выслать в Великокняжеск своих атаманов, бакшей с пятью стариками, чтобы они приняли участие в избирательном консилиуме. Им был подан список кандидатов из трех лиц, где значились следующие имена:

Бакша Нима Бакбушов из Власовской станицы,
Бакша Монко Борманжинов из Денисовской станицы и
Бакша Шургучи Нимгиров из Батлаевской станицы.

Бакша Шургучи Нимгиров был уговорен выставить свою кандидатуру, чтобы выполнить предписание окружного атамана о трех кандидатах. Калмыки – слепо послушные люди. Они не смели подать список кандидатов из двух лиц, когда было предписано подать кандидатов из трех лиц. Бакша Шургучи Нимгиров благоговел перед Монко-бакшой. Он уважал и считал его выше себя. В присутствии Монко-бакши он всегда находился на ногах и старался лично прислужить ему: бегал на кухню, наливал чай в стакан и своими руками подносил или лазил по полкам, чтобы достать судур, которого Монко-бакши хотел видеть. Этим он Монко-бакшу ставил в неловкое положение.

Монко-бакша летами был намного моложе Шургучи-бакши, а потому ему было неловко, чтобы человек старше его стоял бы в его присутствии на ногах. Он сердился и требовал сесть около него, но Шургучи-бакша не позволял этого перед своим кумиром. По своей воле он никогда бы не выставил своей кандидатуры против своего кумира. Он был подговорен.

Власовская станица считалась самой богатой и передовой между другими калмыцкими станицами. Там было много богатых коннозаводчиков, в косяках которых насчитывалось по несколько тысяч лошадей. Коннозаводчики

считались у нас богачами, потому что получали от государства хороший доход. Государственная приемная комиссия принимала много лошадей ежегодно и платила хорошие деньги за лошадей. Богачи Власовской станицы решили захватить сан б-л. д.к. в свою станицу. Они выдвинули кандидатуру своего бакши Нима Бакбушова, слывшегося хорошим и начитанным буддийским духовным лицом, а потом он происходил из рода Бакбушовых, который стал известным среди донских калмыков.

В этом роде были богатые коннозаводчики, а главное – один из рода Бакбушовых выслужился на действительной службе до хорунжего. Он был первым из калмыков, заслужившим офицерский чин. Власовские калмыки были практическими людьми. Они хотели быть уверенными в успехе своего замысла, а потому обошли соседние маленькие и бедные станицы и подкупили всех их электоров, заплативши им по пять рублей с обещанием заплатить еще по пятерке после выборов в случае успеха их замысла. Десять рублей были тогда большими деньгами.

На избирательном консилиуме председательствовал адъютант окружного атамана. Ему помогал атаман Денисовской станицы, Санчир Пуков. Он был атаманом третьей смены. За это время он хорошо ознакомился с бюрократией окружного правления, знал всех должностных лиц и с некоторыми из них был связан узами дружбы. Санчир Пуков был неграмотным, умел только подписываться каракулями, как «Спук», но как человек – смелым, находчивым и предприимчивым. Он был прогрессивного направления мыслей и желал калмыкам прогрессивного развития в культурном и экономическом отношениях. Подавая пример своим станичникам, он провел своего единственного сына через реальное училище и готовил его к поступлению в университет.

Он желал, чтобы следующим главой калмыцкого духовенства стал буддийский гелюн прогрессивного направления мыслей. Таким он считал Монко-бакшу, настоятеля

своего станичного хурула. Он выдвинул его кандидатуру, а потом объехал все калмыцкие станицы, встречался со всеми электоратами и беседовал с ними, стараясь убедить их в необходимости избрания гелюна с прогрессивными мыслями. Он говорил им о Монко-бакше и просил их поддержать его кандидатуру. Но на наших электоратов мало подействовали разглагольствования, а вернее, медный пятак. Они отдали свои голоса тому, за кого им было заплачено.

Избирательных голосов было девяносто один (13х7 = 91). За бакшу Нима Бакбушова было подано сорок два голоса. За бакшу Монко Борманжинова — сорок один. Остальные восемь голосов отошли к бакше Шургучи Нимгирову. Председательствующий на консилиуме, адъютант окружного атамана, после подсчета поданных голосов, пошел с докладом к окружному атаману. Санчир Пуков последовал за ним. Когда адъютант сделал доклад о результате голосования на консилиуме, Санчир Пуков указал окружному атаману, что бакша Нима Бакбушов является неактивным членом калмыцкого духовенства. Он незадолго до этого вышел в отставку, чтобы дать штатное место своему племяннику, молодому гелюну, чтобы избавить его от военного призыва. На это окружной атаман сделал тут же резолюцию об аннулировании избрания бакши Бакбушова и об утверждении следующим главой калмыцкого духовенства бакшу Монко Борманжинова. С копией этой резолюции окружного атамана Санчир Пуков тихонько выехал в свою станицу.

Слух о получении большинства голосов бакшой Бакбушовым на консилиуме распространился по всем калмыцким станицам Сальского округа с быстротой степного пожара в сухое летнее время. Власовская станица ликовала. Власовские богачи потирали руки от удовольствия и поздравляли друг друга с успешным окончанием своего замысла. Потом они повели разговор о торжественном провозглашении своего бакши новым главой буддийского духовенства донских калмыков.

Между тем Санчир Пуков вызвал десятидворников своей станицы, показал им бумагу, выданную ему от окружного атамана с подтверждением избрания Монко-бакши новым главой калмыцкого духовенства. Все обрадовались, похвалили своего атамана с успешным завершением выбора своего бакши новым главой духовенства. Потом пошли в хурул поздравить своего бакшу с новой должностью и договориться с ним о торжественном провозглашении его и возведении его на должность главного иерарха донских калмыков.

Провозглашение было, действительно, торжественным. Все население Денисовской станицы приняло участие в устройстве этого торжества. Простор вокруг хурула был заставлен длинными столами, нагруженные яствами и напитками. Торжественное богослужение с процессией внутри хурульной ограды и с внешней стороны хурула повторялось в течение двух дней. Гостей понаехало со всех сторон. Окружное правление в полном составе присутствовало на торжествах. Атаман Денисовской станицы, Санчир Пуков, с красно-жёлтым наплечным украшением и сияющий от радости встречал всех гостей, подводил к трону нового главы калмыцкого духовенства и представлял всем гостям. Гости ходили от стола к столу, пили и кушали в свое удовольствие. Многие половину круга вокруг хурула не могли пройти, валялись на траву и засыпали сном праведника.

На этом месте хочу остановить внимание калмыков на методе избрания главы духовенства, предложенного окружным атаманом сальского округа. Это простой и эффективный метод. Я бы рекомендовал его калмыкам во всех случаях выборов.

Бакша Бурульдинов окончил свое повествование на избрании Монко-бакши новым главой калмыцкого духовенства на Дону. Араш добавил имена еще трех иерархов, которые имели касательства к главе духовенства донских калмыков, но уже под советской властью. Их можно упомянуть но с большой оговоркой. Это и делается ниже.

ИЕРАРХИ ДОНСКИХ КАЛМЫКОВ ПОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ

БАКША ШУРГУЧИ НИМГИРОВ

В самый разгар борьбы белых и красных в России, в 1919 году, умер самый просвещенный иерарх донских калмыков, Монко-лама. Революция бушевала по всему простору Российского государства. Коммунисты кровавыми руками тянулись к последним рубежам России. В такое время нельзя было калмыкам заниматься выборами духовного главы. Было решено выборы отложить до более благоприятных времен, когда все страсти улягутся и наступит мир и спокойствие внутри России, но такое время не пришло еще. Должность б-л. д.к. нужно было временно передать другому духовному лицу. Выбор пал на старейшего бакшу, на бакшу Шургучи Нимгирова из Батлаевской станицы. Ему и передали должность б-л. д.к. Бакша Нимгиров был сам в высоком возрасте и плохого здоровья. Установление коммунистической власти в России отрицательно отразилось на его здоровье. Он слег в постель и больше не поднялся. Его здоровье стало ухудшаться. И в 1920 году он умер.

Калмыцкой эмиграции ничего не было известно, что случилось с должностью б-л. д.к. после смерти бакши Нимгирова.

БАКША АРКАД КИТАНОВ

Во время второй мировой войны, в 1942 году, появилась вторая волна русской эмиграции. Много людей из Сов. Союза воспользовалось пертурбацией военного времени, чтобы выскочить из советского рая. Заметное число калмыков выбралось тоже из советского рая, вместе с русскими. Жизнь под советской властью оказалась адской. Они были рады избавиться от нее. В Германии я встретился в Давидом Давдуновым. Он был из Беляевской станицы и оказался родственником моей матери. Она была из Беляевской станицы.

Шургучи Нимгиров

Аркад Китанов

Давид Давдунов подарил мне портрет бакши Беляевской станицы, бакши Аркад Китанова с надписью, что он в 1920 году после смерти бакши Нимгирова принял должность б-л. д.к. и исполнял ее до своей смерти, последовавшей в 1925 году. Он был в возрасте 67 лет, когда умер.

Давид Давдунов не знал точно, что случилось с должностью б-л. д.к. после смерти бакши Китанова. Он думал, что эта должность была передана бакше Шарап Тепкину, который приехал из Тибета.

БАКША ШАРАП ТЕПКИН

Калмыки из второй волны русской эмиграции принесли еще одно сообщение. В 1920 году по милости Ленина калмыки получили особую область с названием Калмыцкой Автономной области. Она была составлена частями из Астраханской и Ставропольской губернии, на которых сидели калмыки издавна. Ленин недаром писал в своем обращении к калмыкам: «Братья-калмыки! Судьба вашего народа в ваших руках!» Он и вручил судьбу им в руки. Он выделил калмыков в особую область. Сначала эта область была чисто калмыцкой. Несколько большие села, заселенные русскими и находящиеся в хороших местах здешних мест, были изъяты и отнесены к Астраханской администрации.

Калмыцкую область возглавили калмыки, приспешники коммунистического движения, как Антон Амур-Санан, Кануков, Хомутников и другие. У них не было опыта в администрации особой области. Им пришлось создавать административный аппарат в своей области и устанавливать связи с областными, районными и центральными учреждениями. На это ушло первые пять лет. Калмыки думали, что они получили широкие автономные права. Они начали налаживать жизнь своего населения.

Для калмыков революция кончилась с победой коммунистов. Собственно говоря, для калмыков было неважно, кто сидит на власти в Москве, царь-барюшка или воришка

Шарап Тепкин

Отрепьев! Им важны были мир и спокойствие в стране, чтобы они могли наладить свою жизнь и заниматься своими делами. Они и готовились к установлению своей жизни согласно указаниям новых господ, коммунистов.

Сов. Союз начал подбирать дипломатические связи царского времени. В этом порядке советы дали знать Далай Ламе прислать свою миссию. Далай Лама отрядил миссию и руководство ее поручил Ламе Доржиеву, человеку бурятского происхождения. Эту миссию в Сов. Союзе приняли тепло, расхвалили Далай Ламу и буддийскую веру. Вероятно, в это время появилась книжечка под заглавием «Ленин и Будда», где сопоставлялись эти личности и их идеи! Какое кощунство! Кровожадного и беспощадного человека сопоставлять с Буддой, все терпящего и все прощающего существа!

На основании таких писаний у калмыков создалось впечатление, что буддийская вера получила признание у коммунистов и что им можно будет ее исповедовать свободно. Калмыки обратились к своей духовной стороне. В 1925 году был созван съезд буддийских гелюнов, чтобы обсудить организацию буддийской веры в своей области. Они решили установить одного общего руководителя по буддийской вере. Этим руководителем по буддийской вере был избран бакша Шарап Тепкин. Я расспрашивал многих калмыков, почему их выбор пал на бакшу Шарап Тепкина? Мне хотелось выяснить, почему калмыки из Калмавтобласти остановили свой выбор именно на этом бакше. Я думал, может быть, их гелюны увидели большую образованность по буддийской вере бакши Шарап Тепкина. Один мне сказал, что выбор был сделан по настоянию Ламы Доржиева, которому хотелось видеть на высокой должности у калмыков своего знакомого. А бакшу Шарап Тепкина Доржиев знал еще по Тибету и знали свои идеи и свое отношение к буддийской вере. Новый руководитель по буддийской вере получил наименование «шажин лама», такой титул носили торгутские иерархи.

Духовная жизнь из Калмавтобласти не касалась бы нас, если общим руководителем по буддийской вере не был избран бакша Шарап Тепкин. Он – родом из донских калмыков, из Денисовской станицы. Он получил хорошее образование по буддийской вере и был избран настоятелем хурула родной станицы, но он не разделил идею своего патрона, Монко-ламы, что буддийская вера у донских калмыков поставлена не хуже, чем в Тибете и Монголии. Бакша Тепкин думал, что буддийская вера может течь в чистом виде только в источниках этой веры, в Тибете и Монголии. Он, чтобы увериться в этом, еще в мирное время, до революции поехал в Монголию и Тибет.

Революция застала его в Тибете. Он был в свите Далай Ламы. Когда была составлена миссия для посылки в Сов. Союз, он примкнул к ней, чтобы получить возможность вернуться на родину. Но здесь он не нашел ни своей станицы, ни своего хурула и даже своей области. Все было разрушено, разорено и все переменено. Он тогда поехал в Петербург и там приютился при буддийском храме. А потом с помощью профессора Владимирцова получил место на кафедре восточных языков, по линии тибетского языка и литературы. Бакша Шарап Тепкин вместе с ламой Доржиевым получили приглашение на съезд буддистов в Калмыцкую область, они поехали и там приняли участие в обсуждении всех вопросов, поднятых на съезде.

Когда этот съезд предложил место руководителя по буддийской вере Бакше Тепкину, он принял и сделал роковую ошибку. Он думал послужить своему народу и своей вере и постараться привести в порядок духовную жизнь калмыцкого народа.

Бакша Шарап Тепкин в течение пяти лет бился над проблемами духовной жизни калмыков в Калмавтобласти, стараясь оживить религиозные институты среди калмыков. Местные власти под давлением районных и центральных коммунистических учреждений вставляли палки во все его

начинания. Бесплодная жизнь начала давить на душу бакши Тепкина и он решил вернуться обратно в Петербург и возобновить свою деятельность на кафедре восточных языков. Он сел в поезд, идущий по направлению Москвы, но ему не дали доехать до места своего намерения. Кагебисты не дремали. Они сняли его с поезда не то в Царицыне, не то в Саратове и посадили его в местную тюрьму, и след исчез от человека.

Кагебисты мастера замечать следы за собой. Это они делают самым грубейшим образом – пусканием противоречивых слухов. То кто-то видел бакшу Шарап Тепкина в колонне рабочих по прокопке Беломор-канала. То кто-то получил письмо из Казахстана, где говорится, что бакша Шарап Тепкин работает там в колхозе бухгалтером. А между тем не стало одного из достойнейших буддийских священников донских калмыков. Коммунисты так планомерно и злонамеренно уничтожили буддийское духовенство калмыков. Буддийские священники – самые кроткие существа, никому зла не желавшие, погибли под ножами коммунистов.

Такова печальная судьба бакши Шарап Тепкина под советской властью. Так было в Сов. Союзе уничтожено буддийское духовенство!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЖИТИЕ БЛАГОЧЕСТИВОГО МОНКО-ЛАМЫ КАЛМЫКОВ

Покойный бакша Бурульдинов получил свое духовное образование под руководством Монко-ламы. Он начал учение лет десяти и кончил его полноправным буддийским священником гелюном в возрасте двадцати одного года. Он прошел полный курс подготовительного размера учения по буддийской вере. За время своего пребывания на учении у Монко-ламы, ему приходилось видеть и наблюдать, сколько старания и любви вкладывал их ментор в дело обучения своих питомцев. Он проникся сам любовью и уважением к своему ментору. Это бросается в глаза, когда вы читаете его записи. Он старается всячески возвеличить достоинства Монко-ламы. Он поставил его выше всех иерархов, служивших главой буддийского духовенства донских калмыков.

Бакша Бурульдинов пишет, что Монко-лама родился в России, в Донской области, в Денисовской станице, но не почел нужным сказать, что он родился в хуторе Хатотин кутер. Этот хутор состоял из двух половин, калмыцкой и русской. Русская половина несколько большая, была заселена иногородними русскими, вышедшими из центральных губерний. Пришлые, обычно, начинали с половинщика. Это означало, что он берет землю от калмыков в аренду с условием разделить урожай пополам с хозяином земли, но половина калмыка выходила всегда меньше одной трети.

Русские обманывали калмыков немилосердно. Это стало слишком бросаться в глаза. И калмыкам волей-неволей приходилось браться за плуг. Они, подсматривая, как русские и немцы обделывают свои поля, стали следовать их примеру. Это претило кочевнической натуре степняков и их любви к вольности, но условия жизни стали иными, и калмыкам пришлось приспособляться. Они начали потихонько втягиваться в земледелие. Ничего, сельское хозяйство калмыков стало давать постепенно урожай.

Шарап Тепкин

Иногородние, пришедшие в наши края, казались мне бывшими крепостными крестьянами, освобожденные без земли, а потому пришедшие в наши края в поисках свободных земель. Но один казак сказал мне, что иногородние были пройдохами. Они полученные на родине земли передали братьям или продали, а потом пришли в наши края, чтобы разжиться дармовой землей. Русские, окрепши на новых местах, переходили от половинщика на другие занятия. Кое-кто из них начинал торговать спиртными – вином, пивом и водкой. Они продавали их в бутылках оптом или в розницу. Заодно он и открывал погреб, чтобы его клиенты могли пить на месте.

Русские и калмыки в общем жили в мире, даже можно сказать в дружбе, но случались скандалы. Скандал начинался, когда хозяин питейного заведения вытаскивал опьяневшего калмыка из своего заведения. Это злило калмыка. Он вскакивал на коня и с плетью набрасывался на русских, выходящих из погреба. Калмык хлестал плетью русских, а те отвечали тем, что было у него под рукой. Поднимался крик и шум. Калмык вертелся на коне юлой и продолжал хлестать русских. А калмыцкая плеть – это нагайка, сплетенная из тесемок бычиной кожи в три пальца толщиной. Она была страшным оружием в руках конного калмыка. Воздух наполнялся бранью. Весь хутор высыпал наружу и принимал участие в скандале. Женщины начинали кричать и визжать. Калмыки спешили на помощь своему собрату, и начиналась целая война калмыков с русскими.

На таких скандалах калмыки старались свести старые счеты – мелкие обиды и обманы. Драка принимала свирепый характер. Хуторский атаман выходил. К нему присоединялся жандарм. Они вдвоем вмешивались в драку с криком: «Народ, остановись!» И арестовывали зачинщика скандала, а потом разгоняли всех по домам. Хутор потихоньку умиротворялся. Крики, брань и визги прекращались. Жизнь начинала входить в обычную колею обыденной рутины. Насту-

пал мир и спокойствие, которое продолжалось до следующего скандала пьяного калмыка.

Отца Монко-ламы звали Бакар Борманжинов, а мать – Джиден. Род Бакара Борманжинова принадлежал к группе людей, известных под названием гекселанкен. Это название нельзя смешивать с ясунами. Название ясунов указывает на племенное происхождение, а название «гекселанкен» – на улусное происхождение. Предание об этом говорит, что Гексел-нойон со своим улусом бежал из торгутской земли, пришел в сальские степи и пристал к группе Бокшорги. У Гексел-нойона не было наследника. После его смерти его улусные люди стали свободными, но они не отрывались друг от друга, а продолжали жить своими людьми. Они создавали свои аулы. Эти аулы получили название гекселакинов. Гекселакины не отошли из Денисовской станицы. Они живут по хуторам этой станицы.

Бакар имел небольшое хозяйство с одной отарой овец, главным источником питания его семьи. При рождении очередного ребенка, Бакар заметил ряд хороших примет у новорожденного. Верование в хорошие приметы у новорожденных детей мужского рода, вероятно, повелось у народов монгольского корня с времен Чингис-хана. Предания говорят, что он родился со сгустком крови в кулачке. Это было истолковано, как признак грядущих военных побед в жизни. Буддийская вера усугубляет верование в хорошие приметы у новорожденных детей мужского пола. Предания о рождении Будды свидетельствуют о большом числе хороших примет у него. Предания не обманули. Будда и Чингис-хан прославились. Слава о них гремит, и думается, она будет продолжать отдаваться эхом в будущих веках!

Бакар со своими мыслями зашел к Джалцан-нойону, который остановился в их хуторе проездом в Черкасск. Он рассказал старому нойону о рождении сына с хорошими приметами. Джалцан-нойон поздравил счастливого отца и пожелал ребенку счастья и успехов в жизни. А потом по-

советовал Бакару, чтобы он этого ребенка пустил по линии буддийского духовенства, говоря: если ребенок преуспеет в жизни, то пусть преуспеет на духовном поприще, и как хорошее духовное лицо, он может принести людям духовные благодати. Если бы он пошел по гражданской линии и преуспел в жизни, тогда он мог стать большим вождем и, ведя людей в набеги и войны, причинять людям зло и страдания. А это было бы плохо!

Бакар попросил Джалцан-нойона наречь именем новорожденного. Джалцан-нойон благословил еще раз ребенка и молвил: «Монкорехин монко джиргал!» Так было наречено ребенку имя Монко, вечный.

Монко-лама, по-калмыцкому летоисчислению, родился в год – модон коко еме туула джил, 14 рабджунга. Это значит – год зайца деревянной натуры, синего цвета и женского рода, 14 цикла. Он соответствует 1853 году по григорианскому календарю.

Калмыки это летоисчисление получили из Тибета вместе с буддийской верой. Тибетцы в свою очередь тоже приняли из Индии вместе с буддийской верой. Трудно установить, когда это летоисчисление появилось: до Будды или во время Будды? Есть предание, указывающее, что это летоисчисление было составлено при жизни Будды. Говорится, что мышь попала в название одного года, потому что она пролезла на горб верблюда и стала кричать: «Я выше, я выше! И Будда за такую находчивость признал ей год. Так один год получил название мыши.

Это летоисчисление состоит из двенадцати годов с названием разных животных. Каждый год отличается своей натурой, своим цветом и своим родом. Существует пять натур, пять цветов и два рода. Они составляют один маленький цикл. Пять таких маленьких циклов составляют большой цикл, где каждый год отличается чем-нибудь. Существует пять натур: железо, земля, воздух, дерево и вода. Пять цветов – белый, красный, черный, синий и желтый. Два рода

– мужской и женский. Десять больших циклов составляют одно шестисотлетие. Потом начинается летоисчисление снова.

Возраст человека отмечается названием того животного, в котором он родился. Этот год повторяется в возрасте 13, 25, 37, 49, 61 и т.д. Очень легко определить возраст человека, если знать название животного, в котором он родился. В этом летоисчислении у людей берется во внимание не дата рождения, а на один год раньше.

Бакар послушался совета старого нойона Джалцана. Он решил направить своего сына по линии буддийского духовенства. Бакар своего сына Монко в возрасте девяти лет отвез к Джомба-ламе и попросил его совершить над ним ритуал посвящения в буддийское духовенство. Джомба-лама охотно совершил ритуал посвящения в духовенство. Выбрили ребенку голову дочиста, одели его в бешмет жёлто-красного цвета, надели ему на голову расписанную золотом шапку, дали ему духовное название: Лузон-Раши. Отец потом своего сына, манджика, привез домой и оставил его помогать по хозяйству. Ему было поручено пасти отару овец.

У калмыков не было своих пастбищных просторов. Они пользовались общественными полями. Весной и летом все выгоняли овец и коров в поле и высылали детей присматривать за ними. Коровы и овцы жадно щипали траву. В степи собиралось много детей в возрасте от девяти до пятнадцати лет. Чтобы скоротать долгие летние дни, они заводили игры. Одни бегали вперегонки бугра к бугру. Другие петушились, кто кого первым свалит на землю, и поднимали пыль горой, стараясь подсадить один другого. Девочки собирали весенние красивые цветы. Около полудня усталые садились в тени низкорослых кустарников, чтобы перевести дух и отдышаться. Потом начинали свои игры сызнова.

Бывало, старшие ребята выкидывали шутки над меньшими. Маленькому и тщедушному Монко часто доставалось от шуток старших. Они ловили его и привязывали к рогам

большого козла-предводителя. Тот начинал трясти головой, стараясь сбросить ношу с головы, и причинял боль маленькому Монко. Тот начинал кричать и требовать отвязать, но его муки доставляли удовольствие старшим. Они старались еще больше рассердить козла, окружали его, подпевали и подтанцовывали вокруг козла. Тот приходил в ярость и набрасывался на кого-либо из детей, стараясь его убудать. Это приводило детей в неописуемый восторг. Смеху и крикам не было конца. Каждый старался рассказать, как козел его боданул, как он увильнул.

Под вечер, перед возвращением они отвязывали плачущего Монко с головы козла. Один из этих мучителей потом стал большим поклонником Монко-ламы и не пропускал ни одного его богослужения в хуруле. Он являлся и занимал место за спиной своего кумира в пределах отведенных прихожанам. На небольших перерывах, когда гелюны переводили дух от долгих реситаций священных текстов, Монко-лама оборачивался и, смотря прямо в глаза своему мучителю, говорил с укоризной: «Зачем ты так меня мучил? Почему ты привязывал меня к рогам этого страшного козла?» Тот приходил в смущение, езрал на своем месте и отговаривался: «Как я мог тогда знать, что ты станешь хорошим духовным лицом в нашем духовенстве! Ведь мы были тогда только овцепасами!» Это было неизменной шуткой Монко-ламы. Все это знали и снисходительно улыбались. Монко-лама делал знак прислуживающему гецюлу, чтобы он налил чашку чая старику. Тот, довольный вниманием своего кумира, наскоро глотал горячий чай из чашки.

Когда Монко исполнилось двенадцать лет, отец отвез его к Джомба-ламе и оставил там учиться. Следующие четыре года Монко провел у Джомба-ламы, заучивая священные тексты по указанию своего ментора. Он в 1869 году был переведен на учение к Очир-ламе из хурула Ахнудовского аймака в Большедербетском улусе Ставропольской губернии. Этот перевод совпадает с годом смерти Джомба-ламы.

Можно думать, что болезнь Джомба-ламы послужила причиной перевода Монко на учение к Очир-ламе. Дальнейшие двенадцать лет Монко провел у Очир-ламы.

Его учение делилось на два курса, начальный и высший. Начальный курс занял шесть лет. За это время он изучил шесть больших предметов по буддийской вере с названиями: ума, парчин, цаньдин ном, бодьи мор, джирим банчид и тууджи-туукес. Наставник Монко, Очир-лама, слыл ученым теологом по буддийской вере. Он изучил много буддийских трактатов. Из его школы выходили очень образованные духовные лица, которые впоследствии занимали высокие должности среди буддийского духовенства разных калмыцких групп. Одним из его учеников был покойный Аркад-лама, который занимал должность главного иерарха донских калмыков в течение двадцати лет.

Мне хотелось узнать несколько больше о сути тех предметов по буддийской вере, которых изучал Монко. В этих целях я обратился к одному из калмыцких гелюнов в сане хамба. Этот сан он получил в Тибете после окончания курса, известного под названием «табун ботьи чоря», пять томов черя (теологии). Он мне сказал, что объяснить содержания этих предметов непосвященному человеку очень трудно, но говоря в общих чертах, можно сказать, что в этих предметах излагаются основные положения буддийской веры философского и этического порядка.

Обучение по буддийской вере велось примитивным способом. Начинающие манджики изучали основные положения по буддийской вере, костяк буддийской веры. Им приходилось много трактатов заучивать, просто вы зубрить их. Это учение продолжалось четыре, пять лет. Потом после экзаменов его переводили в старший класс. Экзамен заключался в реситации текстов по вопросу экзаменатора. В старшем курсе он назывался гецюл. Его учение продолжалось тоже четыре, пять лет. Он продолжал заучивать основные трактаты по буддийской вере.

Наряду с этим ему надо было ознакомиться с значением изучаемых трактатов, понимать символы веры и основные положения в религии. Это означало, что он должен был знать переводы заучиваемых трактатов на родном языке. Кроме того, ему надо было ознакомиться с содержанием ряда дополнительных судуров, чтобы иметь представление о различных отраслях буддийской веры. Знакомство с ними означало, что ему надо было вчитаться в содержание этих судуров. Вчитывание требовало читать эти судуры по много раз – сотни и тысячи раз. После такого чтения изучающий превращался психологически в автора. Это было примитивным, но очень эффективным способом изучения. Он помогал усвоить основные идеи читаемого судура основательно.

Монко в возрасте двадцати двух лет окончил все шесть предметов и, сдавши положенные экзамены, получил звание буддийского гелюна, священника. Теперь его величали Монко-гелонг. Монко-гелонг не удовлетворился своим успехом и своим званием простого гелюна. Он решил продолжить свое учение и на высших курсах по буддийской вере. Он попросил Очир-ламу позволить ему остаться и дальше на высших курсах учения по буддийской вере. Очир-лама способному и любознательному человеку охотно разрешил остаться и на высших курсах по вере.

Монко-гелонг провел еще шесть лет у Очир-ламы. За это время он изучил следующие шесть больших предметов по буддийской вере: дюльвя, гакрим зогрум, балдан ламын абшик, эши узел мор, эмин судур и зурхан судур. Эти предметы углубляли и расширяли знания по буддийской вере. По окончании этих курсов Монко-гелонг сдал положенные экзамены, отблагодарил своего ментора положенными дарами и почестями, вернулся в родную станицу и вошел в число гелюнов хурула своей станицы.

Большие познания по буддийской вере Монко-гелонга вскоре сказались. Во всех вопросах церковного, ритуального и обрядового порядка все обращались к Монко-гелонгу.

Старый бакша, Бук Мангатов, вскоре ушел в отставку. Место настоятеля хурула было предложено молодому, но весьма образованному Монко-гелонгу. В 1883 году он занял должность настоятеля хурула своей станицы и стал величаться с этого времени Монко-бакша. Вместе с этим началась большая деятельность Монко-бакши. Духовная жизнь в хуруле Денисовской станицы под влиянием активного и образованного иерарха закипела.

Молодой настоятель хурула Денисовской станицы, Монко-бакша, начал свою деятельность с пожелания построить более благовидный храм, но в станичной кассе не оказались нужные средства. Монко-бакша предложил сам собрать средства на постройку храма. Это одобрили. Бакша стал объезжать своих станичников с просьбой помочь ему в постройке нового храма в хуруле. Все охотно отзывались на просьбу своего бакши и помогали, кто сколько мог. Даже произошли комические случаи.

По нашей станице ходил рассказ о коннозаводчике Бембя. Он был зажиточным, но очень скупым. Гроша медного не давал никому. Мало ходил молиться в хурул и очень мало жертвовал на содержание хурульной общины. Говорят, что он разбогател черной работой (хара арбудар). Он висел за спинами своих табунщиков, подгоняя их в работе. Целыми днями был в степи, около табунов. То одного табунщика пошлет перегнать один косяк лошадей с одного пастбища на другое. Второго табунщика пошлет погнать второй косяк лошадей на водопой. А третьему прикажет загнать третий косяк в баз, чтобы отделить молодняк, жеребых маток, маток на случку и лошадей для продажи.

Такие дела без хозяйского глаза плохо выполняются. Наемные руки халатно относятся. Вот почему Бембя проводил целые дни в степи, даже не ходил домой на обед, а оставался здесь, перекусивши чем-нибудь у своих табунщиков. Табунщики злобно говорили, что их хозяин разбогател на харчах у своих табунщиков. А когда кто-нибудь из табунщиков

придет к нему домой, он принимал его на кухне, приказывая кухарке сварить жиденькую похлебку, садился вместе с табунщиком за стол и кушал свою скверную похлебку, расхваливая ее, как первоклассное кушание. Табунщик ругал скупого хозяина и его скверную похлебку в рукав. Потом шел к родственникам, чтобы накушаться, как следует.

Монко-бакша настиг его в степи и обратился к нему со своей просьбой помочь ему в постройке нового храма. Бембе полез рукой в карман, рылся довольно долго, вытянул плюшевую сумочку, и, когда высыпал содержание сумочки, все оторопели от удивления. Из сумочки на руки манджика посыпались золотые десятирублевки кучей. Табунщики стали восхвалять щедрость своего хозяина. Монко-бакша тоже поблагодарил за щедрую помощь и уехал. Тогда Бемба полез рукой еще раз в карман, вытянул вторую плюшевую сумочку, и, когда он высыпал ее содержимое на землю, табунщики увидели кучу медяшек с несколькими серебрянными рубликами и поняли, что их хозяин сделал ошибку, вытянул не ту сумочку. Табунщики злорадствовали, желая, чтобы он сделал точно такую же ошибку, когда будет давать им годовой расчет.

Монко-бакша руководил хурулом своей станицы в течение двадцати лет. За это время он не только выстроил новый благовидный храм, выпустил несколько генераций новых гелюнов, обучением которых он лично руководил. Они одолели большую программу и получили широкое образование по буддийской вере. В обучении новых гелюнов Монко-бакша взял более прогрессивное направление. Он ввел в программу много новых трактатов и сделал упор на то, чтобы учащиеся меньше занимались вызубриванием текстов священного писания, а больше вникали и разумели идеи и мысли, вложенные в эти писания. Он старался внушить учащимся понимание основы буддийской веры, философские идеи и логическое мышление, крепче освоили символы веры и ритуалы в церковных службах.

В этот период своей жизни Монко-бакша три раза ездил в Монголию, чтобы поклониться тамошним святым монастырям, чтобы помолиться перед тамошними святынями статуями Будды и других святых и чтобы побеседовать с тамошними учеными ламами и поучиться у них церковно-ритуальным навыкам. В последней из этих поездок он принял участие в одном коротком курсе собеседований, устроенным учеными ламами Монголии. На этом собеседовании обсуждались эзотерического характера проблемы в буддийской вере. Такое собеседование могут проводить ламы. В конце этого собеседования участники поднесли Монко-бакше титул «номин эзен черчи», обладатель высочайших познаний по буддийской вере. Этим они признали у Монко-ламы большие познания по буддийской вере и ознаменовали его почетным титулом!

Во время своего пребывания в Монголии Монко-лама старался приобрести церковную утварь, буддийскую литературу и изображения божества, в которых была нужда в калмыцких хурулах в России. Он приобрел Ганчжур-Данчжур, энциклопедию по буддийской вере на тибетском и монгольском языках. Он купил полный сборник писаний Зункавы и других буддийских теологов. Ему подарили статую бога Ямандаги, вылитую из чистого серебра высотой в локоть. Также подарили ему проект буддийского храма «Шали Канг», вылитого тоже из серебра. Книги, статуи и церковную утварь сложили на трех воловьих повозках и отправили в Россию, в Донскую область, в хурул Денисовской станицы. Правда, дорога заняла больше трех лет, но ничего, все в исправности было доставлено по назначению.

В 1902 году Монко-бакша был утвержден главным иерархом буддийского духовенства донских калмыков. По определению русских законов, этот сан назывался «бакшой-ламой донских калмыков». Это случилось по буддийскому летоисчислению в год «усун хара еме тула джил, 14 рабджунга». Монко-бакше было тогда сорок девять лет. Это

было высочайшим саном среди буддийского духовенства донских калмыков.

С этого времени началась новая эра в деятельности Монко-ламы, как его стали величать донские калмыки. Свою прогрессивного направления деятельность Монко-лама перенес на все хурулы и на все духовенства донских калмыков. Первым делом он потребовал, чтобы храмы и жилые помещения в хурулах держали чисто и опрятно, сами гелюны одевались бы подобающим образом в предписанные одежды и вели бы свою жизнь в благочестии, не предавались алкоголю и блуду. А главное, чтобы настоятелями по хурулам назначали гелюна с высшим образованием по буддийской вере. Это были прогрессивные меры. Они быстро сказались на нашем духовенстве. Калмыцкие хурулы выглядели лучше. Наши гелюны стали одеваться благообразнее, в чистые одежды, сшитые из хорошего материала. По хурулам стало сокращаться пьянства гелюнов.

До вступления Монко-ламы на должность главного иерарха донских калмыков, несколько хурулов у донских калмыков были по распоряжению русских властей закрыты и запечатаны. Население этих станиц попало в затруднительное положение. Чтобы помолиться божествам, им приходилось ездить в хурулы других станиц, отстоящие на тридцать, сорок верст от них. Монко-лама решил помочь им. В открытии закрытых калмыцких хурулов не мог ему помочь ни окружной атаман Сальского округа, ни Донской наказной атаман.

Монко-ламе пришлось обращаться в центральные учреждения русской власти в Москве. Ему пришлось ехать в Москву и обивать пороги многих канцелярий в Министерствах Внутренних Дел и Просвещения, даже пойти на прием к самому царю Всероссийскому, Императору Николаю Второму. Царь соизволил милостиво принять калмыцкого иерарха и выслушать его скромную просьбу об открытии закрытых и запечатанных хурулов, чтобы облегчить людям

ходить в церкви в своих селениях. Царь обласкал калмыцкого иерарха. Он ознаменовал тремя орденами, подарил ему золотые часы с государственными вензелями и портретом самого Императора Николая Второго, а потом приказ внести его имя в дворцовый реестр, чтобы помянуть его по государственным торжествам. По этому реестру 1913 году вышла Монко-ламе коммеморативная медаль по случаю 300-летия Дома Романовых на троне Российского государства.

В одном из своих официальных портретов Монко-лама снят в парадной форме с золотыми медалями на шее и коммеморативной медалью на груди. Все медали Монко-ламы с его четками (*акчи модон сенгсен*) в 1920 году были вывезены из России одним из гелюнов хурула Денисовской станицы, Моломом Басановым. Он их бережно хранил, как реликвии, оставшиеся от последнего ламы донских калмыков. Перед своей смертью он передал эти реликвии племяннице Монко-ламы, госпоже Джама Балиновой. После смерти последней, эти реликвии оказались в руках ее родственников по мужу, братьев Арпуша и Морхуса Балиновых.

Замба Переборов, гелюн хурула Денисовской станицы, знал это. После нашего переезда в Соед. Штаты, он собрал деньги между своими станичниками, поехал во Францию и там откупил реликвию о последнем ламе донских калмыков у Морхуса Балинова: три золотые медали, коммеморативную медаль, четки и чашку Монко-ламы и хранил их до своей смерти. После его смерти эти реликвии достались его племяннице, госпоже Навга Бурушкиной. Они теперь хранятся у нее. Золотые часы имел Арпуш Балинов. Он приехал сам в Америку. Здесь держал их в своей квартире. Негры проникли в его квартиру и унесли их. Так погибла самая ценная реликвия о Монко-ламе – золотые часы с имперскими вензелями и портретом Императора Николая Второго.

Дело с открытием запечатанных калмыцких хурулов в Москве стало быстрее продвигаться, когда Монко-лама сделал тогдашнему Министру Внутренних Дел подарок –

поднос из чистого золота! Ему разрешили иметь по одному хурулу в каждой калмыцкой станице со штатом служащих в двенадцать человек. И как особую милость позволили Монко-ламе иметь особый штат гелюнов при особе духовного главы донских калмыков. Итак, ему было разрешено иметь тринадцать хурулов и четырнадцать штатов ($12 \times 14 = 168$). Штатные гелюны были освобождены от призыва на военную службу.

Монко-лама показал местным властям Сальского округа бумагу, выданную ему в Москве от Министерства Внутренних дел. В присутствии официальных властей Монко-лама приказал снять печать с закрытых хурулов и в сопровождении торжественных молебствий он ввел их снова в употребление среди калмыков.

Штат служащих по калмыцким хурулам по распоряжению московских властей должен был состоять из четырех гелюнов, четырех гецулов и четырех манжиков. Это распоряжение он приспособил к местным надобностям и распределил так. Он установил в каждом хуруле десять штатных гелюнов. Во главе их поставил бакшу. В управлении ему помогал в званьи гевгью. Этим он не превышал правительственного распоряжения, а только приспособлял к местным надобностям. В этом не было ничего противозаконного. Это показывает, что инородцы не умели вести переговоры с правительственной бюрократией. Они не умели излагать свои нужды и настаивать на их одобрении.

Российским бюрократам было важно показать русскую власть над инородцами. Они не старались вникнуть в нужды инородческого населения. Им было неважно, что и как, лишь бы продемонстрировать власть русских и только. Это они делали самым грубейшим способом – раскалыванием просьб инородцев и перегибанием их на свой лад, а что дальше будет им не важно. После окончания переговоров, после принятия своих решений русские правительственные бюрократы забывали об этом деле. Дальше инородцы при-

способлялись к новым условиям, и жизнь текла своим чередом.

Русская бюрократия довольствовалась своим мудрым решением, а инородцы довольные некоторой либеральностью российской бюрократии приспособлялись, и жизнь шла своим путем, в мире и довольствии. Эта либеральность правительственной бюрократии позволяла инородцам дышать несколько свободно и мириться со своим подневольным положением под эгидой русской власти.

Благодаря заботам Монко-ламы, образовательный ценз буддийского духовенства донских калмыков стал повышаться. По хурулам донских калмыков начало появляться много образованных буддийских гелюнов. Монко-лама заботился, чтобы они приобрели широкое образование по буддийской вере, чтобы тверже усваивали основные положения буддийской веры, особенно философские взгляды, этические положения и обрядовые навыки. Монко-лама ввел много новых судуров, которые давали представление об основных положениях буддийской веры.

Калмыцкие гелюны стали лучше вникать в суть религиозных позиций своей веры и крепче усваивать символы веры. Монко-лама положил начало к беседам гелюнов с мирянами. Это потребовало от наших гелюнов лучшего знания священных трактатов, умения передавать их на родном языке и толковать религиозные позиции своей веры простым людям.

Раньше наше духовенство ограничивалось заучиванием священных трактатов на тибетском языке. Теперь это было недостаточно. Им пришлось заниматься переводами с тибетского на родной язык, чтобы уметь их истолковать мирянам. Это начало привлекать мирян, и они охотно стали слушать рассказы своих гелюнов о вере и о значении разных религиозных символов. Этим миряне приблизились больше к церкви и церковной работе. Заслугой Монко-ламы явилось привлечение интереса мирян к церкви и церковной деятельности.

Они стали чаще расспрашивать гелюнов об этических и моральных положениях своей веры и вникать в духовное развитие. Вот почему по калмыцким хотонам стало больше людей принимать участие в молитвенных собраниях мирян. Это так называемые мацаки, когда пожилые люди собираются на молитву и проводят целый день в благочестии – в посту, в молитвах и беседах о благонравственном поведении человека. Церковная жизнь в хурулах оживилась. Появились торжественные богослужения, на которые стекалось много людей. Особым интересом мирян пользовалось торжество Мадьира, Маитреи, Будды грядущего. На молитвенных собраниях мирян приходили гелюны, развешивали большую иконопись с названием «Сансарин курде» и разъясняли символы этой иконописи и толковали путь морального усовершенствования человека.

Монко-лама старался усилить общение гелюнов с мирянами. Он воспользовался поверием людей в святость источников питьевой воды. Он разработал обряд освящения источников питьевой воды, подучил гелюнов и посылал их на освящение источников питьевой воды по разным калмыцким хотонам. Сам тоже принимал участие в освящении источников питьевой воды. Он выбирал день и заранее оповещал население одного хотона о своем приезде к ним для совершения обряда освящения источника питьевой воды местного населения. И всегда приезжал в указанный день и в указанное время.

Я помню одно такое освящение источника питьевой воды в нашем хотоне. Колодец, откуда брали воду, находился в балке, но обряд освящения его было решено провести в степи, над балкой. Весной и летом бывают в наших краях хорошие дни. Безоблачное небо отливало искрящей синевой. Солнце золотым шаром посылало теплые лучи на землю. Степь широко расстилалась вокруг. Горизонт, далеко отодвинувшимся миражем, рябит в глазах. Зеленеющая трава ковром расстилается вокруг. Теплый и приятный ветерок поддувает и колышет цветы.

Этот день населению нашего хотона кажется праздником. Действительно, он является праздником. Ведь в летнее время трудно оторваться от летних работ и пойти в хурул, отстоящий за сто верст, чтобы повидать своего любимого иерарха. В летнее время каждый день на счету. Полевые работы нельзя откладывать. Вот почему приезд главного иерарха донских калмыков кажется населению праздником. С раннего утра люди наряжаются в праздничные одежды и потихоньку идут к месту источника питьевой воды. Женщины и дети толкались и шумели.

Монко-лама подъехал в указанное место. Два проворных гецюля соскочили с фаэтона, быстро воздвигли походный алтарь и подняли большого размера изображение Матрени на высоком на высоком шесте и расставили чашечки приношений перед бронзовой статуей Будды. Монко-лама сразу же приступил к обряду. Богослужение продолжалось около одного часа. По окончании молитв, народ засуетился. Все сразу поднялись, начали толкать детей вперед, чтобы занять очередь в строю людей. Старики важно проталкивались между детьми и женщинами к ламе, чтобы получить благословение.

Монко-лама уделял особое внимание манджикам. При посещении хурулов разных калмыцких станиц он всегда выделял время для беседы с манджиками. Он любил беседовать с ними, спрашивать их, что они изучают, как понимают символы веры и что думают о жизни духовного лица. Если он замечал шустрого, способного манджика, настроенного к духовной деятельности, он забирал его с собой, привозил в свой хурул, зачислял его в число своих учеников и руководил его обучением.

Хурул Денисовской станицы постепенно превратился в центр интенсивного изучения буддийской веры. Сюда начали стекаться все, кто хотел углубить свои знания или усовершенствовать свое образование, или продолжить свое учение на высших курсах по буддийской вере. Буддийским

гелюнам не надо было заботиться о питании. В любом хуруле его принимали на учет. Надо было пройти к эконому, заманчи, и заявить ему, что он останется у них столько то времени. Да любой мирянин охотно предоставлял гелюнам дом и стол. Они были рады принять и оставить жить гелюна в своем доме.

Наши гелюны люди скромные и без лишних претензий. Они будут довольствоваться простой постелью и одним только калмыцким чаем. В нашем доме месяцами проживал ежегодно один бурятский гелюн – Иондон-емчи.

Приезжие гелюны и гецюлы ревностно посещали богослужение и следовали за Монко-ламой, стараясь не пропустить ничего из того, что он рассказывал, объяснял и толковал по буддийской вере. Монко-лама положил начало к беседам молодых гецюлов и гелюнов. Он поручал кому-нибудь из них один судур, ознакомиться с мыслями его, а потом на беседе рассказать. Участники могли выступить с возражениями и высказать свое понимание. Спор кончался разъяснением Монко-ламы.

По большим праздникам Монко-лама устраивал соревнование между молодыми гецюлами в знании священных трактатов. Это соревнование называлось «чоря хайалган», бросание камешками! В круг выходили соревнующиеся молодые гецюлы и, расхаживая мерным шагом по кругу, они бросали друг на друга тирады священных текстов. Соревнование кончалось, когда один из соревнующихся иссякал в своих знаниях священных текстов. Победитель получал положенную награду. Побежденный тоже получал утешительную награду. Победителю доставалась слава. Все начинали смотреть на него с уважением и с почтением уступать ему первенство.

Было бы хорошо, если кто-нибудь из этих участников собрал все то, что Монко-лама говорил, толковал и объяснял о буддийской вере, он мог составить хорошее руководство по буддийскому учению, и такая книжка, как ценное оже-

релье, составленное из драгоценных камней, украшала бы человека, имевшего ее. Монко-лама умел очень хорошо объяснять и толковать все символы веры и основные положения философских взглядов буддийской веры. Жаль, что никто не подумал собрать высказывания Монко-ламы об учении Будды.

Распоряжения Монко-ламы о назначении настоятелями калмыцких хурулов гелюнов с высшим образованием по буддийской вере было очень прогрессивным шагом. Это имело очень хорошие последствия. Буддийское духовенство донских калмыков стало прогрессивно развиваться. Из года в год стало появляться больше и больше образованных буддийских священников среди донских калмыков.

Монко-лама обратил особое внимание на богослужения, на обряды и ритуалы по хурулам. Они были улучшены. Продолжительность богослужений по хурулам он определил на восемь, десять часов в день. Он тоже указал, какие священные трактаты надо читать на ежедневных богослужениях и какие священные трактаты надо читать по праздничным и по отмеченным дням. Чтение священных трактатов было не простым, а пением и реситацией. У него был специальный гелюн, который ведал мотивами священных трактатов. Он подучивал гелюнов, гецюлов и манджиков этим мотивам и напевам священных трактатов. Он же надсматривал, чтобы по хурулам правильно исполняли эти мотивы.

Монко-лама для хурула своей резиденции определил особые задания. На праздник «Цаган» всем сонмом этого хурула должны были прочитать весь «Ганчжур». Это – отдел буддийской энциклопедии, содержащий священные трактаты об учении Будды. Этот отдел состоит из ста пяти томов. И духовенству хурула Денисовской станицы надлежало в течение пятнадцати дней реситировать все сто пять томов Ганчжура. А на весенний праздник в месяце морин, мае, духовенству этого хурула надлежало прочитать весь «Данчжур».

Этот отдел буддийской энциклопедии содержал трактаты с комментариями и разъяснениями отдельных мест в трактатах об учении Будды. Он состоит из двухсот двенадцати томов. И духовенству хурула Денисовской станицы надлежало реситировать все трактаты в течении одного месяца, в течении тридцати дней. Гелюнам приходилось читать с напряжением, чтобы окончить в указанный срок. Чтение всей энциклопедии по буддизму было новшеством самого Монко-ламы. Такого чтения не проводилось даже в хурулах Тибета и Монголии. Такое чтение имело очень благотворное влияние на развитие и образование буддийских гелюнов донских калмыков.

Монко-лама имел очень прогрессивные идеи и планы. Он шел твердыми шагами к осуществлению их. Он намеревался поставить обучение буддийского духовенства на европейский лад. Он намеревался организовать буддийскую академию. Он уже имел план и программу такой академии. План и программу такой академии он послал в Министерство просвещения. Он был уверен в одобрении такой школы, хотя русские власти могли с одобрением задержаться, но в конце концов они обязаны были дать разрешение калмыкам на такую школу. Монко-лама уже подбирал образованных бакшей, которые могли сразу начать преподавать известные предметы в академии. Но приход коммунистов к власти в России расстроил эти планы и не дал осуществить хорошую идею Монко-ламы.

Монко-ламу, как главу буддийского духовенства донских калмыков, официально признавали все донские калмыки, но неофициально население верховых станиц под влиянием агитации калмыков из Власовской станицы были в оппозиции. Они считали, что Монко-лама незаслуженно получил должность главного иерарха донских калмыков. На избирательном консилиуме большинство голосов получил бакша Нима Бакбушов из хурула Власовской станицы, но был отстранен по незначительному поводу. Бакша Бак-

бушов по своему желанию незадолго до выборов главного иерарха калмыков вышел в отставку.

На основании такого взгляда миряне и духовенство Власовской станицы стали в оппозицию к Монко-ламе и выискивали всяческий повод, чтобы продемонстрировать перед Монко-ламой свое недовольство. При его официальных визитах в хурул Власовской станицы только штатные гелюны выходили встречать своего главного иерарха. Монко-ламе потребовалось много времени, чтобы низложить их гнев и привлечь население верховых станиц к себе. Это ему удалось выпуском новых гелюнов.

Новые гелюны, получившие духовное образование под руководством Монко-ламы, проникались глубоким уважением к своему ментору и защищали его. Одним из таких приверженцев Монко-ламы был покойный бакша Бурульдинов. Он был из хурула Граббевской станицы и сыграл большую роль в перемене настроения своих станичников и примирении их с Монко-ламой. Так население верховых станиц одна за другой стали складывать свои враждебные чувства к Монко-ламе. Дальше других в оппозиции оставалось население Власовской станицы. Они старались использовать всяческий повод, чтобы насолить Монко-ламе, но таких поводов не выдавалось так часто в жизни донских калмыков.

Деятельность Монко-ламы омрачилась еще бегством молодых гецюлов и гелюнов из хурулов донских калмыков в Монголию и Тибет. Кто-то внушил им мысль, что было бы хорошо окончить духовное образование в источниках этой веры, в Тибете и Монголии, где она течет в чистом виде. Вот вдохновленные такими мыслями наши гецюлы стали пускаться в далекие края. Одним из таких гецюлов был ныне покойный Черик Унков. Он был в числе прогрессивных гецюлов, который считался подающим большие надежды на получение высокого поста в духовенстве донских калмыков.

Когда слух пошел, что Черик Унков вместе с другими гецюнами собирается пуститься в далекий путь, Монко-ла-

ма позвал всех гецюлов и сказал: «Чтобы углубиться в изучение учения Будды, вам не надо идти в далекие края, а будет достаточно, если вы придете в мое книгохранилище. Там вы найдете, что читать и изучать. Не думайте, что обучение по буддийской вере лучше поставлено в Монголии и Тибете. Потом учение зависит не от школы, а от человека, от его прилежания и старания! В моем книгохранилище есть что и читать и изучать! Ведь я на трех воловьих подводах привез из Монголии все, что было написано и размножено там. Если, что будет непонятно, я вам помогу разобраться!» Горячие головы не послушались мудрых слов своего ментора и пустились в далекий путь. Они не имели никакого представления о трудностях далекого пути. Руководимые только юношеским воодушевлением, они пошли в далекий путь без гроша денег и в пути узнали и голод, и холод, и черствость человеческой души. Русская революция застала их в северных пределах Тибета. Они поспешили в обратный путь.

На ежедневных богослужениях Монко-лама просиживал восемь, десять часов, не сходя со своего места, тогда как молодые гелюны и гецюлы не могли выдержать такого физического напряжения. Он умел сосредоточить все свое внимание на содержании читаемых трактатов и душой своей углубиться в мысли и идеи этого трактата.

Монко-лама обладал приятным баритоном и его голос всегда звучал под сводами храма. Монко-лама не обращал внимания на еду и отдых. Он старался все свои силы и все свое время отдать служению вере и своей пастве. После долгих часов, проведенных на богослужении в храме, он, бывало, вернется в свои покои, выпьет чашку чая, а потом приляжет на циновку и поспит с часок. Потом сразу же приступал к работе. То надо было приготовить уроки для манджиков, для гецюлов и для молодых гелюнов. То надо было проверить успехи в учении манджиков, гецюлов и гелюнов. То надо было обойти хурульные пределы и посмотреть, где что поправить, обновить или пристроить.

Попутно он замечал, как хурульные обитатели проводят свободное время. Он зорко следил, чтобы гелюны в хуруле не проводили время за алкоголем или не погрязли в блуде. Виновных он предупреждал только один раз. Во второй раз он снимал с виновных духовные одеяния, одевали его в черные одежды и выпроваживали из хурула. Тот тихо пешком брел из пределов хурула.

В неделю раз или два он отводил время для встречи с мирянами, которые толпились у его крыльца. Это были люди, страждущие духовно или физически и пришедшие найти облегчения от своего духовника. Наши люди во всех случаях недуга искали помощь от своего духовника. Монко-лама наделял одного только благословением, другому давал коренья или порошки с чудодейственной силой, а третьему смотрел в книгу судеб, чтобы увидеть, какие напасти могли сойти на человека в таком возрасте. Тибетские и монгольские ламы ежегодно составляли компендиум¹, где указывалось какие болезни в каком возрасте могут напасть на человека. В нем же указывалось, как их лечить. И случалось, что молитвы, благословения и чудодейственные порошки и коренья приносили страждущим облегчение.

У Монко-ламы не было праздного времени. В его покоех, на столе лежал ряд судуров, которых он часто читал. Один судур надо было читать перед восходом или заходом солнца. Другой судур надо было читать, чтобы направить заблудших людей на путь праведности. А третий судур надо было читать в минуты опасности, чтобы отвратить нападение разбойников и грабителей. Этот судур считался важным, и Монко-лама часто читал его. О пользе этого судура рассказывались разные истории. Одна была о неудачном нападении трех братьев из Мартыновки.

Город Мартыновка лежит напротив хурула Денисовской станции, по другую сторону реки Сал. Город был населен

¹ Компендиум – сжатое изложение основных положений какой-либо дисциплины

иногогородними. Они хорошо знали калмыков и калмыцких гелюнов. Они соприкасались с калмыками почти ежедневно. Калмыкам, если надо было что починить или пристроить или переправить, всегда звали кого-либо из Мартыновки. Они ходили по домам калмыков и калмыцких гелюнов и ознакомились с их нравами и обычаями. Они видели, как калмыцкие гелюны халатно относились в деньгам. Они их не прятали, а оставляли открыто в доме.

У настоятеля хурула, у Монко-бакши на столе стояла шкатулка, полная золотыми десятирублевками. В Мартыновку заходило много пришлых людей. Некоторые оседали здесь, но большинство отлетали в другие края. Пришлые слышали от местных много рассказов о калмыках и о калмыцких гелюнах. На трех братьях произвело сильное впечатление рассказ о шкатулке с золотыми монетами на столе у бакши. Они решили ограбить его — взять эту шкатулку с золотыми монетами. Они выбрали безлунную, темную ночь, под вечер подъехали к калмыцкому хотону и спрятались за конюшней, чтобы переждать, пока не погаснут огни.

У Монко-ламы не было особой прислуги, кроме двух гецюлов. Он их обычно рано посылал спать, но в этот вечер оставил их сидеть около себя. Гецюлы сели на корточки на краю циновки, набожно сложили свои руки и стали смотреть на бакшу. Тот начал читать судур об отвращении нападения разбойников и грабителей. Одна только лампа горела на столе у бакши и лампадка перед образом Будды в углу. Ночная темнота стала сгущаться. Гецюлы почувствовали страх. Мурашки забегали по их спинам. Ночная темнота тяжелым покрывалом стала спускаться на них. Им стало страшно. Они съежились в комочек. Бакша все сосредоточеннее стал читать судур. От сильного духовного напряжения у него по челу горошинками выступил пот. Он с полужакрытыми глазами, неподвижно глядя на судур, читал слова священного трактата. В этот момент он походил больше на бронзовое изваяние Будды.

Около полуночи мужики решили действовать. Темнота окутала все. Огни потухли, только в покаях бакши все еще мерцало. Это было хорошо. Свет мог показывать им путь. Они оставили одного у повозки, и двое пошли к покаям бакши. На полпути один из братьев вдруг повернул обратно. Когда около оставшегося у повозки вынырнула человеческая тень, он бухнул ее дрючком. Тот тихо свалился на землю. Когда он хотел оттянуть человека к стенке конюшни, то узнал в нем своего брата и поднял вой. Третий прибежал. Вдвоем бросили мертвого в повозку и укатили восвояси, в Мартыновку.

Монко-лама облегченно вздохнул и сказал гецюлам, чтобы они шли спать, опасность миновала! Гецюлы рады были и побежали. На следующее утро в Мартыновке хоронили скоропостижно скончавшегося ночью.

После десяти лет служения главой буддийского духовенства донских калмыков, Монко-лама вспомнил о своем менторе, об Очир-ламе, которому шло уже за девятый десяток. Монко-лама решил повидать его и еще при жизни поблагодарить за все то, что тот сделал ему при учении. Он снарядил три повозки с подарками и яствами и послал их вперед под командой одного здорового гелюна.

Расстояние было около двухсот верст. Повозки одолели это в трое суток. В хуруле Ахнудовского аймака была уже приготовлена кибитка для гостей. Повозки подъехали к кибитке и стали разгружать. Возчики таскали ящики, коробки и мешки с повозки и вносили в кибитку. В это время в кибитку вошел старенький гелюн невзрачного вида и стал представлять к возчикам с вопросом: «А где же Монко-гелонг?» Возчикам надо было поспешить. Один из них довольно грубовато отстранил старого гелюна, говоря: «Не мешай нам, нам надо поспешить с разгрузкой!»

В это время в кибитку явился сам Монко-лама и сразу же бросился к ногам старого гелюна и старался головой прикоснуться к его ногам. Возчики ахнули от испуга. Они никак

не ожидали, что знаменитый Очир-лама выглядел таким невзрачным старым гелюном! Им казалось, что такая знаменитость должна была походить на божество и плыть по эфиру в сиянии.

Очир-лама поднял Монко-ламу с земли, облобызал его и повел в свои покои. Монко-лама на своем фазтоне, запряженном тремя золотистыми в яблоках лошадьми, покрыл расстояние до Ахнудовского аймака за сутки. У него был ровистый кучер, который холил этих лошадей, и они в пути неслись птицей.

Сперва отслужили благодарственное богослужение в хуруле всем сонмом местного духовенства с участием приезжих гостей. Потом пошли пить чай и делить подарки. Первую почетную чашку чая подали уважаемому Очир-ламе. Тот принял, отпил церемониально несколько глотков и подал чашку обратно, но он не подал чашку в руки прислуживающего гецюла, а в пространство. Монко-лама это заметил, быстро поднялся с места, благоговейно принял чашку в руки, допил остаток чая и чашку положил себе за пазуху.

На это, говорят, Очир-лама сокрушенно заметил, что буддийская вера у большедербетов пойдет на убыль, а у бузавов она расцветет и большедербетам придется ездить к ним на поклонение! Предвидение Очир-ламы шло к осуществлению. После смерти Очир-ламы в большедербетских хурулах не стало ученых лам, а у донских калмыков буддийская вера стала бурно расцветать. По хурулам донских калмыков начали появляться очень образованные гелюны. Имена таких ученых бакшей, как бакша Шарап Тепкин, бакша Джамнин Умальдинов, бакша Джамцо Абушинов, бакша Нимбушов, бакша Буринов, гремели по всему Сальскому округу среди калмыков.

Монко-лама глубоко внедрился в изучение учения Будды. Он не только прочитал всю буддийскую литературу, собранную в большую энциклопедию под названием «Ганчжур» и «Данчжур», и труды разных буддийских теологов, как

Очир-лама

Зункава и другие, а также прошел курс тарани, заклинаний, и ознакомился с учением йогов. Он своим видом стал походить на Шарбика, одного из блестящих учеников Будды, образ которого часто встречался на буддийских иконописях.

Слава Монко-ламы, как хорошего буддийского иерарха, распространилась во все стороны, достигла даже пределов Монголии и Тибета, но удивительнее всего, весть о Монко-ламе проникла в темные уголки Российского государства, как, например, в захолустья Оренбургской губернии и Уральской и Терской областей, где ютились несчастные осколки калмыцкого народа. Они жили в условиях тяжелого притеснения. Местный поп и провинциальный пристав давили на калмыков, чтобы заставить их перейти в православие. Батюшка ежедневно обходил дома калмыков с вопросом, когда они хотят принять православие. А пристав придирался к ним по мелочам, чтобы заставить их поскорее принять православие. Многие из калмыков сгибались под этим давлением и переходили в православие, а другие, чтобы избавиться от давления, переходили в магометанство. К этим несчастным калмыкам дошла весть о благочестивом Монко-ламе. Они решили послать ходоков, найти этого ламу и просить его принять их под свою защиту. Потом они решили оживить свою веру, установить у себя буддийскую веру надлежащим образом. Для этого им надо было вывести из своей среды одного священника. Вот они решили просить Монко-ламу принять от них мальчиков на обучение.

Когда ходоки оренбургских и уральских калмыков пришли к Монко-ламе с своей просьбой, тот охотно согласился. И в 1910 году в хуруле Денисовской станицы появились около двух десятков мальчиков от уральских и оренбургских калмыков. Они старательно заучивали священные тексты по указанию Монко-ламы. Им надо было тоже восстановить родной язык. Живя в очень стесненных условиях, калмыки из Оренбургской губернии и Уральской области потеряли родной язык и стали говорить на каком-то смешанном на-

речии, словарь которого состоял из смеси татарских, русских и калмыцких слов.

С нами в Германии, в ДП-лагере, жила одна семья оренбургских калмыков, старик со старухой и молодым сыном. Они часто рассказывали, как плохо жилось им в старое время. Один рассказ этого старика произвел на меня тяжелое впечатление. Однажды отец этого старика вернулся домой в сопровождении местного батюшки и пристава, неся в руке икону Иисуса Христа. Он по указанию батюшки повесил икону в красном углу. Старушка вынесла угощение гостям. Батюшка и пристав выпили, поздравили семью с принятием истинного Бога и пожелали им покровительства Иисуса Христа и ушли.

Старик снял икону Иисуса Христа, налепил сзади образ Будды и повесил обратно. Икона днем висела ликом Иисуса наружу, а вечером в темноте оборачивали лик Будды наружу, ставили лампаду в угол, чтобы своим отсветом не выдавал лик Будды прохожим, и тихонько молились своему Богу, беззвучно повторяя слова молитвы на родном языке. Не дай Бог, если кто из прохожих заметит лик Будды и донесет на них батюшке или приставу, тогда не оберешься напастей. Подхалимов было немало и в старые, добрые времена.

Большая работа по духовному развитию и национальному оздоровлению выпала на долю Монко-ламы. Он с большим рвением приступил к работе. Выше было сказано, что он сделал для улучшения образовательного ценза буддийского духовенства донских калмыков. Его большой заслугой является приближение мирян к буддийской церкви и усиление участия мирян в церковно-религиозных делах.

Буддийская вера у донских калмыков стала действительно национальной верой. Чтобы привлечь мирян ближе к буддийской церкви, он положил начало изданию маленьких книжечек с духовно-этическим содержанием, чтобы вселить в широкие массы народа буддийские идеи и мо-

ральные понятия этой веры. В содержании этих книжечек вписывалась такая мысль: человека, хранящего такие книжечки, ожидают духовные благодати. Если он будет читать их вслух другим людям или переписывать и раздавать, тогда духовные благодати возрастут во много раз. Такими простыми словами пропагандировались идеи буддийской веры, моральные понятия и родная письменность в народе.

Вместе с этим у калмыков начало зарождаться национальное сознание: кто мы за люди? Почему мы оказались в таком положении и что надо сделать, чтобы улучшить свое положение? Усилению национального сознания у калмыков способствовали русские монголисты, которые ходили между калмыками и расспрашивали об истории калмыцкого народа, о преданиях и сказаниях и о религиозных понятиях. И невольно у калмыков появлялся интерес к своей истории и к преданиям старины.

Прогрессивно-просветительная деятельность Монко-ламы начала передаваться и к другим калмыцким группам, жившим в Астраханской губернии. Монко-лама был активным деятелем. Он не любил сидеть сложа руки и ждать попутного ветра. Он часто разъезжал по хурулам разных калмыцких групп, чтобы познакомиться с ними и побеседовать с ними о местных проблемах церковно-религиозного порядка, обсудить общие трудности в жизни калмыков разных групп. У него назревала мысль об установлении периодических встреч калмыцких иерархов, чтобы сообщать, обсуждать проблемы своих церквей и групп. Такие совещания, несомненно, оказали бы большое благотворное влияние на всех калмыков, на их культурное и экономическое развитие. Но приход коммунистов к власти в России пресекли работу Монко-ламы.

Коммунистическая идеология не способствует культурному развитию малых, отсталых народов. Наоборот, коммунисты, стараясь поставить их на путь социалистического развития, отводят их в сторону от нормального пути культурно-

го развития. Коммунистическая идеология и их крикливые лозунги не нашли отклика в душе калмыцкого иерарха. Особенно антирелигиозное направление коммунистической идеологии оттолкнуло нашего иерарха. Он охарактеризовал коммунистическую идеологию, как «*тоосон*», пыль, и сказал, что ее можно сбить щелчком указательного пальца – *хомхан тоосон!* Но калмыцкая интеллигенция в большом числе склонилась в сторону коммунистов, надеясь встретить у них сочувствие и поддержку своим национальным aspirations.

Монко-лама не видел и не чувствовал в речах коммунистов ничего благородного, ничего благожелательного к народной массе. Он не нашел в идеологии коммунистов никаких твердых устоев морально-этического порядка, основанных на философских или религиозных взглядах, миропониманиях. Он видел в выступлении комактивистов только крикливые лозунги, сопровождаемые пустыми, демагогическими словоизвержениями с солидной дозой политической галиматии. В его мнении, коммунисты не имели никаких философских принципов, никаких морально-этических принципов и ничего благожелательного к людям. У них преобладали самые отрицательные чувства, как злоба, ненависть, зависть и жадность.

Монко-лама знал, что люди с такими чувствами не могут принести ничего хорошего, кроме убийства, разрушения и разорения. От таких людей нельзя было ожидать ни милости, ни милосердия. Он усмотрел много бедствий от коммунистов, а потому решил благовременно перебраться в лучший мир, чтобы не потерпеть от них унижений и оскорблений в этом мире.

И в 1919 году, в мае месяце – шора модон хонин джил, 15 рабджунга, в морин сарин гучиндо, – овцы деревянной натуры, желтого цвета и женского рода, он почил. Он умер на своей постели, в своем доме, в своем хуруле, в своей станице, среди своих людей. Ему было шестьдесят шесть лет от роду.

Он был все еще в хорошем здоровье. Никто не слышал от него никаких жалоб о каких-либо физических недомоганиях.

В грозные революционные дни калмыки из Денисовской станицы три раза снимались со своих пепелищ. Первый раз они снимались из своих домов летом 1918 года, но не удалились далеко. Перешли только Маныч реку и вернулись по домам. Второй раз ранней весной 1919 года. Им пришлось отойти довольно далеко, до южных просторов Ставропольской губернии. Тоже долго не задерживались. Наша станица была быстро очищена от красных.

После этого возвращения Монко-лама почил. Было высказано предположение, что Монко-лама заразился брюшным тифом, который свирепствовал в то время среди беженцев. Но Монко-лама мало соприкасался с беженцами. Наши люди были твердо уверены в том, что он отошел по своей воле в лучший мир.

Земные останки Монко-ламы были положены в сундук обитый золотом. В течение семи дней читали надгробные молитвы над ним. Погребальными обрядами руководил старейший бакша Шургучи Нимгиров. Он был большим поклонником Монко-ламы, любил и уважал его искренно, и в своем прощальном слове он со слезами на глазах говорил: «Я летами старше тебя. Мне бы лежать в этом гробу, а тебе читать надгробные молитвы надо мной. Но Провидение предусмотрело иначе. Я с болью в моем сердце покоряюсь судьбе. Я верю, тебе уготовлена светлая жизнь в мире послесмертия и райские врата открыты перед тобой! Не забывай оставшихся возле твоей паствы!»

Время было бурным. Война бушевала вокруг. В такое время нельзя было заниматься калмыкам выборами главы духовенства, а потому было решено его должность передать другому бакше. Выбор пал на старейшего бакшу Шургучи Нимгирова из хурула Батлаевской станицы. Не было возможности предавать ритуалу сожжения останков Монко-ламы, а потому предали земле недалеко от его хурула и

поставили временный надгробный памятник из досок с тем, чтобы после умиротворения страстей в стране, поставить ему надлежащий памятник. Но такого времени еще не наступило. Вероятно, оно наступит, когда коммунистическая власть сойдет с лица земли.

С останками Монко-ламы произошел еще один курьезный случай, но это было уже под советской властью, но тем не менее его нельзя никак молча обойти.

В сальских степях первыми коммунистическими приверженцами и горячими их сторонниками стали иногородние, которые жили здесь. Они давно мечтали уравниаться с донскими казаками и получать наравне с ними земельные наделы. Они понадеялись, что коммунисты помогут им осуществить эту мечту. Вот почему иногородние у нас пошли за коммунистами и помогали им захватить власть в Донской области. Из рядов казаков и калмыков были люди, которые склонялись на сторону коммунистов. Это – оппортунисты, искавшие своей выгоды.

Атаман Денисовской станицы, Батюк Тепшинов, тоже склонился в сторону коммунистов и уговаривал своих станичников: «Давайте, станем на сторону большевиков. Их недаром называют большевиками. Их большинство, и русский народ в большинстве поддерживает это движение. Если мы станем на их сторону, нам будет лучше!» За такие слова его сразу же согнали с должности атамана и выбрали атаманом другого.

Тепшинов остался дома. Он был довольно зажиточным человеком. Сразу почувствовал, что зажиточным будет плохо под советской властью, а потому он распродал все свое хозяйство и взял документ, что он бездомный и неимущий и ютится у своей замужней дочери. Когда начали создавать колхозы, жители этих мест сговорились создать колхоз и апроприировать¹ имущество местных зажиточных людей.

¹ Апроприировать (лат. Appropriatio) – приспособлять, применять, усваивать.

У Тепшинова был большой сад, хороший дом и в конюшнях хорошие лошади. Когда колхозное начальство пришло описать его имущество, там его не было, а вышел к ним местный иногородний, новый хозяин. Они его не тронули и ушли, не разжившись ничем у хитрого Тепшинова.

Население Мартыновки первенствовало в коммунизации. Жители ее гурьбой пошли за коммунистами и горой стояли за их дело. Мартыновская молодежь по наущению комиссаров организовала атеистический клуб. Коммунистам не терпелось начать пропагандировать свои антирелигиозные идеи. Члены этого клуба завертелись от одного митинга к другому, от одной демонстрации к другой, от одного осквернения церкви к другому.

На одном из очередных митингов они решили продемонстрировать свои атеистические истины, что в мертвом теле нет ничего святого и сверхестественного, а это только простая материя. Это они хотели показать на останках калмыцкого иерарха, к гробу которого приходило все еще много людей помолиться и поклониться. Они решили выкопать его останки и при народе растащить на куски, чтобы все видели, что в теле этого иерарха нет ничего святого и сверхестественного.

Отец одного из этих недорослей узнал, что готовит атеистическая молодежь из Мартыновки. Он был одним из тех старожилов Мартыновки, который помнил еще, как покойный иерарх калмыков облагодетельствовал пришедших бесштанников. То был Мартын с сыном и братом, пришедший сюда из далекой Костромской губернии. Они остановились в хуторе Денисовской станицы и стали перебиваться половинщиками, беря в аренду землю от калмыков.

Он услышал о тысяче двухстах десятинах земли хурула Денисовской станицы на гулянье. Мартын пошел к настоятелю хурула, молодому Монко-бакше, и попросил его отдать эти земли ему в аренду. Бакша на простое обещание приносить на праздник «Цаган» сто золотых десятирублевков

отдал их Мартыну. Бесштанники быстро обернулись. Они разрослись в три селения – Большая и Малая Мартыновки и село Рубашкино.

Они разбогатели не обработкой земли, а ярмарками. Сперва начали устраивать ярмарку один раз в год. Когда дело начало налаживаться, они довели до трех раз в год. Ярмарка строилась сперва на десяти десятинах земли, а потом, когда разрослась, тогда ярмарка раскинулась на сто с лишним десятин земли. Весть о бойких ярмарках в Мартыновке облетела всю Россию. Купцы потянулись со всех сторон, навезли всякого добра и настроили лавки. Даже сельскохозяйственные машины стали приходить из заграницы.

Купцы народ бесшабашный. Они любят хорошо поесть и выпить. На мартыновских ярмарках спиртное потекло рекой. Постоялые дворы и гостиницы вырастали повсюду. Гармошки горланили целые сутки. Народ заплясал. Где пляска и выпивка, туда сбегаются девки, как мотыльки к огню. Наши бесштанники уже ходили в медвежьих шубах и разъезжали на бойких тройках с ухарским кучером.

Мужик решил не дать надругаться над останками своего благодетеля. Когда свечерело, он вывел кобыленку и с лопатой в руке поскакал в близлежащий калмыцкий хотон, где жил его друг калмык. На стук в окошко вышел хозяин. Он рассказал ему, что готовят атеистические молодцы из Мартыновки. Они решили воспрепятствовать такому святотатству над останками иерарха. Они решили перенести эти останки на другое место. Для двух взрослых людей дело было нетрудным. Местность они знали хорошо. Все дороги им известны. Калмык запряг дрожки. Быстро доехали. Выкопали гроб. Положили на дрожки и отъехали на верст двадцать. Снова закопали. Землю уравниали, чтобы никто не заметил, что здесь кто-то рылся. Не оставили никаких пометок. Им не хотелось, чтобы другие знали, где бакшу зарыли. Потом разъехали по домам.

Наутро мартыновская атеистическая молодежь маршем, под духовую музыку, пришла к гробу калмыцкого иерарха. Молодые люди взялись за лопатки и начали рыть землю. Они рыли широко, радиусом в два аршина, и глубоко в человеческий рост, но останков калмыцкого иерарха они не нашли. Так им пришлось уйти домой ни с чем, не показавши и не доказавши никаких атеистических истин.

Калмыки верят, что сделанное добро не пропадет даром и добро делается в первую очередь для самого себя. Эту истину оправдал мужик из Мартыновки. Калмыки знают имя этого мужика и того калмыка, с которым они перенесли останки калмыцкого иерарха, но не говорят, чтобы не подвергать их потомство опасности. Коммунисты – народ злой. Они не прощают подвохи. Мстительность коммунистов общеизвестна. Если бы они узнали, кто были эти два человека, они не преминули бы отомстить хотя бы на их потомках.

Это является скверной чертой в характере людей, принадлежащих к коммунистическому движению.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БУДДИЙСКОЕ ДУХОВЕНСТВО КАЛМЫКОВ В РАСПЫЛЕНИИ

Это – трагическая страница в истории донских калмыков и их духовенства. Можно даже сказать, что это было трагическим концом всего буддийского духовенства калмыцкого народа под советской властью. Буддийскую веру принесли калмыки с собою из Азии. Когда они появились в просторах Сибири, буддийская вера сидела у них крепкими корнями. Под царской властью калмыки не чувствовали особого давления на себе и на своей вере, хотя миссионеры разных христианских церквей с разрешения царских властей обходили калмыцкие хотоны и докучали им своими проповедями, стараясь привлечь их в свою веру, но никаких принудительных мер не применяли, чтобы заставить калмыков силой принять их веру.

Не то стало под советской властью. Калмыки наравне со всеми другими народами российского государства оказались под ужасным давлением советизационной и антирелигиозной политики коммунистов. Коммунисты не удовлетворились простой пропагандой своей идеологии и своих взглядов, а стараются силой заставить людей усвоить их идеологические установки. Нежелающих принять их точку зрения, они по принципу: «кто не с нами, тот против нас» объявляют врагами и подвергают преследованиям, применяя против них все ресурсы своего государства.

Это было тяжелым ударом по степным народам, которые не привыкли к такому государственному давлению. Это давление пришлось особенно тяжело для калмыцкого духовенства. Комидеология не пришлась им по духу. Калмыки и калмыцкое духовенство не нашли в идеологии коммунистов никаких содержательных принципов, выведенных из философских или религиозных высоких начал, а видели только поверхностные лозунги крикливого характера и демагогические словоизвержения с большой дозой политической галиматии.

Главный иерарх донских калмыков Монко-лама очень метко охарактеризовал идеологию коммунистов, как «хом-хан-тоосон», пыль, которую можно сбить щелчком указательного пальца. Но эта пыль обволокла голову русским людям и одурманила их. Они поддались ей и водворили ее у себя на власти.

Коммунисты с первых дней своей власти в России повели борьбу против всех религий, против всех церквей, против всех церковных организаций, против всех религиозно-церковных служащих и старались смести их со своего пути. Коммунисты первым делом набросились на калмыцкое буддийское духовенство, надеясь быстро покончить с ним. Они рассчитывали, что малочисленное и плохо организованное буддийское духовенство не сможет устоять против массивного давления коммунистов. Они правильно рассчитали, но упустили из виду народную массу.

Возможно, коммунисты с самого начала понимали, что им рядом со свободно действующими церковно-религиозными деятелями и церковно-религиозными организациями не просуществовать долго. Они не в состоянии выдержать свободной конкуренции. Они были бы растерты в порошок и развеяны по ветру. Публика вернулась бы снова в лоно своих церквей. Вот почему коммунисты повели и все еще ведут жестокую борьбу с религиями и церквями.

В этой борьбе они пользуются всеми ресурсами государства, попавшими им в руки в России, также как: законодательные учреждения, полный полицейский аппарат, судебные инстанции, просветительные организации и все средства массового внушения — радио, телевидение, печать и издательства. Коммунисты выправили все эти ресурсы в одном направлении, заставили их работать на осуществление идей и идеалов коммунизма. Заодно они приняли все меры, чтобы у них не могли возникать оппозиционные ячейки, еще меньше укрепнуть им у них под носом!

Коммунисты и коммунистическая идеология вышли из отрицательных взглядов и опираются на отрицательные

черты в характере человека, как например: на невежестве людей, на глупости, на продажности, на подхалимстве, на жадности, на зломыслии, на зависти и на подлости человека.

Коммунисты не признают человека, как особой индивидуальной личности, которая может иметь свое собственное понимание о добре и зле и опираться на свои морально-этические понятия. Коммунисты берут людей вкуче, классами, как класс рабочих, класс крестьян и класс богачей.

Рабочие, крестьяне и неимущие часто оказывались на самой низкой ступени человеческого общества, на дне. Условия их жизни подчас бывали тяжелыми, а потому заслуживающими сострадания, сочувствия, сожаления и помощи. На этом коммунисты построили свою идеологию и свою политику. Они выдвинули идею о преобразовании человеческого общества таким образом, чтобы в нем исчезло деление на богатых и бедных, чтобы не было больше ни бедных, ни богатых, чтобы не стало классовой разницы между имущими и неимущими, между богатыми и бедными, чтобы люди стали равными и пользовались материальными благами в одинаковой степени.

В мире много бедных и неимущих. Они-то и откликнулись на призыв коммунистов «разрушить старый мир и построить новый мир». Какой хороший призыв! Кому не охота удовлетворять свои материальные и духовные потребности без затраты больших физических усилий. Наивные люди поверили в холостые обещания коммунистов. По всему миру, во всех странах света бедные слои населения подключились к комдвижению. Они не видят и не замечают, что случилось с бедными и неимущими, оказавшимися в пределах коммунистической власти. Они обращены в бесправных оброчников, на шею которым влезло новое чудовище, коммунистическая элита!

В своем рвении коммунисты прошли мимо простого факта. Они не заметили простой истины (а может быть, они не хотели замечать ее?), что в нашем мире нет и не может

быть равенства людей. Идея равенства людей в том смысле, что все люди должны пользоваться равным рационом во всем, не выдерживает никакой критики. Эта идея не находит подтверждения в природе, а потому ее следует объявить ненатуральной и противоестественной. Убедиться в этом очень легко. Надо только посмотреть несколько внимательнее, тогда вы увидите расхождение во всем. Люди отличаются по цвету кожи, по росту, по телосложению, по уму, по способностям, по аппетиту... и т.д. А какое расхождение существует в природе, в царствах растений и животных, говорить нечего. Каждая раса, каждая нация, каждый народ, каждое племя, каждая семья вплоть до отдельных своих членов отличается чем-нибудь характерным и своеобразным. Это означает, что Провидение (Бог) хотело, чтобы люди отличались индивидуально друг от друга, а потому можно сказать, что Бог (Провидение) вложил в каждого человека особую «искру Божью»!

В этом состоит значение и смысл индивидуальной ценности каждого человеческого существа в отдельности. Если бы такого различия не было между людьми, тогда получилась бы ерунда. То были бы не люди, а скоты, животные или безличные существа. Провидение (Бог) этого не хотело, а потому наделило каждого человека особой «искрой Божией»! Людям следует это помнить, ценить выше всего и беречь ее, как величайшую драгоценность, и давать возможность развиваться и развернуться каждой личности в полноценного индивидуума. Подумайте, что получилось бы, если бы люди индивидуально не отличались бы между собой. Они бы походили на цыплят от одной наседки.

Это – простые и повседневные факты жизни. Они не бросаются сразу в глаза каждому человеку. Один только Будда взял их на учет, когда он составлял свое учение. Теперь, когда борьба с коммунизмом принимает организованный характер, тогда такие истины могут сыграть решающую роль в разрушении комидеологии и их крикливых лозунгов.

Исходной точкой буддийского учения является полная и цельная индивидуальность человеческой личности. Будда взял человека живущего в настоящее время. Он в своем суждении о человеке исходил не только от внешних, простым глазом видимых факторов, а принял во внимание и скрытые, невидимые для глаза факторы, как например: доля, участь и судьба человека в земном мире. Будда стал на точку зрения, что никто не делал чернокожего черным или белокожего белым, или желтокожего – желтым. Они так родились по повелению Провидения. Это его судьба, это его участь, это его доля родиться черным, белым или желтым.

Только малодушные люди могут плакаться на свою судьбу, на свою участь или на свою долю. По аналогии можно сказать, что никто не делал богатого богатым или бедного – бедным. Они родились такими по повелению Провидения. В буддийской литературе есть маленькая притча, сказанная самим Буддой. В ней фигурирует заячи, творец, но не всемогущий Бог, Творец Неба и Земли, а маленький помощник, который занимается подбором характерных черт для будущего человеческого существа. Вот что говорится в этой притче.

Был один бедняк. Он решил улучшить свою участь и стал работать много, чтобы сделаться богатым. Он работал с раннего утра до позднего вечера, стараясь заработать как можно больше денег. Как он ни бился, у него ничего не выходило. Как только заведутся деньги, выйдет некий повод, и его деньги уплывут от него. То жена, то кто из детей заболел и на их лечение его деньги уйдут. Но он не унывал, а с еще большим рвением бросался работать и бился с восхода и до захода солнца.

Его заячи, видя такое рвение человека, сжалился над ним и решил помочь ему. Он положил сумку с золотыми монетами на дороге, по которой он обычно возвращался домой. Бедняк, подходя к тому месту, где лежала сумка с золотыми монетами, вдруг подумал, что он ходит по этой

дороге так часто, что он сможет пройти по ней даже с закрытыми глазами. И действительно, он закрыл свои глаза и зашагал мимо сумки с золотыми монетами. На это его заячи, говорят, сказал, что если человеку не положено в удел, тогда даже чашка с простой водой ему не достанется. С этими словами он махнул рукой на бедняка и оставил его его судьбе – быть и дальше бедным!

По буддийскому пониманию, люди в нашем мире должны отличаться друг от друга. Нет равенства в судьбе людей, а потому человеческое общество должно состоять из трех звеньев – звено богатых, звено бедных и звено среднего достатка людей. Самым идеальным обществом людей следует считать, когда звено среднего достатка людей было бы самым большим, а звено богатых значительным и звено бедняков незначительным! Эти три звена в человеческом обществе предусмотрены самим Провидением. Судьба людей определяется по заслугам. И каждый человек заслужил свою долю – быть ему бедным в этом мире или богатым. Против этого нельзя ничего сделать. Есть бедняки, судьбою предопределенные, и никакая помощь не сможет поднять его выше! Его судьбу никак нельзя изменить!

Но не будем особенно вдаваться в обсуждение истин учения Будды и неистин комидеологии. Если бы можно было обсуждать с коммунистами в человеческих условиях, тогда давно бы оттеснили их на задворки, разломали бы все их лозунги и разбили бы их идеологические установки. Коммунисты в начале своей власти в России пытались устраивать круговые собеседования с буддийскими ламами в Бурятии, надеясь разбить их научными истинами атеистического учения. Со стороны коммунистов выступали профессора Иркутского университета и атеистические специалисты, пришедшие из комцентра.

Покойный Черик Унков, человек с гавджийским образованием по буддийской вере, рассказывал, как он принимал участие на нескольких таких собеседованиях в числе

бурятских лам. Он был на пути домой, в Донскую область, из Монголии и остановился в Бурятии подкрепить свои силы и отдохнуть у знакомого бурята. Коммунисты начинали забрасывать буддийских лам своими крикливыми лозунгами и донимать их своими демагогическими ораторствами. Коммунисты не слушали никаких возражений, не принимали никаких доводов, не останавливались ни на каких фактах, ни на самоочевидных истинах и гнули упрямую свою линию, стоя твердо до омерзения на своих лозунгах, упираясь на них, как на нерушимые скалы! После бесплодных споров в течение пяти, шести часов они вызывали милицию и разгоняли собрание, а самых упорных оппонентов отдавали в руки чекистов, и в подвалах ГПУ след исчезал от человека.

Коммунисты построили свое миропонимание не на философских или религиозных высоких основах, а ограничились броскими лозунгами и демагогическим ораторством с примесью политической галиматии. Когда их лозунги и ораторство не производят на слушателей впечатления в их духе, тогда они прибегают к более веским доводам – к палкам милиционеров и пулям чекистов. Если эти средства не помогают, тогда они прибегают к танкам Красной Армии, как они это сделали в Венгрии и Чехословакии, теперь это они проводят в Польше. Без таких средств им не выиграть спора и не удержать им власти в руках. Они идут по стопам древних деспотов, которые при проявлении оппозиции к их власти вынимали палаши и старались отрубить голову оппозиционерам. Такую политику коммунисты успешно проводят в пределах своих владений, в коммунистическом мире.

Если принять во внимание, что советские писатели последнего времени стараются в своих произведениях реалистично отразить действительный быт подсоветского населения, тогда можно думать, что в умах широкой массы советского народа идет брожение. У них начинают возникать «проклятые вопросы», которые мучили и мучают умы пере-

довых интеллектуалов испокон веков, как например: в чем смысл жизни людей на земле? Для чего человек живет на белом свете? Где же истина и истинные начала с ее извечным светом справедливости, радости и счастья? А где же правда, за которую мы проливали кровь?... и т. д.

В произведениях советских писателей последнего времени отображается возникновение таких вопросов в умах советских людей с той или иной интенсивностью. Недавно я читал роман «Вечный зов» советского писателя Анатолия Иванова, опубликованный в 1971 году издательством "Советский писатель". Время действия этого романа от 1902 по 1942. Автор постарался отобразить историческую эпоху, когда в России происходили большие сдвиги, как возникновение революционного движения, работа подпольных организаций, борьба красных партизан с белогвардейскими частями, становление советской власти вплоть до второй мировой войны.

Автор показал отражение этих сдвигов на жизни населения сибирского села Михайловки в Шантарском районе Новосибирской области. Роман получился интересным и поучительным. Я хочу остановиться на двух героях из этого романа, на Кружилине (далее К.) и Алейникове (далее А.). К. был командиром партизанского отряда в пору борьбы красных партизан с белогвардейскими частями, а А. — начальником разведки в том же отряде. В пору становления советской власти К. стал секретарем райкома и отдавал все свои силы на благоустройство сельского хозяйства своего района. А. стал чекистом местного ГПУ и гонялся за врагами советской власти.

Сперва они работали дружно, но потом они отчуждались друг от друга, и то по вине А. Он на чекистской службе вошел в азарт и стал загонять людей в тюрьму, не заботясь особенно о виновности или невинности своих жертв. Действия чекиста подрывали программу летних работ в сельском хозяйстве в летнее время, в пору горячих работ по сбору уро-

жая, когда каждый рабочий день и каждые рабочие руки на счету. Полевые работы в летнее время нельзя откладывать. Аресты сельскохозяйственных рабочих вносили перебой в программу полевых работ и срочные работы нельзя было выполнить вовремя. Это взорвало секретаря райкома К. Он в сердцах накричал на А., уподобил его работу работе царской охранки и даже пригрозил притянуть его перед бюро обкома.

Коммунист К. думал, что в Сов. Союзе никто не может быть выше местного бюро обкома и жестоко ошибся. В ответ на это А. нажал на все кнопки по чекистской линии и старым товарищам пришлось спасать коммуниста К. из лап чекиста А. Ко времени второй мировой войны К. оставался все еще секретарем райкома, полный энергии и энтузиазма к своей работе. Чекист А. к этому времени оказался выдохнутым человеком в большом душевном кризисе. Чекистская работа исцедила из него все душевные и физические силы. Им овладела духовная депрессия, выход из которой был только смертью. Он и подумывал о самоубийстве, но не находил достаточной силы воли, чтобы наложить руку на самого себя. Вторая мировая война дала А. возможность перейти на другую линию по той же службе, но без такого давления на его душу.

Волчьи нравы коммунистов, видимо, стали очевидными даже рядовым членам компартии. Так старый коммунист, Федор Савельев из того же романа наотрез отказывается помогать чекисту, говоря: «Шпионить я не буду!» Если к 70-м годам нашего века рядовые коммунисты отказываются подсоблять чекистам, это означает, что у них составилось отрицательное мнение о работе чекистов. Можно даже думать, что у некоторых членов компартии появляется мысль обуздать действия чекистов контролем местного бюро обкома, но пока неудачно.

Конечно, глупо думать, что работа чекистов важнее, чем работа активных членов компартии. Это должно служить

доказательством того, что партия и правительство в Сов. Союзе думают не о благоденствии подопечного населения, а об интересах узкой группы людей, партийной клики, сидящих в руководстве. Для них, действительно, работа чекистов важнее, чем работа какого-то секретаря райкома. Чекисты оберегают их интересы, а не народной массы! А потому надо давать им широчайшие полномочия. Это показывает до самоочевидности, что партия и правительство в Сов. Союзе являются ширмой, за которой прячется клика международных авантюристов, которая думает прежде всего о своих интересах, о сохранении власти в своих руках.

Для такой клики важны не интересы широкой массы народа, а достижение скрытых целей этой клики, осуществление химерических претензий на мировое господство. Русским людям следует понять, что в программе компартии ничего не говорится о благоденствии русского народа, как такового. Вот почему интересы русских затоптаны наравне с интересами всех других народов российских просторов. Русские люди, прислуживающие этой клике, делают это чисто по эгоистическим соображениям, по мотивам личного благополучия. Они за кусок масла предают интересы всех жителей России.

Некоторые советские писатели в своих произведениях выставляют чекистов олицетворением честности, благородства и справедливости. Такие авторы упускают из виду небольшую деталь. Чтобы человеку стать честным, благородным и справедливым, он должен обладать высокоразвитыми понятиями личной морали и этики, основанных на философских или религиозных установках в понимании добра, зла и благоволения к людям. Коммунисты, не взирая на свое положение в партийной иерархии, не имеют ничего своего: ни своих мыслей, ни своих чувств и ни своих желаний, тем меньше моральных устоев, чтобы руководствоваться в своей деятельности. Они наполнены тем, что им вбили в голову по партийной программе. Вот почему они придерживаются

партийных директив слепо и проводят то, что было им поручено.

Советские служащие представляют своего рода попугаев. Они могут повторять только то, что им внушили свыше. В деятельности советских служащих проявляются указания свыше, из центра. Они не могут и не смеют отходить от партийных директив ни на йоту в сторону, еще меньше вплетать что-либо личное. С такими людьми трудно вести переговоры или обсуждать что-либо или просто разговаривать.

Непонимающие натуры коммунистов, не знающие значение директив данных им свыше, могут принимать лживые высказывания за чистую монету и попадать впросак. Это и случается с представителями западных держав. Доверяя лживым заверениям советских представителей, они попадали и продолжают попадать впросак. Советские представители в полученных директивах не могут ничего менять, ни убавлять и ни добавлять. Советские представители напоминают один анекдот из жизни калмыков.

Отец послал своего малоопытного сына на ярмарку продать пару быков. Он наказал сыну, чтобы он ни за что не отдавал своих быков меньше, чем за пять рублей. Сын привел быков на ярмарку и стоит. К нему подходят купцы и спрашивают: «Продаешь, парень, быков?» «Продаю!» «Ну, хорошо. Возьмешь восемь рублей за них?» Тот ответил: «Нет, меньше пяти рублей не дам!» – и не дал своих быков. Нечто подобное чувствуется в словах советских представителей, появляющихся на разных международных переговорах. Советам надо понять, что им обманывать долго не удастся. В нашем мире всему приходит конец, и их конец не за горами.

В морали и этике буддийская вера занимает твердую позицию. Она требует, чтобы принципы морали и этики были общечеловеческими и применялись ко всем людям в одинаковой степени. К примеру, возьмите заповедь «Не убий!» Человек, принявший такую заповедь, должен в своей жизни воздерживаться и избегать убийства. Здесь не должно быть

никакого деления на наших и на ваших в том смысле, что «наших» нельзя убивать, а «ваших» можно и надо убивать!

Такое толкование моральных и этических принципов считается половинчатым, неполноценным и буддийская вера отвергает его полностью. Наша вера требует применение принципов морали и этики без всяких оговорок или привесков, а прямо и честно. Они должны применяться в универсальном масштабе и в общечеловеческих размерах. Благородные принципы морали и этики должны возбуждать в людях любой расы чувства благоволения и уважения ко всем людям в одинаковой степени. Никому не разрешается перегибать принципы морали и этики на свой лад, в своих интересах, еще меньше в интересах эгоистических желаний отдельных лиц.

В отношении принципов морали и этики буддийская вера указывает еще на одну деталь. Она советует каждому человеку, прежде чем принять некий моральный принцип, сперва обдумать и обследовать его своим умом и своими чувствами со всех сторон. После такого зрелого разбора принимать, а принявши, уже крепко придерживаться его в своей жизни. Вы должны знать, что этот принцип принимаете вы, а никто другой, и вам придется отвечать перед своей совестью и перед Провидением, когда вы предстанете перед ним после своей смерти. Так, принявший человек будет исповедовать эту заповедь по совести и по убеждению и исполнять ее в жизни твердо и неуклонно.

Вера такого человека будет твердой и непоколебимой. Для такого человека не потребуются никакие законы ни религиозно-церковного или общественно-государственного порядка. Буддийская вера не рекомендует людям принимать принципы морали и этики по рекомендации других людей, даже очень авторитетных личностей.

Примером такой практики могут служить члены «Санга общества». Оно было основано еще при жизни самого Будды. Его ученики решили основать общество, члены которого

вели бы свою жизнь по заветам учения Будды. Они обратились за одобрением к учителю. Тот одобрил, но потребовал, чтобы двери в это общество были всегда открытыми и чтобы члены могли свободно в него входить или из него выходить без всяких препятствий. Никто не имеет права предъявлять им никаких требований или претензий. Либеральней этого нельзя быть. В нашем понимании, все общества должны быть такими либеральными.

Коммунистическое общество является прямой противоположностью к «Обществу Санга». В том обществе двери открываются только в одну сторону – вовнутрь. Туда можно войти, но выйти – нет. Это, по пониманию буддийской веры, является непозволительной, неправильной и недопустимой вещью. Почему люди, вступившие в компартию, не могут изменить своего отношения к целям этой партии и выйти? Почему несогласные с идеологией компартии объявляются вне закона, преследуются и подвергаются всевозможным лишениям? Что это значит? Коммунисты и их идеология объявлены непогрешимыми? Что, они стали божествами, что нельзя с ними не соглашаться и критиковать их установки? Вот нашлись святые и непогрешимые в наш век просвещения? Что, они считают себя умнее других людей? Чем они умнее? Тем, что захватили власть в руки и могут делать все на свой лад?

Если коммунисты требуют свободного существования своих приспешников в свободном мире, так почему же нельзя потребовать от них позволения на основании приверженцев свободного мира в пределах коммунистов?

Вернемся к донским калмыкам. До середины XIX века буддийское население России жило без особого давления. Но вот в 1853 году вышел царский указ об ограничении числа дацанов (хурулов) и числа гелюнов у бурят в Сибири. Трудно теперь с позиции эмигранта выяснять, что было причиной такого указа и почему именно у бурят начали ограничение дацанов и буддийских священников? Принцип этого

указа был потом перенесен к калмыкам из Астраханской губернии. Еще позднее его перенесли и к донским калмыкам.

Бакша Дамбо Ульянов говорит, что в 1880 году вышло распоряжение от областного правления о закрытии четырех хурулов у донских калмыков. Исполнение этого распоряжения было осуществлено по истечении шестнадцати лет. В 1896 г. отряд жандармерии пришел в сальские степи и закрыл и запечатал хурулы в четырех калмыцких станицах и тем поставил население этих станиц в затруднение. Людям приходилось ездить в хурулы других станиц, отстоящие от них на двадцать, тридцать верст.

Недавно избранному новому главе буддийского духовенства донских калмыков, б-л.д.к., Монко-ламе пришлось ехать в Москву и там обходить ряд канцелярий в Министерствах Внутренних Дел и Просвещения. Одной поездкой нельзя было добиться разрешения. Ему пришлось ездить в Москву несколько раз. Его дело обернулось к лучшему, когда он поднес подарок тогдашнему (1904) Министру Внутренних Дел поднос большого размера из чистого золота! Ему позволили иметь по одному хурулу в каждой калмыцкой станице со штатом служащих в двенадцать человек в каждом хуруле — четыре гелюна, четыре гецюла и четыре манджика. И как особую милость для Монко-ламы, было позволено иметь еще один дополнительный штат гелюнов при особе бакши-ламы донских калмыков. Итак, Монко-лама получил в Москве от Министерства Внутренних Дел разрешение содержать тринадцать хурулов и четырнадцать штатов служащих (168 гелюнов).

Монко-лама их распределил следующим образом. Он поставил в каждом хуруле по десять штатных, рядовых гелюнов. Ими управлял настоятель хурула в сане бакши. В управлении ему помогал гелюн в сане гевгью. Каждый хурул должен был позаботиться о подготовке новой генерации гелюнов. Это открыло двери к появлению учащихся в наших хурулах.

Начинающий учение назывался манджик. Он был лет десяти. Его учение продолжалось четыре-пять лет. Учение состояло в заучивании наизусть священных трактатов по указанию своего наставника. Потом он сдавал экзамен. Экзамен состоял в реситации того абзаца из священных трактатов, о котором спрашивал экзаменатор. Первые годы своего учения манджик проводил в вызубривании ряда священных трактатов полностью. Это было примитивным способом изучения, но успешным.

После экзамена он переводился в старший класс. Теперь он назывался гецюл. Его учение продолжалось тоже четыре-пять лет. Здесь он не только продолжал заучивать наизусть священные трактаты, а должен был уже понимать то, что он изучает. Он должен был не только понимать то, что он изучает, но и объяснить это на родном языке. По окончании этого курса он снова сдавал экзамен. Экзамен был тяжелым. Он должен был не только в ответ на вопросы экзаменатора реситировать соответствующие пассажи из священных трактатов на тибетском языке, а должен был разъяснять на родном языке смысл и значение того, что реситирует. После окончания экзаменов, он провозглашался уже полноправным буддийским гелюном и мог занять штатное место в одном из хурулов по калмыцким станицам.

В наших хурулах были сверхштатные гелюны. Это пожилые гелюны, отказавшиеся от своих штатных мест. Они доживали свой век в знакомой среде.

Такова была идиллическая жизнь донских калмыков и их духовенства. Все были довольны, никто ничего ни от кого не требовал, а каждый занимался своими делами. Кто обрабатывал землю, кто выращивал овец и продавал шерсть, а кто выводил лошадей и сдавал приемной комиссии по сотне и больше лошадей, получая деньги в золотых десятирублевках за своих лошадей и, позвякивая монетами в карманах, они возвращались домой в свои станицы.

В 1914 году началась первая мировая война. Она перевернула мирную жизнь донских калмыков вверх тормашками. Мобилизация увела все молодое поколение калмыков. Забрали всех призывников и военнообязанных в первую очередь, а потом забрали и резервистов первого призыва. Таким образом калмыки лишились всех молодых хозяев и рабочих. Калмыцкие хозяйства осиротели и опустели. И калмыцкие новобранцы горько запели:

В четырнадцатом году
началась война с Австрией.
Мне пришлось оставить свое хозяйство,
своих родителей, свою жену и детей

Война сразу же начала брать жертв от донских калмыков – убитыми, ранеными и искалеченными. У донских калмыков со второго года войны начались перебои в сельском хозяйстве. Отсутствие хозяина и работника начало сказываться. Женщины и старики не были в состоянии управиться с сельскими работами. Посевные площади стали падать. Некому было выполнять полевые работы, некому было присматривать за домашним скотом. Нужда замаячила в дверях многих сельских семейств. Урожай уменьшился.

В 1917 году раздались первые раскаты революционной бури. Отречение царя от престола, стачки рабочих по фабрикам, приход временного правительства к власти и агитационные выступления революционеров разной масти начали сбивать с толку мирно живущих калмыков. Простодушные калмыки не знали, куда им склонить голову, к кому им повернуть и за кем им последовать! Собственно говоря, калмыкам было не важно, кто сидит в Москве и управляет государством, царь-батюшка или кто другой, лишь бы в стране было мирно и спокойно, чтобы люди могли тоже жить мирно и спокойно, предаваясь своим маленьким заботам – об урожае, о скоте, об овцах и лошадях и как вспахать весной свою землю.

Скромному желанию калмыков не было суждено осуществиться. Вся Россия, все население России было вовлечено в революционный угар. Появилось много агитаторов, которые ходили по городам, по селам и деревням обещая горы благоденствия! Калмыцкие агитаторы вознеслись в небеса и стали обещать семеро солнечных светил на небе, когда коммунисты придут к власти!

Калмыцкая интеллигенция пошла было на сторону коммунистов, думая, что они отнесутся к национальным aspirations малых народов более благосклонно, но потом многие из них отошли. Красные сами оттолкнули от себя калмыков. Комиссары стали ходить по калмыцким хотонам и без суда и следствия расстреливать ни в чем не повинных стариков, пользующихся уважением в хотоне. Этим они оттолкнули от себя калмыков. Все калмыки бежали и пристали к белому движению. Они в действии комиссаров увидели беззаконие, бесцеремонность, беспощадность и бессердечное отношение к простым людям. Вот почему калмыки приняли участие в борьбе с красными двумя полками на стороне белых: 80-ым Донским Зюнгарским и 3-им Донским Калмыцким полками.

Калмыцкие полки оказались под командой русских и казачьих офицеров. Они не проявили ни малейшего желания хоть немного узнать калмыков и понять их побуждения стать борцами против красных. Многие из калмыков плохо владели русским языком. Обращение русских офицеров было малодружеским. Они в калмыках не видели людей, а только пушечное мясо и повели их из огня в огонь, из сражения в сражение. Штабные офицеры в условиях полевых действий оказались плохими командирами и по их вине калмыцкие полки несли ненужные потери в людях и боеприпасах. Это деморализовало калмыцких бойцов.

На стороне красных против штабных офицеров стояли простые вояки, как Ворошилов, Буденный, Городовиков и другие, вышедшие из гущи народа. Они не смотрели на

карты, а шли по нюху. Они выросли в южнорусских степях и ориентировались без компаса и без карт. Они с крестьянским населением разговаривали одним языком. Они понимали чаяния народа. Эти же чаяния народа воодушевляли их к борьбе против белых. Этого не было у белого движения.

Руководство белого движения не сумело понять чаяния народной массы, видимо, даже не старалось вникнуть в их чаяния, привлечь народ, крестьянское население России на свою сторону. Крестьяне не пошли сразу за коммунистами. Много крестьян ожидало, какое слово выйдет от белых. Белые не сумели найти этого магического слова, которое бы привлекло крестьянское население на сторону белых! Они даже не подумали об этом, рассчитывая, что привычные повиноваться крестьяне слепо пойдут за белогвардейцами. Крестьянам старые порядки осточертели, и им хотелось испробовать нечто новое. Этого-то «нового» руководители белого движения им не показали. Этим они проиграли сражение за старую Россию.

Два калмыцких полка потерялись в множестве полков русских и казаков. Что могло означать тысяча калмыцких шашек в толпе сотни тысяч русских и казаков? Ничего. Они не жалели смерти калмыков. Вот почему они держали калмыцкие полки всегда в огне, в самых опасных фронтах без поддержки и помощи и даже оставляли их на произвол судьбы, как, например, 3-й Донской Калмыцкий полк в воронежских степях оказался в окружении красных полчищ. Никто не пришел ему на помощь. Только отчаянный налет 80-го Зюнгарского полка спас крохи от 3-го Калмыцкого полка. Грудами лежали тела молодых калмыцких воинов, зарубленных красногвардейцами, в открытой степи под жаркими лучами летнего солнца!

Калмыки здесь узнали, что они были и будут чужими для донских казаков, тем паче для русских. Калмыки воевали против красных по убеждению и дрались стойко и жертвенно. Этого нельзя было сказать о русских и казаках. Они

часто оглядывались назад, думая, что народ, может, прав, изгоняя старорежимных людей. 80-й Зюнгарский полк не раз бросался на подмогу казачьим полкам, попавшим в беду в бою с красными, но казачьи полки не спешили помочь калмыцкому полку. На подступах к городу Новороссийск 3-й Калмыцкий полк был оставлен на съедение красным ордам. Командир этого полка, донской казак, полковник Безуглов, бросил свой полк и убежал, ничего не сказав своим воинам!

Воин этого полка, Хардай Эльзетинов, стоявший в пулеметной ячейке, как цыпленок, попал в окружение красных. Один красноармеец подскочил и, говоря: «Дай, я зарублю этого косоглазого», – ударил его шашкой по голове. Он упал, заливаясь кровью. Вечерняя свежесть привела его в себя. Он был на земле и весь в крови. Думая, что лучше смерть, чем лежать так полумертвым, он вскочил, думая привлечь внимание рыскающих красноармейцев, чтобы дать им докончить себя, но почувствовал еще много сил в своих жилах, и лег обратно.

Он пролежал до ночи, а потом на людские голоса прополз с десяток верст, пролез под колючей проволокой и смешался в толпе беженцев. Двое ему помогли, и он выжил. У него на голове осталась память от шашечного удара, шрам. Показывая белую полосу шрама на своей голове, он говорил: «Смотри, калмыцкая башка выдержала шашечный удар!» Из своего горького опыта он говорил: «Если калмыкам идти на войну, тогда надо смешиваться с казаками или русскими, а не идти своими полками. Тогда потери наши будут равными. Напрасных потерь не будет у калмыков. Мы будем выживать или умирать вместе с ними. Смерти наших не будет так жалко, как это было, когда целый полк молодых калмыков был зарублен».

В 1920 году не стало старой России. Коммунисты захватили власть в руки, разрушили старые порядки и стали устанавливать свои законы и свои порядки. Название Донской области сразу же отменили. Ее называли Ростовской обла-

стью. Население ее стало русским. Казакам нельзя было кичиться, как раньше, выпятивши грудь колесом, потряхивая чубами. Им надо было вести себя тише воды и ниже травы. Они отошли в задние ряды и попрятались за спины инородных. Калмыкам этого нельзя было делать. Калмыцкая ряшка была видна за версту. С нею не спрячешься за чужими спинами. То ли на их счастье, то ли на их несчастье Ленин сдержал свое слово. Он распорядился выделить особую область калмыкам. Она была составлена частями Астраханской и Ставропольской губерний, заселенные калмыками.

Донские калмыки желали ввести Сальский округ в Калмыкию, но советский маршал Буденный воспротивился. Он не желал отдавать место своего рождения калмыкам. Он родился в Платовской станице Сальского округа. Потом он всю жизнь баллотировался в одном из районов Калмыкии. Его сердце лежало к калмыкам. Донские калмыки подумали, что переселением в Калмыкию им, может быть, удастся нивелироваться с соплеменниками и стушеваться в общей массе. С такими мыслями значительное число донских калмыков переселилось в Калмыкию.

Но Калмыкия оказалась калмыцкой только по названию, а по населению смешанной. Несколько больших сел, населенных русскими и лежащих в лучшей, плодородной полосе, были изъяты из управления Калмыкии, но потом их вернули обратно. Администрация Астраханской области очень осложнилась. Трудно было держать связь с селами, отстоящими за триста верст. Управление Калмыкии было сперва поручено самим калмыкам, но русские, причисленные к Калмыкии, стали забирать ключевые позиции в управлении и оттеснять калмыков.

Для калмыков война кончилась с победой коммунистов. Они приготовились устраивать свою жизнь согласно распоряжениям новых господ, коммунистов. Они думали, что Ленин вместе с национальной областью дал широкий мандат на автономию, и бросились регулировать жизнь населения

на новых началах, организовывать управление, определять учреждения в своей области и по районам и устанавливать связь с районными, областными и центральными органами.

Калмыки не думали о программе компартии, но зато компартия подумала о калмыках. В ее программе не было ничего сказано о благоденствии маленького калмыцкого народа, но зато там стояли пункты не только общегосударственного, а даже международного масштаба. Коммунисты начали приступать к осуществлению программы своей партии. В этом процессе они затоптали интересы не только маленького калмыцкого народа, а всех народов, включая и русский. И с 1929 года началась сумасшедшая свистопляска. Из Москвы посыпались указы за указами. То очистить от белогвардейцев. То кончать раскулачивание населения. То изолировать культслужителей. То поспешить с колхозами и совхозами в области.

Коммунисты не дали калмыкам консолидировать жизнь своего населения, как заставили их завертеться на своей оси. Полицейский аппарат был задержан в руках русских, коммунистических приспешников. Они завербовали много калмыков в сексоты и приказали им подавать доносы на десяток людей в месяц, иначе их самих сошлют в Сибирь. Такая угроза заставила калмыков застрочить доносы даже на родного брата. Ведь своя шкура дороже всего на свете. Калмыки застрочили доносы. Комиссары от удовольствия потирали руки. Они и рассчитывали на простодушную глупость калмыков. По доносу хватали калмыков и вталкивали в поезд, идущий в Сибирь. Чекисты так и говорили калмыкам, вталкивая их в поезд, идущий в Сибирь: «Извини, браток, не моя вина! Вот доносик от вашего же брата, калмыка, не смею скрыть его, а должен поступить по закону!» Хлопал дружески по плечу калмыка и вталкивал в поезд, везущий арестованных в Сибирь.

Тридцатые годы были самыми ужасными годами в Калмыкии. Люди озверели. Калмыки обратились в диких зве-

рей, готовые растерзать кого угодно, лишь бы сохранить свою шкуру. Это те самые калмыки, о которых столетием раньше Броневской написал: «Они (калмыки) теперь могут считаться самыми ленивыми, но самым счастливым народом на земном шаре, и при этом мирными, послушными и полезнейшими (кроме казанских татар) подданными Империи Российской».

Вот один из многих случаев, разыгравшихся в эти ужасные годы среди калмыков в Калмыкии. На одном из бесчисленных митингов, происходивших в те дни, один калмык при встрече другого, знакомого калмыка сказал: «А, кулацкого птенца растишь дома!» Тот побледнел от испуга. Без памяти прибежал домой, оседлал коня, посадил своего племянника, мальчика лет семи, и поскакал. Мальчик жалобно спрашивал своего дядю: «Куда ты меня везешь так спешно?» Тот молча прискакал к реке Манычу и своими руками утопил своего племянника в реке! Его брат был отправлен в Сибирь как кулак. Жена его брата последовала за мужем, оставивши своего ребенка у него. Вот люди нашлись, которые начали попрекать им его. Не дай Бог, если кто напишет донос на него. С ребенком в доме ему не миновать Сибири, а без улики он надеялся отбиться от доноса. Вот он и утопил улику в Маныче. Какое зверство!

Вот вам пример нравов подсоветского населения. Коммунистическая идеология и советские порядки направлены на ожесточение нравов людей. Просто трудно поверить в такую нечеловеческую жестокость в характере человека, и то в характере богобоязливого и скромного калмыка. Какая разительная перемена произошла в натуре человека под влиянием советских порядков.

Советы бахвалятся, что они ликвидировали безграмотность, что подняли культурный уровень населения высоко и что своим гражданам дали образование, сознание и понимание, но конечный результат получился отрицательным. В Совдепии люди огрубели, очерствели и озверели. У них,

у советских людей, нет понимания добра, гуманности и человеколюбия. Они обратились в диких зверей и волками смотрят друг на друга. У них нет таких человеческих чувств, как доверие и доброжелание, даже между членами одной семьи: родители боятся своих детей! Что поделаете, среди волков жить, значит надо по-волчьи выть! Просто язык не поворачивается говорить о зверских поступках, совершенных и совершаемых советскими людьми.

Калмыцкая голытьба по наущению комиссаров стала кричать по улицам и на митингах, что пора кончать с культ-служителями, с попами и хурулами. Аймачному начальству, состоявшему из калмыков, нельзя было молчать. Промолчи они немного дольше, чекисты бы явились к ним и пристали бы с допросами, почему да отчего. Хорошо, если дело кончится одной головомойкой, а может обернуться в несчастье: в прогулку по снежным буграм Сибири! Они хорошо понимали, кто скрывается за спинами голодранцев. Просто из шкурных интересов пришлось им созывать митинг местного населения, выдвигать вопрос о хуруле и буддийских гелюнах.

На митингах под крики голодранцев принимались резолюции о закрытии местного хурула, о запрещении деятельности гелюнов, о запрещении им производить молебствия или обряды или какие другие ритуалы, как в хуруле, так и в частных домах, и о запрещении гелюнам общаться с «советскими гражданами», даже если этот гражданин оказывался родным братом гелюна.

Буддийскому духовенству калмыков пришлось плохо. Они были объявлены «классово-чуждыми элементами» среди советских граждан. Они были лишены жилплощади, положения и привилегий объявлены «чуждыми элементами» и подлежали преследованию по пролетарским законам советской власти. Молодым калмыцким гелюнам пришлось приспособляться. Они сняли свои духовные одеяния, одели цивильные одежды, обзавелись семьей и подыскивали себе

работенку по ближайшим колхозам и совхозам. Благо в те времена пастухом было легко устроиться.

Голодранцы полезли на высокие должности. Один такой голодранец был поставлен начальником колхоза. Ему дали в секретари бывшего учителя. Он чуть что, благим матом кричал на своего секретаря: «Пиши правильно. Не напишешь правильно, сошлю тебя в Сибирь развешивать мокрое белье на морозе! Ты же ведь интеллигент, чуждый элемент, вредитель!» Пожилым нашим гелюнам было очень плохо. Они не могли менять свой привычный образ жизни и решили принять все испытания, ниспосланные им в жизни.

Их собрали в одно место, изолировали от калмыцкого населения и поставили под наблюдение сексотов. Сексоты бегали по следам гелюнов, подсматривали, куда они идут, с кем встречаются, как долго длилась беседа, и потом доносили чекистам. Те вызывали гелюна и того мирянина, с которым он встречался и мучили их долгими, нудными допросами.

В 1935 году советские власти решили покончить с буддийским духовенством калмыцкого народа. Они забрали последние остатки калмыцкого духовенства, человек пятнадцать, посадили в тюрьму в Царицыне, судили их заочно, присудили им пять лет работы в ИТ лагере и отправили их этапом в Сибирь.

У меня есть копия со «Справки», выданной управлением ИТЛ¹ и ИТК² НКВД г. Новосибирска калмыку Цюриму Санжееву, осужденному Особ. Совещ. при НКВД СССР на пять лет по ст. ст. КРД³ и освобожденному 26 декабря 1940 года. Это – Шара эмчи. Он выбрался из Сов. Союза вместе с второй волной русской эмиграции в 1942 году, попал в ДП-лагерь в

¹ ИТЛ – Исправительно-трудовой лагерь.

² ИТК – исправительно-трудовая колония.

³ Статьи 581, 581а–581г и 582–5814 Уголовного кодекса РСФСР (1922 г., 1926 г. и более поздних редакциях) устанавливали ответственность за контрреволюционную деятельность.

Германии со своими земляками, астраханскими калмыками, и в 1951 году приехал вместе с ними в Америку. Он поселился со своими земляками, возглавил молитвенный дом и руководил их духовной жизнью в старом, традиционном духе. Он был в пожилых годах, около шестидесяти лет, но все же ему удалось с десяток лет прожить в хороших условиях, не боясь, что раздастся стук в дверь и в дверной щели появится зловещая фигура чекиста.

Сибирская ссылка ему не прошла даром. Здоровье было подорвано. И в 1965 году он почил в возрасте семидесяти лет. По его личному пожеланию, его земные останки были преданы сожжению. Пепел был потом развеян над большими водами. Останься он в Сов. Союзе, никто бы не совершал ритуала сожжения его земных останков, не читали бы столько надгробных молитв, а похоронили бы его где-нибудь в степи, и лежал бы он без пометок, незаметный.

Осенью 1919 года началось отступление белых армий с Дона. С ними калмыцкое население Сальского округа Донской области почти поголовно бежало. Они потянулись в направлении Кубани, Кавказских гор и Таманского полуострова. Беженский путь калмыков был тяжелым, особенно в пределах Кубанской области. Там калмыкам пришлось идти по бездорожью, по лесистым местам, по горам и самым тяжелым местом перехода были болотистые места. По кубанским болотам недалеко от Екатеринодара было трудно перетаскивать подводы тремя парами быков. Там застряло много калмыков, и были они настигнуты красными ордами, которые шли по нашим следам. Часты были такие случаи с беженцами.

Белое движение не имело единого руководителя. Генералы соперничали, враждовали между собой, подкапывались один под другого и даже саботировали и не выполняли приказы начальства. Вместо того, чтобы поддержать инициативу донского атамана ген. П. Краснова выделить донское казачество в особое государство, русские генералы увидели

в этом разделение России и свергли его. Казачьи полки получали приказы с двух сторон, от казачьего начальства и от Штаба Добармии. Они не знали, кому отдать предпочтение и выполнить приказ. Этим белые проиграли войну за старую Россию и не смогли отстоять ни пяди русской земли. Им даже не удалось удержаться в Крыму.

В 1920 г. красные ворвались в Крым. И белым воинам пришлось отойти за границу. Они отступили в чужие страны. Беженцы последовали за войсками. Русские воины и беженцы наводнили страны Западной Европы. Большими группами они осели в Болгарии, в Югославии, в Чехословакии и во Франции. Югославия приняла русских лучше всех. Франция отозвалась на несчастье русских и открыла двери своих фабрик.

Калмыки держались хвоста русской эмиграции. Куда шли русские, туда и калмыки. Надежды и чаяния русской эмиграции передавались и им. В первое время русская эмиграция жила мыслями о скором возвращении на родину. Ей казалось, что богоборческий народ не стерпит долго власти безбожных коммунистов. Народ скоро сбросит коммунистов с власти и откроет двери для возвращения эмигрантов на родину.

Вероятно, потехи ради стали пускать пустые слухи, будто бы какой-то генерал получил деньги от союзников и готовит армию, чтобы ворваться в Россию. Эмигрантам казалось, что появившись русская армия со всеми своими старыми регалиями на русской границе, как советская власть распадется и русский народ с распростертыми руками примет их! Если такой слух появлялся весной, тогда нашествие должно было произойти осенью или в обратном порядке. Так русские эмигранты жили пустыми надеждами на возвращение домой с весны до осени, с осени до весны. Калмыки подхватывали эти слухи от русских, весело передавали друг другу и по-детски верили в такую возможность.

Советское руководство, вероятно, было в курсе всего, что говорилось среди эмигрантов. Возможно, они помогали

возникновению таких слухов, но все же опасались, чтобы какой-нибудь сорвиголова из эмигрантских офицеров не раздобыл средства, не собрал людей и не пошел в нашествие. От этого, конечно, не вышло бы ничего путного, но все же могло наделать много шума, расстроить советов и доставить советской власти много неприятностей. Чего доброго, могли подтолкнуть народ к восстаниям внутри страны. Вот почему советы повели зоркое наблюдение за руководителями русской эмиграции.

Единственной серьезной организацией русских эмигрантов был Общевоинский союз, возглавляемый видными русскими генералами. Он был в Париже, во Франции, и сделался русским центром. Здесь собралась вся элита русской эмиграции, цвет русского высшего общества и высшие чины воинских кругов. Во главе этого союза стал самый известный и боевой фронтовик, ген. Кутепов. Вокруг него собирались все видные офицеры белого движения.

Советы направили в Париж своих самых способных агентов, чтобы вести наблюдение за руководителями русской эмиграции и узнавать, что они думают и какие планы разрабатывают, что они намерены предпринять! Советы решили обезвредить русскую эмиграцию. Они прибегли к двум простым мерам – разрежению и обезглавлению эмиграции. Чтобы разредить ряды русской эмиграции, советы объявили амнистию, а потом убрать руководителей эмиграции, которые могут стать опасными для советов.

В 1923 году советы объявили амнистию белым воинам и офицерам полное прощение, если они вернутся на родину. Белые воины в большинстве вышли одинокими, их семьи остались на родине. Их брала тоска по семье, по родным и по своим людям. Обещание советов полного прощения привлекло русских эмигрантов. Многие откликнулись на советскую амнистию. И в 1924 году по амнистии много эмигрантов возвратилось на родину, у меня нет сведений, что случилось с этими возвращенцами, но я знаю судьбу моего

дяди, который по амнистии вернулся домой в тот год. Он не мог долго прожить в одном месте. Сексоты вели охоту на него. Им надо было выполнить задание. Возвращенец был самой легкой добычей.

По совету своих доброжелателей, ему приходилось менять свою квартиру, даже по два раза в ночь, переходить с одной квартиры на другую. Он успешно бегал и исколесил весь юг России, от Астрахани на востоке до Киева на западе, от Воронежа на севере, до Кавказских гор на юге. Он не мог оставаться долго на одном месте. Сексоты чужли в нем легкую добычу и подкатывались к нему. Только на Кубани ему удалось прожить год с лишним в одном месте. Его брала тоска и тянуло к родным местам.

В 1938 году он дал знать зятю, что хочет вернуться в родные места. Он не знал, что его зять был завербован в сексоты. Ему было приказано подать имена трех людей. У него были два кандидата, а третьего не хватало. Вот тесть и подвернулся. Моему дяде было в это время около шестидесяти лет. Дочь, видимо, не знала тоже ничего об опасности, иначе она бы оповестила своего отца, дала бы знать, чтобы он не ночевал у них, а пошел бы спать в другое место. Зять сунул имя своего тестя. Моего дядю забрали той же ночью, когда он вернулся домой. Его жена почти на следующее утро была в дверях тюрьмы в Новочеркасске. Ей выдали одежду мужа. Это означало, что он был той же ночью расстрелян.

38-й год был страшным годом. Чекистские наганы работали сверхурочные часы. Они расстреливали людей пачками. В связи с этим была высказана мысль, что советы знали о надвигающейся войне на три года раньше и рассчитали свои ряды от врагов, от чужих элементов, чтобы они не оказывались провокаторами в военное время. Это чушь, потому что начало войны показало, как плохо советы были подготовлены к войне. Если бы они знали о надвигающейся войне, тогда они бы позаботились лучше об армии, обули бы, одели бы ее и снабдили бы боеприпасами в достатке. Командный состав армии был плох.

Снабжение фронта никудышним. Неудивительно, что советские войска откатывались в первое время войны перед немецкими железными когортами верстами или сдавались без боя полками и армиями. Как могли советские солдаты воевать с немцами, когда им для боя давали только пять патронов, а потом часто посылали их босыми и в одних гимнастерках. Не будь обильной помощи союзников, особенно американской помощи, советы не выдержали бы войны с немцами и одного года.

Американцы и англичане засыпали советских фронтовиков продуктами, обмундированием и боеприпасами и оружием новейшего типа. Не будь идиотской идеи немецкого командования, что они в русских встретили «унтерменш»-ов, людей низшего качества, не помогли бы ни помощь союзников, ни крики коммунистических политруков по советским армейским частям! Обильная провизия и плохое обращение немцев с советскими военнопленными помогло изменить дух советских солдат. Они ринулись в бой и возможную победу немцев обернули в жесточайшее поражение.

В 1925 году на советскую удочку, на амнистию попался князь Данзан Тундатов, глава Малодербетского улуса. Он со своей семьей проживал в Париже, где обреталась вся элита русской эмиграции. Здесь были все бывшие начальники белой армии и цвет российского высшего класса, князья и дворяне.

Париж был центром русской эмиграции. Советы направили сюда все свое внимание. Советский полпред организовал в Париже центр советского шпионажа. Они установили слежку за каждым активным деятелем эмиграции. Советам было важно знать все планы и мысли руководителей эмиграции. Из рядов русских офицеров они завербовали себе агентов. Полпред руководил программой амнистии и отправкой возвращающихся на родину. Он устраивал частые доклады по вопросам амнистии, отвечал на запросы и вел дружеские беседы с эмигрантами. Много эмигрантов приходило в советское полпредство, чтобы услышать разъясне-

ния по амнистии, толкование тех или иных пунктов в амнистии и другие информации.

Кто-то затащил простодушного калмыцкого князя в советское полпредство на доклад. Полпред воспользовался этим и наговорил ему с три короба, что, мол, «князь – самый нужный человек своему народу. Калмыки получили свою автономную область и нуждаются в человеке, который возглавил бы их и руководил бы организацией административных учреждений. Князь, вам прямой смысл возвращаться домой. Вы можете возглавить свой народ и управлять всею национальной областью. Вас ожидает славная будущность! Поезжайте, князь, не раздумывайте долго и не теряйте даром время. Вы нужный человек для своего народа, для своей области и для советского отечества. Амнистия гарантирует вам полное прощение! Вам нечего бояться. Поезжайте, князь, на родину!»

Князь Тундутов развесил уши. Он поверил лживым заверениям советского полпреда, согласился вернуться на родину и сделал роковую ошибку. Его приняли на Лубянке. Чекисты не хотели прямо сказать князю, что, мол, мы обдурили тебя, а сказали, что пошлют запрос в Калмыкию: желают ли калмыки принять его к себе? Конечно, ответ был простой и выразительный: волку в овечьей шкуре нет места у нас! Этот ответ показали князю и вскоре расстреляли его. Так погиб простодушный калмыцкий князь в застенках Лубянки.

Амнистия не совсем оправдала ожидания советов. Они думали, что белые воины потоком потекут на родину. Этого не случилось. Солидная масса русской эмиграции оставалась за границей. Эмигрантские организации продолжали процветать. Эмигрантские начальники были по-прежнему активны, и их мысли вертелись вокруг победного возвращения на родину. Тогда советы решили приступить ко второму плану подрыва русской эмиграции. Они решили ее обезглавить. Их выбор пал на главу Обще-Воинского Союза, на генерала Кутепова. Они организовали его похищение. Это было проведено чисто, опрятно, без следов. Это было возможно,

потому что русские эмигранты жили беспечно. Они не думали о диверсии советов и были захвачены врасплох.

Следующая диверсия Советов не прошла гладко. Похищение ген. Миллера было раскрыто, и только халатное отношение французской полиции дало возможность советским агентам улизнуть. После этого советы прекратили похищение эмигрантских руководителей, но зато вербовка агентов из эмигрантской среды возросла. Почему-то эмигранты легко становились советскими агентами, и то за ничтожную плату.

Амнистия продолжала приносить плоды советам. Время от времени эмигранты попадали в советские сети и уезжали на родину.

В 1927 году из Франции небольшая группа калмыков уехала на родину. Они были спровоцированы. Советы подговаривали их принять участие в каком-то выступлении во Франции вместе с местными прокоммунистическими кругами. Полиция забрала их в тюрьму. Советский полпред подскочил к ним с предложением выволить их, если они поедут на родину. Одним из этих калмыков был Басан Дадинов. Он в 1942 году выбрался вместе с второй волной русской эмиграции на запад и был с нами в Германии, и умер в старческом доме. О своей жизни под советской властью он не любил говорить. Он просто говорил: «Под советской властью было плохо!» и никаких подробностей не говорил.

В 1931 году возвратился на родину Басан Кушлынов. Ему в Праге жилось неплохо. Он служил воспитателем в пансионе для калмыцких детей при Русской реальной гимназии. Гимназия была организована Земгором¹, веткой

¹ Земгор — общественный комитет, созданный Земским союзом и Союзом городов в 1915 г. для оказания содействия в мобилизации промышленности на нужды фронта. В 1917 г. Земгор был ликвидирован. В 1921 г. в Париже образован Российской земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей, который был объявлен преемником Земгора. Финансировался за счёт частных пожертвований. Помимо оказания помощи беженцам занимался культурно-просветительской работой, способствовал созданию учебных заведений для русских эмигрантов.

Российской социалистической партии, члены которой в значительном числе находились в Праге в Чехии. Гимназия была организована, чтобы дать заработок ее членам. Преподавателями были такие видные члены этой партии, как Аргунова, Мусатов и другие. Б. Н. Уланов, старый член этой партии, выговорил место для калмыков. Он собрал до семидесяти калмыцких детей, организовал пансион для них и поставил двух калмыков воспитателями. Одним из них был и Басан Кушлынов. Б. Н. Уланов организовал чисто калмыцкую комиссию под названием КККР – Калмыцкой комиссии культурных работников и собрал туда небольшое число калмыцкой интеллигенции.

Кушлынов был амбициозным. Он был из числа первой генерации калмыцкой интеллигенции, вышедшей из сельских учителей, и мнил себя передовым прогрессивным культурным работником. Он не поладил с Улановым, вышел из рядов КККР и создал свою организацию с названием «Общество калмыков» с припиской мелким шрифтом – «за возвращение на родину» и получал субсидию от советского полпреда. Он рано связался с советским полпредом, стал советским агентом, обзавелся советским паспортом и даже членской книжечкой компартии.

Летом 1929 года он был командирован на каникулы в Болгарию и Югославию с заданием пропагандировать среди тамошних калмыков идею возвращения на родину, но эта акция провалилась с треском. Калмыки, жившие в Болгарии и Югославии, оказались заядлыми белогвардейцами, которых и калачом не заманишь в Совдепию. Никто не поддавался уговорам Кушлынова вернуться на родину. Такой плачевный результат миссии Кушлынова разочаровал советского полпреда. Он выразил недовольство его деятельностью. Кушлынов оказался прижатым к стенке. Ему не оставалось ничего иного, как предложить себя с семьей и членами своего общества вернуться на родину. И летом 1931 г. он уехал на родину. Было бы не так жалко, если бы

Кушлынов только со своей семьей поехал на родину, но он повел с собой с полдюжины молодых калмыков и погубил их в цвете юношеских лет. С ним поехали Даржинов Манца, Ковников Парда, Петров Алексей, Тепкин Церен, Трушкин Нури и Шарапов Лари. Я не мог понять, что могло привлечь этих молодых людей к Кушлынову. Я заходил туда и встречал их в доме Кушлынова, но не помню о чем вели беседу.

Кушлынов дальше Москвы не поехал. Он, говорят, бежал в Москве по разным учреждениям и старался добиться какого-то положения, которого советский полпред из Праги обещал. Высокий пост в культурной области в Калмыкии. Вот почему он повел с собой столько молодых людей. Они должны были стать его сотрудниками в этом деле. Кушлынова забрали в Бутырки, и след его там простыл. Жена Кушлынова с приемным сыном и молодыми людьми поехала в Калмыкию. Там они долго не удержались. Сексоты «помогли» им выехать в Сибирь. Вероятно, там они все погибли в лагерях каторжных работ. Никто из подсоветских людей не упоминает никого из этой группы.

Наивность калмыков не имеет границ. В 1944 году, в конце второй мировой войны, калмыцкий интеллигент старшего поколения, Санжа Баянов, правник и оратор, решил вернуться на родину. Он остался в Праге, чтобы подождать прихода советских войск. После оккупации он думал поехать на родину. Его земляки, вырвавшиеся только что из советского рая, советовали ему не делать этого, не оставаться и приводили ему пример, случай с его ближайшим родственником, которого отправили в Сибирь за то только, что он держал в доме портрет Санжи Баянова. Если советы не потерпели его портрет, тогда они еще меньше потерпят его самого. Советы не дадут ему сделать и шаг по советской земле. Не послушался старик и остался. Его здоровье было плохим. Он страдал диабетом. Вскоре умер.

В самый разгар второй мировой войны, в 1943 году, советские власти потребовали от калмыков выставить ополче-

ние против наступающего врага. Из Калмыкии все военнообязанные были мобилизованы в самом начале войны, даже забрали резервистов первого и второго призыва. В Калмыкии остались одни пожилые мужчины и инвалиды, забракованные. Калмыки напряглись и сколотили из пожилых людей конную дивизию и выставили ее под командой старого коммунистического приспешника, комбата Хомутникова.

Он не успел организовать это войско, распределить по взводам и обучить их обращению с оружием новейшего типа, как советское командование приказало этой дивизии выступить против немецких танковых эскадронов. Что могли сделать калмыки наполовину пешие, с винтовками времен первой мировой войны? Лечь под гусеницы немецких танков и погибнуть. Это было бы глупейшей смертью людей. Калмыкам не хотелось еще умирать, а потому они увильнули от столкновения с немецкими танковыми частями. Потом калмыки испугались гнева «родной партии» и сдались в плен к немцам. Те составили из них кавалерийский корпус и пользовались им в сторожевых надобностях.

В связи с требованием советской власти ополчения от калмыков, возникает интересный вопрос: почему советские власти обратились к калмыкам выставить ополчение, а не к кому другому, не к русским, не к казакам и ни к другим народам, жившим в этих пределах? Почему надо было калмыкам принести в войне с немцами жертву больше, чем русским или казакам или другим народам из этого района? Это означает, что советские власти планировали давно выслать калмыков из родных степей. Они хотели руками немцев уничтожить калмыков. Вот почему они подтолкнули калмыков под гусеницы немецких танков. Когда этот план у советов не выгорел, тогда они обратились к своим старым, испытанным методам – к ссылке в Сибирь. И разъяренный Сталин приказал депортировать их в Сибирь.

Почему Сталин разгневался на волжских немцев, калмыков, крымских татар и чечено-ингушей? Что плохого сделали

они? Ведь среди украинцев и русских было больше людей, враждебно настроенных против советской власти и коммунизма и сотрудничающих с немцами, чем все эти народы вместе взятые. Кто-то из окружения Сталина представил их врагами советов. Поступок Сталина напоминает поступок волка из басни дедушки Крылова «Волк и ягненок!»

Эти народы выселялись последовательно. Очередь калмыкам пришла четвертого декабря 1943 года, в холодный зимний день. Спецчасти НКВД окружили с раннего утра калмыцкие селения, чтобы воспрепятствовать бегству калмыков. Около полудня энкеведисты стали обходить калмыков по домам и приказывать: «Собирайтесь в дорогу. Берите то, что можете нести на руках. Через два часа явитесь к сборному пункту!»

Испуганные калмыки потеряли голову. Они вышли, в чем были одеты. Их посадили в товарные вагоны. Поезд шел без остановки, днем и ночью, с десяток суток. Остановился в открытом поле. Вокруг все белело, глубокий снег лежал на земле. Начальник эшелона, ни слова не говоря калмыкам, отсчитал известное число калмыков, не разбираясь ни с семейными, ни с родственными узами, вытолкал их в открытое поле и оставил по пояс в снегу, без укрытия, на морозе и под жестокими сибирскими ветрами в зимнюю стужу. Так поступали все начальники эшелонов, пока они не разбросали всех калмыков, около 180 тысяч душ, по всей Сибири, от Новосибирска до Алтайских гор.

В движущемся поезде калмыки не смогли приготовить ничего горячего. Здесь в снегу тоже было невозможно приготовить что-либо горячего. Чекисты не спешили с распределением калмыков на квартиры и заставили их ждать по трое суток и более, стоя в открытом поле, по пояс в снегу, на морозе и под жестокими сибирскими ветрами в зимнюю стужу. Видимо, план советской власти был погубить калмыков, как можно в большем числе. И действительно, калмыков погибло много. В зимнюю стужу в открытом поле на морозе, в снегу калмыки целыми семьями окоченевали.

Никто из сибирского населения не подошел к калмыкам и не протянул руку помощи. Они были отпугнуты зловещим клеймом «враги народа», навешенным советской властью на калмыков. «Врагами народа» оказались мирно жившие калмыки – старики, женщины и дети, сыновья, мужья и отцы которых с самого начала войны встали в ряды Красной Армии и грудью своей защищали эту Родину-мачеху народов России. Какая ирония! Родная партия и правительство объявили калмыцкое мирное население врагами народа. Они ничего плохого никому не делали. Они не устраивали никаких беспорядков, не занимались никакими подрывными делами, а жили мирно и занимались своими делами.

Советское правительство согнало мирное население с родных пепелищ, отобрало все имущество, движимое и недвижимое, посадило в товарные вагоны и разбросало их по Сибири, и оставило стоять до трех суток в открытом поле, без укрытия, на морозе, по пояс в снегу, под жестокими ветрами в зимнюю стужу. Это – акт геноцида чистейшей воды. Калмыки не знали, за что стряслась такая беда с ними?

Что плохого они сделали и чем провинились перед советской властью, чтобы навлечь на себя такую страшную кару? Калмыки не знали, где им искать защиты и помощи. Единственный калмык, который имел известные заслуги перед советской властью, был Ока Городовиков, но товарищи заблаговременно упрятали его, чтобы он своим выступлением на защиту своих соплеменников не навлек бы гнев Сталина и погиб под его ножом.

Начальник эшелона, вероятно, не имел представления о том, почему калмыков подвергают такому страшному наказанию. Он, вероятно, механически выполнял приказ своего начальника. Советские служащие подобны истуканам. Они не вникают в суть распоряжения начальника, а слепо выполняют. Их не трогают страдания людей. Коммунистическая власть вырашивает их такими бесчувственными и жестокими до зверства. Советским служащим надо поступать

по приказу начальства. Он должен без всякого движения своих чувств расстрелять даже своих родителей, если начальство прикажет.

Буддийская вера говорит: нет тяжелее греха, чем убийство родителей! Для детей нет божества ближе, чем его родители. То, что делают родители для детей, того никто не сделает им, даже божество! Отец и мать никак не могут быть врагами для детей! Советские служащие не могут проявлять никаких человеческих чувств, никаких движений своей совести. Им бы никак в голову не пришла мысль, что мирное население не может нести вину за поступки военнослужащих, даже ополченческих! Вот каковы советские служащие. Они знают приказ начальства только и слепо его выполняют.

Депортация калмыков была потом санкционирована задним числом на заседании ЦК партии. Это означает, что кто-то подсунул калмыков в число врагов народа. Местное русское население поспешило уничтожить все, что напоминало калмыков. Они название Калмавтореспублики сразу уклонили и стали уклонять все калмыцкие названия местностей и рек. Это довели до смешного. В Большой Советской Энциклопедии за 1953 год выпустили все о калмыках, как будто такого народа не было в России.

Советы ожидали, что калмыки не выдержат зимних холодов Сибири, трудных условий жизни в Сибири, плохого питания, и вымрут. Ожидание советской власти не оправдалось. Провидение миловало калмыков. В спасении подсоветских калмыков от полного уничтожения калмыцкая эмиграция сыграла положительную роль. Несмотря на свою малочисленность, всего около тысячи душ, калмыцкая эмиграция привлекла внимание американской общественности.

Американцы – народ любознательный. Они пожелали ближе узнать, что за люди калмыки, откуда они, почему бегут по белому свету и что стало с оставшимися калмыками и т. д. Американские журналисты стали ходить между кал-

мыками и спрашивать их: откуда они пришли, что стало с вашим народом и т.д. Этими распросами американцы узнали о трагической судьбе калмыков под советской властью. Как их согнали с родных пепелищ, как советы обобрали, отняли все имущество у людей, как их везли в товарных вагонах, набитых до отказа, как разбрасывали по Сибири, и оставляли по трое суток ожидать распределения на квартиры в открытом поле, по пояс в снегу, на морозе, под жестокими ветрами в зимнюю стужу и как много калмыков погибло в этой операции геноцида.

Эта история оказалась на руку американцам. Они искали такой материал, чтобы нейтрализовать выступления советских агентов среди народов Африки и Азии, где они представлялись борцами за справедливость и выступали защитниками обиженных и обездоленных колониальных народов Азии и Африки, страдавших и страдающих под гнетом капиталистических государств западного мира. Советские агенты ездили по этим странам и подстрекали население к восстаниям против белого господства и к борьбе за свою независимость, обещая им помощь и поддержку. Помощь советы давали оружием и боеприпасами, а помогали им громкими, но пустыми словами в их борьбе.

В руках американцев появились материалы, показывающие и доказывающие лживость и двуличие советских агентов и Сов. Союза. На Бандунгском совещании¹ представителей нейтральных государств Азии и Африки, состоявшем в 1955 году в Бандунге, Индонезии, американцы помогли представителям калмыцкой эмиграции подготовить докладную записку о трагической судьбе калмыцкого народа, которого советские власти сослали в Сибирь, подвер-

¹ Бандунгская конференция – конференция 29 стран Азии и Африки, прошедшая в Бандунге (Индонезия) 18–24 апреля 1955 года. Инициаторами Конференции стран Азии и Африки выступили Индия, Индонезия, Бирма, Пакистан и Шри-Ланка. СССР, Австралия и Новая Зеландия, Израиль, КНДР и Республика Корея, Тайвань и ЮАР приглашены не были.

гают жестоким преследованиям и довели целый народ до полного уничтожения. Это заинтересовало участников бандунгского совещания. Многие из представителей разных государств Азии и Африки стали запрашивать советских агентов о судьбе калмыков и других народов, сосланных в Сибирь. Советские агенты отчаянно отбредивались, но в случае калмыков не удалось им. Здесь были живые представители калмыков, готовые выступить с возражениями против советской лжи.

Никита Хрущев после разоблачения сталинских чудовищных террористических актов, великодушно амнистировал оставшихся в живых жертв сталинских преступлений. В этом порядке калмыки были тоже амнистированы, и им было позволено вернуться домой, в свои степи. Их места оказались занятыми пришлым народом. Местные власти попросили калмыков повременить с возвращением, чтобы они могли освободить их места, но калмыки не пожелали ждать, потому что боялись, чтобы местные власти не смухлевали с их возвращением. Они могли затянуть освобождение на долгие годы и даже добиться отмены. Чтобы нечто подобное не случилось, калмыки поспешили и стали оседать по свободным местам. Такими оказались солончаковые, безводные и малопригодные для житья места. Калмыки – народ неприхотливый и нетребовательный. Они были рады и плохим местам своих степей.

Реабилитация, восстановление Калмыкии, как особой области и выделение известных льгот калмыкам подняли их дух высоко. Они подумали, что своей тринадцатилетней ссылкой в Сибирь и гибелью 50% своего народа, получили прощение своих грехов и восстановление в правах. Они почувствовали себя хозяевами своей области и стали смотреть на некалмыцкое население, как на приживальщиков, насканывать, оттеснять и выдвигать требования на восстановление своих прав, ключевые должности в управлении своей области.

Такое поведение калмыков не понравилось местным русским старожилам. Они решили осадить калмыков. Расспросами простодушных калмыков, они узнали, кто кем был под немецкой оккупацией, что делал и какие мерзости совершал. Русские собрали подробные сведения о Калмыцком корпусе, стоявшем на службе у немцев, кто были офицерами и какие преступления творили. Русские решили использовать эти сведения против самих же калмыков. Было решено произвести показательный суд и хорошенько утереть носы калмыкам, чтобы они не задирали больше, а заодно показать им, кто является действительным хозяином этих мест!

Калмыки варятся достаточно долго в советском соку, чтобы знать советские порядки и советскую практику законности. Ведь советы могли пришить и пришивали любое обвинение людям и наказывали людей повторно за одно и то же обвинение, за которое они уже перенесли наказание. Калмыцкие воины, выданные союзниками советам, получили десятку от военного трибунала и отбили это наказание в сибирских лагерях каторжного труда. Это не остановило советское правосудие. Власти в Калмавтреспублике арестовали трех калмыков, служивших в злосчастном корпусе на командных должностях и обвинили их в преступлениях военного времени: в изнасиловании женщин, в грабежах мирного населения и в убийстве невинных людей. Печать подняла большую шумиху, описывая в крикливых тонах преступления калмыков во время немецкой оккупации.

Суд над калмыками был открытым. Народу нашло уйма. Зал суда был битком набит. Сотни живых свидетелей провели по суду. Они тыкали пальцем на судимых и трагическим голосом описывали те преступления, что совершил один из обвиняемых над ним или над нею или в его или ее присутствии. Слушая эти рассказы, публика возбуждалась, впадала в ярость и многие с криком: «Смотри, что делали калмычки над нашими людьми под немцами! Да перебить такую сразу!» И с кулаками подступали к калмыкам.

По советским понятиям, суд над калмыками был объективным. Он вынес подсудимым справедливый приговор. Заслуженное наказание осужденным калмыкам было сейчас же отмерено. Трех калмыков сейчас же расстреляли.

Одним судебным процессом, видимо, русским не удалось придавить высоко вознесшийся дух калмыков. Через некоторое время пришлось им повторить свой показательный суд над калмыками. Снова арестовали трех калмыков, служивших в Калмыцком корпусе. Снова провели шумную пропаганду о преступлениях, совершенных ими под немецкой оккупацией. Газеты были полны описаниями преступлений калмыков. Они обвинялись снова в тех же преступлениях военного времени, как и первые три расстрелянных калмыка: в изнасилованиях женщин, в ограблении мирного населения и в убийстве невинных людей. Снова советский суд оказался объективным, снова вынес справедливое осуждение подсудимым калмыкам. Заслуженное наказание было снова отмерено. Осужденных трех калмыков снова расстреляли.

На втором процессе калмыков публики было не так много. Зал суда был полон, но не до отказа. Криков и угроз на калмыков было гораздо меньше прежнего. Приспешники властей, враждебно настроенные против калмыков, оглушали зал криками, руганью и угрозами по адресу их, но с кулаками уже не лезли на них. С конца войны до начала судебных процессов над калмыками прошло больше двадцати лет. За это время мирно жившие калмыки перенесли сибирскую ссылку, а военнослужащие отбыли десятилетнее наказание в сибирских же лагерях каторжного труда. Это не остановило советскую власть. Одного наказания недостаточно для советского правосудия. Советские власти, в данном случае, заправили Калмыкии, русские сидящие в управлении, подвергли калмыков унижительному судебному процессу и обливали их грязью. Приговор советского суда был несправедливым. Он был вынесен под давлением местных русских старожил.

Обвинение калмыков в изнасиловании женщин, ограблении мирного населения и убийстве невинных людей не имеет смысла. Такие преступления солдатами совершались во всех войнах и у всех народов, и впредь до Судного дня будут ими совершаться.

С годами люди меняются, особенно сильно, если человек жил в каторжных условиях, как зеки в сибирских лагерях. После двадцати лет даже двум жившим рядом людям бывает трудно признать один другого. Вот советские свидетели узнавали калмыков, с которыми они мимоходом сталкивались в военное время двадцать лет тому назад! Такие чудеса умеют подстраивать энкеведисты. Под их руками люди взваливают на себя чудовищные преступления и сознаются во всем том, что требуют чекисты.

На суде калмыки не защищались. У них не было защитника. По советским судам защитники стоят формы ради. Они не могут защищать своих подопечных, а должны даже помогать обвинителям. Этим я не хочу обелить воинов Калмыцкого корпуса. Я слышал о мерзких поступках некоторых членов этого злосчастного Калмыцкого корпуса, а хотел указать на то, что обвинения, выставленные против калмыков, количественно и качественно были ничтожными в сравнении с преступлениями, совершенные солдатами Красной Армии в оккупированных районах Австрии и Германии.

В отношении количества нечего и говорить. Три тысячи воинов Калмыцкого корпуса нельзя сравнивать с тремя, четырьмя миллионами солдат Красной Армии. Потом в Калмыцком корпусе людей, совершавших преступления, было не больше 15 – 20%, тогда как в Красной Армии людей, совершавших преступлений, было меньше указанных процентов. Видевшие советских солдат в оккупированных областях Германии говорили, как советские солдаты разгуливали с награбленными часами, навешенными на всю длину руки, от предплечья до запястья.

В отношении качества преступлений могу привести один случай, рассказанный мне одним английским сержантом. Нижняя Австрия, где я был, была оккупирована англичанами. Танковый эскадрон стоял в районе Клагенfurта. Мне приходилось наблюдать, как английские солдаты носили в кармане своей гимнастерки портрет Сталина и показывали его при всех случаях. Вечером в кантине можно было видеть, как они вынимали из кармана портрет Сталина, поднимали вверх и с криком «Джо, ОК!» выпивали в его честь рюмку виски. Этим они выражали признание советам за помощь в войне с немцами и признание их заслуг в победе. Англичане провели дежурство в своей зоне города Вены по очереди всеми родами своего оружия. Танковой части из Клагенfurта очередь досталась в сентябре – октябре 45 года. Когда они вернулись с этого дежурства, сильно сократилось число поклонников Сталина. Меньше поднимали портрет Сталина вверх и меньше выпивали в его честь. Меня это заинтересовало. Я спросил моего знакомого сержанта, как ему служилось с советскими комрадами? Он при слове «советские комрады» поморщился и рассказал такой случай из своего дежурства. В дом, стоявший на английской стороне по улице, обозначавшей границу между английской и советской зонами, вошли семеро советских солдат. Там лежала женщина в горячке после родов. Семеро советских солдат изнасиловали эту женщину. Английскому патрулю пришлось задержать их, составить протокол и передать советскому патрулю.

Изнасилования, грабежи и убийства людей были обычными делами советских солдат. Советские солдаты не считались с чужими законами, а заходили куда угодно. Особенно, если они напьются сивухи, тогда им и море по колено. Действия советских солдат были часто зверскими, беспощадными. Этим они произвели отрицательное впечатление на английских солдат. Англичане не могли понять дикость и зверинную жестокость в характере советских солдат. Звер-

ские поступки советских солдат оттолкнули дружески расположенных к ним английских солдат.

Самым молодым членам Калмыцкого корпуса приближается седьмой десяток лет. Они без советских судов и расстрелов скоро естественной смертью перейдут в лучший мир, в мир, отстоящий вне досягаемости рук советского правосудия. Когда не станет никого из членов этого злосчастного Калмыцкого корпуса, тогда как будут русские старожилы этих мест давить дух калмыков?

После довольно долгой и сложной экскурсии по судьбам подсоветских калмыков, вернемся обратно к донским калмыкам, эмигрировавшим в страны Западной Европы. Значительное число донских калмыков осело в Югославии. Они пристроились прилично. Но Югославия в конце войны оказалась под угрозой советской оккупации. Старым эмигрантам пришлось снова подумать о бегстве. Много эмигрантов по старости лет остались в Югославии. Они попали под власть советских войск. Советы обращались с русскими эмигрантами не особенно любезно. Руками югославских партизан собрали русских эмигрантов в лагерь, где многих уморили голодом, страхом, истязаниями и болезнями.

Бежавшим из Югославии русским эмигрантам путь был только в Германию, но им надо было так выбирать районы Германии, чтобы снова не оказаться под советской оккупацией. Донские калмыки были размещены по ДП-лагерям Германии под прикрыванием американских благотворительных организаций.

Последние буддийские священники донских калмыков оказались тоже в этих лагерях. Бакша Умальдинов вместе с гелюнами Меньковым и Игнатовым выбрался из Югославии с бежавшими оттуда калмыками. Гелюн Замба Переборов жил во Франции, приехал в Германию и здесь смешался с беженцами. Гелюны Бурульдинов и Курганов вышли из Сов. Союза вместе со второй волной русской эмиграции. Они в Совдепии прожили около двадцати лет. Им пришлось пере-

нести много лишений и вытерпеть много унижений и оскорблений. Они не любили говорить о своей жизни под советской властью. Они просто говорили: «Нам было плохо под советской властью, очень даже плохо. Зачем говорить подробно об этом. Это разбередит старые раны и растроит нервы. Своими расспросами наводишь на грех. Мне придется на кого-то сердиться и желать ему плохого. Это грех. Не трогай, дай забыть потерянные годы моей жизни под советской властью!»

Бакша Умальдинов был между нашими гелюнами старше всех не только своим саном, а также и летами. Ему было под семьдесят лет. Годы скитания по чужим странам и непривычная жизнь в бедности сказались на его здоровье. Летом сорок шестого года он тихо отошел в лучший мир. Его похоронили на кладбище маленького предальпийского города Крумбах в Баварии и поставили ему памятник по проекту инженера Далантинова. Этот памятник понравился населению города. Они посчитали его туристической достопримечательностью своего города и уход за ним внесли в городской бюджет. Этот памятник потом перенесли на лицевое место, и он бросается сразу в глаза посетителям.

Со смертью бакши Умальдинова не стало у донских калмыков буддийского духовника с высшим образованием по буддийской вере. Другие наши гелюны из-за революционной суматохи не смогли получить высшее образование, по буддийской вере, но они продолжили самоучками свое образование и двое из них, Бурульдинов и Меньков, считали себя достойными звания бакши.

Лагерная жизнь не располагает людей к выборам духовно-религиозного главы, а потому рядовые калмыки отнеслись отрицательно к идее выбора бакши у донских калмыков. Тогда кандидаты взяли инициативу в свои руки. Они подготовили своих станичников провозгласить их в звании бакши. Вдруг пронесся слух среди калмыков, что несколько человек Граббевской станицы устраивают торжественное

провозглашение гелюна Бурульдинова в сан бакши, тогда калмыки из Батлаевской станицы поспешили устроить тоже торжественное провозглашение своего гелюна Менькова в сан бакши.

Калмыки из Платовской станицы не пожелали отставать от других. На следующий день они торжественно провозгласили своего гелюна Басана Курсинова в сан бакши.

Так донские калмыки получили трех бакшей вместо одного. С ними мы в 1951 году приехали в Соед. Штаты. Наш приезд не был гладким. У США была квотная система иммиграции. Желтой расе была выделена самая маленькая квота. В конце прошлого столетия в США была поднята большая шумиха вокруг «желтой опасности». Китайцы и японцы стали вселяться в Америку и оседать вдоль Тихоокеанского берега в большом числе. Здесь не было поселений белых. Они испугались, чтобы китайцы и японцы не получили в этих районах большинство, тогда Китай и Япония могли предъявить претензию на эти земли. Чтобы отвратить такое заисилье желтокожих, американский парламент издал закон о квотах для иммиграции. Желтой расе было выделено очень маленькое число. Калмыкам по этой квоте потребовалось бы больше одного столетия для иммиграции в Соед. Штаты. Но нашлись доброжелатели, которые решили помочь калмыкам в иммиграции в США. Одним из них был русский Дмитрий Капацынский со своим другом, американцем немецкого происхождения Нутом Галле. Они повели акцию, привлекли к сотрудничеству Толстовский фонд и службу мировых церквей (чёрч ворлд сэрвис) и помогли калмыкам в эмиграции. Наш приезд заслуживает особого освещения, а потому не будем здесь задерживаться на нем долго.

Как только калмыки укрепились на работе, сразу же подумали о своей духовной жизни. В местах скопления калмыков стали появляться молитвенные дома. Наши гелюны возглавили их и стали организовывать духовную жизнь калмыков в духе старых традиций. Бакша Меньков первым по-

чуял опасность денационализации нашей молодежи в условиях американской жизни. Он стал чаще звать калмыцкую молодежь в церковь и говорить им о необходимости сохранения родного языка, старых обычаев и веру своих предков. С помощью нескольких молодых людей он издал несколько книжечек родным письмом и с духовно-этическим содержанием, чтобы подрастающее поколение калмыков видело, что их предки имели свою письменность и что является основой буддийской веры. Условия американской жизни не располагают человека к национальным проблемам. Погоня за хлебом насущным затягивает человека в орбиту повседневной суеты и отдаляет от всего национального.

Нашим гелюнам удалось с десяток лет прожить в хороших условиях и в полном душевном довольствии. Они были в пожилых годах. Жизненные невзгоды и трудности сказались на их здоровье. Они стали отходить постепенно. В 1961 году бакша Мухаринов первым умер. В 1964 году сердечный удар свалил бакшу Бурульдинова. Годом позже умер бакша Меньков. Годом позже умер бакша Курсинов. Старейший гелюн Санжа Игнатов умер. И в 1976 году умер последний гелюн донских калмыков Замба Переборов в возрасте 82 лет. Он злоупотреблял табаком и получил рак легких. Так ушло в небытие буддийское духовенство донских калмыков. В эмиграции оно перевелось естественной смертью, но в Сов. Союзе они были планомерно и злонамеренно уничтожены. Да и самих донских калмыков становится все меньше и меньше. Наши ряды редеют, и наше число падает. В сальских степях осталась горсточка. Ей не воскресить бывшее число донских калмыков.

В Америке и во Франции есть еще заметное число донских калмыков. Наше потомство, если сохранит свои национальные черты, будет называться не донскими калмыками, а по месту жительства – французскими или американскими калмыками. Они будут состоять из смеси всех калмыцких групп – торгутов, дербетов и бузавов. Название «донские

калмыки» выйдет из употребления, но название бузава останется навсегда за нашим потомством.

Вот все, что мне удалось установить о наших калмыках. Буду рад всем советам, замечаниям и сведениям о калмыках. Прошу адресовать автору по адресу.

ФОТОАРХИВ

Санжа и Лиджи (ур. Китанова) Кульдиновы

Санжи и Лиджи Құльдиновы с земляками

Калмыцкие эмигранты

Содном и Елена Кульдиновы с дочерью Сэнджирмой

Содном и Елена Кульдиновы с детьми:
дочери Сэнджирма и Ирма,
сыновья Эрдин, Санжи Алтан и Мукаль

Семья Кульдиновых

Содном Кульдинов с дочерью Сэнджирмой

ПРИМЕЧАНИЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ (СҮЛ ГЕРЭС ҮГ)

Этим предисловием открывается сборник статей «Кольдон-га Содномин сүл герес үге оршиба. Бюллетень. Май 1991», который был опубликован в виде духовного завещания за несколько лет до кончины С. Кульдинова (ум. 1994 г.). В него вошло шесть статей различного содержания: «История монгольского письма»; «Комментарии к “Краткому грамматическому очерку калмыцкого языка”, составленному Илишкиным и Муниевым и приложенному к “Калмыцко-русскому словарю”, изданному в Москве в 1977 году»; «Возникновение имени “Монгол”»; «Наследственный план Чингис-хана»; «Ойраты упомянуты в ТИМ»; «Джангар. Народный эпос ойратов».

Опубликованные в этом сборнике статьи свидетельствуют о том, что С. Кульдинов был человеком широкой эрудиции, который стремился познать историю и культуру своего народа и передать свои знания молодому поколению калмыцкой эмиграции в США.

«*Шара Тууджи*» (монг. «Шар тууж») – монгольская историческая хроника, составленная халхаским князем Цокту Ахаем во второй половине XVII века на основе текста «Сокровенного сказания монголов». Текст рукописи был обнаружен во Внешней Монголии в 1891 г. во время Орхонской экспедиции под руководством В. В. Радлова.

Начало летописи представляет собой выписку из сочинения «Пир молодежи» Далай-ламы V (Агван Лубсан Джамцо, 1610–1682): *Dalai blam-a-yin nomla ysan jala yus-un qurim kemekü teükendür: yerü kümün öber-ün uy ijayur-ıyan ese medebesü oı-dur tögüregsen sarba čintur adalı: öber-ün obuy-ıyan ese medebesü o yyun-bar keyigsen luu-dur adalı: ečige ebüges-ün eyimü teyimü kemekü bi čig-üd-i ese üjebesü mön keüken-i jabqaju kigsen-dür adalı kemegsen buyu::*

Рутгерский (Ратгерский) университет (Rutgers University; Rutgers, The State University of New Jersey) – государственный исследовательский университет США, крупнейшее высшее учебное заведение штата Нью-Джерси. Основан в 1766 г., является одним из восьми старейших вузов страны.

Принстонский университет (англ. Princeton University) – один из восьми старейших и известнейших частных исследова-

тельских университетов США. Находится в г. Принстон, штат Нью-Джерси.

Илишкин И. К. (1908–1983) – известный учёный, доктор филологических наук, первый директор Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ныне – Калмыцкий научный центр РАН).

Муниев Б. Д. (1909–1995) – известный учёный, кандидат педагогических наук, долгие годы руководил сектором языкознания Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ныне – Калмыцкий научный центр РАН). Под его редакцией был издан «Калмыцко-русский словарь» (1977 г.).

Донской кадетский корпус – учрежден в феврале 1883 г. императором Александром III в г. Новочеркасске. Был предназначен для обучения сыновей офицеров и чиновников Донского и других казачьих войск. Донской кадетский корпус был расформирован английским командованием в Египте, куда он был переправлен в результате Гражданской войны в России. В 1920 г. в г. Новороссийске генерал-лейтенант И. И. Рыковский собрал часть кадетов, преподавателей и воспитателей, не успевших эвакуироваться вследствие болезни, и основал 2-ой Донской кадетский корпус. В декабре 1920 г. корпус оказался в Словении, а в декабре 1921 г. был переведен в Герцеговину (г. Билече). В сентябре 1922 г. 2-ой Донской кадетский корпус получил наименование расформированного к этому времени в Египте Донского Императора Александра III кадетского корпуса.

ТҮРҮН ДЕГТР. ХАЛЬМГ ТУУЛЬС

Первый выпуск сборника «Хальмак туульс. Түрүн дектер», подготовленный С. Кульдиновым, вышел в свет в 1977 г. Издание представляет собой сшитую тетрадь, состоящую из 22 листов. Машинописный текст, расположен на лицевой стороне листа. Место издания и тираж не указаны. Во вступительной статье «Хальмак улус бүгдээрэн нэримдекү ухаана айилга» издатель обращается к соотечественникам, находящимся в эмиграции, с призывом не забывать родной язык, а молодому поколению – учиться родному языку посредством разучивания сказок, благопожеланий, пословиц и песен.

Хальмгин кишг

Стихотворение «Халимагин кишек» опубликовано в сборнике: Хальмак туульис. Түрүн дектер. Кольдонга Содман оршива. – 1977 (моға джил). Л. 2.

Стихотворение написано С. Кульдиновым в подражание тексту стихотворения «Хөд» одного из калмыцких поэтов (Әрәсән хальмг күн бичж “Хөд” гидг нег даршлһ. Мини түүрвсн эн). На кого из калмыцких поэтов ссылается С. Кульдинов, установить не удалось.

Отар – рус. отара.

Сән седклин килң

Стихотворение «Сән седклин киленг» опубликовано в сборнике: Хальмак туульис. Түрүн дектер. Кольдонга Содман оршива. – 1977 (моға джил). Л. 8–9.

Стихотворение написано С. Кульдиновым в подражание тексту стихотворения «Сән байрта харһий» одного из калмыцких поэтов (Бадмаев гидг күн “Сән байрта харһий ” гиһәд бичсиг үзәд, авад бичсн иим болж харв). Текст, на который ссылается С. Кульдинов, установить не удалось.

Сохочин эмгн

Сказка «Сохочин емеген» опубликована в сборнике: Хальмак туульис. Түрүн дектер. Кольдонга Содман оршива. – 1977 (моға джил). Л. 4–7.

С. Кульдинов отмечает, что записал сказку у одной старушки, а потом переложил ее в стихотворной форме (Хальмг тууль нег эмгн келсиг темдглж авлав би. Ода терүг даршлад келәд бичв).

Сказка «Сохчихан эмген» представляет собой образец определенного вида произведений калмыцкого фольклора, сохранившегося в сказительской традиции донских калмыков (бузава). Сюжета подобного типа нет в известных изданиях произведений калмыцкого фольклора. С. Кульдинов переработал фольклорный текст и опубликовал его в виде небольшой поэмы-сказки.

Солом – рус. солома.

Вариант этой сказки под названием «Сохчихан эмген», записанный со слов Д. Н. Улановой (1890–1983), опубликован в альманахе «Хонхо». Калмыцкая хрестоматия. Вып. II. – Ревниче: Изд. Калмыцкой комиссии культурных работников в ЧСР, 1926. С. 38–39.

Баянова (ур. Уланова) Данара Нарановна, уроженка станицы Ново-Алексеевская (Гелендякинский аймак) Сальского округа Донской области. Выпускница Высших Бестужевских медицинских курсов. В 1919 г. окончила естественное отделение физико-математического факультета Донского университета (бывшего Варшавского, эвакуированного в г. Ростов-на-Дону во время первой империалистической войны). Вела широкую просветительскую деятельность в среде калмыцкой эмиграции. Автор перевода на калмыцкий язык повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», опубликованного в альманахе «Хонхо». Калмыцкая хрестоматия. Вып. IV. – Ревниче: Изд. Калмыцкой комиссии культурных работников в ЧСР, Январь 1927. 193 с.

Текст, опубликованный в «Хонхо», в отличие от публикации С. Кульдинова гораздо лаконичней. Приведем для сравнения текст сказки «Сохчихан эмген», опубликованный в альманахе «Хонхо» в переложении на современный калмыцкий язык:

СОХЧИХАН ЭМГН

(Детская сказка, записанная со слов Н. Д. Улановой)

«Кезэнэ нег бээж. Сохчихан эмгн сохр саарл ямата, хулсн жидтэ, зегсн үлдтэ, хулһ сааһад хөрн гүзэн тос авад, батх сааһад баш-таш кесн сээхн ээрг кеж үүдг бээж. Иигж тиигж бээтлнь эмгнэд хаана хойр адуч ирнэ. Теднд тосасн тэвж өгнэ. Теднь то-синь идчкэд, эркәһән илтртлнь долаһад, хумхаһан холтртлнь долаһад бэәнэ. Тедниг хәрх алднднь: “Хаанд авч өгтн”, – гиһэд нег гүзэн тос өгэд тэвнэ.

Эмгн хонад өрүнь босхла, геринь һүрв бүслэд дән авчксн бэәнэ. Эмгн босад сохр саарл ямаһан тохж унад, хулсн жидән, зегсн үлдән авад теднлэ дээлднэ. Дээлдэ-дээлдэ бээж дээһән дарна. Хан хатн хойр һар һаран бәрлдэд зулж одна.

Дээһән дарсн эмгн сохр саарл ямаһан унсн байрта герүрн довтлж йовна. Өмннь бээсн хойр талаһүрнь ноһан үрһсн зуух бээсиг үзлго һәрэдүләд оркна, ямань киисэд, эмгн һолнь тасрад үкэд одна».

Асхар гүүдг көк чон

Текст «Асохар гүүдек көкө чоно» опубликован в сборнике: Халымак туульс. Түрүн дектер. Кольдонга Содман оршива. – 1977 (моға джил). Л. 9–11.

С. Кульдинов отмечает, что усвоил этот текст в детстве (Бичкндэн соңсж сурлав. Ода иигж келгдв). Этот сказочный сюжет не зафиксирован ни в одном из известных сборников фольклорных текстов. Однако он достаточно широко распространен в фольклоре других монгольских народов. Произведение «Асхар гүүдг көк чон» может быть отнесено к сказкам о животных, но в определенной мере оно перекликается с текстами старописьменной монгольской литературы жанра «уг».

Один из вариантов этого текста опубликован в школьном учебнике: Тенг чон (Моңһл улсин тууль) // Классин хөөн умшһһна дегтр. 1–4-гч класс. 1-гч һарц. Сост. М. Г. Менкенова, З. Х. Онтаева. – Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1988. С. 15–16.

Балуд – рус. Болото.

Богшадан түүдкр

Текст «Богшадан түүткер» опубликован в сборнике: Хальмак туульис. Түрүн дектер. Кольдонга Содман оршива. – 1977 (моға джил). Л. 18–21.

С. Кульдинов обозначил текст как старинную калмыцкую сказку («Ик хуучн хальмг тууль»). Это интересное произведение, которое, по мнению калмыцких исследователей, относится к кумулятивным сказкам, неоднократно публиковалось в различных сборниках сказок и отдельной книгой для детей. Истории записи и публикации этого текста посвящена статья к.ф.н., н.с. КалмНЦ РАН Д. В. Убушиевой. Кумулятивные образцы в коллекции сказок И. И. Попова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2017. Т 3 (31). С. 139–151.

Богшада

Текст опубликован в сборнике: Хальмак туульис. Түрүн дектер. Кольдонга Содман оршива. – 1977 (моға джил). Л. 22.

В книге С. Кульдинова текст опубликован параллельно на «ясном письме» и современной графикой. Вместо названия написано – «Ниге сән хальмак туульи ене».

Варианты этого текста приводятся в публикации к.ф.н., н.с. КалмНЦ РАН Д. В. Убушиевой. Кумулятивные образцы в коллекции сказок И. И. Попова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2017. Т 3 (31). С. 139–151.

Этот же текст опубликован в школьном учебнике: Богшурпа // Классин хөөн үмшлһна дегтр. 1–4-гч класс. Ясврта, немртэ 2-гч харц. Сост. М. Г. Менкенова, З. Х. Онтаева. – Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1994. С. 3–4.

ХОЙРДГЧ ДЕГТР. ХАЛЬМГ ҮЛГҮРМҮД БОЛН ТУУЛЬС

Второй выпуск сборника «Hoyordakči dekter. Halimak ülgürmüd ba tuulis. Kolidonga Sodnom oršiva» (1978 Mörin žil. New Brunswick), подготовленный С. Кульдиновым, вышел в свет в 1978 г. Издание представляет собой сшитую тетрадь, состоящую из 34 листов. Машинописный текст, напечатанный на латинице, расположен на лицевой стороне листа.

Издатель пишет, что молодое поколение калмыцкой эмиграции не знает русского алфавита, а потому текст, напечатанный на латинице, будет для них более доступным и приводит знаки, введенные им для обозначения некоторых букв калмыцкого алфавита: h=gh; ш= š; ц=ts; ч=č; ж=ž. (Ene dekterin oršulmudiige latin üzügär bičeksен möн. Ene ösöži бääһе күүкед орос үзүк есе танidak deeräәсе иigäd биčиксен möн. Latin үзүк теден танidaq, tiigäd ene биčикsiige nomšад čин бääбүзä ged sanad).

Үлгүрмүд

С. Кульдинов собрал, обработал (придал им книжную форму) и опубликовал более 400 пословиц и поговорок. Он отмечает, что это лишь небольшая часть огромного пласта образцов малого жанра калмыцкого устного творчества и дает объяснение к содержанию некоторых пословиц.

Некоторые из пословиц автор интерпретирует исходя из своего понимания их смысла и содержания. К примеру, пословицу под № 195. Маңһдүрк өөкнәс эндрк оошк деер болдг, автор считает неверной (буру ухан) и предлагает правильный вариант (гихлә деер) – Маңһдүрк өөкнә төлә эндр оошк идәд тордг.

Цецн күүкнә тууж

Сказка «Tsetsen küükenä tuuži» опубликована в сборнике: Hoyordakči dekter. Halimak ülgürmüd ba tuulis. Kolidonga Sodnom oršiva. –New Brunswick: 1978 Mörin žil. Л. 22–26.

Опубликованный текст представляет собой попытку литературной обработки известного в калмыцком фольклоре сюжета о мудрой невестке (цецн күүн). Все фольклорные материалы, опубликованные С. Кульдиновым в двух его сборниках, в той или иной мере были подвергнуты определенной правке, которая, по его глубокому убеждению, необходима при публикации сказок и других видов фольклорных произведений.

Оршл

Хальмг туульсиг цуглулж авч бичсн күн келсн күүнэ адгар бичхлэ, – тер буру керг мөн. Бас талдан күүнэс иш авада, дахульж бичхлэ сэн болх йоста. Немшд Гримм гидг ах-дү хойр нер һарсн мөн. Немш келнэ улсин туульс келүлж авада, бичэд олн зүүл туульс һарһсн болдг. Тедн болхла тер йирин улс келсн туульсин уха ут-хинь медж авада сэн дегтрин келэр бичэд оркснд, эмтн таасад, таалад бээсн болдг. Теднэ бичсн туульс немш улсин биш, Гримм ах-дү хойрин туульс болсн мөн. Ода Гриммин бичсн туульс гиж келгднэ.

Тер мет бидн чигн мана эгл хар улс келдг туульс цуглулж авада, келинь дегтрин кел кеһэд ясад ярад окхла сэн болх мөн. Тер ухаһар би эн медсн ут туулиг ясад яарад бичж бээх седвэр эн болв.

ЛИТЕРАТУРА БУДДИЗМА

В этот раздел помещены тексты, относящиеся к литературе буддизма. Часть из них была опубликована С. Кульдиновым в двух его сборниках. Другие тексты, к примеру, рукопись наставления Джинзан-ламы, тексты написанные на «ясном письме» бакши З. Бурульдиновым, Ч. Унковым хранятся в его личном архиве в Нью-Джерси (США).

Ном

Текст молитвы «Ном» опубликован в сборнике: Хальмак туульс. Түрүн дектер. Кольдонга Содман оршива. – 1977 (моға джил). Л. 2.

С. Кульдинов опубликовал текст параллельно на «ясном письме» и в современной графике. В предисловие к тексту он пишет: «Уул хальмг улс номшж йовсн ном. Сээхн гидг хальмг келэр тогтасн ном. Эн ном санскрит келнд бээдг номас орчулгдсн».

Текст молитвы «Nom» представляет собой краткую формулу принятия обета Прибежища в Трех Драгоценностях буддизма: Будде, Учению и Общине.

Баазрдари

Текст «Baazar Därii» опубликован в сборнике: Нойордакči dektek. Halimak ülgürmüd ba tuulis. Kolidonga Sodnom oršiva. –New Brunswick: 1978 Mörin žil. Л. 1–2.

Текст представляет собой молитву-призывание Будд и Бодхисаттв поля Прибежища. Первым в этом ряду назван Ваджрадхара (Баазрдари), поэтому и текст получил название по его имени. На самом деле эта молитва не имеет непосредственной связи с культом Ваджрадхары (санскр. Vajradhara; тиб. rdo rje 'chang; букв. Держатель ваджры).

Рукопись молитвы, хранящаяся в личном архиве С. Кульдинова, была переписана на «ясном письме» бакши Санджи-Ракба Меньковым. Текст этой молитвы был напечатан в начале XX в. в Санкт-Петербурге литографическим способом калмыцкими ламами под названием «Bazar-dari kemekü zalibiral oršiba».

Меньков Санджи-Ракба (1896–1968) – уроженец станицы Батлаевская (Багутовский аймак) Сальского округа. Бакши-настоятель калмыцкого хурула Богдо Зунква в Филадельфии (США, штат Пенсильвания). Умер 18 мая 1968 г. в больнице св. Джозефа в Филадельфии.

С. Кульдинов пишет, что при переложении текста с «ясного письма» на современную графику, он обратился за разъяснениями к геше-лхарамбе, который был родом из Ики-чоносовского аймака Малодербетовского улуса. Он не называет его имени, но речь идет о Геше Вангяле (1901–1983).

С. Кульдинов называет автором перевода этого текста с тибетского языка Хамбо Жалцан хутгту, жившего в Джунгарии в XVII в. Однако, в колофоне рукописи, хранящейся в личном архиве жительницы г. Монголкурэ У. Шара, указано другое имя.

При публикации текста молитвы были внесены правки по тексту рукописи из СУАР КНР.

Йотн шовуна онл өгльн

Джатака «Yoton Sobuna onol ögölgen» опубликована в сборнике: Хальмак туульис. Түрүн дектер. Кольдонга Содман оршива. – 1977 (мога джил). Л. 3–4.

Текст переписан на «ясном письме» бакши Санджи-Рагба Меньковым.

«Джатака о куропатке» – известное произведение буддийской литературы, повествующее о прошлых рождениях Будды. С. Кульдинов отмечает, что это произведение было хорошо известно монголам и ойратам и пытается увязать появление перевода этого произведения с историческими событиями периода существования Джунгарского ханства.

Мөңк бишин учрт

Текст «Мөнгко бусо-ин учирто» опубликован в сборнике: Хальмак туульис. Түрүн дектер. Кольдонга Содман оршива. – 1977 (мога джил). Л. 12–18.

С. Кульдинов автором этого сочинения называет Черика Ункова.

Унков Александр (Черик) родился 8 мая 1898 г. в станице Кутейниковская Сальского округа. Монах-астролог (зурхачи). Умер 4 марта 1958 г., похоронен на русском казачьем кладбище храма Св. Владимира в г. Джексон (США).

«Мөнгко бусо-ин учирто» – произведение на сюжет «видения ада». Сведения об авторе этого текста противоречивы. В 1988 г. С. Кульдинов находясь в Китае на научной конференции, посвященной проблемам эпоса «Джангар», передал текст этой поэмы народному поэту Калмыкии Д. Н. Кугультинову (1922–2006). В 1993 году текст этой же поэмы с некоторыми изменениями и значительным пропуском был опубликован в Калмыкии на страницах республиканской газеты «Хальмг үнн». В предисловии к публикации Д. Н. Кугультинов пишет, что о бытовании этого текста в 1930-е гг. упоминал патриарх калмыцкой литературы С. К. Каляев (1905–1985). По его предположению рукопись поэмы, которая в те годы тайно ходила по рукам, могла принадлежать репрессированному в 1930-е гг. талантливому поэту и прозаику Николаю Нормaeву (1904–193?).

Хальмг Таңһчин лам Жинзң ламин зэрлг оршв

Рукопись текста «Halimaq tangyačiyin blama Ĵinĵiyin blamayin zarliq orošobo» хранится в личном архиве С. Кульдинова в Нью-Джерси (США). Сочинения глубоко почитаемого в народе гелонга Ики хурула Бага-цохуровского аймака Джинзан-ламы (ум. 1852 г.) хранится в личном архиве С. Кульдинова (США). Рукопись состоит из 7 листов. В колофоне указан год создания произведения – «tömör noxai ĵiliyin tuula sariyin namiyin-du bičēd», т. е. 1850 г. Орфография рукописи отличается некоторыми особенностями. Многие слова имеют нестандартное написание. Язык наставления приближен к разговорному стилю.

Джинзан-лама является автором еще одного интересного сочинения «Ухани толь», написанного им в 1840 г. Рукопись состоит из двух тетрадей и хранится в Научной библиотеке СПбГУ (Шифр: Calm C 12. Xyl F 76). Текст этого сочинения в переложении на современный калмыцкий язык опубликовал известный калмыцкий монголовед А. В. Бадмаев (Бадмин Андра. «Ухани толь девтрин» эк бичгин тускар // Теегин герл. 1997. № 8. С. 16–22).

В ЦГИА хранится прошение Джинзан-ламы об оставлении калмыков шабинеров в ведении Ики хурула и дозволении поселить их на берегу реки Ахтубы. Документ датирован 1851 г. См.: Die ethnohistorischen Archivdokumente zu den Kalmücken, Burjaten und Mongolen des Zentralstaatlichen Geschichtsarchives (CGIA) und des Institutsarchives für Ethnographie (AIE) in Leningrad. Zusammenge stellt und bearbeitet von Dittmar Schorkowitz. Berlin, 1988. № 857.

СТАТЬИ

«Джангар». Народный эпос монголов

Статья опубликована в «Кольдонга Содномин сүл герес үге оршиба. Бюллетень. – Май 1991 (Төмөр цаған еме хонин жил). USA. 56 с.

В 1988 г. С. Кульдинов был участником Международной научной конференции, посвященной проблемам исследования «Джангара», проходившей в Баян-гол (СУАР КНР).

Происхождение имени «калмык» у ойратов

Статья «Происхождение имени «калмык» у ойратов» опубликована в «Kalmuk Bulletin». Август 1967 г. С. 86–90.

В «Kalmuk Bulletin» С. Кульдинов публиковал статьи исторического содержания, которые стали основой книги «Контуры ойратской истории». Эта большая работа С. Кульдинова была издана на правах рукописи в виде отдельной книги в 1992 г. (Контуры ойратской истории. – USA. 1992. Močin jil. 284 с.)

Возникновение имени «монгол»

Статья «Возникновение имени «монгол» опубликована в «Кольдонга Содномин сүл герес үге оршиба. Бюллетень. – Май 1991 (Төмөр цаган еме хонин жил). USA. С. 33–37.

Калмыцко-русский словарь.

Рецензия Содмана Кульдинова.

Текст рецензии опубликован в сборнике: Hoyordakči dektek. Halimak ülgürmüd ba tuulis. Kolidonga Sodnom oršiva. – New Brunswick: 1978 Mörin žil. Л. 27–33.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В этот раздел вошла только одна работа С. Кульдинова, посвященная истории донских калмыков.

С. Кульдинов является автором двух крупных работ. Первая его книга под названием «Контуры ойратской истории» была опубликована в 1992 г. В предисловии к книге автор сообщает краткие сведения о себе и о своей работе:

«Родился в хуторе Эльмота, Денисовской станицы (Богшоргона аймак), Сальского округа, Донской области в год Така, 1911. Яснь – махачин керәд. Эцеге – Санжа Кульдинов (1873–1939); мать – Лиджи, урожд. Китанова из Беләбин (1929); өбөке эцеге – Манджи (ум. 1895); өленцек эцеге – Кольдонг (1850); будуту эцеге – Бульчинг (1790).

Образование: подготовительные классы Донского кадетского корпуса в Билече, Югославия. Учился в первой десятке в 1922–1923 гг. Русская Реальная гимназия в Праге, Чехословакия в 1924–1931 гг. из семи калмыков окончили только двое. Автор был одним из них. Ветеринарный факультет Белградского университета 1936–1941. 164 человека записалось, между ними 25 русских, среди русских один калмык. Только семеро дошли до конца, и автор был одним из них. На последнем экзамене профессор срезал меня два раза. Декан сказал: «Человек, сдавший 23 предмета, не

может быть плохим». Назначил комиссию. Экзамен сдал перед комиссией и получил диплом.

Этот очерк был начат как статьи на различные темы. Потом собраны вместе, чтобы получить общую картину по истории ойратов. События рассматривались по сути. Мало обращал внимания на имена китайских императоров, местностей, городов и генералов. Они пишутся различно различными авторами. Там могут быть ошибки. Потом текст писался наспех, а потому вошли ошибки. Прошу прощения за свои вольные и невольные ляпсусы. Не обессудьте. Одному думать, разбирать и писать было трудно. Предлагаемый текст, третий спешно переписанный, потому что хотелось спешно предать гласности.

Очерк посвящается Монгольской Народной республике. Им удалось поставить имя «монгол» на мировую карту. Теперь им предстоит укрепить его, крепче посадить свои корни в землю. В моем очерке много говорится о тех ошибках наших предков, от которых монголам следует оберегаться. Так много материалов, которые могут дать им материал для дипломатической связи с Китаем и Россией. Я надеюсь, они используют их. Бог им в помощь! Кольдонга Содном».

Судьба донских калмыков, их веры и духовенства

Вторая большая работа С. Кульдинова «Судьба донских калмыков, их веры и духовенства» (1984. Хулгуна жил. Издание автора. USA. 196 с.) написана на основе рукописи бакши Граббевской станицы Зодьбы Бурульдинова «Buzabiγin blamanariγin daran bolon Donskiγin xalimagiγin baqši blamai Möngkö Bormanjnobiyin zokal yabudal». Рукопись представляет собой сшитую тетрадь, содержащую 42 с. Текст написан на «ясном письме».

Бурульдинов Зодба Намрович (1888–1964), ур. станицы Граббевская Сальского округа. После обучения в станичном хуруле продолжил обучение у ламы донских калмыков Менке Борманжинова. В 1930-е гг. был репрессирован. Эмигрант второй волны калмыцкой эмиграции. После переезда в США служил настоятелем Барун хурула (США, г. Хауэлл). Умер в 1964 г. Похоронен на кладбище Свято-Владимирского храма (США, г. Джексон).

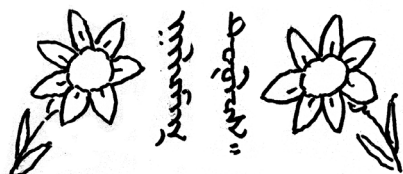
Как пишет С. Кульдинов: «Бакша Бурульдинов дал сведения о буддийских иерархах донских калмыков, а о самом народе, о кал-

мыках, говорит очень мало. ...Я старался пополнить этот пробел по силе возможности».

Исторический очерк С. Кульдинова состоит из пяти глав:

1. Когда и как появились калмыки в Донской области.
 2. Перечень главных иерархов донских калмыков.
 3. Житие благочестивого ламы Монко (Борманжинова).
 4. Калмыцкое духовенство в распылении.
 5. Образ идеального человека по этическим положениям буддийской веры на уровне рядового церковного прихожанина.
- Последний раздел не вошел в данное издание.

ФАКСИМИЛЕ

ТҮРҮН ДЕКТЕР

ХАЛЬИМАК ТУУЛЬИС.

КОЛЬДОНГА СОДМАН
ОРШИВА.

1977
МОСА ДЖИ

Ном - ууло халимак удус номшиджи йобоксан ном,
 ойхон гидек халимак келёр токтаксан ном,
 Ёне ном санскрит келенде бийдек ном орчилуксан.

Хокор кёлтэ нугудин дееде бурханду итекемү.
 Нама орчиланг киигед муу зайтани айул еене йобайкин
 бакши болон сёёртехя.

Тачийанггу еене хакцоксан нугудин дееде номду итекемү.
 Нама орчиланг киигед муу зайтани айул еене йобайкин
 Бүтэн йобай болон сёёртехя.

Нуғулдун нугудин дееде хоборакту итекемү.
 Нама орчиланг киигед муу зайтани айул еене йобайкин
 Ханьи нёкёл болон сёёртехя.

н - Халимагин кишек.

Арасин халимак кўн бичеджи

"Хўд" гед ниге паршилаға.

Мини туўребексен ене.

Торғон ноосота хўдиге

Тоолоджи сўннар асрохо керектә.

Таалоджи хўлнхә тутман

Таасота сўн ноосо теден ёгёкў мён.

Хабар ёбёл гед илғал уга

Хўбчинер тедениге асрохо йосота.

Хабар кўртел ёбёлин туршар

Хараджи хотинь ёгёкў мён.

Хабарин маг ирекўлн,

Хўд тастан хурғулдок мён.

Хун цаған хурғууцииге

Хўлнджи ханджи болдок уга еле.

Мана хўд олон болад ёсёкўлн,

Мандо сўн болодок мён.

Махан елбек - хото сўн,

Мёнгёён дала,ноосинь хулдохўла.

Олон дала хўд ёсёкўлн,

Олзо кишек халимак улусто.

Ёргён кёкё теегёр цўвнл,

Ёснл ёргёднл олохо,мана мал.

Кее ногаата теегёр тарад,

Кесек олон атар хўд

Кёнкёнджи маальаджи йобохо

Кишек буйин болохо халимакто.

Уу ёргён теектн,

Урдоко цагин абийасар

Ууло халимак улус амар-табар

Уур дееднл ёргёджи джирға

Цаг ирекў йебёл болотуха!

Сохочин емеген.

Халимак туульи, ниге емеген
келексиите, темпегледжи аба-
ла би, ода терүүге даршилад
келд бичебе би. Содман.

Сохочин емеген

Сохор саарал йамаата бийджи.

Суло олсар хазар кед,
Сърсен некийгър емал кед,

Хулсон джилдн бйрийд,
Хобоха модон улдн абад,
Хардоксан хамоклааран
Хорол уга җар бйрилдехд

Йамагааран мордад җарлок бийджи.

Җуййирень мокад,
Җобчиҗулауулад,
Гесирень мокад,
Җйридүүлд

Җарад йободак санджи.

Джидень шобахолааран,
Джирен алло җорзаадок санджи.
Джиргексен утуу хормань
Джиралдан мету сарсаадок санджи.

Аран ймйирн довтолад,
Араалджим нуғуд тууджи абад,
Ймитййхен усинь сааҗад,
Арбан гүзй тосо абодок санджи.

Хооран ймйирн довтолад,
Хорха нуғуд тууджи абад,
Хййримек усинь сааҗад,
Хйрин гүзй тосо абодак санджи.

Оббл ирекүлй,
Оба-шоба җасан ородок санджи.
Орйи джйблен ймидетен ичйндй орад,
Обблин туршар унтудок санджи.

Емеген болохула,
Еберййни гертн орад,

4.

Ормеедй цайгдн чанад,
 Ёлбек будаагач уугад,
 Ёзен богдо хан мите,джиргадак санджи.
 Хабар ирекүлн,
 Хамок ймидетен серйд босодок санджи.
 Хара газар чин кёкёрйд,
 Хамок тарвн-темсен чин екелйд ургадак санджи.
 Хаана албату улус болохула,
 Хабарин зудото харгад,
 Хату цак ирйд,түредек санджи.
 Хаана бийинь чин
 Хамок йомон хатъар болад,
 Хара цайгдн ламжик абад,
 Хатууджиладжи зудаасо гародок санджи.
 Соньин джитн зйнгге
 Сббни ёрйй алдан иренй:
 Сохочин емеген тосон елбек
 Сйн цайгдн джиргаджи бййнй гед.
 Тере кебетйн
 Түрген елчийн хан илгййнй:
 Тере емегенййсе цййдем
 Тосо сурад абад ире гед.
 Елчинь болохула,
 Емгенй герте одад,
 Елкинь хаана джблдүүлехе
 Ерметек тосо суроджи.
 Емеген ёгбджи:
 Елчин бийедень - ниге гүзй тосо,
 Ёзен хаандонь гед ниге гүзй тосо,
 Елчиде хойор гүзй тосо ёгйд тйбиджи.
 Тере елчинь
 Теекте гарад,
 Тосан амасоджи үзйд,таасад,
 Тастонаагинь иледжи окоджи.
 Ардонь
 Арбан хургудан
 Абад долзагад бййджи,
 Арбан хургудиинь йасадиинь
 йарзалгад үлдййджи.

Елчи ардонь
Еэен хаандан одал,
Ерлек болоксан емеген
Еэен хаана цайде
Ериметек тосо өгөсөн уга
Гед йике худул келецжи.

Илчиитд йике хан,
Итекелтд елчийн дуулоцжи абад,
Өри хату емегендэсе
Ододжи тосо суро гед нобуулоцжи.

Ене елчинь чин
Емегенд герте одал,
Еэен хаана цайде
Амто оруулохо тосо өге
гед суроджи.

Дайкд емеген
Дарууко елчинь чин
Далаа тосо өгд,
Дарунь кургд гед йобуулоцжи.

Ниге гүзд тосо
Хаалогодан иле гед,
Наатоко гүзд тосииге
Хаандан кургд гед
Хойор гүзд тосо өгөксөн байджи.

Еджи уга теекте
Елчи гарад,
Еберддани хббд тосан илд,
Енел сддтур амарсан байджи.

Тере тосонь
Тииме дмитддхен болад,
Теседжи тороджи чадал уга, хаана хббд
Тосииге чин идецжи окоцжи.

Хойрдоцки елчинь чин
Хаандан одал,
Худул келецжи:
Харамчи емеген хаана мдде
тосо бдрисен уга гед.

6.

Хан йике гидегйр мухуллад,
Хамок мерегйн дуудад,
Харомчи емегенй тосииге
Хамад абад иретен гед закоджи.

Дала гидек мерек
Делгерйд теегур гарона,
Домбор болоксан емегенййсе
Дйййлйд тосийнй абохар.

Сохочин емеген
Сохор саарал йамааган унад,
Салом джидйн бйрийд,
Модон улдйн абад,
Мйритй мерегин ймйнййсе
мордад гарона.

Джидйн саджиад окохула,
Джирен мингген мерек гарад иренй,
Улдйн даладад окохула,
Оба-шоба мерек гарад ирд,
Хаана мергуйдйиге
Хамон мокад, сйрен мокад, тараагад,
Хаана бийинй чим
Хйруу орто харам кйртелен кйбгйд,
уга кед.

Емеген бийинй
Елбек дййгйн дараджи окад,
Еберййни гертйн хйриджи ирд,
Йрметй цййгйн чанад,
Елбек будааган болгагад,
Езен богдо мите джиргад бййджи,
Ймисен-сймсень джиргад оподжи.
Иигеджи ене туульи чилебе.

Сән сөдкөлин килент.

Бадмаев гидек күн "Сән байирта
хэргийа" гед бичексииге үзэд,
абад бичексен ииме болоджи
җарабо.Содмач.

Монгғол нутокто күрику
Монгкб күсел нандо бәһнә,
Мөрән тохонжи оқоксан
Морпад җарад йобад одохо белен.

Халимагин брген теегәһсе
Хараада мите нисәд,
Холо бәһхе монгғолин җазарто
Хурдар мөрбни күрәд одохо.

Цаста уулин белде,
Цаған нуурин кбәһәде,
Цахо монгғол гер дотор
Цаг үргәлджи де суухар.

Ғал ғулмотин бөре,
Ғанзо тәмкән татад,
Ғанг халун аха-дууҗтаған
Ғароксан унгған келелиәд,

Санан сөдкелән меделмәд,
Самбар хамодан абад,
Сабо хбәһн ололмәд,
Сән иник амарак бололмәд.

Олон монгғол бөрде хойор
Өри ухаған ниилууәд,
Өмнөко магин айуҗар
Ода чиген ханимәд:

Дөрбөн бөрөд,
Дөчин монгғол
Дәкәд чин таарад,
Данг бәһриән абад,

Һиге магин ергенеде
Ниге һике монгғол нерән дуудулад,
Ниге негенәһһи ем-дал түшәд,
Ниге нигендән дем-тус болад.

Сән саңаа санохула,
Сәксен бурхан чин йебәһдек,

Салад тарад одоксан монггол унго,
Сарсаалдад, муглорад ирд,
Ори ниге уха ухаалад,
Олоорон ниге нуток босхагд,
Олоорон ниге тук бргд,
Олон йике монггол орон болад одохо
йебдл болотуха!

Асохар гүүдек кбкб чоно

Халимак туульи.
Еичикендэн сонсоцжи сурола
би,оа иигеджи келекдебе.
Соцман.

Асохар гүүдек кбкб чоно бйнджи,
А-уу, а - уу гигд уульидок бйнджи.
Асохон бологон олбркд,
Ардоко теегд гүүгд,
А-уу,а-уу гед уулын йободжи
Хото хйндек бйнджи.

Тигд

Гүгд-гүгд йободжи

Гүн салан екенде

Кбкб хара балуд бйксенде

Кббйдене күрд иреджи.

Тендене

Шара даагон унолжи одоксан,

Балуд дотор кебетеджи.

Тере

Шара даагиге үзеджи окон,

Чонин

Аман анггас гед,

Келене билдес гед,

Шүдене таш гед,

Чикене шуугад,

Нүденйсен нольмосон асхорад,

Гесене хүүгд олоцжи.

Тедү дунггдн икд олбркексен бйнджи.

Тере кебетдн

Асохар гүүдек кбкб чоно

У.

Адогос гед хйкерехи:
 "Шара даагон, шара даагон,
 Би чамааго иденй би" гед.
 Шара даагонь хйрў келеджи:
 "Идехеде иде чи, болобо
 Балуудасам татоджи або чи" гидже.

Асохар гўўдек кб кб чоно
 Агуу йике чиделн гаргагад,
 Ардаасонь гйрйндд,
 Атохор суулйссень шўурехи абад,
 Балуудасань сонг шокоцхи абад,
 Бато газар деере тйбд оокчи.
 Тиидже окад келеджи:
 "Шара даагон, шара даагон,
 Ода чамааго иденй би" гидже.
 Шара даагонь хйрў келеджи:
 "Идехеде иде чи, болобо
 Балуудим арчиджи або чи" гидже.

Барбогор йике чоно
 Билдегер йике келнм гаргагад,
 Балуудинь шобохорад, полаагад,
 арчиад абад оокчи.
 Тиидже окад келеджи:
 "Шара даагон, шара даагон,
 Ода би чамааго иденй би" гидже.
 Шара даагонь хйрў келеджи:
 "Идехеде иде чи, болобо дйрбн
 туруундом монггол биче чи" гидже.
 Асохар гўўдек кбкб чоно
 Адгос гед суугад,
 Омнбкб хойор туруундонь
 Монггол бичд оокчи.
 Тиидже окад,
 Ардоко хойор туруундонь екелд бичеджи.
 Шара даагон суроджи:
 Мини туруудото бичеджи
 Монггол дуусоджи бйннй йуу чи? гидже.
 Асохар гўўдек кбкб чоно келеджи:
 "Дуусад уга би, дуусад уга би,
 Удул уга дуусон гидже бйннй би" гед
 IO.

Асохар гүүдэк кёкё чоно
Апогос гед торолзулац
Ардоко хойор туруундонь чин
Мбер монггол бичид окоджи.
Тиидже окац,
"Опа дуусоджи окобо би" гед
Келд, хооран заагарад суугац окоджи.
Шара даагон
Шиб гед ардан ишкелд,
Чонин тологаар мокац,
Киисекджи окац, довтолад
Йободжи ододжи.

Ардонь
Асохар гүүдэк кёкё чоно
Босад сууджи айац,
А-уу, а-уу гигд уульин биджи,
Келеджи:
"Балуудасань татад абад окодок,
Батар йике чидел мини, а-уу, а-уу гед,
Балууинь шобохорац полаагад окодок,
Билдигер йике келен мини, а-уу, а-уу гед,
Сарабагар туруудотонь монггол бичид окодок,
Сарул сайхен чеджи мини, а-уу, а-уу гед
Келд уульидчи окац,
Киисд укүдчи ододжи.
Тигд
Тере чонин йисен-сүмсен
Джиргад биджи.

МӨНГӨБ БУСО-ИН УЧИРТО.

Унгов Черик гидек күүн бичексен
бййджн ене шаштригте. Терүүгинь
би абад, йасап -йарад оокосан,
халимак епически макталид дур
ороджи одобо. Содман.

I.

Укүкү мөнгөб бусо гидектен
Унен бурхана зйрлек бййджн.
Укүкү цагин кемдйй тертен
Урдин үүлйр учирдок санджи.

Ғазаадо потаадо-ин ймисхел тасорхула,
Гшшун хамок кбдблхйн ууродок санджи,
Ғаккохон ймин- сүмсен, бийййренъ,
Ғаза ғароджи зууроодопо ордок санджи.

Гем зоболанггаасон гетелексен болад,
Гииген шииген болоджи, амардок санджи.
Герте ғаза тбгйййледжи йобад,
Гер малад бйртекйййджн иребе би.

Иигйн - тиигйн хйлйххйлй,
Игзар хутхомо моохор мелгй
Ишкй олба дебескер минн деере
Иле, йрйййленъ ғараксан, кебетеджи.

Ене минн дебескер деере
Енүүге кебетүүлексен мбн бб гед,
Енде бййксен улсаасо сурохула,
Есе сонсоксан бйййдел ғарғағад,
Ергйд, буруу хйлййгйд,
Еб учиринь келел уга,
Еберйн меде гиксен бйййделйр,
Еерйд - тбгййййлд бййежй бе.

Сонсад бййджн, хйрўж есе йгблек,
Сонин джиктй улус бб еден,
Седкел ғундохо бйййдел үзүүлдек
Санандонь ғундад, хооран ғарабо би.
Енелен йободжи цуғлуулоксан
Еде-ағууросо минн мелел уга
Ене ймитен дундо тбгййкхйлй,
Езен нандо харом болад бйййбе.

12.

Ене хамогийге Үзен дунда,
Еберд тѳрѳксен елген адондан
Ергд ирд дундолам келекѳлд,
Едендѳсен чин нандо хѳрѳд уга болобо.
Ода, би йѳрѳксан мѳн бѳ гед,
Еберд бийдн шиндчилд, хѳлдѳхѳлд,
ѳрбѳлгѳн мини джибер болад,
ѳддѳн-уруу нисд бѳдн би.

2.

Геленг хоборак залона би гед,
Герте хуруксан улус дундаасо
Гентекен мини ачи босад,
Гертдѳсе дарад йобад одобо.
Улубар шара хобомота хоборгул
Удул уга мана герѳр
Уѳде сѳкд, ороджи ирд,
Укдѳрин кѳрде йомо белдебе.
Удин магла диктѳ харѳулад,
Утаата кѳнши герте тѳбихѳлд,
Ууксан, идексен бололжи сачад,
Ундасоксан ѳлсексен хамок уурабо.
Адиста, Дорджи джодбо-им, абад,
Алтан зѳрлегинь екелд омшихула,
Дмиде магин сѳзѳк орад,
Адис абохар шипердд, суубо би.
Дун - айисинь тодорха сонсохар,
дуг гигд ѳмдѳрин суубо би.
Дорджи джодбо-ин зѳрлегин аршаагар,
Дотором таалад урсад одобо.
Дорджи джодбо-ин зѳрлек дуусохула,
Дараагаран босад, адисто кѳртебе.
Дахан босад намааго одохула,
Деегѳр хѳлдѳд, ѳзел уга бѳдбе.

3.

Хѳритѳ енкер елген салопан,
Хама бѳдксен дзортонь оркад,
Хураджи абоксан еде-аѳуурсан
Хѳйд дѳрхо маг иребе нандо.

Хамодан екин гебелде ханьцоксан
 Халун цокцо,махамудаасан хакцохо
 Хйритй ймин-сумсен, гакмаргаронь,
 Хйрүд уга хаалцодо орохо цаг иребе.
 Күрййлецжи сууксан елген садод,
 Кёбркес, енелйд уульйд үлдебе.
 Күчитй хаана елчинер ирйд,
 Кётлйд намааго абад дәрбо.
 Есе тамьдак зам-хаалоғар
 Ерлек хаана елчи дахуулад,
 Елдеб зүүле ёбййрце дээрар
 Ергүүлйд абад иребе намааго.
 Ймишиктй зуурдин ене бййдел
 Ачита бакшин зйрлек хамогар
 Ймиде мактан сонсоцжи йобосаран
 Алдал уга тамьджи медйд,
 Алмолмолған уга,бата седкелйр,
 Амидва бурхан ораадан залад,
 арго үүлән ухаалан бййцжи
 Ардаасонь ерлек елчийге дахобо би.
 Улум мааран йобохо дутум,
 Узйд уга ймишиктй кёлй
 Учирад йобохо болобо чиген,
 Урдо тйбиксен хёбё мини гед,
 Олон номин тйрнес таботад,
 Упирдакчи Амидван дурлад,
 Уулин урин гииген болок гед,
 Укүс гед елчийн дахобо би.

4.

Долан дабхар дээр доро,
 Дотааран ородок үүден уга,
 Диктй арбан зурга буслексен
 Данггин төмөр күрй дотор
 Олон ймитенй хара-цағааго
 Олоджи йосарань зарцйинь кедек,
 Оршиййнгү сеткелтй номин хан
 Олон елчинйрен күрййлексен суудок.
 Ене йике күрй дотор
 Елдеб зүүлин орнаасо ирексем

Г4.

Енгин зуулим олон ймитен
 Еб-дараагдан олоджи зоғосад,
 Еберйни нерйн дуудохииге күлйджн,
 Ерлек номин хаана ймбнб олоджи
 Еберйн ббкбрджи суугад,
 Еделексен уулесйн келехйр санджи.
 Олон хуроксан ймитенй уулесийге
 Олон зуулйр зарйинь хобана.
 Обдйн дарохо уруу орохо-иге
 Обдгй медекдеджи ирехе гинй.

5.

Ниге кумунй уулим зарйииге
 Номин хан иигеджи хағолбо:
 Нарта делкййде ене кумун
 Нул килинцйр насан йнгбруулдже.
 Ууле урим йосар болохула,
 Ургелджиде йике зобланг еделджи,
 Улан оркорокчи тамдо тусад,
 Уулйн йрилтел, зобохо йосота ене.
 Ене кучитйзйрлегинь сомсад,
 Елдеб зууле зертй-зебетй
 Ерлегин елчинер декме босад
 Ене күүге абад даробо.
 Күмен тере ардан келебе:
 Күмүни бийе олохо уулетй
 Күмүн енде бййдек болохула,
 Келеджи иртемчиде одотон.
 Килинче нуулййсе иеерелджи,
 Күмүнде хоро бичй күргйтен,
 Кексен уулин урйр болохула,
 Кезй тоньлохинь меделжи больши уга.

6.

Баса ниге кумунй зарйииге
 Баатар хан иигеджи хағолбо:
 Барун тббин кумун ене
 Бусудто тусан күргййджи йободжи.
 Биденй зарйин йосар болхула,
 Бата амуулонг еделке зббтй.
 Баатар хана зйрлек сонсад

Баатар хаана эйрлек сонсад,
 Барун-зуунд елчинер босад,
 Буйунта кумииге босхааджи абад,
 Байирта дурдур дахулад,
 Буйунта орона зугур
 Барун дараасонь котлад даробо.
 Тарааланггин олон бурад цурдад,
 Тон уга олон йердл талибад,
 Тере кун ардан келексен
 Темдектд угень ене болобо:
 Барун замба тбур олохо
 Буйунта кун бндек болохула,
 Бугде амитенде мини угеиге
 Батолджи келеджи бгтен гер суроджина бш.
 Буйунта ууледе бийан зарад,
 Бусин тусаасо бичд алзолтон,
 Бугдд мааныи мемзед кецддгд,
 Буи хураксан урдн еделхе болотуха гидже.

7.

Байирхок бдделтд кумунд учирто
 Баатар хан иигеджи эйрлек болобо:
 Барун тибте кумун ене
 Байин учирулта йобоксан бнджи.
 Бдксен кишиктд бактал уга,
 Бусудин едеде шунгхордок санджи.
 Бдддд бддтелен уга гед,
 Бусудто йомо бгдек уга санджи.
 Биденд зардин йосар болохула,
 Берке ундаасохо блскд зоболангта
 Биредин орондо ододжи тдрд,
 Бийини килинц дрилдхе збдтд ене гед.
 Ерлегин елчинер декце босад,
 Ене килинцетд кууге абад,
 Ерке дбрбн мбчинь кулд,
 Ергежи тамин йоралур шибд оруулобо.

8.

Курде ердн дартан бдриксен,
 Кбкшин йаду ббтенд учирто
 Кучитд номин баатар хан
 Кетерке эйрлегень ене болобо:

16.

Ене кѳкшин ѳбѳген кѳмѳн
 Еберѳ бийинь йаду йобад
 Еделбер джирѳал таток болад,
 Еберѳѳѳнѳи кѳлсѳѳѳрен ѳмерилдек санджи.
 Енелен зободжи олоксан олзаасон
 Еберѳ бийѳиньѳ еделбер хасад,
 Енде тенде харѳоксан йаду улусто
 Еде аѳуурсонаасан хобалцодок санджи.
 Ене - номин йосар болохула,
 Енде хураксан буйѳуньѳ ѳѳлѳрен
 Еберѳ сансааран джирѳахо мѳн.
 Ене бѳѳделѳн цааран чин бѳрихѳлѳ
 Ечистень бурхан болоходан маѳад уга,
 Едѳѳ дѳнѳгѳн буйѳе хураксан
 Ерденѳи бийѳе кѳмѳн санджи.

9.

Ене олон ѳзѳгдел ѳзѳд,
 Еберѳ бийѳе минѳи андѳи биширѳд,
 Енде нандо йун учѳруна гед
 Енг зѳѳлѳр ухаалоѳѳи бѳѳбе би.
 Хаана зѳрлек - номин йосон
 Хѳѳте ширѳн ѳзаа - дотѳа
 Хара ширѳр барлад бичексен
 Хама бисѳе тодорха бѳѳнѳѳ.
 Байин кишиѳѳр долъидѳи ѳѳѳши уга,
 Баатар хаана номин йосон.
 Бѳкѳ чидлѳр дииледѳи больѳиши уга,
 Бѳгдин хаана номин йосон.
 Арѳо хууромагар мекелдѳи больѳиши уга,
 Аѳуу кѳчитѳ номин йосон.
 ѳмитен хамоѳиѳге текше сандок,
 Асрангѳуу икетѳ номин йосон.
 ѳѳскеленгтѳ дѳрсѳр онѳѳтоходѳи больѳиши уга,
 ѳѳлиин езен номин йосон.
 ѳлѳѳ дутуѳар ѳнгѳѳридѳи больѳиши уга,
 ѳур уга номин йосон.
 Хойор кѳлтѳсиѳге хѳбѳѳредек уга,
 Хууромак уга номин йосон.
 Хѳѳтеке насиѳге илѳадѳи келедек
 Хѳѳтеке насана езен, номин хан.

17.

НАУЧНИЙ ЦЕНТР
 КЛАССИЧЕСКОГО ИСТОРИОГРАФИИ

Мини немексен сүл ергеце:

Бдүү дунггяйнар бурхан мактодок,
Ииме келәр седкелән меңүүләд,
зальбардак болохула, ном бичик
хамокгиге теедек болохула,
монггол унггота улусин чинер
бсәд, мана омок бндөр болад
сар наран мите мандолад одохо
йосота. Тиимеде құргяйхе уха
ухалохо керектә. Тиикүлә мана
унгго тасрол уга, мана келен
хорол уга йобохо мән, Тииме
йебәл болотуха мән!

Бокшадан түүткер.

Лике хучина халимак туульи.

Бокшада йашал деере сууджи. Йашалин хатхачи
түүге гесәренъ хатхад окопжи. Бокшада уур-
лад келеджи:

"Чамааго, чамааго, би йамаандо келәд,
чини бучир идүүлелек күн би" гед келәд,
цааран нисәд, йамаандо олад келеджи:

"Йамаан, йамаан, тенде ниге йашал бәй-
нә, джәлкен сән бучиртә, ододжи иде" гидже.
Тере йамаанъи хяруу келеджи:

"Йаа, йағола бә, тере йашал чини одо-
джи идехен бәйтехә, енде гүүджи йобоксан
чонаасо ән гидже, хашаағаясан гаводжи
бәйхе мән уга би" гидже.

Бокшаданъ келеджи:

"Нәйә, тииме болохула, би чонодо келәд,
чамааго бәриджи идүүлелек күн би" гед, цаа-
ран нисәд, чонодо олад келеджи:

"Чоно, чоно, тенде ниге тарған йамаан
бәйнә, ододжи бәридже иде" гидже.
Тере чононъи иигеджи хяруу келеджи:

"Йаа, йағола бә, тере йамаағиичен
бәридже идехен бәйтехә, енде бәйксен
адуучинараасо ән гидже, кебетерәйсен

13.

оосоджи җароджи йоболжи бәйхә мән уга би"
гидже.

Бокшадань келеджи:

"Нәһә, тииме болохула, би тере адуу-
чинарточин олад келәд, чамааго цокуулдукчи
алуулдук кун би" гед, шааран нисәд, адуу-
чинарто олад келеджи:

"Адуучинар, адуучинар, тенде ниге чоно
бәһәд, ододжи цокоджи аботон таянар" гидже.
Тере адуучинарань хәрүц келеджи:

"Лаа, йаҗола бә, тере чонийчен ододжи
цокоджи абохон бәһтехә, адууҗан аллад, күү-
нә тараандо орулдукчи олад, ода езенә зарг, аа-
со ән гидже, үкүджи бәһәд билен" гидже.
Бокшадань келеджи:

"Нәһә, тииме болохула, би танаа езенде
келәд, таанарийге хәһчиде хәрүулдук кун би"
гед келәд, шааран нисәд, езенденә олад ке-
леджи:

"Езен, езен, чини адуучинар адууҗан
аллад, күүнә тараандо орулдукчи, чамопо йике
дашккан болохо мән, тедеһән заргинь кел,
хәһчиде хәрүл" гидже.

Тере езен иигәл хәрүц келеджи:

"Лаа, йаҗола бә, тере адуучинаричен
хәһчиде хәрүлхон бәһтехә, еребән йрыбинг-
гән даажки чалад, ормаасон босолжи бәйхә
мән уга би" гидже.

Бокшадань келеджи:

"Нәһә, тииме болохула, би хулҗунаадо
олад, келәд, чини йрыбинг шимүүледек кун
би" гед, шааран нисәд, хулҗунаадо олад
келеджи:

Хулҗуна, хулҗуна, тенде ниге йике
йрыбингтә кун бәһәд, түүнә йрыбинг
ододжи шиме" гидже. Тере хулҗунань
иигелжи хәрүц келеджи:

"Лаа, йаҗола бә, тере йрыбинг
ододжи шимехән бәһтехә, енде сууксен
мисәһсе ән гидже, булунггаасон җароджи

йободжи бññхе мñн уга би" гидже.

Бокшадань келеджи:

"Ньññ, тииме болохула, би тере
мисде чин келñд,чамааго идүүүлдек
кун би" гед, цааран нисñд, мисде
одад келеджи:

"Мис, мис, тенде ниге хулгүна
бултууджи бññññ, ододжи бñриджи
иде" гидже.

Мисень иигеджи хñрүү келеджи:

"Аа,ñағола бñ, тере хулгүнаағиичен
бñридже идехен бññтехñ, енде гүүүлдежи
йобоксан хотона күүкед кббүүдññсе ñн
гидже,ене сууксан ормаасон кñндерджи
бññхе мñн уга би" гидже.

Бокшадань келеджи:

"Ньññ,тииме болохула, би тере
күүкед кббүүдте келñд,чамааго цокуу-
лоджи алуулодок кун би" гед, цааран
нисñд,мисде одад келеджи:

күүүкед, тенде ниге
мис бññññ, ододжи цокоджи алотон"
гидже.

Тере күүүкеденъ иигеджи хñрүү келеджи:

"Аа,ñағола бñ, тере мисиичен
цокоджи алохон бññтехñ, туғулмудан
тñбñд,ниилүлдже окад,ода таньидже
илғаджи абоджи чадал уга,еджинер-
ññсен ñн гидже,цокохо гед, үкүүджи
бññññ биден" гидже.

Тере бокшадань иигеджи келеджи:

"Ньññ,тииме болохула, би танаа
ееджинерте келñд,таанарииге цокулудок
кун би" гед, цааран нисñд, ееджинер-
тень одад келеджи:

"Еджинер, еджинер,танаа күүүкед,
туғулмудан тñбñд,ниилүлджи окад,тана
йике муу кеджи,ододжи теденииге цоко-
тон" гидже.

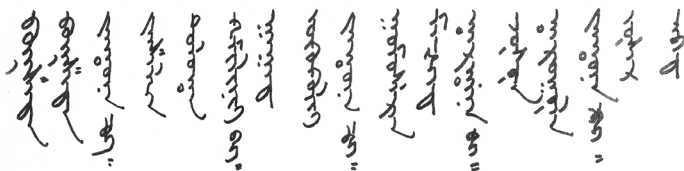
Тере ееджинеренъ иигеджи хñрүү келеджи:

"Ааа, йаголя бб,тере күүкедиичен
бәриджи цокохон бәәтехә,еберән салыкан
уга болад, ноосан тасоджи, еереджи абоджи
чадал уга,тенеджи бәәнә биден" гидже.
Бокшадань келеджи:

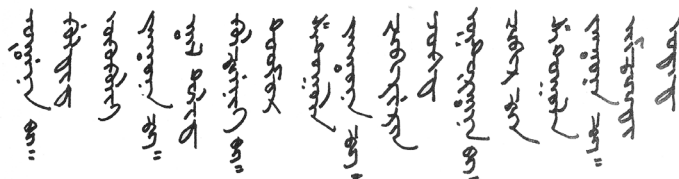
"Нәәә, тииме болохула, салыкандо
келәд,таанчрин ноосо тасачулдок күн би"
гел, пааран нисәд,салыкандо олад келе-
джи:

"Салыкан, салыкан, тенде хотона
емегечүд, ноосан тасочиджи абал уга,
сууна,тере ноосинь тараа "гидже.
Тере салыкань унтууджи кебетексен
бәәджи, чочад серәд,йуу-күү мепеджи абал
уга,үкексен хурдар хурдолад җарад,хүү-
гәд,шуугад,хотар җуәәгәд,емегечүдин
ноосииге җуму"ләд,абад йобад олоджи.
Емегечүд күүкедән цокохар көбгәд гүүджи,
күүкеденъ мисииге цокохар гүүдже,
мисень хулҗунааго бәрихәр көбдже,
хулҗунань җрьибинг шимехәр гүүдже,
езень адуучинаран хәчиде харҗулхар
көбджи, адуучинарань чонииге цокоджи абохар
абохар көбгәд добтолоджи, чононь
йамааган бәридже идехәр гүүдже, йамаань
йашалдан орад, хамтохасодинь идәр
оропже.Тиигәд җмесен сҗмесень чиләд,
хамок йомон ом- амуулонг болад,
д-ирҗәд олоджи.

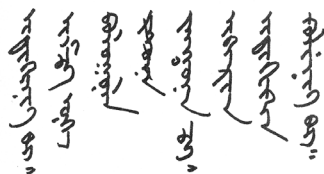
Ниге сән хальмак туулы ене.

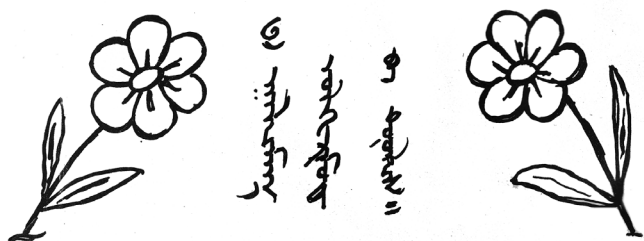
Бокшада, бокшада, йағона чи? Дашалин толоға кемеленн би.
Хахад укукүлн йағона чи? Хомсааран мааджиад ғарғана би.
Цусун ғарохола йағона чи? Усар абад уғаана би.

Көлдән укукүлн йағона чи? Ғал тұлнн көлчиннн би. Туумур
шатохола йағона чи? Лжиберннрен шокад унтурғана би.
Лжибер чин шатохула йағона чи? Ёмчиде одад едегнн би.

Ёмчи чин уга болохула йағона чи?
Ёбернн ешекинн күлннн би.

HOYORDAKČI DEKTER.

HALIMAK ÜĖGERMÜD

BA TUULIS.

KOLİDONGA SODNOM

ORŞİBA.

1978 MÖRİN ŽİL.

NEW BRUNSWICK

NJ. USA.

Baazar Därii.

Halimak kelär keleksen säähän gidek nom. Ene nom yike kezähänä, 17 zun tilde, Zün gharin ghazarto büähne zamando gharoksan nom bolodok bähädelä. Ene nomiige biüksen lamin neren Ööredin noyodudin huruldando oroltsoksan nereni yobona - Kambo Zaltsan hutokto giže. Halimak keleni yir sän, ghantsohon mana kelenä tülä, ene nomiige dasozi abohula, sän boloho mön ged sanad ende oruulobo.

1. Om, Baazar däri hom,
Okon ääki muni zo,
Oraa deere suuzi
Öter mani adisla.
2. Tabun sääber oloksan,
Titem burhan suuzi,
Wütükter nül bükni yi
Türgen zuuro ärilghä.
3. Basa ghurban izurtan,
Bärin dahan suuzi,
Biye, kelen, sedkel i
Bata säätür adisla.
4. Emin burhaWotokdi,
Ende nigen suuzi,
Ene bükni tsag-büsin
Öbečin gem ärilghä.
5. Gigän gerel Ayuka,
Getelekti Ämidva,
Gigän ile suuzi,
Keter kö yi nasa ögö.
6. Sandu zaghra Samandagha,
Sinte Yamandagha too,
Säätür dahan bärte,
Sanaksarin side ögö.
7. Mangla tsagin kürde ve,
Maha mayi too Öcir,
Maši gigän čirä ver
Mani üzen yebääten.
8. Baazar sanda Akčiva,
Belge bileg namtilma,
Berke olon nülilge
Bärin talan ärilghä.
9. Okon tsaghan Däri eke,
Uyin tögös namtilma,
Urto nasa ögüüläd,
Uyin beleğ delgerül.
10. Erken Däri eke vi,
Eke bileg bärimed,
Ene nösöte bürni yi
Egü nikte yebääten.
11. Ketrke yi sidete,
Küdin yike biše zoo,
Kižek ghamsik ärilghä,
Kižek buye delgerile.
12. Manza šire Maadiir,
Maghad yidem burhad,
Mišelzekü čirä ber
Mani üzen yebääten.
13. Dala lama Riböde,
Däkin Vančin erdenji,
Daldur uga yebääten,
Daruni mani adislad.
14. Bodji Sado burum bakti,
Bogda lama Zunkava,
Bodji mörji üzüüläd,
Bürär manji adisla.
15. Uržin Badma Sambava,
Oran čimek Atiša,
Udjirdaži zärlek yer,
Ulmät mani adisla.
16. Marva mile rintsen boo,
Maši olon sideten,
Magha Möriin olon yer
Mani üzen yebääten.
17. Keterke yi äcita
Kelmerekči bandidnar,
Gigänüyin bilek yer
Kelkäri mani adislo.
18. Narva Delova ekelen,
Nayin yike sideten,
Närin onol bütel yer
Niider mani adislo.
19. Ünen zurghan čimek ve
Öndör hošun deede
Onol tabun uhan yer
Ulmät mani adislo.
20. Ghorbon tsagin itkäl,
Ghučin tabun burhad
Ghutamsik ärilghä
Ötör mani adislo.

21. Būgde mingghan burhad
Bōke Bodji sadonar
Bodji hutok oluulad
Būūrār mani adislo
22. Arban zurghan šūtān bii
Ali bize hutoktan
Mmin nasa urtohaati
Abuurakci niğūleskü.
23. Hamok burhan, deede nom,
Ghāhimšiktā hoborgud
Hamok irem kūsliige
Hanggan sūātūr sōōretehā.
24. Badma Hayang Rovava
Baazar Vani kilingte
Berke šolmos čōtkeriige
Bārin kūlen ekčilme.
25. Maha ghal, erlek han,
Mansar okon tengger
Mani ōdōr sōōni dō
Mağhad sakin sōōrtehā.
26. Erken ene Nerāšāš
Ōdōr būri nasatu
Emgenekū sūzūk yer
Egešilen durdamu.
27. Durdan durdan zalibarmakci
Dabhar dabhar sidiige
Daru daru ōğūlād
Dākin dākin adislo.
28. Ūnen ghorban erdenjin
Ūnen yike adis tidār
Ūlzā hutok orsuulad
Ūnendū bāhū bolotuha.
29. Ghāhimšiktā Nerešā,
Kambo Zaltsan Hutukto
Hahar haye holbozi
Hamtu nige nāārū bō.
30. Ene hamok āmiten
Ešis tōrliin ūyinde
Soko Bodjin orondo
Hamtu tōrōkū boltuha.
31. Gevā deye nurdudak
Baazar Dāri rybžurni
Rova žikten maluva
Deye sala ghomboršik.
- Ene sūlin sūlūgeni tōbōd kelār keleksen
bāāzi. Bakša Sanža-Ragba (Menjkov) ūnūūgin
čin halimak kelenūr orčuuloksan bāāze, bolobo
tereni tiime daršiloghota bolozi uga, utohini
medūūleksen bolozi gharana.
Buyin ūğār tūrgen bō; lama burhan būtāğgād, āmiteni nigen
čin ūldāl uga, taraalanggin orondū bāālgāhū bolotuha.
Mōrgeksen kiğād tākeksen, namčilaksan bolad dahan bayisok-
sen, durdan zalibaraksan yer ūčūūken buye huraksan hamogan yike
bodjidu zōremū.
Sān amughulong būkendū delgerekū bolotuha.

Sanža Ragba bakši sān uha uhaaloksan bāāzi. Halimak baghačud, kūlūnā ghazartu
ōsōti yoboho kūlūked, eberā kelān bolad nom tūūke hamogan geezi okobuza ged
sanad, ene hamogiis- tūūrbezi biteksen bāāzi. Tūūnā tere bakšin nere kelezi
boloho mōn.
Ene Baazar Dāri nomiige bi tere bakšin bideksiige abad, bagha dōrbōdā, mantsin
kečin Yike čonos āmigi harambin sanvarta hoborokta nomšiad ūlū dutuughini
čikeleksen orsiksān bolona.

Yoton šobuna onol ögölgen.

Ghanzur-Danzur dotoraašo aboksan tuuži mön. Enüüge kesek hoborok ulus mongol-halimak kelenür orcuuloksan bääži. Ende bičiite bäähe tuuže yir sän šördin kelär, halimak dekterin kelär bičeksen bääži, Basa kelendeni durlad ende oruuloži bäähe kerek.
Sanža-Ragba bakši ene tuužiige halimak külkedte ged sanad bičeži ögöksen bääži.

Ilgän töksen ülekse (Burhan bakši = Buddha) yer zärlek bolba:
'Gelong nughud, ahin ulumdo zalughin ulumar kündekekü, čihul kündekekü inu, deede nomin yobodol mōri sän mön. Zalu nughud, ahin ulumdu tere metü ülkedkü bō.

Urida olon ghalbin tsa-taldu, Bari Nasi kemekü nige orondu, Tsangžin kemekü neretü han bääksen. Tere anghu balghad amaran žirghan, nomin yobodol-mōri učiral delgereküde boloba.

Tüüni šiltan inu: šö-šughu modona zahadu dörben ämiten - Yoton šobun, Tuula, Sarbičin kiged Yike Zan - ene dörben iniglen oršiba. Teden yer urdin šöbörä buyuna küčün yer, bide ahin ulumdu kundeliye keme šiidä, ken kökšän zalughan medekin tüläädä, modon nayirodin yike hožula kökšireksen nigende kemželiže mediya kemeksende;

Yike Zan kelebe: ene modona zalu tsagin šondörin kemžiye mini
šondörin kemželä adali bilä, gibe.

Sarbičin kelebei: mini medekü tsaktu, modon ene bičiken bilä, šondörtän mini biyelä adali bilä, gibe.

Tuula kelebei: Ene modona hoyor nabči šondörtän tabun hurghun bääksen; tende amitahin šüdür toktoksani, bi edelži hanala bi keme, kelebei.

Yoton šobun ene metü kelebei:
ene modona üri ghazartu kebteksene deere, mini köšbreksen unad, hučiksandu šütä, ene modon urghaži gharba, gibe.

Tiged teden ken kökšän zalughin daraghin ulum sayitur meded, ahin ulumar kündekekü, čihul kündekekü ülkeden bääksen bō.

Yoton šobuna zakiksen zakan-zarčim hamgiige, busu nughudar sayitur sonosad:
ämi taslahu, hulha kekü, yobodol busu, hudula kelekü, modona temse iškileg ghašuuni edelkiige tebčed, surghulin oron sayitur säkäd bäbe. Teden iniglen oršiksen sän ölzägar, üülenäšü hur tsaktani bughad, ghazaraasu zemeš-üre sayitur urghuži bolbosurad, tere oron žügin ämiten hamuk edelži hanad, amaran žirghad bāksen bōluge.

Tiged bāhu tsaktu, tere orona han Tsangžina sanandu, ene hamuk bolži bāhū sän učiral ede, mini buyuna küčün mön keme sanad, omok-tšäkim törküde bolba. Tüšmül nughudin sanandu: ene sän učiral hamuk ghaktso haana čün küčün biše, bide tüšmül nughudin čün küčün oroksan bolohu gige, zöbte es baktoba.

Tiged han, tüšmül selte ilerke medeküde, Arši nigen bākseni dergede odad, učiran medülä, šülügebe.

Arši tere ene metü kelebei: ene bolžahu sän učiral hamugin küčün, ghaktso hana čü i, tüšmülmüdin čigi küčün biše; ene hamuk šöghin zaga nigende bādek - Yike Zan, Sarbičin, Tuula kiged Yoton šobun, ene dörben ämiten iniglen orošad, ahin ulumdu ällügin ulumar kündekekü, čihul kündekekü, nomin yobodol-mōri tedken bādek, tedene buyune ölzägar, tedene küčür boloži bāhū, sän učiral hamuk ene mön keme öglbe.

Tere metü ögllekseni sonosad, ghāhemšik töred, han, hatun, tüšmel, albata selte harhuda odad, yağhoži bāähige üzä, yikedä biširä, süžük töräd, tünähse uha-sereš abad, tede han, tüšmel, albata selte tere metü ahin ulumdu kündekeküde merge žin - kitsküde bolba. Tiged Ilghan tögsen ülekse - Bruhan šakši čidekči zarlık bolba: Yoton šobun tere mini urdu törölin nige biye mön. Tuula tere šarin kö'ü-nä urdu törölin nige biye mön. Sarbičin tere Molom-Tona törölin üye nige mön.

Yike Zan tere inu Anandin urdu törölin nige biye mön , kemen zarlık boloksan yer, nõkõd nughudin ahin ulumdu zalughin ulumar kündelekü kiged çihul kündelekü terghuteni surghulin orondü kitsüküde bolba.

Ese zokoldoksana ülger inu: hara tömör alhar amghulongin amani
ündese unggarani taslan üledkü metü;
Zokoldohula ülgereni inu: Yike Zan, Sarbiçin, Tuula, Yoton şobun ede
darughin ulum yer kündelekseni ölzäğär
amoghulong boloksani haruktan.

Ene tuuzi 16/17 zun ilde gharaksan boldok bähäeltä. Tere tsakto ööredin noyodud zöb-zöbtän baktal uga, hoorondan uudo bulaldad, nige niğän ahaluulol uga, kündelet uga, çı bi ged tarzi tasorozi bähksen tsakto, ene tuuziige yime säätür orcuulad, uha bak ged süllin şulgiige dokiyan bolok ged daraduuloksan sanzi giže medekü mön giže bi höbbädän bodozi bähän bi. Torghoda noyon Hoo Örläk, hoşuuda noyon Boyobaghus hoyor şun gharin noyondo Erdeni Baatur hun tääzide orozi ögöşi ugaaghar tulozı yoboksan tsak tere Teden dundo höd unsota noyon Dala gidek dörbödin noyon bi boldok dok ged teden dundo dobdolzi bähksen tsak tere. Tedeniige dundan eb-daraandan baktoton get uha oruulohar ene tuuzi biçeksan kebtä ged bi bodozi bähän bi.

Halimak ülgermüd.

Dörben zun ülüttä halimak ülgermüd tsughluulozi aboksan bähän. Edenär çilebe giže sanzi bolozi uga, Nani çin dala bähäe mön. Tedeniige taldan ulus tsughluulozi abad, eden deere nemäd, nige şın dektek kütsätehä. Bi höbbädän tılırbezi biçebe, şın talani gharad - digläd, uhaaghini ilerki medezi abok ged. Oda bolohula ene ülger şun uçır deerähäse gharaksan mön bö ged medekülä şın bolodok . Nige hoyor ülger yaghozi gharaksıige mededek deerähäse, bi kelezı medülese giže sannona bi.

Altan tologha mende bolohula, arsan mahan hoyor kütsehe mön gidek ügiige böösen kelezı gidek mön. Nige böösen külnä tsuso şimezi, şimezi tertähz'i odoksan bähzi. Ezeni üzäd, bärizä abad, niselezi alahar, niselekülären tere gesiini ilçiläd, tsusini tsatso okoksan bähzi. Ardani böösen üleksen kelezı gidek: altan tologha mende üdebe, arsan maho hoyoriige kütsähzi abozi boloho mön geşän çiräd yobozi, dähäd nige külnä biyede orad, tsusin şimäd, geşän düüregäd abozi gidek mön.

Arghatani aru uulin belde, argha uğani aranzal zerdein sääre deere uyaata boldok gidek ülger gharaksan bähzi çonaaso: nige doghlong çono, kesek dähäd ämiten bähksen hotonur oroksan, köläñ aboksan, oda nige tsöökön baahan çonos dahad yobozi yoboksan bähzi. Tedeni genteken ende bähksen hotonur oriş ged hoton talaksan gharad güldenä. Ene doghlong çono kelezı tedendän - bologhaatan, bologhaatan, nohas çonin ünür deged hurdar abozi okodok mön, teden ekeläd hutsolula, ämiten çin bosad mana ardo orodok mön, gharazi güüge haalgahan medezi aboton giže kelezı yoboksan bähzi. Genteken nohas ekeläd hutsad okohula, ämiten çin bosad, buaghar had abozi. Doghlong çono ardo şider yoboksan, härrürgezi abad, güügäd, arda bähksen uulin belde kürezi odoksan bähzi. Naatoko çonosoni kesegeni bärigäd, külekdezi odoksan bähzi, arghotaasoni ardoko uulin belde kürezi ämide gharaksan sanzi. Tiigäd tere çonos kelezı: arghotani aru uulin belde kürezi ododok, argha uğani aranzal zeerdin sääre deere külätä bolodok mön giže.

Tigäd ene halimak ülgermüd medekülä deged şın. Manda dala şın tuulis bähän. Külnä ghazarto yoboksan halimak ulus ene ülger tuulis tüüksän martal uga yobodokgıni yir şın mön. Ene biçiksıige duudohodo şın bolok ged latin üzüglüldür biçeksan kerek ene bö.

HALIMAK ULGERMUD.

1. Aalige araatodo, arghiige kümünde ögöksen mön gidek.
2. Aalide güüksen kün tsadad iradek, untoksan kün ölöşäd bosodok mön gidek.
3. Aagho tsää uho hoorondan arba höbördek kün muu gidek.
4. Aabo ökkükülä aaghoni (erkeni,sensenä) geräs,
akto ökkükülä arsani geräs bolodok mön gidek.
5. Aabin ämidede ämite tani, aktin säände ghazar tani gidek.
6. Aman, tologhadan arbo mörgäd, üge kelekülä sän gidek.
7. Amaaran altaado küräd,artsogoni bolohula oromdan bäädek kün muu gidek.
8. Amaaran ämite hangghaaghad,baasaaran nohas hangghadok kün muu gidek.
9. Amanaaso ghareksan kii aldo delem bolad sunodok mön,tatozi kele gidek.
10. 'Amtoşiksan kerä arban ghorbo ergezi iredek mön gidek.
11. Alia eke küükedän içäädek mön gidek.
12. Alia kün arban zobolongta,aliban kün hörin zobolongta gidek
13. Aliaado amar uga,soktuudo serel uga bolodok mön gidek.
14. Altan elbek ghazartan üne-uga gidek.
15. Altan kedü udan ghazarto kebtëbë äin önggä/geedek uga gidek.
16. Altan tologha mende bolohula,arsan mahan hoyor kütsekü mön gidek.
17. Altan uulo yirdän sän; altan uulin belär niseksen şobun äin
altan mite şaro bolad üzekdedek mön gidek.
18. Al-tana ööre ulan mönggen äin uniaartad bäädek mön gidek.
19. Altan tsutohoho tutman öngge gharadok,zes bolohula
tsutohohula önggän geegäd yobodok mön gidek.
20. Altan şoraado darokdodok uga gidek.
21. Altiini abozi okad, abdariini hayazi okohula muu gidek.
22. Araato kersü,kün bolohula dabu kersü bolodok mön gidek.
23. Araatola adali meketä,kermenlä adali ghabşun bolohula sän gidek.
24. Aranzal unobo gişe, sartsokto naaldodok uga;
aktormo idebe gişe amando naaldodok uga gidek.
25. Argha ugaado - zargho uga gidek.
26. Argho bilek hoyoriige adalidani bärikülä sän gidek.

27. Arghotani aru uulin belde (kürezi ododok),
argha ugani aranzal zeerdin sääre deere küläätä bolodok mön gidek.
28. Arghomži (deesen,olson) näridekciäären tasordok mön gidek.
29. Arholaata mörin zelääsän holo gharozi äadodok uga gidek.
30. Arban žil atan yobohin oromdo,nige žil buuro yoboksän deere gidek.
31. Arsalang mönggönä ää sonsohula,arsamcin biye äiderdek mön gidek.
32. Aha düü dörbän bolohula, biyede amar;
döran sur dörbän dabhor bolohula, köde amar gidek.
33. Aha ergü - biyän buulidok; dundo ergü - gergän buulidok;
adak ergü - unozi yoboho möran buulidok mön gidek.
34. Aha - aha kebär, düü - düü kebär bäähülä sän gidek.
35. Aholodok ahata, düüledäk düütä bolohula sän gidek.
36. Ahiige alda kündelkülä, düüge - delü kündeldek mön gidek.
37. Agha üzäd emän geeksen ülger bičä ghargha gidek.
38. Abealiaasan haktsohula, amar uga bolodok mön gidek.
39. Abaktan suroksän abiyas,nasanaa tursär dahodok mön gidek.
40. Aktiin sääge uno,zalun sääge daho gidek.
41. Aktin sääge unozi mededek mön;
zalun sääge kerekte yobad medeži abodok mön gidek.
42. Aduuna alagaaso, aaghin alagoni doro gidek.
43. Adisiin yikenı, arsaana bičikenı sän bolodok mön gidek.
44. Adghoksän küükän aabin barun biyede (iräd suuksän) bäädek mön gidek.
45. Asman yoboksän mörinäse, geleng yoboksän haraaso - zaali gidek.
46. Asahorsonaaso - dola gidek.
47. Akto alduurohula, bäriži abodok mön;
üge alduurohula, bärihede berke bolodok mön gidek.
48. Atan temääge arghamžin küčär acidok mön gidek.
49. Äziglohula äzirgha mören äin gesetedek mön gidek.
50. Äciige ese häriüülekülä,asädani muu bolodok mön gidek.

51. Mälide (ayildo) bähhlä kürtedek, alihondo bähhlä amando orodok mōn gidek.
52. Mide kün Āmināsen tsōkōrdek uga gidek.
53. Mide küünāse tsōkōrdek mōn biše gidek.
54. Mide kün arghota, nige ūūde olodok mōn gidek.
55. Midin čirā altan, ūkiksenā čirā ōmsōn bolodok mōn gidek.
56. Mrike uuksan küünā amani hažighar bolodok mōn gidek.
57. Mrike uubo čin uhaaghan geehe mōn biše gidek.
58. Mrike sabaasaw bišingini ebdelek mōn gidek.
59. Mrikin soktu gharodok; adagin soktu gharadak uga gidek.
60. Mribūči kün Āmindān mōritā gidek.
61. Oosor boodok uga ūge keledok kün muu gidek.
62. Omok žimek uga kün ōmāārān gharadok uga gidek.
63. Omok sedkel orto harāš bolodok mōn gidvek.
64. Oloo dākād ergekseen čono uktoni habhokto orōok mōn gidek.
65. Olon ūgin tsōni sān, sān ugin tobčitanī sān gidek.
66. Olon tologhaata mogha nige nūkende ese baktōži gidek.
67. Olomgha keletā kün olon ghazar ergeklide ebetā gidek.
68. Olson nāridekčičāren tasordok mōn gidek.
69. Oroksan boran giidek, ireksen gičener hāridek mōn gidek.
70. Orčilang narana gerlār geegāredek;
kün bolohula surghuuli medel hoyorar geegāredek mōn gidek.
71. Oktorghuudo odod dala, sarin gerelelā adali bolodok uga gidek.
72. Oruuughaaran - gharuughan gharghahula sān bolodok mōn gidek.
73. Ōndōr uulin oraa temtse, ūrgen dalaan eke temtse ged Činggis khan
zāriek boloksān mōn gidek.
74. Ōnči abahula. bere amardok mōn gidek.
75. Ōnčin kün ōōrenči gidek.
76. Ōnčin kün ōōči bolodok mōn gidek.
77. Ōnčin kün ōlōrkek gidek.
78. Ōnčin kūge kūnde tolodok uga, ōlōn nohaago nohaado tolodok uga gidek.

79. Öncin küünde ünén uga gidek.
80. Önder hoşun deere gharhula, nıddıná hoşur handok;
kókın kımıná küünde küllá, éikiná hoşur handok mön gidek.
81. Önggörsen hurriige härü dayilozi abozi bolodok uga gidek.
82. Ölerkesen kün aali häädek mön gidek.
83. Öritá kün ööän gharadok uga gidek.
84. Örin atsan mite, küü darad bäädek mön gidek.
85. Öritá bäähin oromdo, ügäätä yoboksan deere gidek.
86. Öriige udan tatohula, küü ügäärlüdek;
gemiige udan tatohula, éminde haraş bolohodan maghad uga gidek.
87. Ögölegetá kün ükülläsen éin gharodok mön gidek.
88. Ögöksen kün sän; ögöksiige ese aboksan kün ulum sän gidek.
89. Ögöksen kün ügääredek uga, aboksan kün bayızidok uga gidek.
90. Öbödek deerän suughad zirghahin oromdo,
hoyor köi deerän zoghoson bääzi üküksen deere gidek.
91. Öböéin uga bolohula erül; öron uga bolohula bayin gidek.
92. Ösökü malin züsen nigen, örgözikü ulusin üge nigen gidek.
93. Ösökülären - küükem, ötökülären - küüked gidek.
94. Ösäähgä/abona bi ged tásaaghan abona éi gidek.
95. Ösääh häähgäd, tásaaghan abodok mön gidek.
96. Uulo möri zobadok, ur küü zobadok mön gidek.
97. Uulin hartsoha şobun uulan hällääzi nisedek;
ukta küünü köbüün ülger abozi üge keledok mön gidek.
98. Uurok elgenä holoni sän, usun tüläännä ööreni sän gidek.
99. Uyaaghaasan alduuroksan noha kebtäägär güübe gidek.
100. Undok mörin uga bääzi, zora möri surdok;
uudok usun uga bääzi, zomba tsääghini surdok kün muu gidek.
101. Unoksan (kiiseksen) kün ghazar tüşezi bosodok mön gidek.
102. Urghazi gharad uga modondo, urdaasani sükän biéü bülüüde gidek.
103. Urdo gharaksan éikinääse, süülde gharaksan öbör üledok mön gidek.
104. Urdin zuroksan zoraado uurlozi yamaaran tus boloho mön bö gidek.

105. Uhaata bolohula medeži abo, süültä bolohula šarboži abo gidek.
106. Ug muutin ūsen uto, uhan muutin homoson uto gidek.
107. Uga giže uulidok uga, bāānā giže omgolodok uga kūn sām gidek.
108. Uga giksen nige ūge,ee giksen olon ūge bolodok mōn gidek.
109. Utan gharaksan ghazarto ghal ċin bāādek mōn gidek.
110. Uso ūzel uga ghosan bičā tāāli gidek.
111. Usuna ekeni bulok, ulusin ekeni naghotsonar gidek.
112. Usundo unoksan hulghunaado mekelā aźirgha boloži gidek.
113. Usundo (baludto) unoksan temenā ezeni kūčildek mōn gidek.
114. Utotson zūūgān dahodok mōn gidek.
115. Ūāden muutin hōmōrte bičā suu,eke muutin kūūke bičā abo gidek.
116. Unenāāse hāhen biše,zarghaaso hāhe mōn gidek.
117. Ūniini kelekūlā ūkūksen mogha ċin gōrōbkōnā gidek.
118. Ūreni ese uulihula,gharghaksan ekeni ċin kōkō ūgōdek mōn biše gidek.
119. Ūkūke hulghuna miisin sūl zuuži gidek.
Ūkūke hulghuna miislā naadoži gidek.
120. Ūkūke kūn taman hāāži gidek.
121. Ūkūksen kūn ūkūr talan,ūgōksen kūūken odoksan ghazar
talan bāānūlā sām bolodok mōn gidek.
122. Ūkūksenāāse bišingkeni sām gidek.
123. Ūkerin sūl deere utuhan bičā hughulo gidek.
124. Ūge medeši uga kūūnde ūge kelekūn oromdo
Ūkerin ūbōr deere ūbōsō tsatso gidek.
125. Ūge kelekūn kūn kūtsūāāi keleku mōn;
ūge dutu bolohula,ūgin utoho dig uga bolodok mōn gidek.
126. Ūge sōrōkūlā -kerūl, ċidel sōrkūlā - nooldan bolodok mōn gidek.
127. Ūgāātā kūūnā kelekūn ūge, ūkerin mōrōlgenlā adali bolodok mōn gidek.
128. Ūzekin nūāūn, sonsohin ċiken gidek.
129. Ūkūl nasa hāāāādek uga,harghoksiini aboži ododok mōn gidek.
130. Ee ūū giže bāāghāā, elken deerēni ūōke šarodok mōn gidek.

131. Ee gize bāghād, kīzūgini keridek mōn gidek.
132. Eeti gharghaadok, erlek abodok mōn gidek.
133. Emegen ūkūkhāren, kūūked uulihaaran - āālgāādek mōn gidek.
134. Emāi muu bolohula, ūkūl 88re,
eme muu bolohula, ūgāārekūl 88re gidek.
135. Emāi yambar sān bolobo dīn, biyedān tus bolodok uga gidek.
136. Elgen sadan atsan bolodok uga, nige saāzi dem bolodok mōn gidek.
137. Ere naaran nige erdemtā gidek.
138. Ere eme hoyoran zaakto oroksan kūn ergū gidek.
139. Ere nige edūūredek, erge nige nurodok mōn gidek.
Ese endūūredek ere uga, ese nurodok erge uga gidek - deere.
140. Ermelzār yobad emāālde kūredek mōn gidek.
141. Ergād dughurad giide bolohula, ekāi dūūner sāāhen;
ergūūlād dughruulad mōlīkūlā, sūūlīn yasad sāāhen gidek.
142. Erge Turmoto šing - ee gikūlā, arsota mahataaghini šulad
abad ododok mōn gidek.
143. Erge Turmoto-iige buulihula, Ulaāzi odoksan ts88 bešiini
teberād abad gharozi odozi gidek.
144. Eberāni mahan kūūnā hāāsende dādon biše gidek.
145. Eberān kiiseksen kūūked uulidōn biše gidek.
146. Eberā kūn eberā, elān nūdūn tsoohor gidek.
147. Eberā kūn erbeger, kūūnā kūn kobzoghar gidek.
148. Eberā zarīn ūnūr biyede medekdedek uga gidek.
149. Eke etsegin uhan ūren sadon deere, ūren sadona uhan - kōdāāde gidek.
150. Ekin sanan urende, ūrenā sanan bolohula teekte yobodok mōn gidek.
151. Edeni ezān ese dūrahula, ghal tūūmer bolodok mōn gidek.
152. Edede muu uga, ezen deerēni bāādek mōn gidek.
153. Ediige ede bolohiige ezen mededek mōn gidek.
154. Edegeksen h88ni emāi kerek uga,
ghatloksan h88ni onghotso kerek uga gidek
155. Etsege uga kōbūūn, eke uga kūūken yilteng bolodok mōn gidek.

156. Inegin sedkel zobal uga, ðsáátená tab hanghal uga yobo gidek.
157. Íáihán idegááse ögöksen kün muu gidek.
158. Íáir ghutur uga kün, noha ghahaala adali gidek.
159. Íáielán úzekkílá íntsaháðok, inegán úzekkílá iniáádek mön gidek.
160. Yamaana ömnö bíáá zoghoso, mörgézi okoho;
möriná ardo bíáá zoghoso, íškelezi okoho gidek.
161. Yamaana tologha yanzodo orodok uga,
yandoghor hookáin törböde orodok uga gidek.
162. Yosonaaso ááhen bíse, zarghaaso ááhe mön gidek.
163. Yorál uga sabodo yomon torodok uga gidek.
164. Yeráálin eken toson, haraalín eken usun gidek.
165. Naadona sál kerül bolodok mön gidek.
166. Narana iláige toolozi olozi bolái uga;
ghazarín kísiigiige idezi barázi bolói uga gidek.
167. Naghotso ektián abuhula, nasananí turáar áirghadok mön gidek.
168. Nasana dundurto abaliaasan haktso,
haalghín dundurto kálgénáásen haktso gidek haral.
169. Nasana utoní, naadona aharaní sán bolodok mön gidek.
169. Noyon kün tabaaran; ezen kün duraaran bolodok mön gidek.
170. Noyonla naadohula tologha uga,
nohaala naadohula horma uga áldedek mön gidek.
171. Noyona adagoní albata ulustan baatuá,
zalun adagoní eme árendán baatur bolodok mön gidek.
172. Noyonla kereldeksen kün, zönggán gedek mön gidek.
173. Nomohon temán noolohodo sán gidek.
174. Noha aktoloksan kúunde durta bolodok mön gidek.
175. Noha uulihula muu yor bolodok mön gidek.
176. Noha ugaado ghaha hutsozi gidek.
177. Noha nerendán kiime ölgezi gidek.
178. Noha híge búáárkílá, zuu búáárdék mön gidek.
179. Noha baasan kereklekílá, dala ghatolad áin odozi baadok mön gidek.
180. Noha áarhan dolaaázi targholdok uga gidek.
181. Nohan dun sonsokdohula, áiderdán ireksen tere gidek.

182. Nohan gesende šar toson ese toroži gidek.
183. Nohan gesende oroksan šaghan yasan čin bŭten bŭđdek uga gidek.
184. Nohaala hudo bolohula, baasar hŭrem kedek mŭn gidek.
185. Nohaado tŭmŭr kerek uga gidek.
186. Nurghan habsondan, habsun nurghandan tŭšŭr bolodok mŭn gidek.
187. Nige temŭđnŭ horghosondo zun temŭn halitorok mŭn gidek.
188. Nige modon modon biše, nige kŭn kŭn biše gidek.
189. Nige kŭlken naadohula, šuugan tatok bolodok mŭn gidek.
190. Mal asarhula, aman tosota; kŭl asarhula, tologha tsusta gidek.
191. Mal moomorhula, nohaado mŭr bolodok mŭn gidek.
192. Mal kŭlŭren, kŭn bolohula uhaagharan težŭlabodok mŭn gidek.
193. Malian šarho bilerdek, kelenŭ šarho bilerdek uga gidek.
194. Mangghodurko ŭkŭnŭse enderke ooško deere gidek. (buru uhan).
Mangghodurko ŭkŭnŭ tŭlŭ ender ooško idŭd torona bi gikŭlŭ deere.
195. Mahan gikŭlŭ ŭkŭs ged, mal gikŭlŭ gedes gidek muu arbuučŭn abiyas gidek.
196. Mahana tŭlŭ šoran čin tŭleži okodok mŭn gidek.
197. Mašitak targholohula, mahala tordok uga gidek.
198. Monghok erdemŭn amandan, mergen erdemŭn dotoran bŭridek mŭn gidek.
199. Monghok kŭlŭde zargho uga gidek.
200. Mogha gertenŭ orad, eziini kŭžŭi gidek.
201. Moghaago ghorbona kebe čin gŭrbŭđnŭ dŭnggŭn ghardok mŭn gidek.
202. Muu emči muu buho hoyor širek taraadok mŭn gidek.
203. Muu ŭnenŭse sŭn hudul deere gidek.
204. Muu nŭkŭd hoorondan (kereldŭd) gidek.
205. Muu mŭrinde ŭlŭn čin atsan bolodok mŭn gidek.
206. Muu buho oraa deerŭn šora tsatsoži gidek.
207. Muu kŭn ŭgedŭn mergen, moha utoho gharto mergen gidek.
208. Muu harulaaso, sŭn hulhaači deere gidek.
209. Muu zalu gergŭn buulidok mŭn gidek.

210. Muughan üzäd, mokañ ääziläd yobozi gidek.
211. Muughan üzäd, modan derläd yobozi gidek.
212. Muughaašo mongol, säänääse saltar ghardok mön gidek.
213. Mekelä ghärädebe, ghärädebe, balçiktan bäädek mön gidek.
214. Mekelän çal gidek. (nomdo bäädek ülger0.
215. Mekçin nigen, mergenä hoyor bolodok mön gidek.
216. Medekü küünde üge kele, mergen küünde görääse äaho gidek.
217. Möreni nomohon bolohula, ezeni yoboghon üdedek mön gidek.
218. Mörinä sääge uno, zalun sääge dahö gidek.
219. Mönggön tašimardı gidek, bääksen ghazartan hurad bäädek mön gidek.
220. Mönggiige edelçi bardok uga, endülüräd barodok mön gidek.
221. Han nige zakaata, hun nige äülrelgütä bolodok mön gidek.
222. Hamuuta hamuutaaghan häädek mön gidek.
223. Haramçi küünde haana höönä horghoson çin haram bolodok mön gidek.
224. Hara nüdüääse kömsek ghazaa gidek.
225. Harangghuu säö hani biše, hara budando hati biše gidek.
226. Hab uga küünde hantson buruuta bolodok mön gidek.
227. Hatuugo äöölken darodok mön gidek.
228. Häšing (zalhu) küünde haalgha uto bolözi üzekdedek mön gidek.
229. Hoyor uulo harghodok uga, hoyor küñ bolohula harghad bäädek mön gidek.
230. Hoyor költä küñ bäätehä, dörben költä mörin çin büderdek mön gidek.
231. Hoyor költääde baza inek, dörben költääde bothon inek bolodok mön gidek.
232. Hoolašo dabohula - hoto, hoyor köñ ghazarte ese kürküñ - köñgen gidek.
233. Hoolašo möremtehä, öörääse bolohula mörgemtehä gidek.
234. Hobdok mançi hoyor hööbääse äutozi gidek.
Hobdok mançi hoyor hurliin hoorondo hooson toširte gidek.
Hobdok mançi hoyor ömközi gidek.
235. Hotin üürimek horma dahözi gidek.
236. Hotin sääge küünde ögö, hobtsona sääge eberän ömsöö gidek.

237. Hähren uga noyo dahohin oromdo, hämeltä inegin bökö säkeksen deere gidek.
238. Hoto idehein tüllä, hämide bähhen biše,
hämide bähhin tüllä hoto idehe mön gidek.
239. Huučina ügede hudul uga, hobto ünne uga gidek.
240. Huučan hathoksan küükken tsetsen, höötekän sanoksan köbüün tsetsen gidek.
241. Hulhaaci härrü . häkerzi gidek.
242. Hun šobun kedü dokšin bolobo čin, öndögän halholdok uga gidek.
243. Hudul keleži uhaata bolodok uga, hulha keži bayin bolodok uga gidek.
244. Hudukto (usundo) unoksan hulghunaado mekelä aźirgha boloži gidek.
245. Hudulči kün üküksen küügär gerti keži gidek.
246. Hudulči kün ööre bähksen küügän gerti zaadok mön gidek.
247. Höññä süll deere šoran biča hughulo gidek.
248. Höütä ekin zürken hado čolun mite hatuu bolodok mön gidek.
249. Hörem gikülä hobha tologha čin kölbördek mön gidek.
250. Ghantsohon modar ghal šataaži bolodok uga gidek.
251. ghal uga ghazaraaso utan ghardok mön biše gidek.
252. Ghal deere toso kehe mön biše gidek.
253. Ghar gharan tanidok, ghasan šaboran tanidok mön gidek.
254. Ghar in tabun hurghod adali biše gidek.
255. Ghariini ghanzoghodo kürgäd, kölini döřähäde kürgäd gidek.
256. Gharaaran aboksan kün, gharaaran härrü ögökülä sän gidek.
257. Chartan buulikto küükediige taalohodo sän gidek.
258. Gholoksan küükken ghol booži gidek.
259. Gholdo nälälä temähghän geeži gidek.
260. Baatur nige somona, bayin nige zudin bolodok mön gidek.
261. Bayinla bičä zarghotso, baaturla bičä nooldo- šüŋhe ni berks gidek.
262. Bayir yike giže orondan oroži okad, bičä duulo,
zobolang yike ged orondan oroži okad, bičä uuli gidek;
muu yor bolodok mön gidek.
263. Boro gertän bogdo, hara gertän han bolodok mön gidek.

284. Barsin sül bičä bāri;bāriksen hōōni bičä tābi gidek.
265. Boksadaado ese suksan modon uga gidek.
266. Buuro buudok, bothonar bosodok mōn gidek.
267. Busloksan hōōni boloksan toota,
keleksen hōōni aboksan toota gidek.
268. Buru hālāāksen ergede narana gerel tusodok uga;
buruu uhaata kūūnde nomin gerel tusodok uga gidek.
269. Biyāāren biyedān atsan bolohula, muu gidek.
270. Biyān hālāāzi ese aboksan kūn,taldan kīū yaghozi hālāāhe mōn bō gidek.
271. Bōl ulus bōōsān hobaadok mōn gidek.
Belāāāke ulus bōōsān hobaadok mōn gidek.
272. Būtā¹ese ūkūklā, kūūkenā takdighni sān;
ghalzuurad ese yobozi odoksan hōōni, kōōlā duutani sān gidek.
273. Keere honad, ketsū derlād yoboksank kūn muu gidek.
274. Keerin kūūnde ken-yan uga gidek.
275. Kenige ken ese keldek mōn bō,
kenā noha kenūr ese hutsodok mōn bō gidek.
276. Keleksen ūge,kerēksen modon mite bata bolohula sān gidek.
277. Kelende yasan uga ged kelān būlūūlād bāāhe mōn biše gidek.
278. Kelāāren keldūr ked, urulaaran uhur ked yobocho muu gidek.
279. Ker alak āziarghaaso āiire bulok unohon ghardok mōn gidek.
280. Kerā haksan zaraado tusozi gidek.
281. Kerā hana bi ged ōōre bāāksen kūūghān alāzi gidek.
282. Ketsūn usun ghuughan temtsedek,keksen kerek ezān temtsedek mōn gidek.
283. Kōn ōōre kōō bolodok, ōōghin ōōre ōō bolodok mōn gidek.
284. Kōlār yoboksani iredek,kūrzār daroksani iredek uga gidek.
285. Kōnzelin kemāāgār kōlān z'idek mōn gidek.
286. Kūn ahata,debel zahata gidek.
287. Kūn ūncindān, noha gōrūūdān - ūkūdek uga gidek.
288. Kūn ūrinā tūlā, ~~ūrenā tūlā~~ ^{ūrenā tūlā} zōōre zōōdek,hōn bolohula sūllūini tūlā gidek.
289. Kūn boloho bičikenāāsen,kūlek boloho unghonaasan gidek.

290. Kün dönggür, şobun delbenggür deekşün gharodok mōn gidek.
291. Kūūnā uhaaghar kün udan bāādek mōn biše gidek.
292. Kūūnā erāāni dotoroni, moghan erāāni ghazani bāādek mōn gidek.
293. Kūūnā mōri unoksan kün öbkōnezi dobtolodok mōn gidek.
294. Kūūnā gharar mogha bārihede sān gidek.
295. Kūūnā kelende kūd colun cīn hamhordok mōn gidek.
296. Kūūnā keleksenāāse, nohan hutsoksanaaso - āāhen biše gidek.
297. Kūūnā kün kūūnā, kūrniin mahan ömkā gidek.
298. Kūūnā kūūkenā kūzūn būdūn ged āzilin yikini ögōdek mōn gidek.
299. Kūūnā sanan hudulci, burhana sākeksen ünendi gidek.
300. Kūūnā zughu - zughu biše, nohan zora - zora biše gidek.
301. Kūūnde kelūūlel uga, nohaado hutsuulol uga kün yobodok mōn biše gidek.
302. Kūūnde tus keksān kelekūlā, buyini hāriže ododok mōn gidek.
303. Kūūge kün bardok, kūrniige elā bardok mōn gidek.
304. Kūūge kōksān giže, kūūkediige bičiken giže, bičā šoodo gidek.
305. Kūūked kūūnā useni uto bolobo cīn, uhani ahar gidek.
306. Kūūked kūūnā medekseni kūzūūtsā šabor oba gidek.
307. Kūūkān ögōksen kün siikini cīn ögōdek mōn gidek.
308. Kūūtsenggūūgāāse aha buyin uga, kilinggāāse yike kilintse uga gidek.
309. Kūzūn daakson hōōni, tologhan yikeni sān; biye daakson hōōni, kōliin bičikeni sān gidek.
310. Kūūcitāni kūrūkrekūlā, kūūcin ugani berkerdek mōn gidek.
311. Kir cīdelāāren yoboksan kün sān gidek.
312. Kīšiktā kūūnde keeltā gūn kūrtebek mōn gidek.
313. Gūūksen noha yaso kemeldek mōn gidek.
314. Genen kūūnde ghundul yikār kūrtdā yobodok mōn gidek.
315. Ger-mal uga kün, genden nohaala adali gidek.
316. Dalaado dusal nemer bolodok mōn gidek.
317. Dalaadohula āādek, nerāādekūlā handok mōn gidek.
318. Dabsota dalaan ööre hudok maltodon biše gidek.

319. Dolan köbülääse dogholong öbögen deere gidek.
320. Dolan ghäriktä köbüüd gharghahin oromdo,
nige uhaata küike gharghasan deere gidek.
321. Dora zuudok nohaala adali bolohula muu bäritsetä gidek.
322. Durtaadan bulmak ked, dur-ugaadan buda kezi ögödek mön gidek.
323. Dusal dusaalar dusad bääzi,
hada çolu çin hamholozi okodok mön gidek.
324. Demçi saazigha hun bähihede dem bolodok mön gidek.
325. Delkä biçiked deere üldedek mön gidek.
326. Der dorko dääsen gidek.
327. Deged önggötäni höbördek,deged inegeni haksodok mön gidek.
328. Deged tsetsen biyän barodok,deglä ger örkän barodok mön gidek.
329. Deede biyede bääksediige nomaran hangghaghad,
doraado biyede bääksediige ögölgäären hangghaghad yobo gidek.
330. Deede biyär suuksad iniäähülä,doraado biyede suuksad
mirzaadok mön gidek.
331. Takan zülüdende zarro orozi gidek.
332. Tas tarbaaci hoyor nooldohula,kerääde ödön elbek bolodok mön gidek.
333. Täresiige hadozi abodok,ögöksiiige surozi abodok mön gidek.
334. Täbiksen höbe,täbin hoyor tsaasan gidek.
335. Täkemin çimegen hamho tustolon tsoko,
tahiyata ulusiige ibete tustoloni harbo gidek.
336. Tooson gharaksan kiisigääse, toson gharaksan nom deere gidek.
337. Tologha mende bolohula,tokuk şiberlek hoyor oldoho mön gidek.
338. Tologha kelterbe mahlaadan,toha kelterbe hantsondan gidek.
339. Toghos şobun süllän hardok, kün bolohoula nerän hardok mön gidek.
340. Toso tsokoksan kün,hurghudan dolaadok mön gidek.
341. Törlän gholoksan köbüün,törkän gholoksan küiken - muu gidek.
342. Töräd uga köbüünde tömör ölgä beldezi gidek.
343. Tömörin şääge dabtad mededek mön,
mörinä şääge dobtolad mededek mön gidek.
344. Tusiige härü tuslohula şän gidek.
345. Tus keksän kelekülä, buyin härişe ododok mön gidek.

346. Turlok ghalu duraaghad usundo orad, čibeži odoži gidek.
347. Tuulido ünən uga, tülükede hudul uga gidek.
348. Teng tologha kölin zobolang bolodok mön gidek.
349. Tenggerin ögöksende orožim ögä ugani yike gidek.
350. Temän üülin gharahula, tenggerte amar uga;
tenenkä köbüün gharohula etsegede amar uga gidek.
351. Tergär tuula kööži kütšeden biše gidek.
352. Terge dahoksan noha čin terge čireksen bolad sandok mön gidek.
353. Tenggerin muu ärildek, klünä muu ärildek uga gidek.
354. Täkin öbör tenggerte kürtel, temänä sül ghazarto kürtel, udan tsak gidek.
355. Sanaksan sanan hudulči, säkeksen burhan ünenti gidek.
356. Sal deere suuksan ulusin ämini nigen bolodok mön gidek.
357. Sar-möčid dundo körkeniige häläädäk uga gidek.
358. Sakči klünä zürken čičertel, sanaamor klünä ämin gharoži ododok mön gidek.
359. Sakčin köide, sanaamorin tologha öbdödek mön gidek.
360. Sän ulusin naadondo, muu klünä ämin ghardok mön gidek.
361. Sän noha uyaata, sän zalu žindegätä gidek.
362. Sän mörin tergende, sän zalu tülüremde gidek.
363. Sän möriige güdeläreni, sän zaluugo keksen üüläreni šinžildek mön gidek.
364. Sän kün sanaagharan, klürä irebe gidek.
365. Sän klünde muu bičä kee, martoho uga;
muu klünde sää bičä kee, medehe uga gidek.
366. Sän klünde muu kün dur uga,
sarin saruuldo hulhači dur uga bolodok mön gidek.
367. Sän gergen gerin čimek, muu gergen - zutaaghal bolodok mön gidek.
368. Sän sönggeči biyedän tülün gidek.
369. Sän zalu sääber žora, muu zalu modon köšä gidek.
370. Säände zughudoksan, muugo dažiraksan kün muu gidek.
371. Sohor üklürte hudok bičä üzile, uso uuna bi ged hudukto orad,
üküže odoho gidek.
372. Sohoroin ööre nüdän anii, doghlongin ööre kölään öрге gidek.

373. Sööggin erbäkkäs gerel häähghä, ghaldo orad ükezi ododok mön gidek.
374. Suroži aboksan erdem hoto surdok mön biše gidek.
375. Suroksan erдемиге surar čin darži torghadok mön biše gidek.
376. Suroksan muu, suroksiige ese ögöksen ulum muu gidek.
377. Soldola adali čidebe čii gidek.
378. Tsandokto oroži ükükin oromdo, dalado kiseži üküksen deere gidek.
379. Tsaharin han ireklä, tsartsaha čin kölä tinilghaži gidek.
380. Tsagin selgän bolohula, tsasan deere tüümer šatodok mön gidek.
381. Tsag nigär güdek uga, tsäkkär nigär yobodok uga gidek.
382. Tsatoholong künde tsaghan höönä sül ghaşun bolodok mön gidek.
383. Tsatoholong küñ öle mededek uga gidek.
384. Čonin - aman idebe ese idebe -ulan gidek.
385. Čonin amanaaso gharad barsin amando oroži sän uga gidek.
386. Čonin čiken abta gidek.
387. Čiken hudulči, müdün ünenci bolodok mön gidek.
388. Zayani muu künde, zäsänggin tsol kürtedek uga gidek.
389. Zanin sül bolohin oromdo bothona tologha boloksan deere gidek.
390. Zang säätende ämiten hurodok, zaamak säätende zaghasan hurodok mön gidek.
391. Zalu küñ yobon žirghadak, küñküñ küñ sun žirghadak mön gidek.
392. Zalu küñ zöreksären, zandan modon näheleksären bolohula sän gidek.
393. Zalu küñnä säni keere, küñküñ küñnä säni ger dotor medekdecek mön gidek.
394. Zalu küñnä zöregär üüle bütedek mön gidek.
395. Zärlek (nom) sän hoborokto süzügleklü mön gidek.
396. Zuuro alaksan moghaşing, ämide čin üküksen čin biše gidek.
397. Zun küñnä čirä üzekin oromdo nige küñnä nere mede gidek.
398. Zul untorhin ömnö dürsedek mön gidek.
399. Zughu küñ čirä uga bolodok, žora mörin köi uga bolodok mön gidek.
400. Zurghan argho, tabun meke medekdülä sän gidek.

401. Zoroksan zoraaghasan dabodok arga uga gidek.
402. Zöb mahlaado tologha hanodok, zöb ügede zürken handok mön gidek.
403. Zöb uga elgen sadonaaso, zöröksen ulan dääsen deere gidek.
404. Zuurdin zabsar gidek
405. Züülek mekdi mite gidek.
406. Züüldä zöntökäd yobodok muu gidek.
407. Zara zara tiniize oko, zaghsone nüddär hällääzi oko gidek . (naadolghan)
408. Zesin sänj zeberdek uga, zee naghotsoho hoyor höbördek uga gidek.
409. Zee küükän abohula, zelenj hooson bolodok mön gidek.
410. Zöülen kökölghetä tughul hoyor eke köködek mön gidek.
- Süüldäse medeži abozi nemeksen ülgermüä.
411. Aliman isääsen holo unodok uga gidek. (oros)
412. Uso uuzi okad, huduktan bičä nolimo gidek;
däkkä äin uso uuho kerektä boloho gidek. (oros)
413. Küünä mahamud öböäin uga, erül bolohula;
küünde oroksan uhan sedkel äin sän, diktä bolodok mön gidek. (latin)
414. Aboho erlek mite küü bičä ergäd bää gidek.
415. Mä äin äimän uga, takdik küün sän gidek.
416. Ulan hol bolad, yomondo tsadal äin hanal äin uga bičä yobo gidek.
417. Ülde hurtso bolobo äin gerän utolodok uga gidek.
418. Üsen uga eši mite gidek.
419. Yasan uga kelen ged bičä büllüddäd bää gidek.
420. Yasiinj yaarotol, mahiinj salbartal tsoko gidek.
421. Mahanj mahasad uga, sülenj sölešäd uga gidek.
422. Mönggön toondo durta: toolad oruulad, toolad gharghad bäähülä sän gidek.
423. Mönggönde küünä eberägize ilghur uga: toolad ögäd, toolad abad bäähülä sän gidek
424. Mörinä del deere keksen kerek kerek biše gidek.
425. Muu zanggota mozik eme mite gidek.
426. Hamar doro aman bäänä ged bičä buržingnä bää gidek.
427. Hooma küün hoyor yobodolta gidek.

428. Hobdok sedkel yirte hooson gidek.
429. Ghäh deere pad bičä bolad bäh gidek.
430. Bähhülä barazi čadodok uga;uga bolohula olozi čadodok uga gidek.
431. Külü zayahula, kümsiinj čin zayadok mön gidek.
432. Külüähäse mönggö ögöyaghar abohula;kölsinj ögäd härüü ögökülä sän bolodok mön.
433. Gesenj tsadobo čin,hongšaranj hanodok uga gidek.
434. Dähre deerenj dabso biča daghad bäh
435. Ghal deerenj toso bičä keč bäh gidek.
436. Toolko toman uga üge bičä kele gidek.
437. Sän hulhaaci ghazarin holaaso,muu hulhaaci gerin irgähäse hulha kedek mön gidek.
438. Sektughaaso ghalzu häzi gidek.
439. Sedeng kün serüünde gidek.
440. Sal kökö nüdütä,šalbar uga baaboghata gidek. (naadolghan).
441. Čamta bolobo čin,čam uga bolobo čin - ör tsähähe gidek.
442. Conžin kires bolad bičä bäh gidek.
443. Colunaaso bišingkinj ideksen, čonaaso bišingkinj unoksan kün bi gidek. (omoglozi bähhe kün)
444. Ö dörtän hatroksan mörin - sän akto; ügedän küreksen kün - sän ere gidek.
445. Hulhan yumon hoto boldok uga gidek mön.

TSETSEN KÜÜKENÄ TUUZI.

Halimak utuu tuuli gidekten ene.

Orošul.

Halimak tuuljesiige tsughluulozi abozi bičeksen kūn keleksen kūnā abogar bičehilā tere buruu kerek mōn. Basa talan kūnāse iše abad,dahuulozi bičikilā sām boloho yosota. Nemeše Grimm gidek aha-dūū hoyor nere gharaksan mōn, nemeš kelenā ulusin tuulis kelūūlezi abad, bičā olon zūūle tuulis gharghaksan bō. Teden bolohula tere yirin ulus keleksen tuulisin uha utohiinj medeži abad sām dekerin kelār bičā okoksan,āmten taasad, taalad būaksen bō. Tedenā bičeksen tuulis nemeš ulusin biše, Grimm aha dūū hoyorin tuulis boloksan mōn.Oda Grimmin bičeksen tuulis gize kelekdenā. Tere mite biden čin mana egal hara ulus keledok tuulis tsughluulozi abad, keliinj dekerin kele ked,yasad yarad okohula sām boloho mōn. Tere uhaaghar bi ene medeksen utu tuuliige yasad yarad bičeži būāhe sedber ene bō.

Tuulin eken.

Kezhāna nige han būāzi.Or ghaktsohon kōbūūtā būāzi. Tere kōbūūnj anghun, genen būāz'i.Tere han iime muuhon kōbūūn tūnde ireži udiraksando zobad yobad yobodok būāzi. Mini nasan tsak bolad,namaago uga boloksan zamando, ene kōbūūn yaghozi oron nutugan ahalad,olon albatu ulusan zākūād,haana tsol ghar-tan būāriže yoboho mōn bō ged.Haando ulusin ūlū dutughinj medā, dīke gha-ziharanj ilghā,zōb burughinj kelā,yoso-ghosiinj ilghūlūād būāhe kerekūā bolodok.Ene kōbūūn čadoho mōn bō ged tere hamogiige ged uhaalad, uhaandan kūūnād yobodok būāzi.Tiigā uhaalad selbād yobozi, iigeži šiideži: ene kōbūūnde nige uhata,tsetsen kūūkār gerge keži ōgōkūlā, ūnūūnde dem bolad, seb-selbek ōgā, dōnggōnād yoboho ged sanzi. Tere kebtān uhaata,tsetsen kūūle olozi abohar sanad, han tsolan okad,egel hara kūūlūn kūūnā hobotso-honor ōmōsād,haana gertāāsen gharad yobozi. Nige ayilaasa nige ayilur yobad, olon zūūsen ulusla harghad, olon zūūsen ūge kūūnād, yaghozi āmiten būāhiige hālū-ghā,tsetsen kūūkenā zānge surad tōgūūlūād yobozi.

Tiiged yoba yobozi nige hotonur šiderād kūūādireži. Hotona kūūked tughul-mudan tuūzi teegūr gharā,ende arghoso-zorghoso. tsughluulon yobozi,naadā gūūgā,kōōlād yobozi.Han tedenūr šiderād kūūā ireži.Genteken hur šagad orona. Kūūked ya-yu gildā, adoghon-šidegen gerūūren gūūdeži, or ghaktsohon kūūken,tughulan būriksen,bagla zorghoson deerād bōgdīiše suāi. Han ōbōrā, ene kūūken yun ged ūldeksen mōn bō ged sanad,tere kūūkenūr šiderdeži irā, surona: čī yu keži būānā čī ged. Tere kūūkenj āgeži hārū ōgōz'i: nadoko kūūked nige oruuta,hoyor gharuuta bolohula, bi nige gharuuta hoyor oruuta suuna bi gize. Han ene kūūkenā keleksen ūgin utoho medeži uga,tiigā dākād surozi: yun oruu yun gharuu gize keleži būā he mōn bō čī gize. Tere kūūkenj igā keleži medūūleži: natoko kūūked tughulan aldoksan nige gharuu, arghaso-zorghoson norghaksan hoyorāki gharu,bolobo hobtsan ese norghaksan nige oruu; bi bolohula,tughulan ese aldoksan nige oruu,arghoso-zorghoson ese norghaksan hoyorāki,oruu, bolobo hobtsan norghaksan nige gharu gize. Tere hoorondo hur giigā,dākād naran gharad odozi.Hotona kūūked gūūldeži irā, tughulmudan būriže abohar kōōgā, arghoso-zorghoson abad, ashon šider boloksan tastan ger talan gharad yobozi. Tere kūūken čin ger talan gharona. Kūūked tastan kōl nūtsliken,baluudar,tsandogin usar yobad yobozi, ene kūūken bolohula ghostaghan yobad yobozi. Han dākād ōbōrā,yun deerāse ene kūūken ghostaghan baluudar,zandogin usar yobozi yoboho mōn bō ged suruna: čī yun ged ghostaghan baluudar bolad usar yobozi yoboho mōn bō čī gikilā.Tere kūūken iigeži keleži: uso dahad ghazar doraaso olon zūūsen horha mekelā nughud gharozi ireksen būādek.Teden kūūl hazad zuughad čin okoho,kūūnde horo gem čin kūrād okoho

mön, bologhaksan deere giže. Küikenä keleksen üge han taaso: ene küiken orta üge kelezi bänän. Ene küiken uhaata, tsetsen küiken bolodok bädeltä. Enülge säätür medeži aboho mön ged dotoran sanoži. Küikenäse surona: či ene hotondo bädäk mön bö či giže. Tere küiken kelezi: ee, biden ene hotondo bädäk mön biden. Mana ger ene hoton naatoko zahin tsaado biyede, tsaatoko zahin naado biyede, žirin židetä ger bolodok mön giže. Han däkäd suroži: ene hotonur haalgha yamaran giže. Tere küiken iigeze kelezi: šud haaloghar yobohula, ahar boloho, bolbo, taa udan kürekü mön taa, tögääläd yobohula, haalogha utuu bolohu, bolobo taa hurdar kürikü mön taa giže. Han ene ügiinj medeži. Šud haalogho ahar bolobo čin muu ghatologhota, baluudta, önggörekide küčir, dala tsak abodok azu; tögääläd yobohula haalogho uto bolodok, tere haaloghonj tekse haksu, torghulj uga, hurdar yoboži bolodok giže. Niñä küiken mende bää ged kelezi okad, han möriän döc ged dädäd, tögääleng haaloghar yobad, tere hotondo udul uga küräd, hotona ahalaačın gerte honad, mangghadurenj tere küikenä gerüürenj odose ged sanad, tere hotiige eneteke zahaaso abad tsaatoko zaha kürtelenj yobad, härüü tsatoko zahaaso abad naatoko zaha kürtelenj yoboži hääzi, žirin židetä ger oloži aboži uga. Oda yaghodok bähksen mön bö ged sanad, iilän tiilän hälääzi bähтеленj, ötädkiläürke küikena haran nige gerähse gharoksan tord ged üzekdebe. Han ükes ged tere ger tal küräd odona. Tende nige öbögen bähäzi. Han tere öbögenähse surona: tiime küiken ende bänän yu giže. Öbögen kelezi: ee, tere mini küiken, öžä žinä. Hama bänän gikülä, öbögen kelezi: ene hooronö gharoži odola, üüren elgen sadanaruoron odoksan bize giže. Han tere küike küläägäd suuho biše, öbögende kelenä: Bi han bolodok bö; mangghadur ireže čando giže bolona bi, nanda tsarin üšär tarak darad belen keži oko ged zakoži okad, yoboži odona. Ardonj öbögen duu täbäd uulina: tsar üse ögödek uga, tere öbögen tarak daroži belen keži čadoži uga, haana zarghodo harghad, toloaaghan häčide harghuulohe kerek bolobo; oda ele üküdek kerek bolobo ene ged öbögen uuliad suuži. Küiken ger talan küräd irenä. Öbögen dogholong nolimosota suuna. Yun bolobo ged surohula, öbögen kelenä: han iräd, iime hatu zaka ögöži okobo: mangghadur kürtel tsarin üšär tarak darad belen ked okoži oko ged, ireži giže bolona bi ged. Tsar üse ögödek uga, tere tarak belen keži čadaži uga, tiime bolohula tere haana zarghodo orad, tologhaaghan häčide ögöčkü mön ged uulina öbögen. Küiken göböš giže bähne mön uga: mangghadur kürtel dala tsak, ömönähsen tando uuliad unžiad bähne kerek uga, naartan tsähghän uuton ged öbögiige suulghad, tsähghinj sensendenj keži ögäd, untoton ged širdek deerenj, kebtülälä, debelärenj hučad untuloži okona.

Mangghaduronj küiken örtültsän öbögende keži ögäd, däkäd han irekin ömönö biyär öbögiige širdek deereni kebtülälä, tsaghan köntölär hučad okona. Han küräd ireži, küiken tosoži gharad, kelenä: haana zergähse arggul oroton, mana aabo tsaghan tör boloži bänän giže. Han kelezi: yuu kelezi bänän či, zalu kün hamaaso čando tsaghan tör bolodok mön bö giže. Küiken ömönähsen tseb kelezi: A taa hamaaso abola ta tsarin üšär tarak dardogiiğe giže.

Tiigäd tere küiken haago üüläzi okoži. Han öbögende kelezi: niñä, či nando ireži giže bolo. Irekülären öruu-sörül häläsen möri uno, yobohularan haaloghin dunaghur bida yobo, haaloghin öögür čin bičä yobo, mana hotondo iräd mana gerte orol uga, ghaza čin biše suu giže. Tiigäd han yoboži odoži. Ardonj öbögen däkäd duu täbäd uulina. Hamaağhaaso tere öruu-sörül häläsen möri oloži aboho mön bö, yaghoži ghalaghar čin biše, haaloghin öögür čin biše yoboho mön bö. haana hotondo odoži okad, gertenj orol uga, ghaza čin biše yaghoži tere suuho mön bö ged uuliad bänän. Küiken göböš giže bähne mön uga. Mangghadur kürtel tsak dala, ömönähsenj zobad, uuliad unžiad bähne kerek uga, tsähghän uuton, untoton ged öbögende tsähghinj keži ögäd untoton ged kebtüläleži okoži.

Mangghaduronj öbögen bosohula, küiken kelezi: ta yaghoži haanaghar odoho mön ta giže. Keeletä guu möri unad, haaloghin köbähghär dobtolad, haana hotondo odad, haana gerin üläende suughad, üldenä haaghal tatože abad, nurghund deerän hayäži okoton giže küiken etsegedän kelezi ögöti. Öbögen küikenäninj keleksär: keeletä guughän unad, haaloghin köbähghär dobtolad, haana hotondo küräd, haana gerin üläende čokos ged suughad, üldenä haaghal tatoži abad, nurghun deerän hayäži

okad, haana zergähäse sän tabuta bääñä yu ged keläd suuži. Han keleži: naaran oro, ged gerülren oruuloži abad, tšämülmdätä, zakoi: ene öbögiige giče keten, biden hudo boloho mön, enlünä küike bi köbüländän abona bi giže. Tiigä tere tšämülmdäni öbögiige -suuton ged suulghaghad, yu idenä bi, yu una bi gixsen hamoginj aboži iräd, ömnönj täbäd idüliläd, suulghaghad bääži. Uk süldenj han keleži: niää, oda häräd, nige tulom, nige arghamži hoyor abad ire, tulomar čin düüregäd alto hazno keži ögönä bi, arghomžar čin düüregäd akto mörid uyaži ögönä bi ged öbögiige härülileži okoi. Öbögen bayirta, mordad udul uga dobtolad, gertän küreži iräd, külkendän keleži: han čamaago köbüländän abona bi ginä, nige tulom, nige arghomži hoyor abad küřäd ire gibe alto-haznö akto-mörid ögönä bi gibe giklilä, küiken derin šughughaašo tatoži abad nige tulom nige arghomži hoyor öbögende ögöži. Öbögen tere tulom arghomži hoyoran aboži okad, mörin deerän mordad, dobtolad, däkäd haana hotondo küreži odoži. Han tšämülmdätän zakona: ene öbögenä tulomdo düüregäd alta-hazno keži ögöten, arghomžin küremžar akto-mörid uyaži ögöten, biyinj bolohula säänär giče keten ged zakona. Nige tšämülenj tulomin abona, däkäd nigenj arghomžin abona, odoži alto hazno tulomdonj keži ögökär, arghamžaranj akto-mörid uyaži ögökär. Ardon öbögen däkäd giče bolona, idenä bi unašo gixsen hamogin ömnönj täbiže ögöži. Udul uga tšämülmdäni düüregä ögöheä, arghomžidanj akto-mörəd uyašo čin čileži ögöheä giže. Han öbögenähäse surona: yamaran tulom arghomži hoyor aboži ireksen mön bö čä, ese düüredekin ginä. Öbögen ünän keleži: bi medeži bäähe mön uga, mini küiken ögölä giže. Han zakoi: Yobo, odad külkendäsen yamar tulom arghomži hoyor bääksige medäd küřäd ire ged yobuulona. Öbögen mören deerän mordoži abad, dobtolad gertän küřäd, külkendäsen surona: ha namaago ilgähe, čamaašo suroži medeži abo giže, yamaran tulom arghomži hoyor ögöksen mön bö čä, ese düüre dek giže. Küiken keleži: mini tulom bolohula, külinä nälünä tsetsegähär, yomondo hanodok uga kekesen mön. Nige bičiken dabšo tsatsoži okohula, darokdoho mön giže. Arghomži bolohula külinä šörbüşär kekdeksen mön, tasardok uga, sunad bäädek. Nige zahodonj bičiken ghal küřähäži okohula, sunodogonj uuroži odoho mön, tere daranhäš tülünä giže. Öbögen däkäd mörin deerän mordoži abad, dobtolad, udul uga haana hotondo küreži iräd, haando keleži külkendänj keleksen üge. Haana tšämülmdä daranghašin ked, tulomdonj düüregäd alton-hazno ked, arghomžidonj dala akto-mörid uyad ögöži. Ünä hönöni han yike gidek hörim ačazi iräd, suugha külinä suuttea, bossa külinä börbötsä uho idehe yomon täbiži. Öbögen hotan tsughluuloži abad, idad uughad külkän haana anghun köbünde ögöži okoksan bolona.

Ene tuuli utu tuuli gidek tuuli. Iime tuulis hoyor ghorbon tuulisaasa niileksen bolona.

Tiigä ese anggenj ene tuulin čilebe.

Hoyordokči anggenj ekalbe.

Sörelghan. Han medeži abohan hääži bääñä: tsesten küike köbüländän aboži ögöksen, muu boloh, oda keleži yu bäre.

Titel-tiitel bääži bääghäd, han sanoži: niää, oda medeži aboho mön ene tsetsen küiken köbüländänj dem bolho mön bö, muu-sääghini hobaltoho mön bö, selbek boloho mön bö ged. Tiigä sänad, köbülän naaro giže abad iime zaka ögöži - mangghadur kürtel medäd ire, teegin bambaghal öbösen ödörtənj hama yobodogonj, ashondo hama odoži honohiinj giže.

Han-köblün etsege - haana keleksen üge yike uhaandan aboži uga, gertän odad gergendän keleži: mana etsege han uhani härize bääñä biše yuu, nanda iime zaka ögöb - mangghadur kürtel medäd ire giže - teegin bambaghal öbösen ödörtənj hama yoboksige, ashondonj hama odoži honoksige ginä.

Gergenj surona: Taa yuu giže kelehe mön bö taa giže. Han-köblün yumo yike uhaalal uga kelenä: nige ele yomo kelekä bi giže. Ese uga kerek bö ene, teegin bambaghal öbösen ödörtənj hama yoboksan, ashondonj hama odoži honoksonj giže.

Gergenj keleži: uga, tertən tiime biše. Mangghadur taa etsege haando iigeše

keleten. Teegin bambaghal öbösen kelebb: ödörtöng namaago hama öbohiihe salikan mededek mön, ashondo namaago hama odozi honohiige salaa mededek mön giži. Han-köbün manghaduronj odad etsege-haandan gergendänj keleksär kelezi.

Etsege-han bayirlozi: deged sän, deged sän ged köbüügän buuliad bähäzi, niää mangghadur kürtel sanad kürezi iräd, ilghazi mede hoyor adali gün mördäse alikanj ekenj alikanj küükenj giže. Han-köbün basa uhandan etsege-haana keleksen üge abozi bähä mön uga. Gertän iräd gergendän kelezi: etsege han däkäd nando ime zaka ögöb: hoyor adali gün mördäse alikanj ekenj alikanj küükenj medezi kelehe mön ti giže.

Gergenj surona: taa yuu giže kelehe mön bö taa, yaghozi taa tere hoyor moridiige eke küükən hoyoriige ilghazi keleki mön bö taa giže.

Han-köbün dala yomo sanzi bähä mön uga: yun bähädek mön bö tüünde, enenj ekenj, terenj küükən ged kelezi okohula bolad bähä mön ginä. Gergenj ekelezi: uga, tereten tiime biše, taa nige bagla ariyan gidek öböse abozi odad, tere hoyor mörinä dundo tabize ögöten. Ekenj bolohula hatu yozur talkiin idehe, zöölken namci hamogiige küükendän honsaararan tülkäd ögäd bähä, tiigäd taa tere hoyor mörinä alikanj ekenj alikanj küükinj medezi keleki mön giže. Han-köbün tere keleksen kebar nige bagla ariyan gidek öböse abozi odad, tere hoyor mörinä dundo täbiäd, hällähäzi bähghähä-hatuu yozur talkinj ideksiinj eke ged, zöölken namci hamoginj ideksiinj küükən gün ged ilghazi keleksende etsege-han yikär bayirlazi. Tiigäd däkäd nige zaka ögöte: hoyor adali moghasaaso alikonj ere alikonj eme ilghazi mede mangghadur ged täbiže. Däkäd han-köbün uhandan abal uga siigäd bähän. Gergenj surona: yaghozi taa tere hoyor moghasin ere eme-inj ilghazi medekü mön bö taa ged surona. Yun bähädek mön bö - enenj ere, terenj eme mogha ged kelezi okohu bi giže. Däkäd gergenj kelezi: uga, tereten tiime biše, tende nige bičiken halimak ger bärize okoton, tüüni deere basa nige yike ger bärüülezi okoton. Tere bičiken ger dotor zöölken nogha obalozi okoton. tende tere hoyor moghasiige täbiže okoton. Eme mogha tere zöölken mogha/deere gharad kebtäd bähä, eke mogha bolohula tere ger ergäd yobad bähä giže.

Mangghaduronj han-köbün etsege - haanado odad, bičiken ger bärüüläd, düüreg nogha okulozi, dam tenden deere basa nige yike ger bärüülezi, tere gerin totohar hällähäzi alko moghanj zöölken naghan deere kebtäbe, alika moghanj ghaazaahuronj ergäd yobad bähä ged hällähähä ilghazi kelebe. Etsege - han yike gidegär bayirloba, köbünje zakan hamoginj medezi aboksando. Oda ug süülün sörelghan - mangghadur irezi nige modona täretse ilghazi mede gibe, alikanj oraa talko bö, alikonj yozur talko bö giže. Gertan odad gergendän kelezi: mana etsege han kelebe nige modona tärebtäse aliko talkonj oraa talko bö, alika talkonj yozur talko bö giže. Gergenj däkäd surona: taa yaghozi tere hamogiige ilghazi medekü mön bö taa giže. Han-köbün uhandan abozi bähä mön uga: ene zaho oraa talko, tere talkonj yozur talko ged kelezi okohu mön, bolad odoho mön bize giže.

Gergenj kelezi: uga, tertən tiime biše, taa yike tsar häse täbüüläd, tere häsənde düüregäd uso - kelgäd, tere modona täreste te häsen dotor hayaži okoton, tere modon norozi odoholaaran, yozur talkan čibäd, oraa talkan deegör köbäd yoboho, tiigäd taa tere modona öntsok medezi aboho taa giže.

Han - köbün tere gergendänj keleksär - tsar häse täbüüläd, düüregäd uso kelgäd tere modona täretse tere häsenür hayuulad, nortolon küllähähä suzi. Čibeksen öntsogiinj yozur talko ged, určikan talkiinj ora talko ged ilghazi keleksende, etsege han yike gidegär bayirlad bähäzi: köbün deged sän, enenč deged sän ged. Tiigäd tere han medezi uhaata tsetsen küike köbüünän abozi ögöksen muu bolozı uha ged. Uhaata sän gergen abaksan zalughiinj muu-sähä orol tsad, seb-selbek bololtsad yoboho mön ged sanazi.

Ene hoyordakci änggenj čilebe.

Ghorbodokči änggenj ekelezi bähänä:

Sil - ergetse.

Titel - tiitel bähäzi bähghähä, etsege han albatın üülün köbüünän daalaghazi okad, eberän biyenj nebičke suldoksan bolad, taabaran bähksendän anggäčilosə

ged sanad,nige ödör morad gharad, ang-araatas köögäd yobozi deged holoksaan gharad,hama yobohan medezi çadal uga bääzi.Alika üzeğääse ireksän medel uga, aliko üzügür yobohan medel uga,iilän tiilän hääääzi bääghäd, ömnökök ek talaksan gharad yobad yobozi, nige hotonur irenâ. Tereñj taldan haana hoton bääzi. Tere hanj mededek bääzi ene haago,ondin durlad bäädek bääzi, yamar arghar ene haago biyedan oruulozi abohaç,albatu ulusin eberañj albatu kezi abohar. Ene haago irebe ged sonson biyären,namran abozi ire ged tüsmüldän zakona. Tere tüsmülieng ene haago:naartan,mana han taniige ire gibe ged kötläd,haana örgäägür oruulozi okona. Tere han ene haago üzen biyäären: nando oroti ögökr irebö di ged surona. Ene hanj yun ged bi çamdo oroti ögökö mön bö,angghuulad gharad,holoksaan gharad, haalgcho deere bääksen hoton ged oroti irebe bi,neze biçiken zuuro amorti aboso ged ginâ.Tere hanj kelenâ:Uga, di nando oroti ögökö mön di,çini albatu mini boloho mön, bi yaghözi çamaago oruulozi abohar,albatu çini öbörääni albatu kezi abohar sanad bääghätä bi, di öbörän nanur irebe di, sän,nando oroti ögökö mön di ginâ. Ene hanj kelenâ:uga,yun yomo kelezi bäähe mön taa,tiime yumon hama bäädek mön bö ginâ. Tere hanj tüsmülmüdtän zakona: bärüten ene haago, küläd,ghaza külezi okoton ginâ. Tüsimülmüdenj haago bärize abad, tergen deere ghaza külezi okona. Ödörin ghorban aagha uso ögödek bolona. Ghaza hara salikanod,habarin halun narando, çatad, usar bääghäd bääze, etsäd bortso mite bolona. Muudad bääñâ;oda yamaran argho kedek mön bääksen bö ged uhaalad bääzi:niää, oda oroti ögönâ bi ged haando kelüülänâ. Nige biçek biçinâ bi,tere biçegiige ghorban sän zaluusar kürçälge,tere biçek abozi çadad, mini albatu naaran nüüze irehe,çamdo oroti ögöku ginâ.

Tere han ghorban sän zalus süüze abad, belen ked,niää biçigän biçe ginâ,ene han udul uga biçäd,biçigän tere ghorban zaluusto ögäd tääd okona. Tere ghorban zalus möriñi hurdar dobtolad, ene haana hotondo küräd,han-köbünde tere biçeg ögönâ. Han - köbün tere biçiginj abad nomäd,albatunartan kelezi;mana etsege han maniige tiilän nüüze ireten giçe ged.Tere zängge hotona ulusto suugad,tarad yobad odozi - tastan mana han maniige nüüten giçe zakote ged. Han-köbün gertän irekülä,tsetsen küükken zaluughaasan surona:yun man'albatu ulus üümäd bääñâ - nüühe mön ged ginâ. Han-köbün kelenâ:mana etsege han biçik biçeksen bääñâ, maniige tiilän nüü. ireten giçe. Ali tere biçeg ged surohula han-köbün habtohaasan gharghad ene ged gergendän ögönâ. Tsetsen küükken tere biçegiige nomçona.Tendenj iigezi biçezi: Bi ene haana hotondo bääñâ bi.namaago deged säñär kündelesi bääñâ, dörbön talta şirâ deere suulghabo,ödürin ghorban irgin şöib ögönâ. Oda taanar naaran nüüze, ireten.Irekülären mini adundo oruuloksan şine saksak deitâ güü ömnö täbeten, häbergääse oroksan ghorban hutsiige bärize abad,ghal tääten.niçäären gharad yobon giçe bääghäd,darukaranj haalgchin dundurto,ghorbodokçaranj ene haana orondo orohin ömnö. Tastan naaran nüüze ireten giçe biçezi. Tsetsen küükken duodon medezi.Mana haago bärize abad, ghaza şara narando külezi okoksan,çüörin ghorban tsöömü uso ögödek. Zaludan kelenâ,etsege han yu biçeksen medeze bääñâ yu ta,ene saksak deitâ güü ömnö täbi giksen üge çin namaago ahalozi abo giksen üge,oda di nige tsööken sän zaluisan abad ene ghorban ireksen zaluusiige bärize abad, suralgcho hatuughar abad okohula, teden çamdo ünän kelezi ireke giçe. Han-köbün nige arban sän zaluisan dahuulad tere ireksen ghorban zaluusiige bärize abad, hatu giðegär surolgho abad okohula,tedenj kelezi:tana han mana haando oroti ögölâ,tanariige tiilän nüüze irüülenâ bi giçâ giçe. Tere kebetän tere ghorban zalusaaso harul hamok hama zoghosodoç mön bö ged surozi medezi abad, kedü dünggän tseregâ zalus bääñige medezi abad, tere ghorban zaluusiige küläöz okad,öbörääni tseregär gharad yobad, tere haana ghazarto aşon şider küräd,şööni öral krtel küläâ-ghäd, ää timän tasroksana hööni, ämiten untozi odoksan tsakto,tsergären orad,harul hamogudinj bärize abad, hotonuronj orad,haana örgäägünj töğäälete abad, eberääni haazhan sultohaze abad, tedenâ haago bärize küläd,albatu ulusin biyedän abad kürezi ireksen bääze.

Tiigäd ene han tsetsen küüke köbündän aboksan sän boloksiige säñär medäd, sanan amarad, sedkeleni düçreng, ämsen sümsenzirghad bääze.

КАЛМЫЧКО - РУССКИЙ СЛОВАРЬ.

Хальмг - орс толь.

Под редакцией Б.П.Муниева.

Издаетство "Русский язык".

Рецензия Софмана Кульдинова.

"Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории" /КНИИЯЛИ/ при совете министров Калмыцкой АССР наконец издал калмычко-русский словарь /далее К-Р словарь/. Техническое оформление было проведено не местным, а московским книгоиздательством. В Сов. Союзе словари издаются под надзором всесоюзных властей.

Словари, обычно, издаются попарно - русско-калмыцкий и калмычко-русский почти одновременно, но в случае калмыков поступили иначе. В 1964 году КНИИЯЛИ выпустил сперва Русско-калмыцкий словарь, а К-Р словарь выпустил только по истечении 13 лет.

Редактирование этого словаря было поручено Б.П.Муниеву. Он мобилизовал себе на помощь штатных членов института и внештатных специалистов, из которых он создал редакционную коллегию в составе: П.Биткеева, П.Корсункеева, М.Монраева и Н.Убушаева под своим руководством, как ответственного редактора. Судя по фамилиям членов редколлегии, можно думать, что вся работа по составлению словаря находилась в руках калмыков.

О целях и назначении этого словаря составители дали такое объяснение:

"Калмычко-русский словарь содержит 26 000 слов современного калмыцкого литературного языка, а также диалектическую лексику, широко вошедшую вошедшую в разговорный обиход. В словаре представлены устойчивые словосочетания, идеоматические выражения, пословицы, поговорки, героический эпос "Джангар". К словарю приложены список географических названий и Краткий грамматический очерк калмыцкого языка. Словарь предназначен для учащихся и преподавателей средних и высших учебных заведений Калмыцкой АССР, для работников печати, радио и телевидения, для переводчиков и для специалистов-монголоведов в Советском Союзе и за границей."

Составители рассчитывают на широкое применение этого словаря в разных областях и разными деятелями.

Калмыцкий алфавит в этом словаре приведен на стр.16.

Он состоит из полного русского алфавита с добавлением ряда дополнительных знаков для специфических звуков калмыцкого языка, так что общее число букв в нем доведено до 39.

Это больше чем надо для нашего языка.

При осмотре этого словаря у меня часто возникал вопрос, как могли подсоветские калмыки остановить свой выбор на алфавите такого чудовищного состава?!

Ответ на этот вопрос я нашел в статье М.И.Исаева "Решение национально-языковых проблем в советскую эпоху" в журнале "Вопросы языкознания", /номер 6, 1977, ноябрь-декабрь/, где автор говорит: ".....необходимо было создать научно обоснованный алфавит для массового практического применения."

Для координации работы по латинизации письменностей был создан Центральный Комитет Нового тюркского алфавита, преобразованный впоследствии во всесоюзный орган. Под руководством Комитета была предпринята также сложнейшая работа по созданию алфавитов на языках.....советские ученые с честью выполнили поставленную перед ними исключительно

почетную, но столь же трудную задачу по изучению многочисленных разно-
типных языков, усовершенствованию почти всех письменностей и созданию
письма....."

Это показывает, что в Сов.Союзе существует особый центральный ор-
ган, который ведает и определяет состав алфавита для каждой националь-
ной единицы и предписывает применять его, не взирая на все несоответ-
ствия с местным языком, под угрозой наказания.

У калмыков не было сил воспротивиться насилию всесоюзных властей,
но это не означает, что им воспрещается обсуждать вопросов национальной
важности.

Я не против употребления русских букв для нашего языка. Лично, я
предпочитаю русские буквы, чем латинские. Ими удобнее писать наши сло-
ва. С ними надо меньше прибегать к диактрическим знакам в письме. Это
не есть согласие на введение русского алфавита целиком. В нем много
лишних букв. Надо взять только те буквы, которые соответствуют звукам
нашего языка. Незачем нагружать наш алфавит лишними, ненужными буквами.

К-Р словарь с внешней стороны производит вполне благоприятное впе-
чатление: скромное и опрятное издание. Калмыцкие слова и примеры отпе-
чатаны четко, жирным шрифтом, и линия строчек выдержаны в хорошем стиле.
В этом видно дело рук опытных мастеров.

Составители указали, что собрали 26 000 слов "современного калмыц-
кого литературного языка."

В связи с этим мне хотелось уяснить, как калмыцкие слова распре-
делились по буквам и выяснил следующую картину:

А - 44	Н - 26	В - половину
Б - 10	О - 17	е - половину
Б - 62	Ө - 23	ё - одно слово
Г - 18	С - 24	Ж - одну
Г - 20	Т - 57	л - четыре
Д - 49	У - 18	п - три
дж - 10	У - 8	р - две
З - 27	Х - 60	Ф - одну
И - 15	Ц - 23	ю - одну
Й - 5	Ч - 12	я - пять
К - 50	Ш - 30	щ - два слова
М - 26	Э - 18	нг, з, в, н.

Читай: на букву ... собрали слов на ... страниц.

Также мне хотелось узнать, насколько оправдано утверждение состави-
телей и уяснить, сколько действительно калмыцких слов в нем. В этих це-
лях я подсчитал чисто калмыцкие слова на страницах: 50, 51, 96, 100,
201, 215, 284, 318, 486 и 516 и нашел 267 слов в общей сложности, так
что на одну страницу приходится 26.7 в среднем счете. Последующим под-
счетом по буквам нашел несколько больше 17 тысячи калмыцких слов. Сле-
довательно, около восьми с половиной тысячи иностранных слов циркулируют
в языке калмыков. Это показывает упадочное состояние нашего языка.
Почти 33% иностранных слов в речи, это - большой процент примеси. Конеч-
но, есть много слов международного масштаба, которых заменить трудно,
и которых надо употреблять.

В связи с калмыцким алфавитом меня занимал вопрос, что принес
калмыкам так наз. прогрессивный алфавит, благопожалованный великодушно
советской властью?

Под буквой "ё" внесли одно только слово - ёлка, русское.

Под буквой "ж" собрали 18 слов, между которыми имеются ненужные
производные от них и слова, которые не войдут в
калмыцкий разговорный обиход в роде: жаргон, жас-
мин, жетон, железяка и женьшень.

Под буквой "ш" выставили два слова: шетка и ши, русские.

В старо-калмыцком письме существовали особые знаки, т. наз. галик-знаки, которыми выписывали чуждые звуки из заимствованных слов, как звуки "д", "ф" и "в". Эти звуки остаются и дальше чуждыми нашему языку, а потому вводить их в алфавит не следует.

В новейшее время в калмыцкой речи звук "в" фигурирует очень много, но это не означает, что он породнился с нашим языком. Он старается проникнуть в наш язык гусарским способом – оттеснить наш природный звук "б" из вторичных слогов и занять его место, как это видно из следующих примеров: арвн = арбан, алвт=албату, арв=арба, авдр=абдур, тавн=табан, сав=саба, тов=тоб, келв=келбе и т.д.

Подсоветские калмыки пишут эти слова согласно фонетическому произношению в разговорной речи, но это тоже может оказаться ошибочным подходом к своему языку. Это не прогрессивная мера, а ухудшающая язык.

К числу галик-букв надо отнести еще знаки для звуков "л" и "р". Странная аномалия связана с ними. Эти звуки в чисто калмыцких словах не встречаются в начале, а во вторичных положениях не имеют никаких ограничений. Звук "р" в начальном положении остался все еще чуждым и слова с этим звуком вначале, вошедшие в наш язык, были национализированы, сделаны удобными для своего произношения, выставлением гласных звуков спереди, как например: русский = орос, Россия = арси, рак=арак. Звук "л" вначале не подвергся национализации, как это видно на словах, которые вошли в калмыцкий разговорный обиход: лама, ларамба, линхва, лабта, лингдан, лавка, лоотко... и т.д.

В калмыцкой речи встречаются вначале комбинация полугласного "й" с гласными – а, о, у, е, и. Эти комбинации оказались малопродуктивными. Слова с такой комбинацией гласных вначале в нашем языке наберется не больше, чем на 15 страниц. Эти комбинации – йа, йо, йу, йе, йи нельзя еще считать однозначным звуком, как это видно из следующих слов: йасан, йосон, йун, йервд, йисен..... и т.д. Советский правительственный декрет гласил: писать звуки языков национальностей русскими буквами и национальности не посмели возражать против этого. И калмыкам пришлось ломать строй своего языка, чтобы примениться к государственному распоряжению. Вот таким образом калмыцкие слова с комбинацией гласных "йа" вначале пришлось выписывать через русскую букву "я", с комбинацией "йу" – через русскую букву "ю", и комбинации "йе" – через "е". Для комбинации "йо" и "йи" не было знаков в русском алфавите, а потому они остались без изменения, в натуральном виде.

Малопродуктивность этих комбинаций, особенно, ясно видно на комбинации "йу". В калмыцком языке имеется одно только корневое слово с такой комбинацией вначале – йун. В словаре под этим знаком собрали 23 слов, из которых 14 заимствованные, иностранные слова, а остальные – производные от корня "йун". В числе этих производных внесли даже искаженные слова: юмб, юнггед. Правда, они появились давно в нашем языке, но это не может служить оправданием для составителей К-Р словаря. Им – то лучше, чем рядовым людям, надо было знать и уметь различать искаженные слова от правильно развитых слов!

Юмб образовался от йун мбн бб.

Юнггед – от йун гед келебе чи?

В словаре каждое калмыцкое слово снабжено русским переводом и подкреплено примерами из калмыцкой обиходной речи, пословицами, поговорками, загадками, цитатами из народного устного творчества – сказок, песен и очень много из героического эпоса "Джангар". С этой стороны составители дали очень хорошую работу, но эта хорошая работа омрачена рядом мелких недочетов, недочетов не столь лексикографического, а скорее грамматического порядка. Ведь алфавит и грамматика лежат в основе всей словесности. Если фундамент окажется не достаточно солидным, тогда все здание становится шатким. Так и со словарем.

В лексикографической науке рекомендуется алфавитное расположение слов в словарях. Такой принцип применяется во всех словарях в европей-

ских языках с очень хорошим результатом. Составители К-Р словаря применили его, но результат получился не особенно удовлетворительным. Они выпустили из виду, что наш язык принадлежит к числу агглютинативных языков, а потому обладает несколько иными особенностями. При расположении наших слов надо было принять это во внимание. Вот по этой причине надо полагать, что производные слова оказались спереди своего корня или ряд однородных слов обрывается, чтобы дать место чужеродному слову, которое не имеет к ним никакого отношения, кроме алфавитного порядка, как например:

акт	- рысак, породистая лошадь
актёр	-
актлггсн	- холощенный
актлгдх	- быть холощеным
актлсн	- холощенный
актлх	- холостить

Мне кажется, если бы составители обратили внимание на метод модификаций слов в нашем языке, достигли бы лучших результатов. Им надо было знать, что слова в нашем языке изменяются очень простым способом: основное слов + нужный суффикс. Это означает, что суффиксы приставляются к полному слову, корневому или производному. Это мы покажем наглядно на примерах. Возьмем примеры из словаря, на стр. 699 есть такие слова:

эмнүүлгн и эмчүүлгн

и проследим, как они были образованы по правилам нашего языка.

Они были произведены из одного корня, слова - эм, лекарство.

В одном случае к этому корню был приставлен суффикс - не. Это глаголообразующий суффикс. Им образуется глагол с переходным действием:

ем + не = эмне, лечи.

В другом случае к корню был приставлен сперва суффикс - чи. Это именной суффикс. Им образуют имя существительное, обозначающий род занятия:

эм + чи = эмчи, лекарь, медик

К этому слову был приставлен суффикс - ле. Это глаголообразующий суффикс. Им образуется глагол с переходным действием, вот:

эмчи + ле = эмчиле, врачуй или играй роль врача

От глаголов - эмне и эмчиле путем приставления суффикса - үүле была выведена залоговая форма:

эмне + үүле = эмнүүле, дай лечить

эмчиле + үүле = эмчилүүле, дай поврачевать

От этих залоговых форм были выведены существительные путем приставления сложного суффикса - лгн:

эмнүүле + лгн = эмнүүлгн, лечение

эмчилүүле + лгн = эмчилүүлгн, врачевание.

Приведенные примеры показывают путь словоизменения и словообразования. Это - простой процесс, приставлением нужного суффикса к соответствующим основам. Последний суффикс определяет категориальную принадлежность слова. При приставлении суффикса неясные гласные, стоящие в конце, уступают место долгим гласным.

В словаре эти слова написаны без гласных звуков во вторичных слогах. Это нагромождает слишком много согласных букв в словах, что противоречит природе нашего языка.

Неясные гласные стали проблемой в нашем языке с того времени, когда европейские ученые начали изучение монгольских языков в речи и письме. Они заметили неясное произношение гласных звуков во вторичных слогах и старались отметить это в письме: сперва перевернутым е, потом твердым знаком и наконец выпускать неясные гласные из слов. Это нужно было им, чтобы научиться правильно произносить наши слова в речи, но нам не было такой надобности. Наша дыхательная система была

приспособлена к произношению гласных звуков из вторичных слогов *сжато*. Интересная особенность замечается у наших гласных. У них замечается тройное произношение: нормальное, протяжное и сжатое. Гласные в нашем языке играют второстепенную роль. В определении смысла и значения слов в европейских языках играют гласные первостепенную роль, а в нашем языке смысл слов поκειται больше на согласных звуках. Протяжно-выговаривающиеся гласные в нашем языке образовались не слиянием двух самостоятельных гласных звуков, а растяжением произношения одного гласного. Неясные гласные возникли сокращением произношения одного гласного звука. Растяжное и сжатое произношение являются побочными явлениями в произношении нормальных гласных. Это можно представить следующим образом. Скажем, что нормальный гласный произносится вибрацией звуковой волны в продолжении десяти секунд /или долей одного секунда/, тогда растяжное произношение гласного образуется продолжением вибрации звуковой волны от 14 до 20 и дольше секунд или его долей, а неясные гласные получились сокращением вибрации звуковых волн к пяти и меньше секундам или его долям. Если внимательно прослушать произношение гласных звуков в наших словах, тогда вибрация т. наз. долгих гласных продолжается заметно различно, как например в следующих предложениях:

цааран суу	/коротко/	-	дальше садись
цааран суутон	/долго/	-	дальше садитесь
деекшән суу	/коротко/	-	подсядь выше
деекшән ире	/долго/	-	иди наверх
муу келджи	/коротко/	-	оговорили
биçа муу келе	/долго/	-	не оговаривай
кблән уруу кее	/коротко/	-	опусти ноги вниз
биçа кблән уруу кее/долго/	-	-	не опускай ноги вниз

Продолжительность вибрации долгих гласных в словах — цааран, деекшән, муу, уруу и кее меняется от того, какой смысл говорящий вкладывает в них.

Долгие гласные в наших словах слеует писать двойным знаком, не обращая внимания на продолжительность звуковой вибрации.

Неясные гласные в наших словах вибрируют с различной продолжительностью, от заметного до едва заметного вдоха, но это не оправдывает исключение неясных гласных из слов в письме. Слова с нагромождением ряда согласных букв выглядят неестественно, и оставляют отталкивающее впечатление. Ученые Калмыкии не удовлетворились таким писанием своих слов, а продолжают обсуждать, изучать и выдвигать предложения о том, как разрешить проблему неясных гласных и растрасти чрезмерное накопление согласных в наших словах. Эти предложения вертятся вокруг полного или частичного восстановления неясных гласных в наших словах. В обсуждение этой проблемы включился Др. Араш Борманжинов с предложением о введении некоего "шва" для разряжения скопления согласных знаков в словах.

Ученые Калмыкии ограничены в своих действиях. Они должны руководствоваться и следовать предписаниям всевозможных всесоюзных органов, а потому ограничиваются докладами и предложениями в своем узком кругу, но не смеют реализовать свои идеи в практике, на письме, без одобрения всесоюзных начальников. Углублением изучения всех видов модификаций слов в нашем языке и определении роли служебных суффиксов разрешили бы эту проблему почти на сто процентов.

Выписывание неясных гласных в словах знаками нормальных гласных меньше повредит языку, чем исключение их из слов. Выставление гласных в словах может даже благотворно повлиять на прогрессивное развитие нашего языка.

Составители К-Р словаря внесли много слов, образованных по примеру халха-монгольского языка, как например:

аҕарго — безвоздушный бәргго — невыдержанный

амрго	- беспокойный	баргдрго	- неиссякаемый
амрлгто	- неустанный	байрго	- безрадостный
анхрлго	- невнимательный	бйрмгто	- необоснованный
ййлгто	- храбрый	хамкллгто	- неломашущий
икклгто	- нелзягающий		и т.д.

Отрицательная частица "уға" в нашем языке, кажется, идет в направлении к слиянию с предходящим словом – именем существительным и глагольной формой изъявительного наклонения, как это видно из следующих примеров:

больши-уга	- нельзя	зэб-уга	- занятый
дун-уга	- безгласный	уне-уга	- дешевый
дур-уга	- нелюбящий	збб-уга	- бесправный
дем-уга	- беспомощный		и т.д.

Отрицательная частица "уга" все еще стоит без изменения, самостоятельно и выговаривается ясно и четко, так что ее нельзя сливать насильно с предходящим словом и то в очень искаженном виде. Это не прогрессивная мера. Такие слова не улучшают наш язык, а скорее искажают, потому надо их избегать!

Если составители желали перенять что-либо из халха-монгольского языка, то им надо было брать слова, нужные для разговорного обихода и составленные правильно по законам нашего языка, как например, слово – асуудал, вопрос.

В словаре встречаются очень много слов в формах родительного и орудного падежей. Падежные формы слов, обычно, не включают в словари, но в нашем языке формы слов родительного падежа могут играть роль определительного слова и тогда, как прилагательное слово, могут быть включены в словари. А формы слов орудного падежа часто являются в роли наречия и, как таковые, могут быть включены в словарь. Но дело в том, что формы слов родительного и орудного падежей, могут явиться не все определительным словом и наречием, а потому поголовно выставлять в словаре формы слов родительного и орудного падежей не следует.

Более подробно скажем об них в другой статье, где я буду разбирать основные положения, выставленные в "Кратком грамматическом очерке калмыцкого языка".

В калмыцкой обиходной речи часто употребляются парные, двойные и звукоподражательные выражения.

Парные слова состоят из двух самостоятельных слов. Әрикe-чигән, ааго-шанго, ухур-серй, келен-аман, хамар-аман, еке-еңгe, еме-үрен, гербул, атан-марган, емеген-бббген..... и т.д.

Двойные слова составляются повторением первого слова, но с некоторыми изменениями. В случае слов, начинающиеся с гласных букв, выставляется спереди соответствующий согласный звук, как например: альман-дальман, аран-маран, олон-сопон, ууло-сууло, елбек-делбек, икир-микер... и т.д. А в случае слов, начинающихся с согласных звуков, во втором слове

заменяют начальный согласный звук другим, соответствующим ему согласным звуком, как например: насан-дасан, махла-сахла, сам-мам, сомон-помон, таран-маран, тйкй-мйкй, чееджи-мееджи, черек-мерек, балуд-салуд Слова, стоящие во втором месте, в двойных выражениях не имеют самостоятельного значения, а являются только усилителем смысла этих слов, поэтому нельзя их выставлять в словаре, как например: делвг /196/, дов /202/ и т. д.

Звукоподражательные слова строятся по типу двойных слов, но только они являются односложными, корневыми словами, как например: пиш-таш, таш-пиш, сирд-сирд, пирд-пирд, под-под, тонг-тонг, пинг-пинг, шард-шурд, под-под, джигт-джанг и т.д.

Слова – джаз, джигит – поставили под буквой "д", а потом слово – джигит – выставили во второй раз под буквой "дж".

В словаре я не нашел ряда слов, которые часто встречаются в кал-мышкой обиходной речи, как например:

адруг	-	грубиян, скандалист
алангго	-	ведьма, хитрая женщина
гуульго гуу	-	просить милостыню
дуулан	-	всеночная служба
хамхок	-	пористый, губчатый - хамхок сасан
дууджа нет, есть дууджинг	-	колыбель
джаджур нет, есть джаджвар	-	жвачка
хархайик нет, есть архайк	-	хлопья снега
джамагул нет, есть джамаул	-	дикий лук

Последнее слово представляет интересное явление в нашем языке. Это некое диалектическое коверканье слов, где согласные переставляются, как это видно из следующих примеров:

махала	=	малаца
мекелд	=	мелегд

Вероятно, точно такого же происхождения изменение гласных звуков в словах, как например:

уул	=	убул
хурим	=	хорим
уучи	=	убучи
мурьн	=	морьн и т. д.

В калмыцком языке встречаются много омонимных слов. Они еще не исследованы надлежащим образом. Вот пример из словаря: ора /400/. Составители К-Р словаря отметили в нем следующие значения:

- I. вершина, макушка, купол, но пропустили значение крыша
- II. поздно
- III. строптивый, необузданный

В этом слове кроется еще глагол с значением - обяжи, повяжи. Он указан только в своих производных оборотах. От этой основы образованы четыре глагола: ораа - обяжи, повяжи, ораало - покрой дом крышей, ораато - бей по голове и ораато - опоздай, прииди позже. В словаре показаны страдательные формы этих глаголов:

орагдх	-	страд. от орах
оралгдх	-	страд. от оралх
оратгдх	-	страд. от оратх /стр.401/.

В моем понимании, при определении залоговых форм у наших глаголов надо принять во внимание характер действия. Наши глаголы образуют залогов не в одинаковой степени.

Глагол "ораа", обяжи, показывает действие переходное-непереходное. Его действие может оставаться на говорящем или отразиться на объекте. Глагол - ораало, покрой дом крышей, показывает только переходное действие. Глагол "ораато", бей по голове, - переходное действие, а глагол "ораато", опоздай, - непереходное действие.

Ораа, повяжи, может образовать все пять залогов.
ораало и ораато могут показать только три залога.
ораато, опоздай, может показать только два залога.

Суффиксы в нашем языке приставляются механически, но только признание их в обиходной речи может оправдать существование этих форм. По-моему, нельзя никак говорить - оратокко.

На ошибках надо учиться и побиваться прогресса. В переиздании надо учесть все недочеты, имеющиеся в настоящем издании. Этого мы и пожелаем от всего сердца ученым Калмыкии.

Ene dekterte bäähe oršulmud:

1. Baazar Däri, nom,
2. Yoton šobuna onol ögölghan, tuuži,
3. Halimak ülgermüd,
4. Tsetsen küükänä tuuži, uto tuuli,
5. Halimak-oros tolin uıırtı (oros kelär bičeksen).

Ene dekterin oršulmudiige latin üzügär bičeksen mön. Enä ösözi
bäähe küüked oros üzük ese tanidak deerääse iigäd bičeksen mön. Latin
üzük teden tanidak,tiigäd ene bičeksiige nomšad čin bääbüzdä ged sanad.

Ende oroksan halimak kelen ene dekterin halimak kelen boloho mön.Egel hara
ulusin kelen taldan bolodok,tere kelär bičehed@muu ged sanad iime kelär
bičeksen mön. Enüüge nomšohin tılıä,kesek üzügüd taniže medekü kerektdä:

oı Y = gh : ghoson,ghal,ghar,ghalun....

ƒ u = š : šara, šora,šiker, širdek.....

√ ı = ts : tsasan,tsetsen,tserək,tsoktso,tsorgho.....

đ ʀ = č : čad,čolun,čidel,čamdo, čadır.....

đ ʀ = ž : žil, žide, žora, žuurok,žirghal.....

Ene dekterin uıırtı kelekü yumon bäähülä,kelkü sanaata bolohula,

ene mini hayak;bičeksen küünde yike gidegär hanži bayarloži bäänä;

Iime dekter gharazi bäähede dem bolaho sanaata kün, halimak kün boloho

tutman deged šän,bičeten,nerän ögöten giže suroži bäänä bi.

Mini hayak ene bö:

Sodman kuldinow
1917 Arlington Ave
North Brunswick,NJ. USA. 08902.

Кольдонга Содном

«ЖИТЬ СВОБОДНО ПО СВОИМ ОБЫЧАЯМ...»

Духовное наследие калмыцкой эмиграции.

Редактор – Р. Г. Саряева

Верстка – Д.В. Татнинов

Сдано в печать 28.04.2018.

Формат 84x108/32. Усл. печ.л. 19,95

Тираж 300. Заказ 31-17.

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8.

Кульдинов Содном Санжинович (Кольдонга Содном, 1911–1994) – представитель калмыцкой эмиграции в США. Окончил Белградский университет. Продолжая традицию старшего поколения эмигрантской интеллигенции, собирал образцы устного творчества среди своих соотечественников. Записывал сказки, пословицы и поговорки, которые издал ротاپринтным способом в двух сборниках: «Хальмак туульис. Түрүн дектер» (1977 г.) и «Halimak ülgermüd ba tuulis» (1978 г.).

После переезда в США С. Кульдинов на свои средства издавал «Kalmuk Bulletin». В мае 1991 г. он опубликовал «Бюллетень» под названием «Кольдонга Содномин сүл герес үге оршиба», в котором были помещены шесть статей различного содержания.

С. Кульдинов является автором двух крупных работ: «Судьба донских калмыков, их веры и духовенства» (1984 г.) и «Контурь ойратской истории» (1992).